

Н.Б. Виноградов

ЮЖНЫЙ УРАЛ В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Министерство культуры Российской Федерации
Государственный исторический музей Южного Урала
Министерство просвещения Российской Федерации
Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет

Н. Б. Виноградов

ЮЖНЫЙ УРАЛ В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Научно-популярный очерк

Челябинск
2022

УДК 902(470.55)
ББК 63.4(235.55)
В49

Научный редактор

А. Д. Таиров, доктор исторических наук

Рецензент

С. Г. Боталов, доктор исторических наук

Виноградов, Н. Б.

В49 Южный Урал в древности и Средневековье : науч.-популяр. очерк /
Н. Б. Виноградов. Челябинск, 2022. 449 с. : цв. ил.

ISBN 978-5-905081-29-3

Настоящий очерк — не только основанное на современных материалах авторское видение истории Южного Урала в древности и Средневековье. В него добавлены главы о следах древних цивилизаций в памятниках археологии края и о месте Южного Урала в древней и средневековой истории Евразии. Издание завершают примеры авторского опыта практического использования разнообразных сведений по древней и средневековой истории Южного Урала. Перечисленные выше изменения в содержании книги сделаны исключительно исходя из их возможной полезности для читателей. В отличие от издания 2015 года тексты в настоящей книге обращены не только к студентам, но и ко всем, кому интересны сюжеты, связанные с древней и средневековой историей края.

ББК 63. 4(2)
УДК 902(470. 55)

Дизайн обложки: Н. Пашкова

На обложке: картина Ю. Шмелева «Большое Иткульское городище» и каменный жертвенник из окрестностей с. Каракульского Октябрьского района Челябинской области (фото В. Жирохова).

ISBN 978-5-905081-29-3

© Виноградов Н. Б., 2022
© Государственный исторический музей
Южного Урала, 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	8
Глава 1. Современная археология. Какая она?	15
1.1. Методы современной археологии.....	15
1.2. Связи археологии с другими науками	19
1.2.1. Трасология	20
1.2.2. Экспериментальная археология	23
1.2.3. Археозоология	27
1.2.4. Аэрофотография и космические снимки	29
1.2.5. Палеоантропология	31
1.2.6. Палеоклиматология	32
1.2.7. Геоархеология и археологическая минералогия	34
1.2.8. Геофизические методы в археологии	38
1.2.9. Ядерная физика и датирование событий в археологии	38
Литература	41
Глава 2. Минералы в жизни южноуральцев в древности и Средневековье	42
2.1. Природа и климат Урала в жизни древних людей	42
2.2. Тайны каменных орудий	49
2.3. Тысячелетия познания минералов	55
2.3.1. Яшмы	55
2.3.2. Кварц (горный хрусталь)	59
2.3.3. Серпентинит и похожие горные породы	61
2.4. Древнее металлопроизводство и минералы-руды	62
2.4.1. Медьсодержащие минералы. Орудия рудодобычи, обогащения руды и металлообработки	64
2.4.2. Тальк	68
2.5. Граниты в древности и Средневековье	70
2.6. Нефрит	73
Литература	75
Глава 3. Источники изучения древней и средневековой истории Южного Урала	76
3.1. Письменные источники	76
3.2. Археологические источники изучения древней и средневековой истории Южного Урала	78

3.3. Война людей со своей историей	80
Литература	85
Глава 4. История изучения древней и средневековой истории	
Южного Урала	86
4.1. Исследователи XVIII века и археология региона	86
4.1.1. Петр Иванович Рычков (1712–1777)	86
4.1.2. Петр Симон Паллас (1741–1811)	88
4.1.3. Иван Иванович Лепехин (1741–1802)	89
4.1.4. Иоганн Петер Фальк (1732–1774)	90
4.2. XIX век в истории археологического изучения Южного Урала.....	91
4.2.1. Александр Никифорович Зырянов (1830–1884)	91
4.2.2. Петр Андреевич Слобцов (1767–1843)	92
4.2.3. Руф Гаврилович Игнатъев (1818–1886).....	93
4.2.4. Уральское общество любителей естествознания и археология региона	94
4.2.5. Владимир Яковлевич Толмачев (1879–1942).....	95
4.2.6. Владимир Павлович Бирюков (1888–1971)	96
4.2.7. Константин Андреевич Шишковский (1834–1907).....	97
4.2.8. Оренбургская ученая архивная комиссия	98
4.3. Археология Южного Урала в XX веке.....	100
4.3.1. Николай Кириллович Минко (1880–1920)	100
4.3.2. Сергей Николаевич Дурылин (1886–1954)	101
4.3.3. Константин Владимирович Сальников (1900–1966)	102
4.3.4. Археологические исследования 1930–1940-х годов	103
4.3.5. Уральская археологическая школа.....	104
4.3.6. Геральд Николаевич Матюшин (1927–2000)	105
4.3.7. Археологические исследования ученых Института археологии АН СССР.....	106
4.3.8. Археологические работы ученых региона в 1960–1970-е годы	108
4.4. Археология в Челябинске	111
4.5. Археология в стенах ЧГПИ / ЧГПУ / ЮУрГГПУ	118
Литература.....	128
Глава 5. Палеолит. Древнейшие обитатели Южного Урала	130
5.1. О природе и климате в палеолите	130
5.2. Памятники древнейшей истории в крае	131
5.3. Хозяйственная жизнь древнейших южноуральцев	140
5.4. Развитие техники в палеолите	145
5.5. Древнейшие святилища в регионе	149
Литература	156
Глава 6. Мезолит Южного Урала	157
6.1. Природа в мезолите Южного Урала	157
6.2. Мезолитические памятники	160

6.3. Изменения в хозяйственной жизни.....	161
6.4. Сокровища из торфяников	164
6.5. Мезолитические святилища.....	169
Литература.....	171
Глава 7. Неолитический период истории Южного Урала	172
7.1. Природа и климат в неолите	172
7.2. История изучения и памятники неолитического периода	172
7.3. Изменения в традициях изготовления каменных орудий	176
7.4. Начало истории гончарства	179
7.5. О погребениях неолитических южноуральцев	182
7.6. Святилища неолитического периода на Южном Урале	183
7.7. Святилище на озере Большие Аллаки	184
Литература	187
Глава 8. Южное Зауралье в эпоху энеолита	188
8.1. Природа и климат Южного Зауралья в энеолите	190
8.2. История изучения энеолитического периода в Южном Зауралье	190
8.3. Изменения в технике обработки камня и типах орудий	193
8.4. Изменения в энеолитическом гончарстве	194
8.5. Архитектура энеолитических поселений в Южном Зауралье	195
8.6. Хозяйственно-экономическая жизнь обитателей Южного Зауралья в энеолите	195
8.7. Погребальные обряды энеолитических людей в Южном Зауралье	195
8.8. Энеолитические святилища в Южном Зауралье	197
Литература	201
Глава 9. Южный Урал в бронзовом веке	202
9.1. Природа и климат региона в бронзовом веке	202
9.2. Начало металлопроизводства на Южном Урале	203
9.3. Древнеямная культура в Оренбуржье	210
9.4. Памятники синташтинского типа в Южном Зауралье	214
9.4.1. Укрепленное поселение Синташта I	216
9.4.2. Синташтинский могильник и тотальное богатство неясного происхождения	219
9.4.3. Укрепленное поселение у поселка Черноречье (Черноречье III)	228
9.4.4. Могильник Кривое Озеро у поселка Черноречье Троицкого района	228
9.4.5. Укрепленное поселение Аркаим	232
9.4.6. Загадочные строители укрепленных поселений	232
9.4.7. Металлопроизводство в жизни обитателей укрепленных поселений	240
9.4.8. Клань металлургов-кузнецов	246

9.5. Абашевская культура бронзового века на Южном Урале	251
9. 6. Алакульская культура бронзового века в Южном Зауралье	252
9.6.1. Древние Кулевчи	254
9.6.2. Как хоронили умерших сородичей носители алакульской культуры Южного Зауралья	261
9.7. Срубная культура бронзового века на Южном Урале	263
9.8. Федоровский феномен и попытки его разгадки учеными	266
9.9. Алексеевская культура бронзового века степей Южного Зауралья	272
9.10. Черкаскульская культура бронзового века	275
9.11. Межовская культура бронзового века	278
9.12. Древнее металлопроизводство и магия	279
Литература	285
Глава 10. Ранний железный век на Южном Урале	287
10.1. Несколько важных слов о климате	287
10.2. Ранние кочевники степей Южного Урала	288
10.2.1. Сакский период истории ранних кочевников степей Южного Зауралья	290
10.2.2. Савроматский период истории ранних кочевников степей Южного Зауралья	292
10.2.3. Раннесарматский период истории ранних кочевников степей Южного Зауралья	296
10.3. Декоративно-прикладное искусство кочевников Южного Урала раннего железного века	306
10.4. Сапоговская загадка	307
10.5. Гамаюнская культура	308
10.6. Иткульская культура	310
10.7. Гороховская культура	319
Литература	325
Глава 11. Средневековый период в истории Южного Урала	327
11.1. Гунно-сарматский период (II–V вв. н. э.)	327
11.2. Турбаслинская культура в Приуралье	333
11.3. Памятники селенташского типа в Южном Зауралье (VI–IX вв.)	334
11.4. Кушнаренковская культура на Южном Урале	335
11.5. Караякуповская культура на Южном Урале	336
11.6. Кимако-кипчакский период в истории Южного Урала (XI–XIII вв.)	343
11.7. Улус Шибана	345
11.8. Распространение ислама	348
11.9. Юдинская культура	353
Литература	355
Глава 12. Южный Урал и древние цивилизации	356
12.1. У начала истории караванных дорог	357
12.2. Система караванных путей в античный период истории	361

12.3. Широко ориентированные караванные пути в раннем железном веке	365
12.4. Караванные пути в средневековый период истории Южного Урала	366
Глава 13. Южный Урал в древней и средневековой истории Евразии	368
13.1. Пещерные святилища позднего палеолита	368
13.2. Урал и древняя история финно-угорских народов	369
13.3. У начала истории горного дела и металлопроизводства. Бронзовый век	370
13.4. Синташтинский феномен (XXI–XIX вв. до н. э.)	372
Глава 14. Авторские размышления о краеведении и методические опыты	379
14.1. Краеведческий учебно-методический комплекс для начального этапа исторического образования учащихся основной школы Южного Зауралья	379
14.2. Авторский опыт создания учебного школьного музея древней и средневековой истории Южного Урала	385
14.3. Авторский опыт проведения экскурсий и поездок учащихся к археологическим памятникам Южного Зауралья	388
14.4. Авторский опыт проведения комплексных экскурсий и поездок школьников по Южному Зауралью: из опыта работы лаборатории археологических исследований ЧГПИ / ЧГПУ / ЮУрГГПУ	393
14.5. Авторский опыт проведения летней полевой эколого-гуманитарной школы для подростков	401
Заключение	406
Благодарности	408
Археологи — исследователи древней и средневековой истории Южного Урала	409

Чудесный край, благословенный!
Хранилище земных богатств!
Не вечно будешь ты, забвенный
Служить для пастырей и паств!
И люди прибегут толпами,
Твое приволье любя...
И не узнаешь ты себя...

С. Т. Аксаков

ПРЕДИСЛОВИЕ

Со времени появления первой версии книги прошло шесть лет. За эти годы рельефнее отделились недостатки первого издания. Динамичное развитие археологической науки на Южном Урале, появление многочисленных новых аспектов и уточнений, разнообразная критика и самокритика и, наконец, формирование в стране электронной издательской среды — все это обусловило появление новой редакции книги. В чем ее новизна?

В отличие от исходного, ориентированного преимущественно на студенческую аудиторию, настоящее издание составлено как полномасштабный научно-популярный проект и предназначено для самого широкого круга читателей. Книга не только раскрывает в известной мере авторское видение истории Южного Урала в древности и Средневековье. Добавлены главы о следах, оставленных древними цивилизациями на памятниках археологии края, и о месте Южного Урала в древней и средневековой истории Евразии. Издание завершают примеры авторского опыта практического использования разнообразных сведений по древней и средневековой истории Южного Урала. От первой версии данное издание отличают также исчерпывающее картографическое сопровождение, ставшее возможным благодаря издательству «Абрис», и удивительный по своей насыщенности и разнообразию иллюстративный ряд.

Перечисленные выше изменения в книге сделаны исключительно исходя из их возможной полезности для читателей.

Приступая во второй раз к подготовке к изданию очерка древней и средневековой истории края, автор уже недолго размышлял, создать ли его в строгом академическом исполнении либо представить в виде размышлений с элементами беседы с читателями. Особенности психологии восприятия

современных читателей объясняют, почему был избран именно второй вариант, более сложный в исполнении. О результатах судить вам.

И еще — в настоящем очерке решено было сохранить большой объем информации по истории археологической науки на Южном Урале, в Челябинске и особенно в стенах ЧГПИ / ЧГПУ / ЮУрГГПУ.

Раздел о современных методах археологии на Южном Урале должен убедить читателей в том, что современная археологическая наука в России не делится контрастно — на столичную и провинциальную. Как доказательства этого тезиса в разделе описываются многочисленные примеры личного сотрудничества автора и его коллег с разнообразными профильными специалистами.

Не случаен и раздел, посвященный сложным взаимоотношениям наших древних и средневековых предшественников с природой. Природа Южного Урала «подправлена» за тысячи лет многими поколениями южноуральцев не в лучшую сторону. Сказочные богатства гор и предгорий (минералы, лес, вода, животный мир), кормившие наших предшественников на протяжении многих тысячелетий, стали одной из главных причин страшных ран, нанесенных людьми природе. Она же достойно мстит современникам за обиды со стороны их предшественников.

Воздух городов, которым трудно дышать (рис. 1), реки, воду которых даже для стирки брать опасно — все это приметы сегодняшнего дня. Рельеф боль-

Рис. 1. Воздух индустриального Челябинска. Фото Н. Виноградова

шей части поймы в верховьях р. Миасс, где еще относительно недавно разворачивалась драма «золотой лихорадки», вторичен и был создан за несколько веков старателями-золотоискателями (рис. 2). Гигантская чаша Коркинского угольного разреза вызывает смешанные чувства. Уголь добыт, но что делать с выемкой, с циклопическими отвалами на ее бортах, с самовозгоранием угля? Как скоро дойдут руки и найдутся деньги для рекультивации? Желтые безжизненные горы вокруг Карабаша (рис. 3), отравленная р. Сак-Елга, стекающая в Аргазинское водохранилище — резервуар питьевой воды для Челябинска.

Рис. 2. Заполненные водой выработки золотоискателей в верховьях р. Миасс.
Фото Н. Пашковой

Тысячелетиями южноуральские леса вырубались ради получения древесного угля для работы металлургических печей. Взглянув на названия горных сел и урочищ (например, Северные Печи в Миассе), вы должны понимать, что здесь когда-то выжигался древесный уголь. Глядя на леса в горных долинах между Миассом и Златоустом, часто хочется сравнить их с одеялом, сшитым из разноцветных, правильных очертаний кусочков. Это следы огромных вырубок последних веков, после которых на этих местах скорее

Рис. 3. Безжизненные горы в окрестностях Карабаша. Фото Н. Виноградова

вырастали деревья менее ценных для людей пород. Устроенный нашими современниками пожар погубил большую часть уникального памятника природы — Санарского бора.

Некоторые виды животных, например диких лошадей — тарпанов, в наши дни можно видеть разве что на картинках, а отдельные минералы, например малахит, — только в музеях.

Так что когда задается вопрос: «Зачем она нужна, древняя история родного края?», хочется ответить вот что: ее можно сравнить с зеркалом, в которое люди должны непременно чаще всматриваться, чтобы не повторять ошибок своих предшественников.

Уважаемый читатель!

Прежде чем Вы приступите к чтению, хочу представить героев моего очерка. Это лица реальных людей, живших в различные периоды древней истории на Южном Урале. Их облик возвращен из небытия гением Михаила Михайловича Герасимова, разработавшего метод восстановления лиц по черепам из погребений. Антропологические реконструкции представлены музейно-выставочным комплексом «Народы и технологии Урала» Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета). Их автор — палеоантрополог А. И. Нечвалода. Фотографии выполнены С. Аркановым.

Вглядитесь в лица этих людей. Своими достижениями и неудачами, следы которых вечно будут изучать разнообразные ученые, они подпирают нас из глубины тысячелетий.

*С надеждой на полезное для вас чтение,
автор Н. Б. Виноградов*

Каменный век

Неолит. Погребение в гроте на Камне Дождевом на реке Чусовой (Свердловская область). Автор раскопок и реконструкции одежды Ю. Б. Сериков

Бронзовый век

1

2

XXI–XIX вв. до н. э. Большекараганский могильник укрепленного поселения бронзового века Аркаим. Курган 25. Погребения 9 (1), 12 (2). Автор раскопок Г. Б. Зданович

III тыс. до н. э. Могильник Александровский IV (Кизильский район Челябинской области). Курган 5. Могильник Александровский IV. Авторы раскопок Г. Б. Зданович и А. Г. Гаврилюк

XVII–XV вв. до н. э. Алакульский могильник (Щучанский район Курганской области). Автор раскопок С. Н. Шилов

XIV–XII вв. до н. э. Могильник Шатрово I (Еткульский район Челябинской области). Курган 5. Автор раскопок А. В. Епимахов

Ранний железный век

VII–VI вв. до н. э.: 1 — могильник Иртяш-14 (Каслинский район Челябинской области), курган 2. Автор раскопок А. Г. Гаврилюк. Реконструкция одежды А. Д. Таирова; 2 — могильник Кумкуль (Аргаяшский район Челябинской области), курган 3. Автор раскопок С. Г. Боталов. Реконструкция одежды А. Д. Таирова

IV в. до н. э.: Могильник Кичигино I (Увельский район Челябинской области). Курган 3, могильная яма 2 (1), могильная яма 5 (2). Авторы раскопок: С. Г. Боталов, А. Д. Таиров. Реконструкция одежды А. Д. Таирова

Гунно-сарматское время

III в. н. э.: Могильник Солёный Дол (Брединский район Челябинской области). Курганы 4 (1) и 22 (2). Автор раскопок И. Э. Любчанский. Реконструкция одежды С. Г. Боталова

Средневековье

Раннетюркское время (V в. н. э.). Могильник Каменный Амбар 5 (Карталинский район Челябинской области). Курган 6 (1), курган 5 (2). Автор раскопок В. П. Костюков. Реконструкция одежды С. Г. Боталова

ГЛАВА 1. СОВРЕМЕННАЯ АРХЕОЛОГИЯ. КАКАЯ ОНА?

История древних и средневековых народов Южного Урала известна преимущественно по данным раскопок, произведенных археологами. То есть древняя история края восстановлена в результате размышлений ученых над развалинами древних поселений, кладбищ, святилищ и над находками, добытыми из них.

1.1. Методы современной археологии

Источником информации для реконструкции древних и средневековых времен в конечном счете является так называемый культурный слой и его разнообразное наполнение.

Культурным слоем археологи не без основания называют слой почвы, в котором отложились остатки жизни и деятельности древних людей (рис. 4). По различным причинам культурный слой может иметь разную толщину (археологи употребляют термин «мощность»). В ложбине берега оз. Карабалыкты в Зауральской Башкирии, например, за сотни тысяч лет периодической жизни в этом месте людей в различные времена скопилось более двух метров культурного слоя. В то же время на площадках мысов предгорных озер Южного Зауралья (Чебаркуль, Большой Теренкуль, Тургояк и т. д.) культурный слой, залегающий здесь на скальном основании, как правило, не превышает по мощности 20–40 см. Часто в этих 20–40 см культурного слоя аккумулирована история использования людьми этой площадки в течение нескольких тысяч лет.

Раскопки археологи ведут по сложным, строго соблюдаемым правилам. Площадь раскопа разбивается на квадраты, или сектора, в зависимости от типа памятника (рис. 5, 6). Слой, содержащий остатки жизни древних людей, вынимается осторожно, горизонтальными слоями мощностью от нескольких сантиметров при исследовании стоянок каменного века до 15–20 см на поселениях века бронзового. Все обнаруженные в раскопе предметы ни в коем случае не должны сдвигаться из первоначального положения. Иначе не удастся понять, что случилось здесь много веков назад. Все, что наблюдает археолог, он детально описывает, зарисовывает и фотографирует. В этом смысле работа археолога сходна с работой кри-

Рис. 4. Укрепленное поселение бронзового века Устье I на границе Варненского и Карталинского районов Челябинской области. Стратиграфия культурного слоя на площади оборонительных сооружений. Фото Н. Виноградова

Рис. 5. Поселение бронзового века Большая Березовая II (Нагайбакский район Челябинской области). Методика раскопок. Фото Н. Виноградова

Рис. 6. Могильник Солнце-Талика (Варненский район Челябинской области). Курган 2.
Методика раскопок. Фото Н. Виноградова

миналиста, расследующего преступление и «опоздавшего на тысячелетия к месту происшествия».

Именно сложные правила полевых исследований и их жесткое соблюдение способствуют увеличению объема и объективизации добываемого знания. В последние десятилетия к собственно археологическим итогам традиционных раскопок добавились результаты многочисленных анализов почв культурного слоя и материальных объектов из него. Грунт очагов может содержать следы меди. И нужно будет решать вопрос об использовании печи в качестве металлургического горна. В зольниках при их промывке (флотации) могут обнаружиться обгоревшие зерна пшеницы, и нужно будет определиться с наличием земледелия в хозяйственной жизни обитателей поселения. Кости животных расскажут о роли скотоводства и охоты в жизни людей, о самих этих животных. Современные методы естественных наук позволяют существенно увеличить наши возможности познания древних времен.

Безгласные предметы, если над ними хорошенько подумать, могут о многом поведать пытливому уму. Помните, у Б. Брехта: «Развалины зданий /

Вновь обретают контур незавершенных строений, / Словно набросок вчерне. / Их силуэты уже угадываются, / Но все это требует мысли...»? Тем более что современные археологи привлекают на помощь самых разнообразных специалистов.

Но очень важно иметь в виду, что «за кадром» все-таки остается немалая часть древней жизни, от которой *не осталось вещественных следов*. Скажите, например, как по раскопкам древнего погребения восстановить путь погребальной процессии, состав ее участников или погребальные песнопения? Сказанное нельзя рассматривать как признак беспомощности ученых. Но и они зачастую не могут сказать, как, допустим, себя называл тот или иной древний южноуральский народ. Поэтому археологи называют их *археологическими культурами* — условными именами, которые присваивают по месту первой или самой значительной находки, с ними связанной.

Но не все ученые согласны с тем, что за археологическими культурами нужно видеть обязательно какой-то древний народ. Противники этой гипотезы считают, что у разных народов, обитавших в сходных природно-климатических условиях в одно и то же время, со сходной структурой хозяйства и общества в результате тесных связей их друг с другом могли образоваться схожие признаки (планировка и архитектура поселений, погребальные обряды, керамика, типы металлических орудий и т. д.). В то же время происхождение этих народов могло быть различным.

Археологи долгое время считали «наукой, изучающей вещи», то есть материальные остатки. Да и сейчас не все археологи убеждены в том, что современной археологии по силам не только вещеведение, но и сложные историко-культурные реконструкции, создание связных «картин исчезнувших миров» и их смены друг другом. Но все-таки специалистов, считающих, что археологическая наука способна создавать историческое знание, большинство.

Археологи как основу для разделения древнейшей и древней истории людей на периоды рассматривают материалы, из которых в основном в тот или иной период изготавливались орудия труда. Так, в истории людей появились «каменный век», «бронзовый век», «железный век». Первыми разделили историю людей на «века» еще в древности греческие и римские философы, поэты и писатели. А среди них первым был древнегреческий философ Гесиод (VIII в. до н. э.). Вот строчки из его удивительного произведения «Труды и дни» в переводе поэта В. Вересаева:

Третье родителю Крониду поколение людей говорящих
Медное создал, ни в чем с поколеньем не схожее с прежним.
С копьями. Были те люди могучи и страшны. Любили
Грозное дело Арея, насильщину. Хлеба не ели.
Крепче железа был дух их могучий. Никто приближаться

К ним не решался: великою силой они обладали,
И необорные руки росли на плечах многоможных.
Были из меди доспехи у них и из меди жилища,
Медью работы свершали: никто о железе не ведал...

Начало истории людей на Южном Урале в древнем каменном веке (палеолите), по современным данным, отстоит на 300 тыс. лет от наших дней. Палеолит был самым протяженным периодом древнейшей истории и закончился около 10 тыс. лет назад. Древний каменный век сменился мезолитом (средним каменным веком) — VIII–VII тыс. лет до н. э. За ним следовал неолит — новый каменный век (вторая половина VII–V тыс. до н. э.). Медно-каменный век (энеолит) обитатели Южного Урала пережили в IV–III тыс. до н. э. Период с III тыс. до н. э. по начало I тыс. до н. э. — бронзовый век. А с VIII в. до н. э. по II/IV в. н. э. — ранний железный век. И, наконец, с II/IV в. н. э. начинается последний период археологической истории Южного Урала — Средние века. Надо сказать, что эти «века» (особенно это относится к бронзовому и железному векам) даже в разных районах Южного Урала начинались и заканчивались не всегда в одно и то же время. Почему? Причины могли быть самые различные (природные особенности, различия в облике хозяйственно-экономической жизни и т. д.).

Когда-то полные жизни «миры» людей предстают перед археологами в культурном слое как **созвездия существовавших на одной территории и в одно и то же время вещей, объектов, материальных остатков технологий и т. п.**

В силу разных причин эти созвездия археологических остатков или менялись по составу с течением времени постепенно (если история одного и того же населения не прерывалась), или эти «миры вещей» резко сменяли друг друга, если происходила смена населения в результате миграции и культурная преемственность нарушалась. Так или иначе, труды нескольких поколений археологов позволяют современным ученым довольно определенно высказываться как о датировке конкретного предмета или объекта, так и о территории его бытования.

1.2. Связи археологии с другими науками

За XX в. облик археологической науки существенно изменился. Первоначально ее называли наукой, «вооруженной лопатой». Это образное определение справедливо и для наших дней, но лишь отчасти. Современные археологи изучают древнейшие и древние периоды истории человечества в тесном содружестве с профильными специалистами из самых различных областей знания. Ниже приведено несколько примеров подобного сотрудничества.

1.2.1. Трасология

Для чего было предназначено то или иное древнее каменное, костяное или роговое орудие, найденное при раскопках? Археолог не может ответить на этот вопрос однозначно. Но определение назначения орудия может быть гарантировано, если следы на его рабочих поверхностях будут исследованы специалистами под микроскопом. Этот метод исследования древних предметов называется трасологическим (от английского слова *trace* — след).

Много лет назад его разработал отечественный ученый *Сергей Аристархович Семенов* (1898–1978; рис. 7). По древним образцам каменных орудий Сергей Аристархович с учениками изготавливал их копии. Поскольку они были новыми, то никаких следов работы на их поверхностях еще не было. Сделанными современными копиями древних орудий (их еще называют *реплики*) ученые рубили, пилили, жали, сверлили и т. д. Затем разглядывали следы своей работы под микроскопом, фотографировали и сравнивали с древними, «узнавая» их. Так исследование следов работы помогает археологам узнать былое назначение каменных орудий.

Челябинские археологи, а в их числе и автор этих строк, неоднократно и чрезвычайно плодотворно сотрудничали с такими известными трасологами, как Галина Федоровна Коробкова, Анатолий Николаевич Усачук, Наталья Юрьевна Кунгурова. Сотрудничество это помогло, в частности, доказать, что металлургия меди и металлопроизводство занимали важное место в хозяйственной жизни обитателей ряда южноуральских поселений бронзового века: Кулевчи III, укрепленного поселения Устье I в современном Варненском районе (рис. 8, 9). Трасологическое изучение каменных орудий из раскопок укрепленного поселения бронзового века Аркаим на границе Брединского и Кизильского районов, позволило археологу С. Я. Зданович (ЧелГУ) и геологу В. В. Зайкову (Институт минералогии УрО РАН) сделать

вывод о принадлежности большинства из них к различным стадиям металлопроизводства этого периода древней истории края. Именно трасолог Галина

Рис. 7. Основатель научной школы археологической трасологии и экспериментальной археологии в СССР С. А. Семенов.

Фото из открытых источников в Интернете

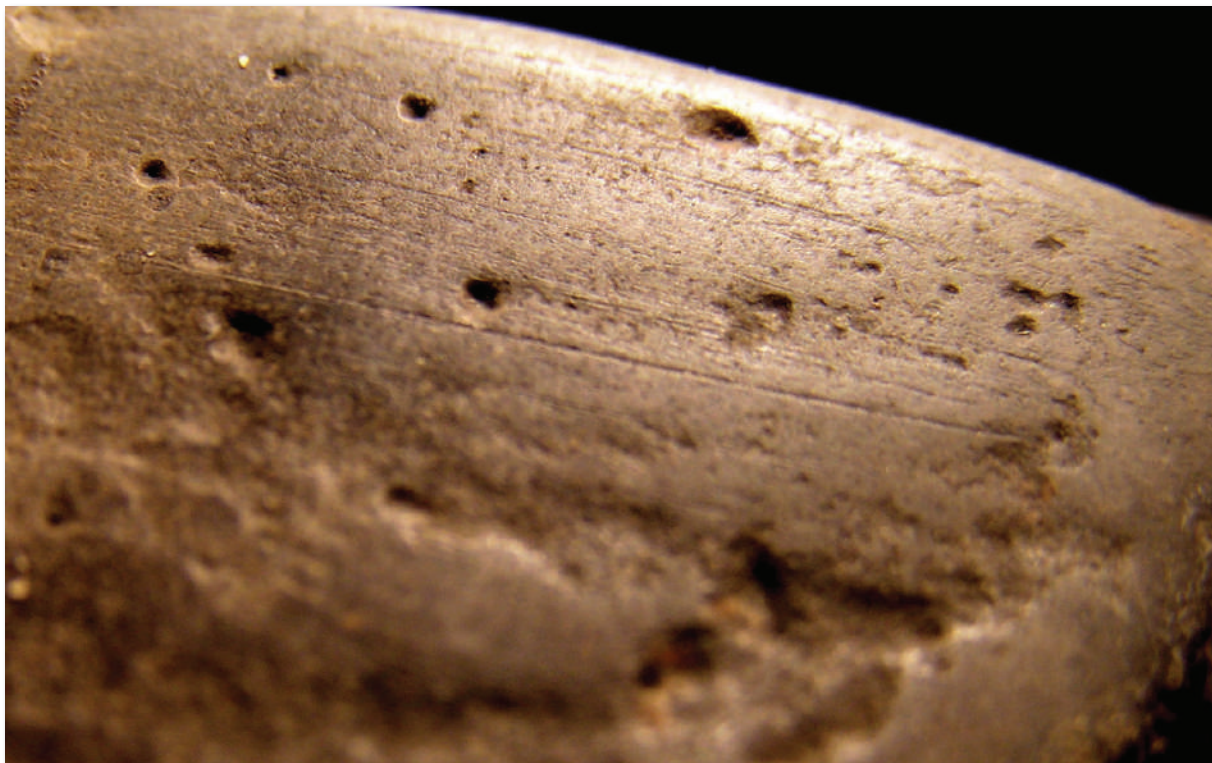

Рис. 8. Укрепленное поселение бронзового века Устье I. Так выглядит рабочая поверхность каменного песта для дробления и растирания руды. Фото Н. Виноградова

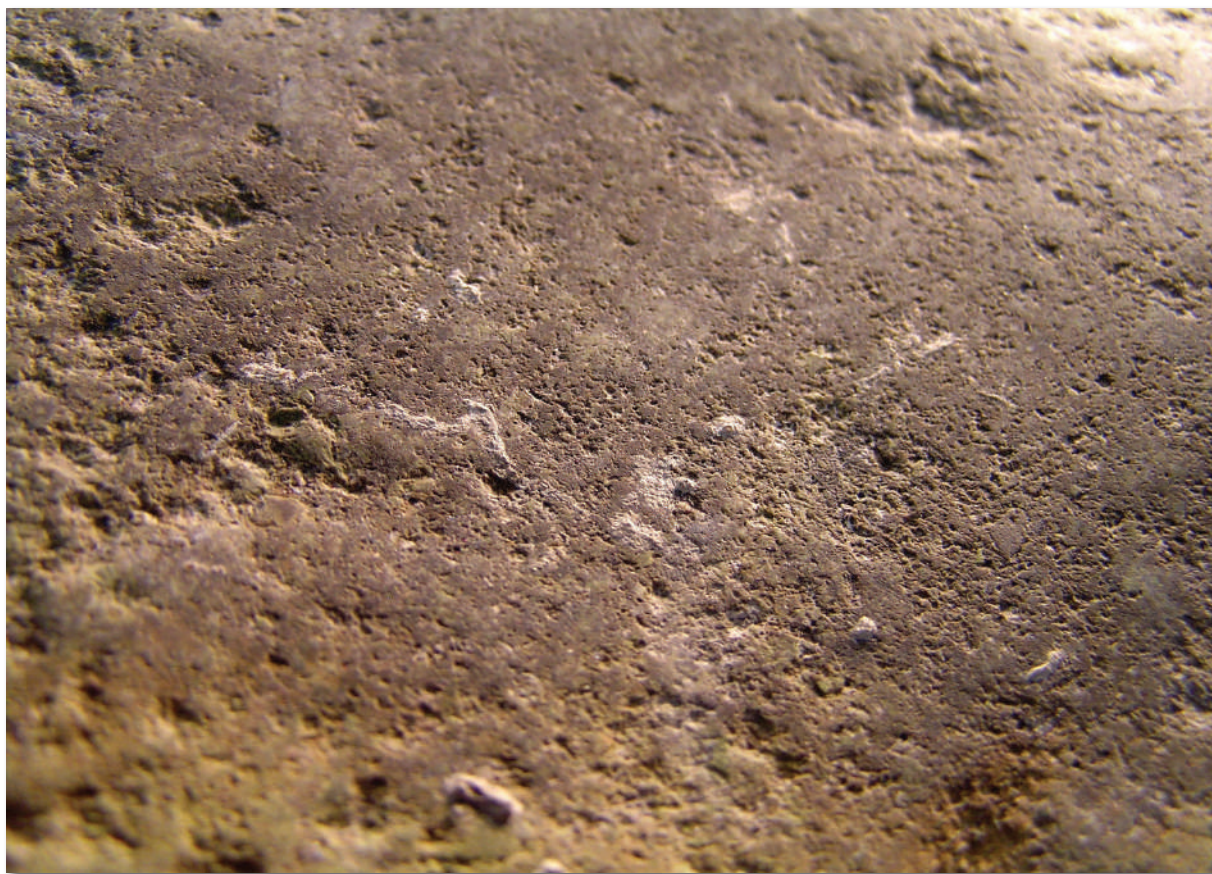

Рис. 9. Укрепленное поселение бронзового века Устье I. Рабочая поверхность абразива. Фото Н. Виноградова

Федоровна Коробкова определила, что из 30 привезенных мной в Ленинградское отделение Института археологии АН СССР обломков каменных «зерно-терок», извлеченных из культурного слоя поселения Кулевчи III, 29 являлись в действительности рудотерками и служили для дробления и растирания медьсодержащих минералов.

Археологи также иногда помогают трасологам. Сотрудник Донецкого областного краеведческого музея Анатолий Николаевич Усачук, специалист по археологической трасологии (рис. 10), не только обработал обширные коллекции древних костяных предметов, полученные челябинскими археологами в результате раскопок поселений и могильников бронзового века в Южном Зауралье, но и провел мастер-класс для студентов-археологов ЮУрГГПУ. Припоминаю его радость, когда он увидел редчайшие экземпляры металлических пил из раскопок южноуральских поселений бронзового века — одни из самых древних в Евразии (рис. 11). Впервые трасологу представилась возможность наблюдать инструменты, следы работы которых он фиксировал многократно на древних костяных изделиях (рис. 12).

Рис. 10. Трасолог А. Н. Усачук проводит со студентами-археологами ЧГПУ занятие по археологической трасологии. 2008 г. Фото Н. Виноградова

Рис. 11. Поселение бронзового века Кулевчи III (Варненский район Челябинской области). Комбинированное орудие — нож-пила. Бронза.
Фото Н. Виноградова

Рис. 12. Укрепленное поселение бронзового века Устье I. Следы работы металлической пилой на трубчатой кости.
Фото Н. Виноградова

1.2.2. Экспериментальная археология

Реконструкция древних технологий, выяснение возможностей каменных, металлических, костяных, роговых и деревянных орудий в древности, понимание производительности труда при использовании этих орудий — все перечисленное — поле деятельности экспериментальной археологии.

Археологи ЮУрГГПУ в свое время успешно занимались исследованием технологии формовки керамических сосудов, бытовавшей у нескольких групп степного населения бронзового века Южного Зауралья. Удалось восстановить древнюю гончарную технологию и доказать, что новые сосуды формовались на перевернутых вверх дном старых сосудах, обтянутых влажным текстилем. Эта культурно-технологическая традиция наследовалась и позволила говорить о культурно-генетической преемственности степного населения Южного Зауралья в бронзовом веке (рис. 13). Исследованию текстильной культуры у носителей степных культур бронзового века Южного Зауралья была посвящена недавно защищенная кандидатская диссертация Полины Сергеевны Анкушевой — сотрудницы археологической лаборатории ЮУрГГПУ.

Рис. 13. Летняя школа экспериментальной археологии на озере Акакуль. Экспериментальная площадка «Древнее гончарство». Руководитель С. В. Марков. Обжиг экспериментально изготовленных сосудов, 2009 г. Фото Н. Пашиковой

Археологическая лаборатория ЮУрГГПУ на протяжении ряда лет успешно сотрудничает с археологом *Евгенией Николаевной Гончаровой* из Екатеринбурга (рис. 14), *Игорем Владиславовичем Горащуком* из Самары. Благодаря их семинарам, мастер-классам, руководству в течение ряда сезонов экспериментальной площадкой по технологиям каменного века в полевой детской школе экспериментальной археологии на оз. Акакуль преподаватели, студенты и школьники воочию смогли увидеть и составить впечатление об этих отделенных от нас тысячелетиями технологиях (рис. 15, 16).

В Челябинске до недавнего времени весьма результативно экспериментами, связанными с металлургией бронзового века, занимался исследователь *Игорь Алексеевич Русанов* (ЧелГУ; рис. 17). Именно экспериментальная археология дала ему аргументы для порой парадоксальных, новаторских заключений об особенностях металлургического процесса в бронзовом веке Южного Урала.

В 1980-е гг. археологи ЧелГУ раскопали древний курган рядом с известной Башней Тамерлана в окрестностях с. Варна. После окончания раскопок они... вновь построили это надмогильное сооружение из дерновых блоков

Рис. 14. Мастер-класс по изготовлению каменных орудий для школьников и студентов археологов ЮУрГПУ проводит Е. Н. Гончарова, заведующая отделом древней истории народов Урала Свердловского областного краеведческого музея им. О. Е. Клера.

Фото И. Алаевой

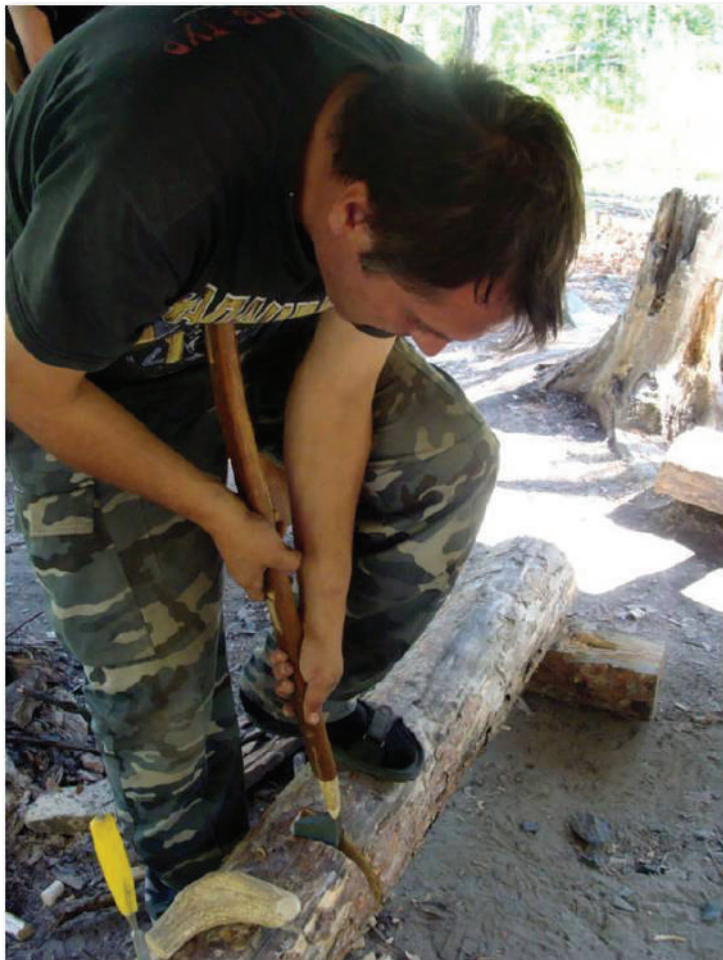

Рис. 15. Летняя школа экспериментальной археологии на озере Акакуль. Экспериментальная площадка «Техника каменного века». Руководитель И. В. Горашук. Отделение пластин с помощью приспособления «щемилка» давлением. 2009 г.

Фото Н. Пашиковой

Рис. 16. Современные реплики каменных наконечников стрел бронзового века.
Автор И. В. Горашук. Фото Н. Виноградова

Рис. 17. Летняя школа экспериментальной археологии на озере Акакуль.
Экспериментальная площадка «Древняя металлургия». Руководитель И. А. Русанов.
Эксперименты по плавлению руды. 2009 г. Фото Н. Виноградова

Рис. 18. Экспериментальная полноразмерная модель колесницы бронзового века.
Авторы: И. А. Семьян, И. В. Чечушков. 2021 г. *Photo Art Media Group*

и земли. Построили в виде... ступенчатой пирамиды, поскольку предполагали, что именно так курган выглядел первоначально. Зачем? Чтобы выяснить, за сколько лет дерново-земляная пирамида осыплется и превратится в курган-бугор. Не прошло и десяти лет, как ступени разрушились и курган приобрел привычную для нас полусферическую форму.

В практическую плоскость переведено изучение колесниц и колесничества бронзового века в Южном Зауралье опытами *Игоря Владимировича Чечушкова* (Институт истории и археологии УрО РАН) и *Ивана Андреевича Семьяна* (ЮУрГУ) по созданию полноразмерного экземпляра колесницы бронзового века с опорой на данные археологии (рис. 18).

1.2.3. Археозоология

Результативно сотрудничают южноуральские археологи с археозоологами, изучающими кости животных из раскопок. Результаты этого изучения: представления о составе стада, о видовых особенностях домашних животных у обитателей как конкретного древнего поселения, так и у всего древнего народа.

В свое время я был удивлен, когда археозоолог *Павел Андреевич Косинцев* (рис. 19) рассказал мне о характеристиках домашних животных из раскопок поселения бронзового века Кулевчи III в Южном Зауралье. Оказалось, что коровы бронзового века в холке имели высоту не более 130 см, а лошади — 136–144 см. Археозоологи, исследовавшие время забоя животных

Рис. 19. Археозоолог П. А. Косинцев на раскопках в Приаралье.
Фото из архива П. А. Косинцева

обитателями укрепленного поселения Устье I, предположили сезонность обживания поселения людьми. Благодаря трудам П. А. Косинцева и его учеников, в частности, удалось восстановить динамику изменения состава стада на протяжении бронзового века у населения степей Южного Зауралья (рис. 20, 21).

Рис. 20. Синташтинский могильник (СМ). Жертвенный комплекс 1. Фото Н. Виноградова

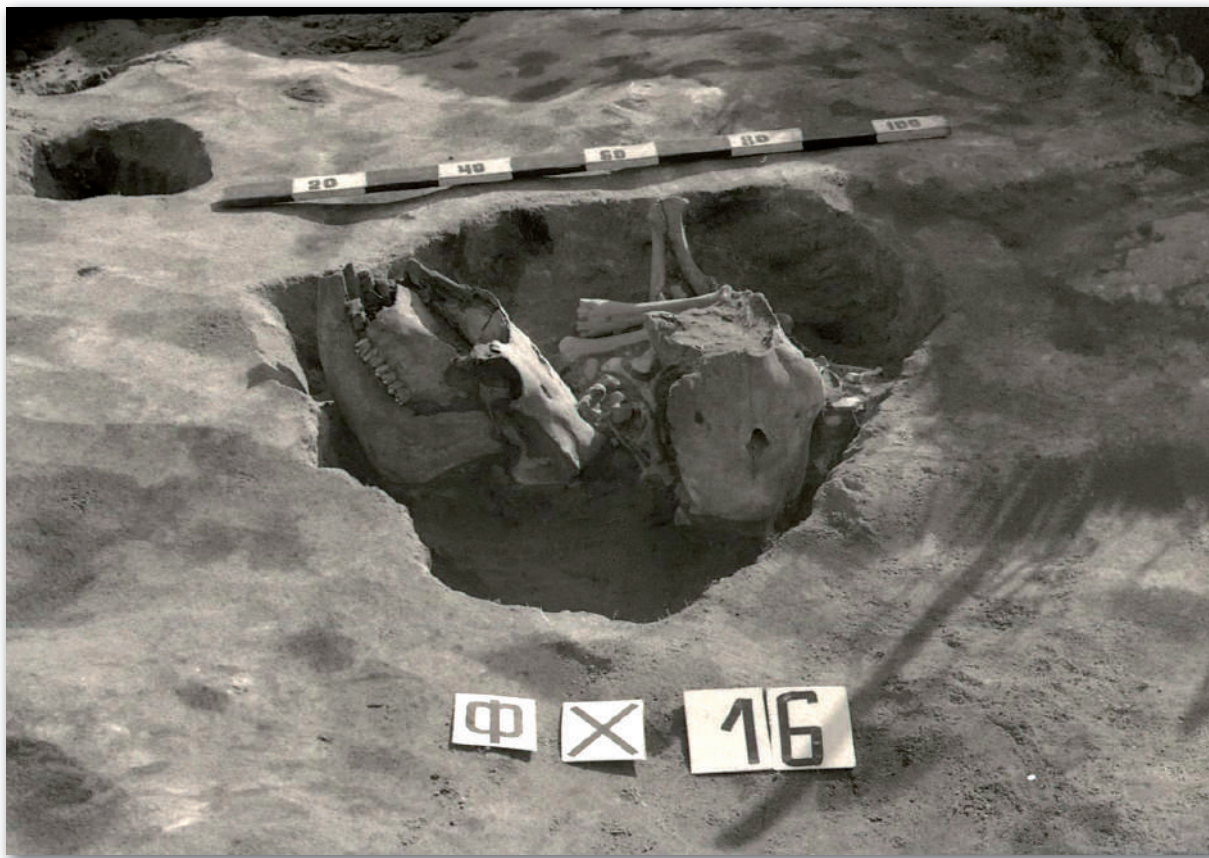

Рис. 21. Укрепленное поселение бронзового века Устье I. Жертвенный комплекс под бровкой участков Ф-Х/16. Фото Н. Виноградова

1.2.4. Аэрофотография и космические снимки

Не все знают, что открытие целой серии уникальных укрепленных поселений бронзового века в Южном Зауралье (Синташта, Устье и подобные им) было сделано... геологами — специалистами по дешифровке аэрофотоснимков (см. ниже) *Ией Михайловной Батаниной* (рис. 22) и *Нинель Викторовной Левит*. Детальное описание памятников по аэрофотоснимкам (рис. 23, 24) помогло археологам до раскопок ориентироваться в планировке укрепленных поселений и принять правильную тактику их полевого изучения.

Именно дешифровка аэрофотоснимков сделала возможной работу археологов ЧелГУ по созданию сводов археологических памятников в границах отдельных районов Челябинской области. Основу подобных сводов составляют памятники археологии, первоначально локализованные на территории районов аэрофотодешифровщиками и лишь затем обследованные наземными археологическими разведочными группами. Такой свод памятников Кизильского района Челябинской области уже вышел из печати.

Благодаря изучению космического снимка археологами Озерска были найдены развалины одной из первых русских крепостей XVIII в. на оз. Кызыл-Таш в черте современного г. Озерска Челябинской области.

Рис. 22. И. М. Батанина на раскопках укрепленного поселения бронзового века Устье I. 1987 г. Фото С. Баязитова

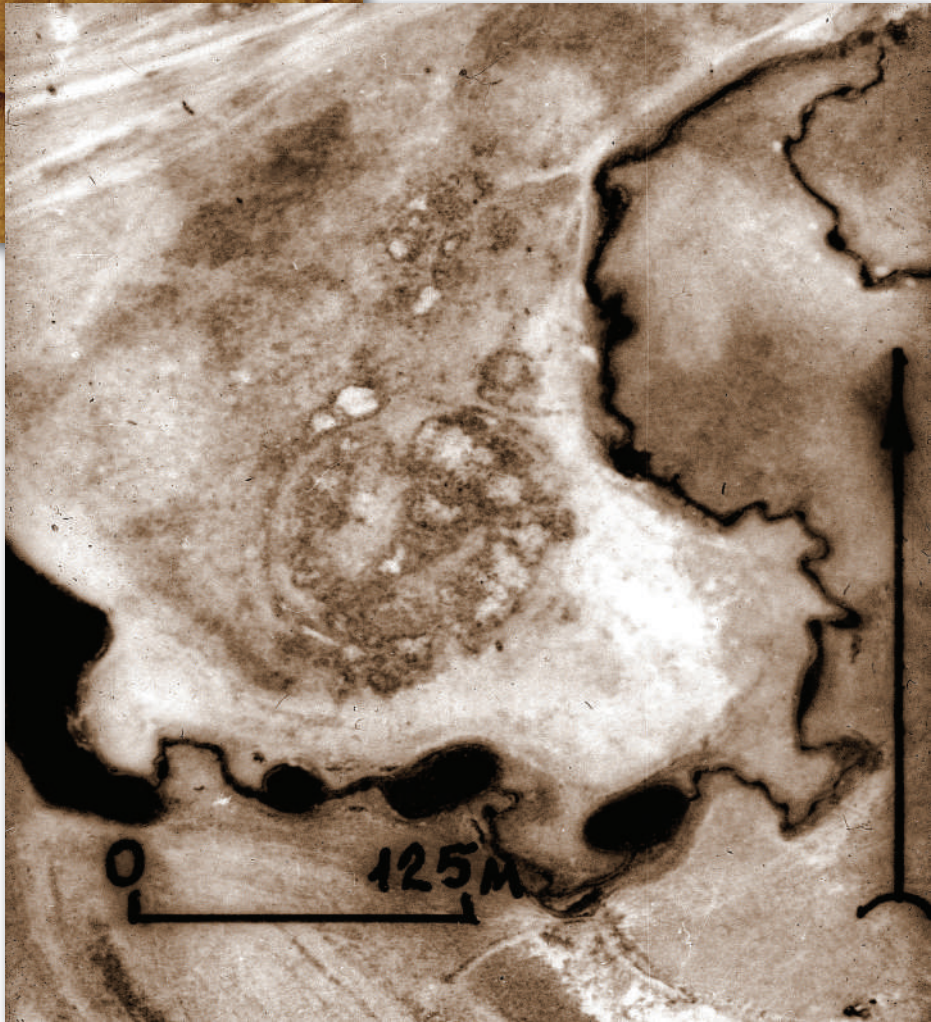

Рис. 23. Укрепленное поселение бронзового века Сарым-Саклы. Аэрофотоснимок (фрагмент). Был передан автору И. М. Батаниной. Авторское масштабирование

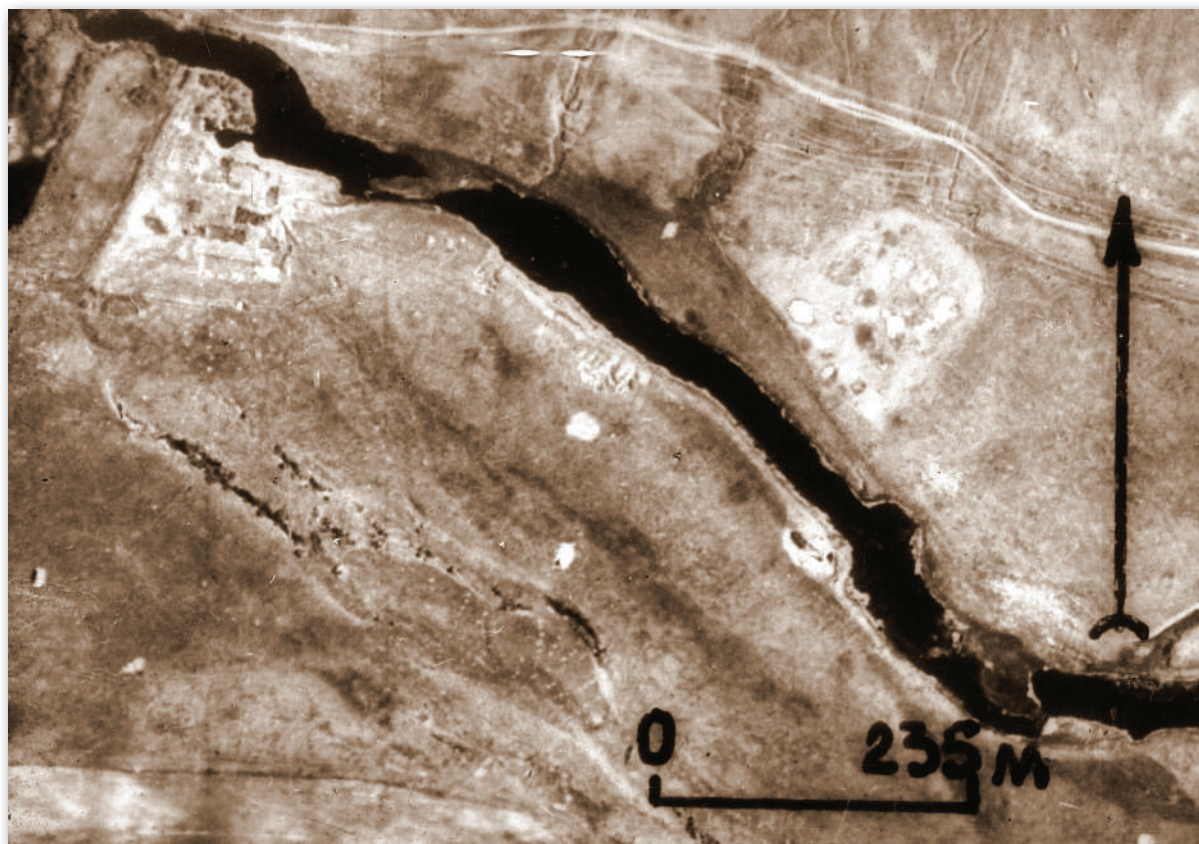

Рис. 24. Укрепленное поселение бронзового века Каменный Амбар (Ольгино). Аэрофотоснимок (фрагмент). Был передан автору И. М. Батагиной. Авторское масштабирование

1.2.5. Палеоантропология

Современная археология предполагает обязательное исследование антропологических коллекций из раскопок памятников археологии, палеоантропологами. Палеоантропологи — специалисты по исследованию костей древних людей — могут сказать невероятно много об их внешнем облике, росте, сложении, рационе питания, болезнях. К примеру, палеоантрополог *Галина Викторовна Рыкушина* (рис. 25), изучив кости людей, погребенных в могильнике бронзового века Кривое Озеро на р. Черной у пос. Черноречье Троицкого района, сделала вывод о том, что многочисленные следы болезней на костях могут говорить о том, что эти люди пришли в наши края издалека и не сумели приспособиться к местному климату.

Сколько помню себя в археологии, я всегда хотел взглянуть в лицо древним людям, чью жизнь пытался понять и описать. В XX в. эту возможность нам предоставил выдающийся советский палеоантрополог, создавший теорию и методику восстановления лица по черепу, *Михаил Михайлович Герасимов*, а также его последователи.

В музеях Южного Урала найдете целую галерею скульптурных портретов наших древних предшественников в этих местах, выполненную палеоантропологом *Алексеем Ивановичем Нечвалодой* (рис. 26) по антропологическим

Рис. 25. Могильник Кулевчи VI. Палеоантрополог Г. В. Рыкушина за расчисткой костяка погребенного. 1979 г. Фото Н. Виноградова

материалам, предоставленным ему археологами ЧелГУ, ЮУрГУ, Государственным историческим музеем Южного Урала. Подобные реконструкции могут быть как скульптурными, так и графическими. Две графические реконструкции облика людей бронзового века, живших 3700–3400 лет назад и захороненных под курганами могильника Кулевчи VI в Варненском районе Челябинской области (рис. 27), выполнил палеоантрополог из Новосибирска *Дмитрий Владимирович Поздняков*.

Южный Урал издревле был местом встречи народов. Миграции людей в древности и их направленность оказалось возможным реконструировать с помощью современной генетики, анализируя ДНК.

1.2.6. Палеоклиматология

Многие и не догадываются о том, как тесно с археологами сотрудничают палеоклиматологи, палеоботаники, почвоведы. Палеоклиматологи восстанавливают особенности природы и климата Южного Урала в тот или иной период его древней или средневековой истории, исследуя пыльцу и споры растений, особенности состава почв, болотные отложения, донные озерные отложения, так называемые береговые валы и древние волноприбойные уровни на озерах. Палинологические и почвоведческие исследования проведены профильными специалистами в ходе изучения объектов укрепленного поселения Аркаим.

Припоминаю восторг студентов-историков ЮУрГГПУ на экскурсии в сопровождении кандидата географических наук, исследователя озер *Владимира Владиславовича Дерягина* при виде древних волноприбойных уровней на скале под названием Лысая гора на оз. Большой Теренкуль в Чебаркульском районе.

Рис. 26. Палеоантрополог А. И. Нечвалода за работой. Фото Е. Нечвалоды

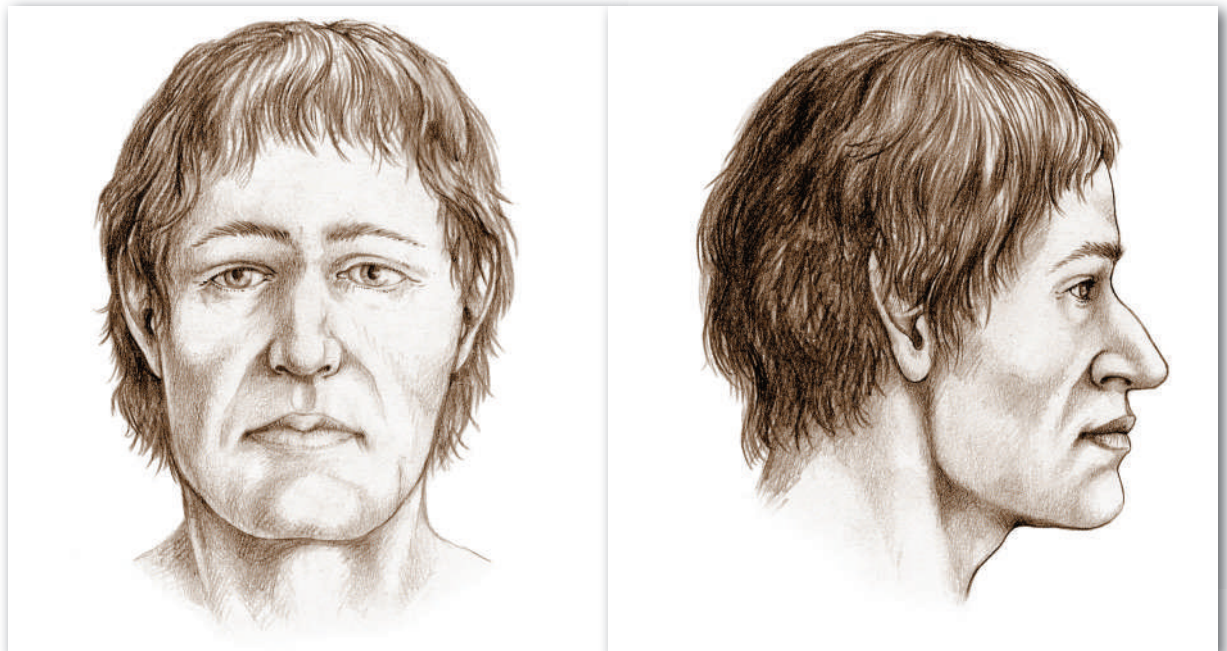

Рис. 27. Могильник позднего бронзового века Кулевчи VI. Курган 4. Яма 1.
Погребенный 2. Графическая антропологическая реконструкция.
Автор — палеоантрополог Д. В. Поздняков

Ученые из лаборатории естественно-научных методов Института археологии РАН много времени и сил отдали поискам следов земледелия на памятниках бронзового века Южного Зауралья. Для этого они использовали метод промывки (флотации) культурного слоя. Ученые таким образом ищут обгоревшие зерна злаковых растений и устанавливают по ним наличие или отсутствие земледелия у обитателей конкретного поселения.

В 1989 г. автор наблюдал за безуспешными попытками коллег из лаборатории естественно-научных методов Института археологии АН СССР найти в культурном слое укрепленного поселения бронзового века Устье I подобные обгоревшие зерна (рис. 28, 29). Но тщетно. Земледелия не было в структуре хозяйства обитателей этого поселения, как, впрочем, и в хозяйственно-экономической жизни населения всех укрепленных поселений рубежа III–II тыс. до н. э. в степях Южного Зауралья.

Рис. 28–29. Укрепленное поселение бронзового века Устье I. Сотрудники лаборатории естественно-научных методов Института археологии РАН во главе с Е. Н. Черным производят отбор проб культурного слоя в поисках обгоревших зерен злаковых растений. 1989 г. Фото Н. Виноградова

Благодаря комплексному анализу источников ученым удалось создать общую картину истории природы и климата Южного Урала в древности.

Свой вклад в археологическое изучение Урала вносят также физики, химики различного профиля, геологи и многие другие профильные специалисты.

1.2.7. Геоархеология и археологическая минералогия

Начало научного изучения сырьевой базы цветной металлургии бронзового и раннего железного веков в Южном Зауралье связано прежде всего с именем выдающегося исследователя древней металлургии члена-корреспондента РАН *Евгения Николаевича Черных* и сотрудников возглавляемой

им лаборатории естественно-научных методов Института археологии РАН. Еще в 1960-е гг. Е. Н. Черных обследовал в Южном Зауралье целую серию медных месторождений на предмет установления возможности их эксплуатации в древности.

В наши дни поиски и изучение сырьевой базы древней цветной металлургии Южного Урала продолжают ученые из Института минералогии УрО РАН. Трудami известного российского геолога *Виктора Владимировича Зайкова* было положено начало новому направлению научного знания — геoarхеологии. Ученые из Института археологии РАН, Института минералогии УрО РАН, используя современные приборы, в частности портативный спектрометр, плодотворно изучают большие серии металлических предметов и продуктов древнего металлопроизводства, полученные археологами из различных археологических научных центров Челябинска и Челябинской области в ходе раскопок поселений и могильников бронзового века в Южном Зауралье.

Археологи Челябинска (ЧелГУ, ЮУрГУ, ЮУрГГПУ) в последние годы совместно с геологами из Института минералогии УрО РАН реализуют амбициозную программу изучения сырьевой базы древнего металлопроизводства на Южном Урале, локализации древних горных разработок на медь в крае и реконструкции технологических цепочек металлопроизводства бронзового века. Недавние открытия в этой области: начало изучения в 1995 г. В. В. Зайковым, А. М. Юминовым и Г. Б. Здановичем рудника позднего бронзового века Воровская Яма в Кизильском районе; исследование археологами ЮУрГГПУ П. С. Анкушевой и И. П. Алаевой совместно с геологами Института минералогии УрО РАН (М. Н. Анкушев) микрорайона древнего металлопроизводства, в частности карьера и шахт на древнем руднике у пос. Новотемирского Чесменского района (рис. 30, 31). Благодаря комплексному исследованию объекта удалось выяснить, что здесь руду последовательно добывали уже в бронзовом веке синташтинские и алакульские горняки (рис. 32, 33).

Геологи из Института минералогии УрО РАН (А. Ф. Бушмакин, В. В. Зайков, А. М. Юминов) в кооперации с археологами ЮУрГУ (А. Д. Таиров) результативно изучают химический состав золотых предметов из раскопок памятников бронзового и раннего железного веков Южного Зауралья. Минеральный состав руд, использовавшихся на укрепленном поселении бронзового века Устье I, — предмет исследования геолога И. А. Блинова и археологов ЮУрГГПУ. Совместными исследованиями археологов ЧелГУ и геологов Института минералогии УрО РАН химического состава металлических изделий с укрепленных поселений Аркаим, Синташта и Куйсак выделены три типа меди (чистая, мышьяковистая, серебристая) и три типа бронзы (мышьяковая, оловянная и никелевая).

Рис. 30. Карьер древнего рудника Стародубцева Яма (Чесменский район Челябинской области). Фото М. Анкушева

Рис. 31. Выборка заполнения ствола древней шахты рудника Новотемирский (Чесменский район Челябинской области). Фото Н. Виноградова

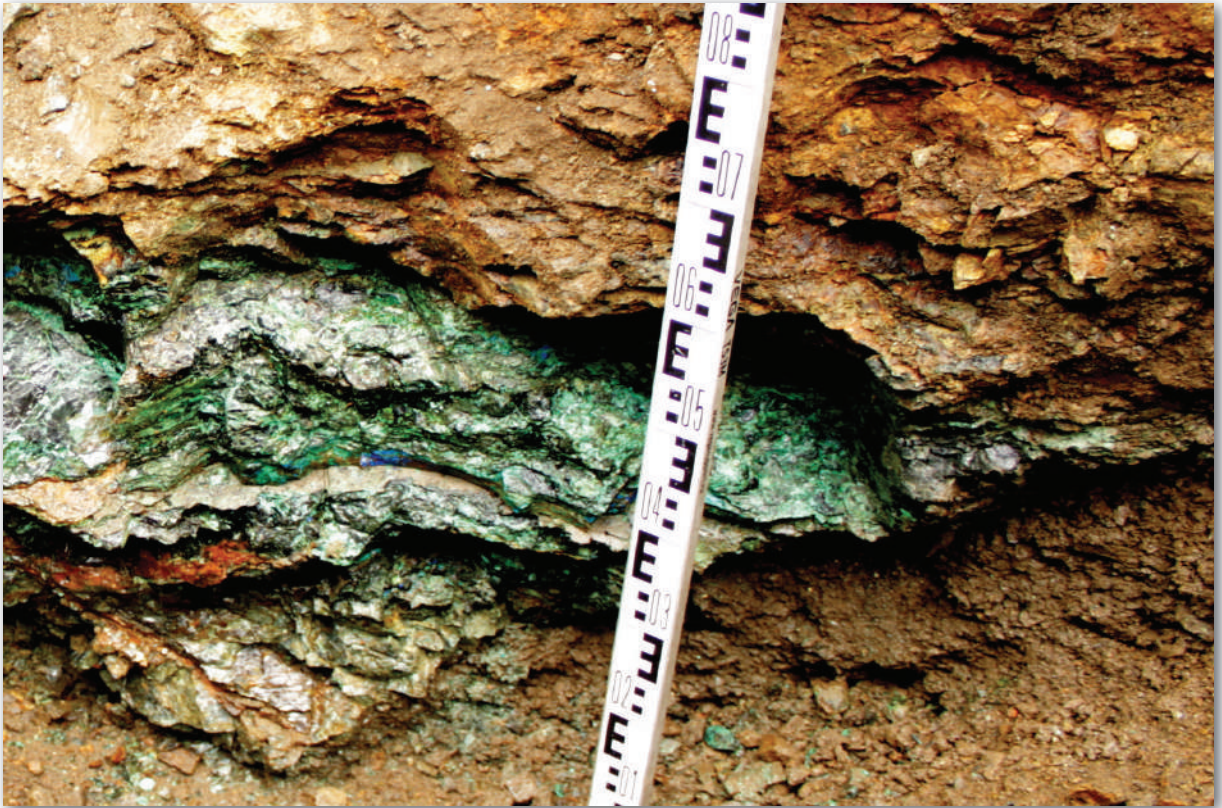

Рис. 32. Медная минерализация рудника Новотемирский (Чесменский район Челябинской области). Фото И. Алаевой

Рис. 33. Древний рудник Новотемирский (Чесменский район Челябинской области). Створка формы для отливки горнопроходческого орудия. Фото И. Алаевой

Еще одно направление изучения древнего южноуральского металлопроизводства — металлография. Ученые нашли способ, изучая структуру металла предметов из раскопок, определять особенности технологии их изготовления (рис. 34). Археологи ЮУрГГПУ плодотворно сотрудничают в этой области с историком древней металлургии из Института проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН (Тюмень) *Анной Давыдовной Дегтяревой*.

1.2.8. Геофизические методы в археологии

Последние десятилетия XX в. ознаменовались энергичным внедрением в практику археологических исследований в крае геофизических методов. В качестве примера приведем исследование рельефа дна карьера по добыче меди позднего бронзового века Воровская Яма в Кизильском районе с помощью метода георадиолокации (В. В. Носкевич, Н. В. Федорова. Институт геофизики УрО РАН). В результате была уверенно определена максимальная глубина древней горной выработки. Эру внедрения методов геофизики в археологию Южного Урала открыло геофизическое исследование площадки укрепленного поселения бронзового века Аркаим. Плодотворно сотрудничали археологи ЮУрГГПУ и с геофизиками из США и Словении. В 2011–2012 гг. профессор из университета г. Питсбурга (США) *Брайан Хэнкс* и его сотрудники провели подробное геофизическое исследование площадки укрепленного поселения бронзового века Устье I (рис. 35). С использованием методов геофизики можно без раскопок создавать планы древних поселений и могильников. Поразительное это зрелище — не вскрывая культурный слой, видеть очертания оборонительных стен древнего поселения, рвов, жилых строений, колодцев и печей в помещениях!

1.2.9. Ядерная физика и датирование событий в археологии

Еще в первой половине XX в. физики открыли способ датирования археологических остатков с использованием знания периода полураспада радиоактивного изотопа C^{14} . Метод этот зарекомендовал себя как надежный и в наши дни активно используется археологами Южного Урала. Так, в лаборатории радиоуглеродного датирования Аризонского университета (США) еще в 1990-е гг. было проанализировано несколько крошечных обломков костей черепов коней из могильника бронзового века Кривое Озеро в современном Троицком районе (раскопки экспедиции ЮУрГГПУ). В результате выяснилось, что погребение, откуда происходили кости, было совершено ближе к концу XXI в. до н. э. Без помощи физиков археологи не смогли бы сделать подобный вывод. Благодаря радиоуглеродному датированию Большой Шигирский идол (рис. 169) из Шигирского торфяника (Шигирская кладовая Свердловского

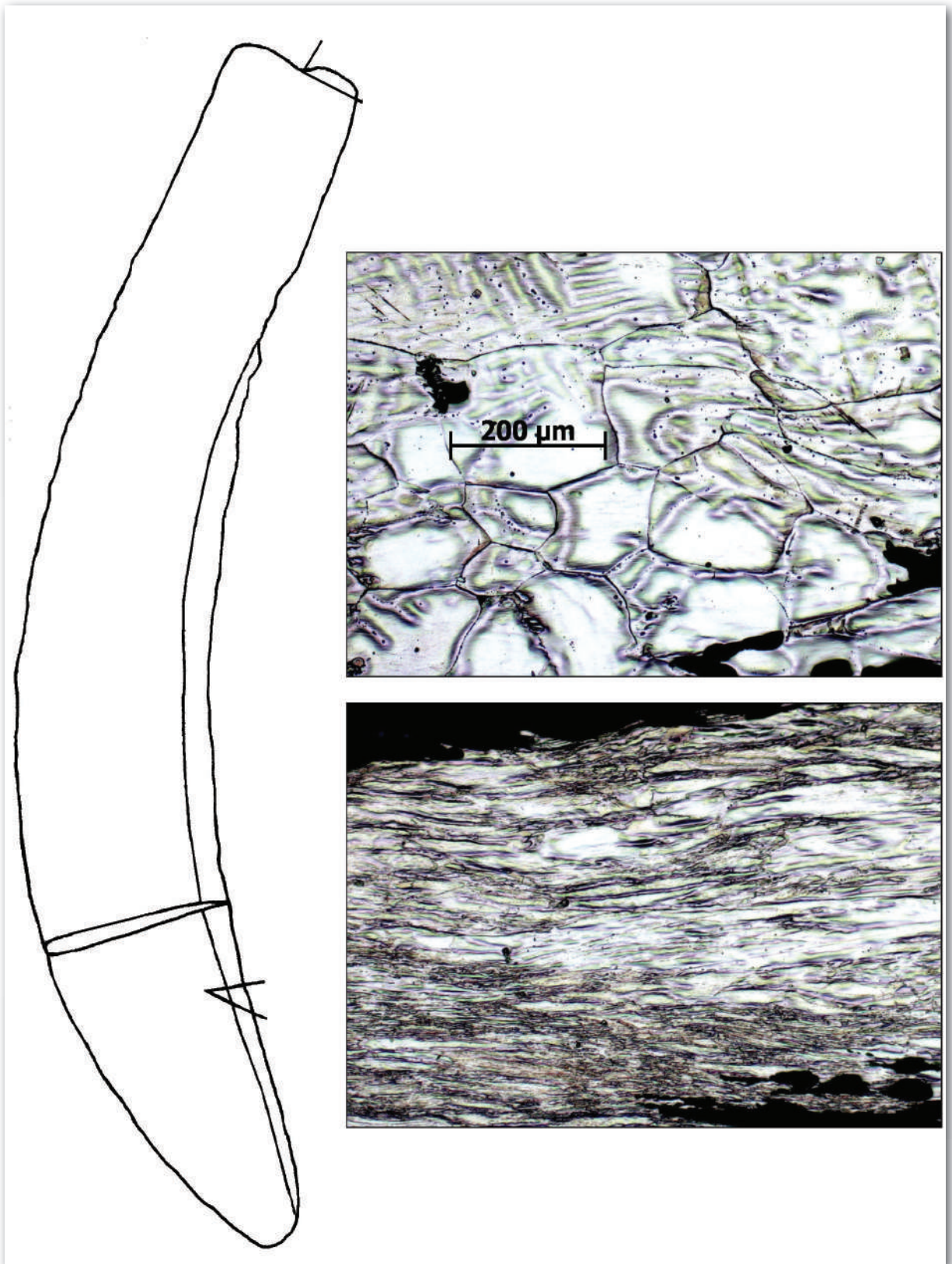

Рис. 34. Шлифы бронзового серпа для металлографического исследования. На рисунке уголками показаны места получения шлифов. На верхнем фотоизображении: микроструктура поперечного среза рукояти серпа ($\times 200$). Отожженная полиэдрическая структура с крупными зернами диаметром 0,12–0,2 мм на фоне выраженной дендритной ликвации. На нижнем фотоизображении: микроструктура поперечного среза лезвия серпа ($\times 200$). Деформированная волокнистая текстура. Материалы предоставлены А. Д. Дегтяревой

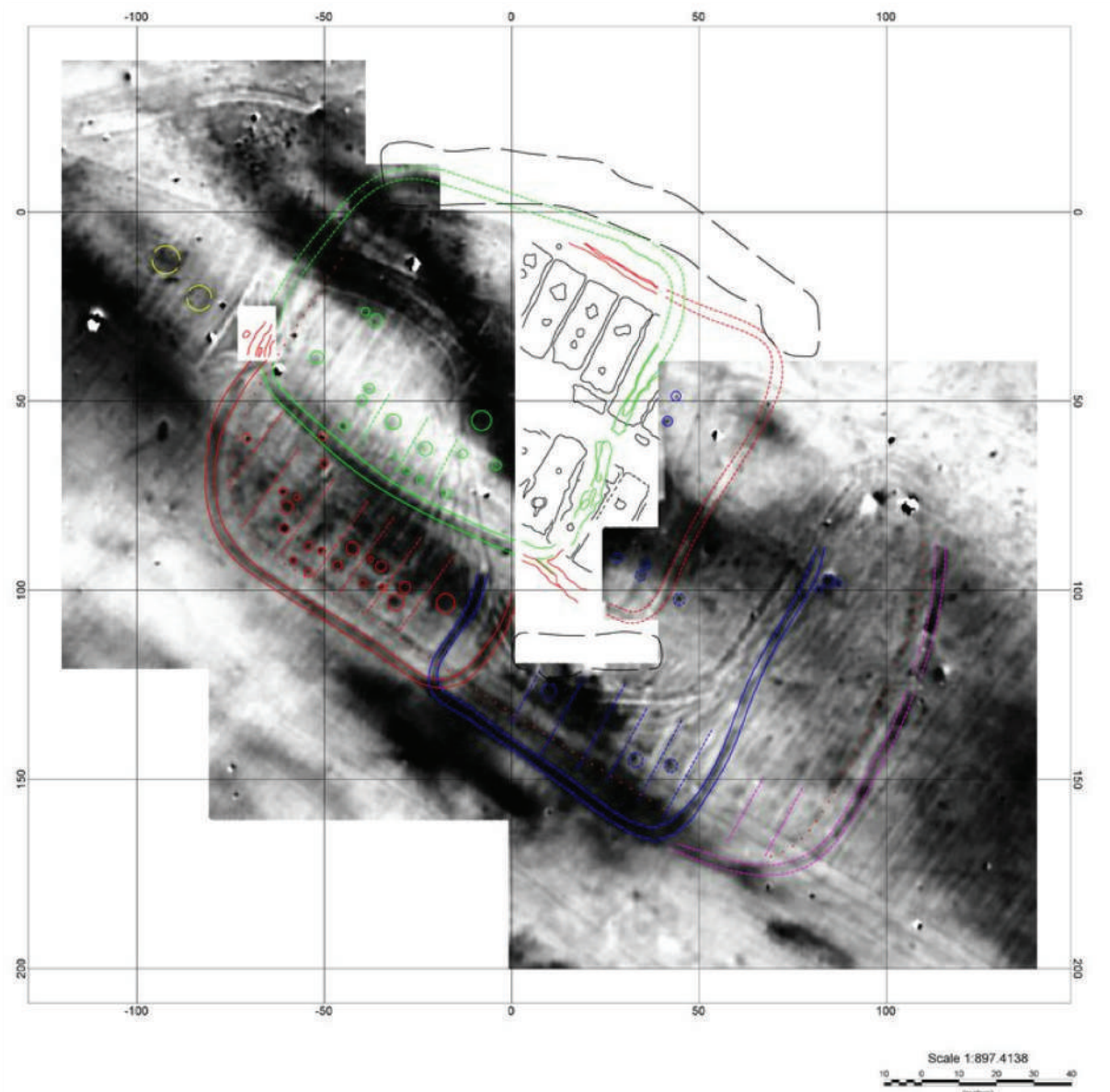

Рис. 35. Геомагнитный план укрепленного поселения Устье I
(по: Древнее Устье. 2013. С. 403. Рис. 14.5)

областного краеведческого музея им. О. Е. Клера) обрел «титул» древнейшей деревянной скульптуры на нашей планете.

В последние годы широкое распространение получил метод радиоуглеродного датирования по органическим включениям на поверхностях и в тесте глиняных сосудов. С помощью этого метода, в частности, датированы большие серии керамики из раскопок под руководством археолога *Вадима Сергеевича Мосина* памятников энеолитического периода истории Южного Урала и Зауралья.

Доктор исторических наук *Андрей Владимирович Епимахов* в содружестве с учеными из стран Европы и Америки создал, по сути, информационную базу радиоуглеродного датирования памятников Южного Урала бронзового века. Очередной проект группы исследователей — выяснение миграционной

активности и направленности миграций с помощью фиксации в костях скелетов древних людей изотопов тяжелых металлов, прежде всего стронция.

В некоторых случаях методы химии помогают ученым определиться с профессиональной принадлежностью древних людей. Так, концентрация меди в костях погребенных в ряде случаев позволила ученым говорить о принадлежности отдельных людей бронзового века к корпорации металлургов — кузнецов — литейщиков.

Сказанное выше позволяет утверждать следующее:

- *Современная археология с опорой на возможности естественных наук весьма отличается и по облику, и по своим возможностям от классической археологической науки, «вооруженной лопатой». Современным археологам в содружестве со специалистами из других областей знания вполне по силам разобраться в сложных тайнах древней истории Урала.*

- *Опираясь на собственные методы исследования, на сотрудничество с различными профильными науками, археологи могут не только давать подробный источниковедческий анализ. Они в состоянии создавать на основе комплексного подхода к анализу археологических источников исторические обобщения для конкретных древних обществ.*

Литература

Зайков В. В., Юминов А. М., Зайкова Е. В., Таиров А. Д. Основы геоархеологии : учеб. пособие / под ред. проф. В. В. Масленникова. Челябинск : Издат. центр ЮУрГУ, 2011. 263 с.

Каздым А. А. Археологическая минералогия. М. : Скороходов, 2010. 44 с.

Междисциплинарная интеграция в археологии : (по материалам лекций для аспирантов и молодых ученых) / Рос. акад. наук, Ин-т археологии. М. : ИА РАН, 2016. 378 с.

Смекалова Т. Н., Восс О., Мельников А. В. Магнитная разведка в археологии. 15 лет применения Оверхаузеровского градиентометра GSM-19WG. Симферополь : Доля, 2010. 76 с. : ил.

ГЛАВА 2. МИНЕРАЛЫ В ЖИЗНИ ЮЖНОУРАЛЬЦЕВ В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

2.1. Природа и климат Урала в жизни древних людей

Горный Урал распростерся более чем на две тысячи километров с севера на юг — от студёных арктических морей до жарких степей Казахстана в самом сердце Евразийского материка. Как несхож облик гор Урала в разных его частях! Суровые высокие безлесные скалистые вершины Северного Урала не похожи на заботливо укутанные лесами невысокие перевалы Урала Среднего. На Южном Урале горные хребты снова упрямо тянут свои вершины к небу (рис. 36) и, как бы обессилев, превращаются южнее, в Оренбуржье, в цепи невысоких отрогов.

Многие миллионы лет назад, задолго до появления здесь первых людей, на месте Урала плескались огромные моря, частые землетрясения рвали гигантскими трещинами поверхность и наружу из глубин планеты изливались потоки расплавленной магмы. Здесь надо искать истоки сказочных минеральных богатств Урала. Постепенно буйство природы утихло, но и в более поздние времена здесь изредка происходят землетрясения. В наши дни горы Урала считаются старыми в сравнении со многими другими. Следы тех бурных миллионов лет можно видеть не только в горных хребтах и остатках древних вулканов, но и в знаменитом Зауральском пенеплене — холмистой стране (рис. 37), восточнее которой начинается самая большая в мире равнина — Западно-Сибирская (рис. 38).

Если мы отправимся в путешествие от северных отрогов Уральских гор на юг Урала, то можем воочию убедиться в неповторимости его природы. В самом деле, где еще, кроме Урала, можно найти горную страну, которая, начинаясь у арктических морей, пересекает и северные прозрачно-голубые тундры, усеянные озерами, и угрюмые таежные урманы с их необъятными болотами и проточными озерами — туманами, и веселые березовые рощи лесостепей, и широкие свободные степи на юге Урала (рис. 39)? Горные озера поражают своей красотой и чистотой (рис. 40). Ожерелья озер украшают просторы зауральской части Башкирии (рис. 41).

На реках Урала необходимо остановиться особо. Они текут в разные стороны. Пример — реки Южного Урала. Здесь на запад, пересекая Уральскую

Рис. 36. Вершины Таганая. Фото В. Дергачева

Рис. 37. Зауральский пенеплен в окрестностях поселка Степного. *Фото Н. Паиковой*

Рис. 38. Озеро Малое Курейное на границе Челябинской и Курганской областей.
Фото Н. Виноградова

Рис. 39. Степной ландшафт в районе поселка Рассвет (Нагайбакский район Челябинской области). Фото Н. Паиковой

Рис. 40. Горное озеро Зюраткуль. Фото Н. Виноградова

Рис. 41. Озера Зауральской Башкирии. Фото Н. Виноградова

горную страну, спешат реки бассейна Камы и Волги, такие как, например, Ай, Уфа, Юрюзань (рис. 42). На восток, в сибирскую сторону, несут неспешные свои воды реки бассейна Иртыша и Оби. Временами они пробивают себе дорогу в скалах, как р. Уй или Аят, или превращаются в открытой степи в ожерелья глубоких плесов, соединенных лишь журчащими ручейками, как Караталы-Аят или любой из Тогузаков (рис. 43). А Тогузаков ровно три — Верхний, Средний и Нижний. На юг стремятся воды р. Урал с многочисленными притоками (рис. 44). Иногда истоки рек, текущих в разных направлениях, находятся почти рядом (например, истоки Урала, Миасса, Ая в Нуралинских горах; рис. 45).

Природа и климат в древние эпохи во многом определяли, насколько было многочисленно население, каков был облик жизни людей, их хозяйственные занятия и даже верования. Так, скотоводство и, позднее, земледелие раньше появилось и утвердилось в более пригодных для них степных районах. Таежные горные долины и предгорья, напротив, многие тысячи лет кормили охотников, рыболовов и собирателей.

Сейчас ученые убеждены в том, что изменения в природе, климате порой серьезно меняли жизнь целых народов. Например, надежно установленные специалистами периоды многолетних засух в степях Восточной Европы и Казахстана в бронзовом веке (III — начало I тыс. до н. э.) подозрительно

Рис. 42. Река Юрюзань близ Усть-Катава. Фото С. Прокудина-Горского

Рис. 43. Долина реки Нижний Тогузак (бассейн Оби — Иртыша). Фото В. Садырина

Рис. 44. Река Гумбейка (левый приток Урала) у горы Большая Березовая в Нагайбакском районе.
Фото Н. Виноградова

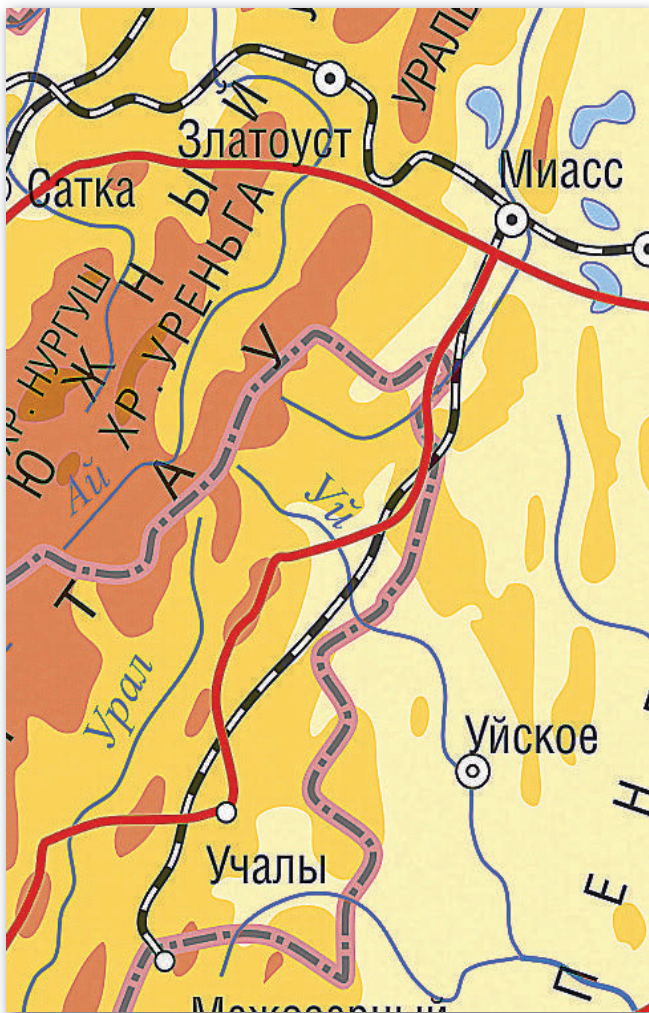

Рис. 45. Истоки основных рек Южного Урала в Нуралинских горах. Фрагмент физико-географической карты

совпадают с дальними массовыми миграциями целых народов. Но подробнее об этом вы прочитаете в разделах, посвященных отдельным периодам древней истории Южного Урала и Зауралья.

Минеральные богатства Южного Урала (каменное сырье, руды) на протяжении тысячелетий придавали жизни его обитателей своеобразие. Едва обустроившись многие тысячи лет назад на Южном Урале, люди «заглянули» в каменную сокровищницу гор. Точнее, и заглядывать в нее зачастую не было необходимости. Камни-сокровища лежали на поверхности, под ногами: кремь, яшмы и даже кристаллы горного хрусталя, медные руды, золото самородное, тальковые и хлоритовые породы, серпентиниты, кварциты, древние вулканические породы — базальт, туф.

2.2. Тайны каменных орудий

Каменный век на Южном Урале длился практически 300 тыс. лет. Это означает, что у наших предшественников было достаточно времени для отменного изучения свойств минералов, из которых изготавливались орудия. И чем ближе было окончание каменного века, тем изощреннее становились приемы обработки камня.

Первоначальная обработка проводилась непосредственно у месторождений. Ученые выделяют в особый тип памятников стоянки-мастерские. Что такое мастерская каменного века? Порой это достаточно небольшая площадка, на которой обнаруживаются в большинстве не обломки орудий, а каменные отщепы — уплощенные обломки каменного сырья. Иногда мастерская предстает перед археологами в виде камня, служившего наковальней, пространство вокруг которого усыпано слоем отщепов. Это рабочее место древнего мастера. Ученые находят подобные камни как в поселениях, так и за их пределами, у выходов каменного сырья на поверхность.

Разве можно отличить камень, побывавший в руках древнего мастера, от камня, который раскололся сам по себе? Может быть, археологи все путают? Нет, археологи знают признаки, присутствие которых на камне позволяет утверждать: это дело человеческих рук, а не последствие природной случайности. Изготовление мастером каменных орудий было *результатом серии точечных ударов* или *точечного давления*. Следы и того и другого навсегда остаются и на самом орудии, и на отходах его производства. Точка удара *отбойником* (роговым или каменным молотком) или давления отжимником в руке мастера на заготовке навсегда остается в виде так называемого ударного бугорка (рис. 46). На направленность удара указывают своеобразные ударные волны (рис. 47). Их можно сравнить с круговыми волнами от брошенного в спокойную воду озера камушка. От места его падения кругами разойдутся волны. Так и с ударными волнами в, казалось бы, твердом камне.

Рис. 46. Так выглядят ударный бугорок и ударные волны на поверхности кремневого отщепы.
Фото Н. Виноградова

Рис. 47. Ударные волны на поверхности кремневого отщепы.
Фото Н. Виноградова

Рис. 48. Нуклеус и две пластины, снятые с него. Современная реплика, исполненная И. В. Горашуком. Фото Н. Виноградова

Несколько изобретений того времени в камнеобрабатывающем деле оказались чрезвычайно эффективными. Одно из них — нуклеус (рис. 48). В переводе с латинского языка это слово означает «ядро». От нуклеусов, пользуясь особыми приемами, отделяли пластинки, а из пластинок изготавливали разнообразные орудия. Пластины эти могли быть подтреугольными или имели параллельные края.

Пластины с параллельными краями за сходство с лезвиями ножей называют ножевидными. По ряду соображений древние южноуральцы предпочитали использовать средние части этих пластин. Такие лезвия были эффективны в работе. Древние люди стремились учитывать свойства самого камня, то есть нельзя было сгибать пластинки и сильно ударять по ним.

Для того чтобы из сколотых с нуклеуса пластинок изготовить различные по назначению орудия, древние мастера должны были соответственно обработать их лезвие, или, как говорят археологи, рабочие поверхности. Основным способом такой обработки в каменном веке была ретушь (рис. 49).

Специальным каменным инструментом (он называется «ретушер») мастер надавливал или легко ударял по обрабатываемой кромке и делал рабочую поверхность такой, какой он ее задумал (острой или притупленной, прямой или вогнутой). Пластинки с параллельными краями позволяли изготавливать кинжалы и наконечники копий с так называемыми составными лезвиями.

Рис. 49. Могильник Кривое Озеро. Каменное орудие на пластине с краевой ретушью из насыпи кургана 9 (гл. +10). Фото Н. Виноградова

Для этого делалась костяная или деревянная основа. В ее пазы при помощи смолы или специального животного клея закреплялись предварительно подобранные друг к другу каменные пластинки (рис. 50).

Подобные орудия умели изготавливать как позднепалеолитические южноуральцы, так и обитатели Южного Урала и Зауралья мезолитического и неолитического периодов.

Целых ряд технологических открытий был совершен в каменном веке. В каменном веке был открыт, например, принцип работы сверла (две противоположащие рабочие поверхности, последовательно входящие в дерево, кость, рог или мягкий камень). И это открытие произошло задолго до того, как появились стальные сверла. Рабочие поверхности каменных сверл были образованы все той же ретушью (рис. 51).

Рис. 50. Костяной наконечник стрелы с вкладышевым лезвием. Современная реплика, созданная И. В. Горашуком. Фото Н. Виноградова

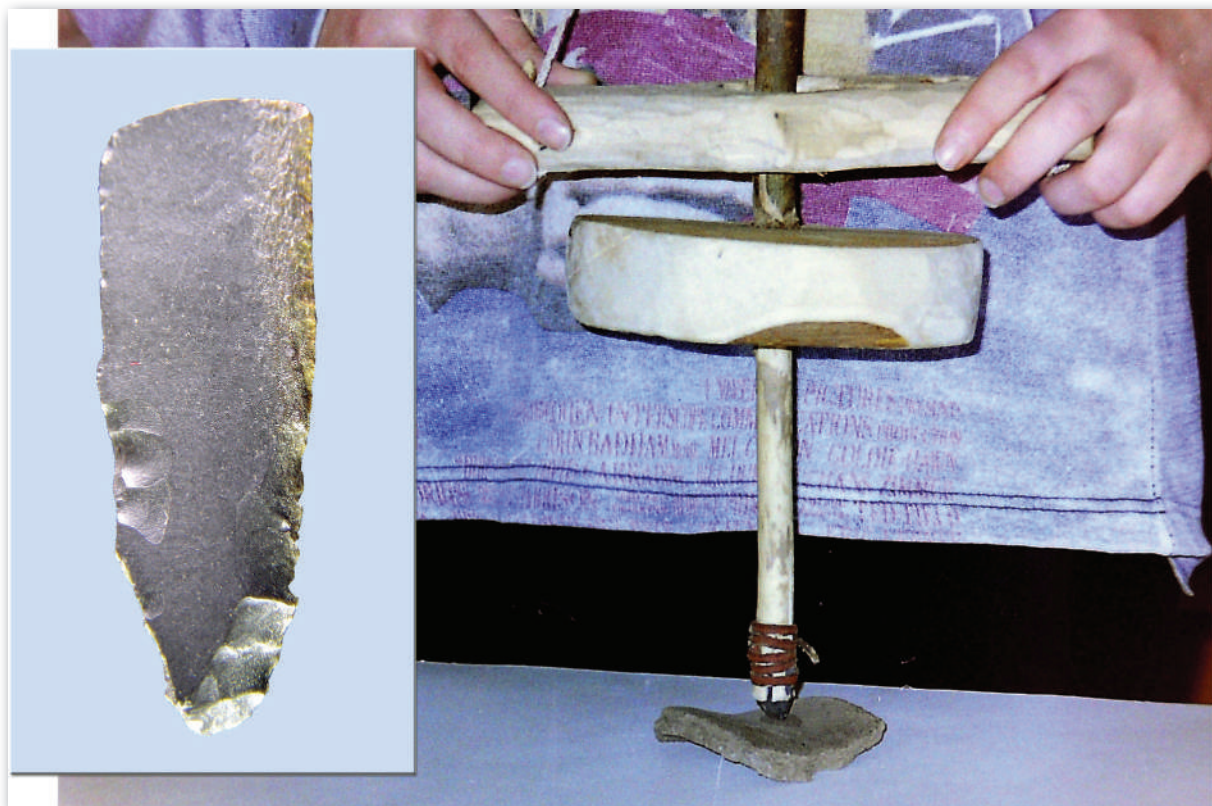

Рис. 51. Каменное сверло и процесс сверления им. Фото Н. Виноградова

Для создания резца мастер слегка скалывал часть боковой грани (или обеих граней) пластинки (рис. 52, 53). В таком случае «работал» угол (на него обычно на изображениях таких орудий указывает стрелка). Регулируя ширину рабочего края резца, мастер определял и ширину паза — от нитевидного, узкого, до широкого.

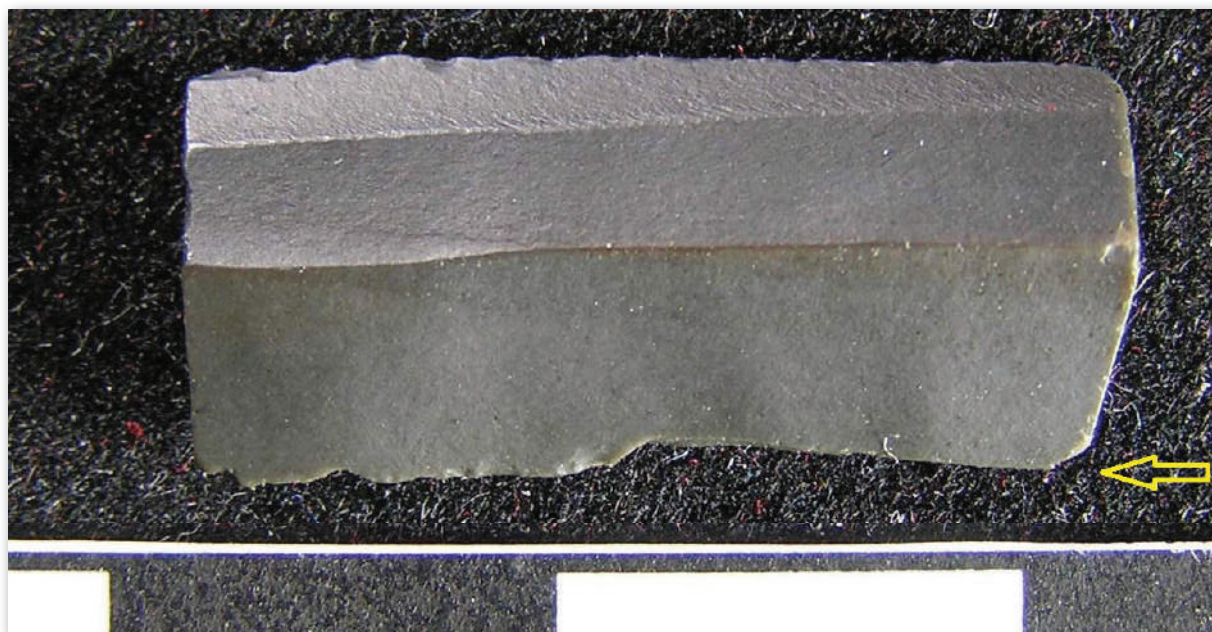

Рис. 52. Угловой резец на пластине. Фото Н. Виноградова

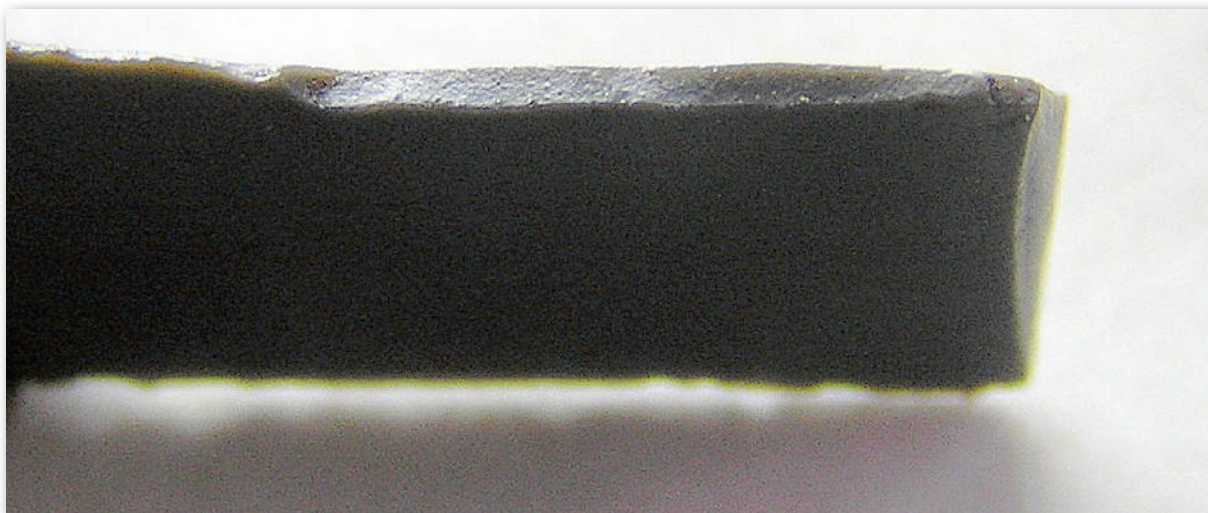

Рис. 53. Резцовый скол углового резца на пластине. Фото Н. Виноградова

Большинство перечисленных орудий (сверла, резцы) зачастую употреблялись с деревянными или костяными рукоятями. Незаменимым орудием для охотников и рыбаков был скребок. Его рабочий край, предназначенный для очистки шкур животных, чешуи рыб, обработки деревянных или костяных предметов, испытывал большие нагрузки и должен был как можно меньше выкрашиваться (рис. 54). Поэтому для скребковой ретуши более характерен угол, близкий к 90° . Углы «заточки» (ретуширования) ножа и скребка, таким образом, были различными, поскольку эти орудия выполняли разную работу и давление на рабочие поверхности было разным.

Рис. 54. Концевой скребок на пластине. Рабочая поверхность, оформленная скребковой ретушью. Фото Н. Виноградова

2.3. Тысячелетия познания минералов

Различные минералы Южного Урала использовались на протяжении всех этапов древней и средневековой истории. Впервые с обсуждаемой темой я столкнулся, прочитав маленькую, но изящно написанную книгу Г. Н. Матюшина «Яшмовый пояс Урала». Для меня, тогда начинающего археолога, любованье яшмой автором книги — солидным ученым, отдавшим часть жизни изучению каменного века Южного Урала — стало открытием. Теперь я его очень хорошо понимаю.

Не случайно поэт С. Есенин утверждал: «Лицом к лицу — лица не увидеть...» Нам, живущим на Южном Урале, кажется совершенно обычным и изобилие разнообразных руд, и многоцветье минералов в недрах наших гор. Судите сами. В Ильменских горах (в Ильменском государственном заповеднике, г. Миасс) зафиксировано около 300 различных минералов. Примерно столько же — в районе г. Пласта, на территории, известной под образным названием «Русская Бразилия». Поговаривают и о наличии здесь алмазов. И в то же время рядом с нашими местами, на западной окраине Западно-Сибирской равнины, в курганском Зауралье, о таком изобилии минеральных богатств даже мечтать не приходится, поскольку здесь палеозойские уральские горные породы, которые изобилуют минералами и полезными ископаемыми, погружены на глубину от 100 до 900 м — под толщу молодых отложений.

2.3.1. Яшмы

С глубокой древности, практически с начала истории людей на Южном Урале, использование яшм для изготовления орудий труда было обычной практикой. Представьте себе огромный склад, наполненный крайне необходимыми для людей предметами и... с открытыми дверями. Такой же «кладовой» являлись для древних уральцев многочисленные выходы яшмовых месторождений на поверхность. Берега озер, где есть выходы яшмы, просто усыпаны каменной «стружкой» (отщепами) — отходами древнего камнеобрабатывающего дела. Особенно подобная картина характерна для озер Башкирского Зауралья, что западнее Магнитогорска, — Суртанды, Карabalыкты, Сабакты и др. Известный геолог Александр Евгеньевич Ферсман писал о яшмах: «Яшмовые месторождения Южного Урала начинаются на севере, в районе Миасса, и уходят на 500 километров на юг, в Казахские степи; в Мугоджарских горах они вновь появляются из-под почвенного покрова. Полосой в 40–50 километров тянутся эти поразительные и единственные в мире месторождения яшм, обнажаясь на берегах притоков Урала».

Как фантастика звучат слова ученых о целых горах, сложенных из яшмы, об озерах, лежащих в яшмовых берегах. С любовью описывают яшмы и археолог Геральд Николаевич Матюшин, и известный южноуральский геолог Сергей Васильевич Колисниченко.

Южноуральские яшмы невозможно перепутать с другими: у них особенная окраска, соотношение цветов (рис. 55). Изделия из южноуральских яшм найдены при раскопках древних стоянок и на Южном Урале, и в далеких от Южного Урала землях. Археологи обсуждают степень участия людей в этом движении каменного сырья, и единого мнения пока нет.

Древние мастера более всего предпочитали использовать черную, зеленовато-серую, «кирпичную» (буро-красную) и полосатую (ленточную красно-зеленую) яшмы (рис. 56). Уже на заре каменного века южноуральские яшмы начали «путешествовать» за сотни километров от места добычи. Приведем пример из позднего палеолита Зауралья. Каменные орудия стоянки Шикаевка II в Варгашинском районе курганского Зауралья изготовлены из яшм, перемещенных на сотни километров к востоку от гор Южного Урала. Перемещалось каменное сырье и в пределах Уральской горной страны. Так, на раскопанной Г. Н. Матюшиным мезолитической стоянке Долгий Ельник II на оз. Зюраткуль в Саткинском районе подавляющее большинство каменных орудий из яшмы, по сведениям ученого, оказались доставленными из района, где находится современный г. Магнитогорск. Откуда такая точность в определении района добычи? Почитайте великолепную книгу С. В. Колисниченко «Яшмовый пояс Южного Урала» — торжественный гимн яшме, и все поймете. Яшмы из конкретных мест добычи не похожи друг на друга и достаточно уверенно определяются в чужом для них контексте.

Десятки разновидностей южноуральских яшм уже сотни лет используются людьми как поделочный камень. Изделия из них можно встретить в круп-

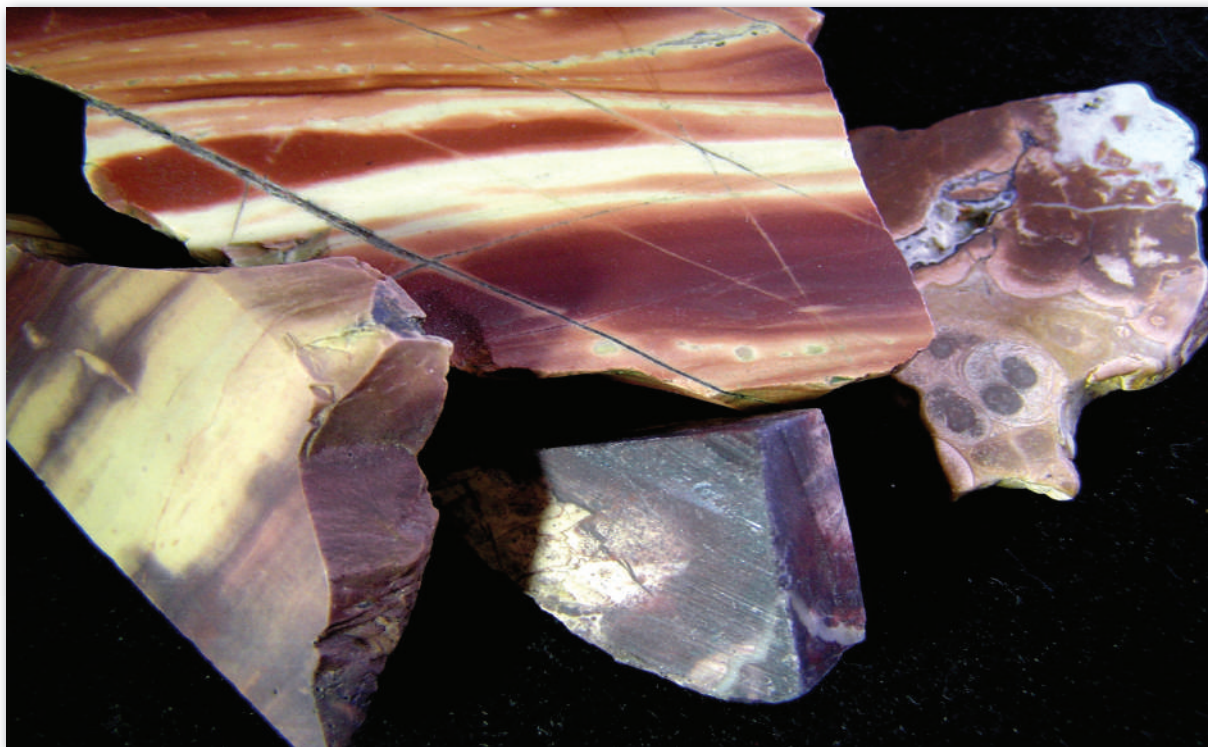

Рис. 55. Яшмы Южного Урала. Фото Н. Виноградова

Рис. 56. Поселение Шершни I. Каменные изделия. На переднем плане — нуклеусы из ленточной красно-зеленой яшмы. Фото Н. Виноградова

нейших музеях страны и мира. Но не все представляют, что на протяжении десятков тысячелетий яшмы были одним из основных видов сырья, из которого наши далекие земляки изготавливали орудия труда и вооружение. Почему? На этот выбор повлияли чудесные свойства яшмы и похожих на нее минералов (кремний, халцедон и пр.).

Свойств этих несколько.

- Во-первых, яшма очень тверда. Это одна из самых твердых горных пород.
- Во-вторых, яшма обладает способностью отслаиваться (расщепляться) при умелом ударе, раскалываясь не на бесформенные куски, а на пластины с острыми тонкими краями.
- А вот последнее свойство яшмы и похожих на нее минералов потребует от вас ответа на вопрос: приходилось ли видеть лежащие на каменистом озерном пляже обломки толстого зеленоватого бутылочного стекла? Тогда вам должно быть известно, что края этих стеклянных обломков, неоднократно прижатые подошвами обуви людей к камням, как бы шелушатся: от краев стеклышек отскакивают маленькие частички, чешуйки стекла, похожие на маленькие раковинки.

Мы привыкли думать, что поначалу древние южноуральцы использовали кремнь и яшмы лишь для изготовления орудий труда и предметов вооружения. В этом есть доля истины. Практически весь спектр орудий труда и предметов вооружения изготавливался из различных пород камня. Кроме яшм, кремня южноуральские мастера каменного века использовали для изготовления орудий труда породы с похожими свойствами: халцедон, агат, сердолик и ряд прочих.

С активизацией в раннем железном веке (I тыс. до н. э. — начало I тыс. н. э.) торговых караванных путей на Южный Урал стали поступать разнообразные иноземные каменные изделия, прежде всего украшения. В одном из погребений кочевников-сарматов IV в. до н. э., исследованном у с. Кичигино (недалеко от г. Южноуральска), археолог Александр Дмитриевич Таиров обнаружил, среди прочего, бусы из агата и сердолика, добытого в Индии и обработанного мастерами Ирана (рис. 57). Какой путь они должны были проделать до отрогов гор Южного Урала!

Рис. 57. Кичигинский могильник. Бусы (агат, сердолик, стеклянная паста). Индия — Иран. V–IV вв. до н. э. Фото А. Таирова

2.3.2. Кварц (горный хрусталь)

Еще в палеолите южноуральцы реализовали современный слоган: «Правило существует для того, чтобы его нарушали». Археологи, изучавшие позднепалеолитическую стоянку Троицкая I у места впадения р. Санарки в р. Уй, были весьма удивлены тем, что из почти двухсот найденных здесь каменных предметов более половины были изготовлены... из горного хрусталя (рис. 58)! А ведь он очень плохо обрабатывается, поскольку не обладает двумя из трех перечисленных выше качеств. Но древние мастера оказались искусны и упорны в своем желании, изготавливая из горного хрусталя орудия различного назначения. Горный хрусталь использовался и позднепалеолитическими уральцами, обжившими берег оз. Большие Аллаки, что в современном Каслинском районе Челябинской области (рис. 59).

Рис. 58. Стоянка Троицкая I. Скребок. Горный хрусталь. Поздний палеолит.
Фото В. Широкова

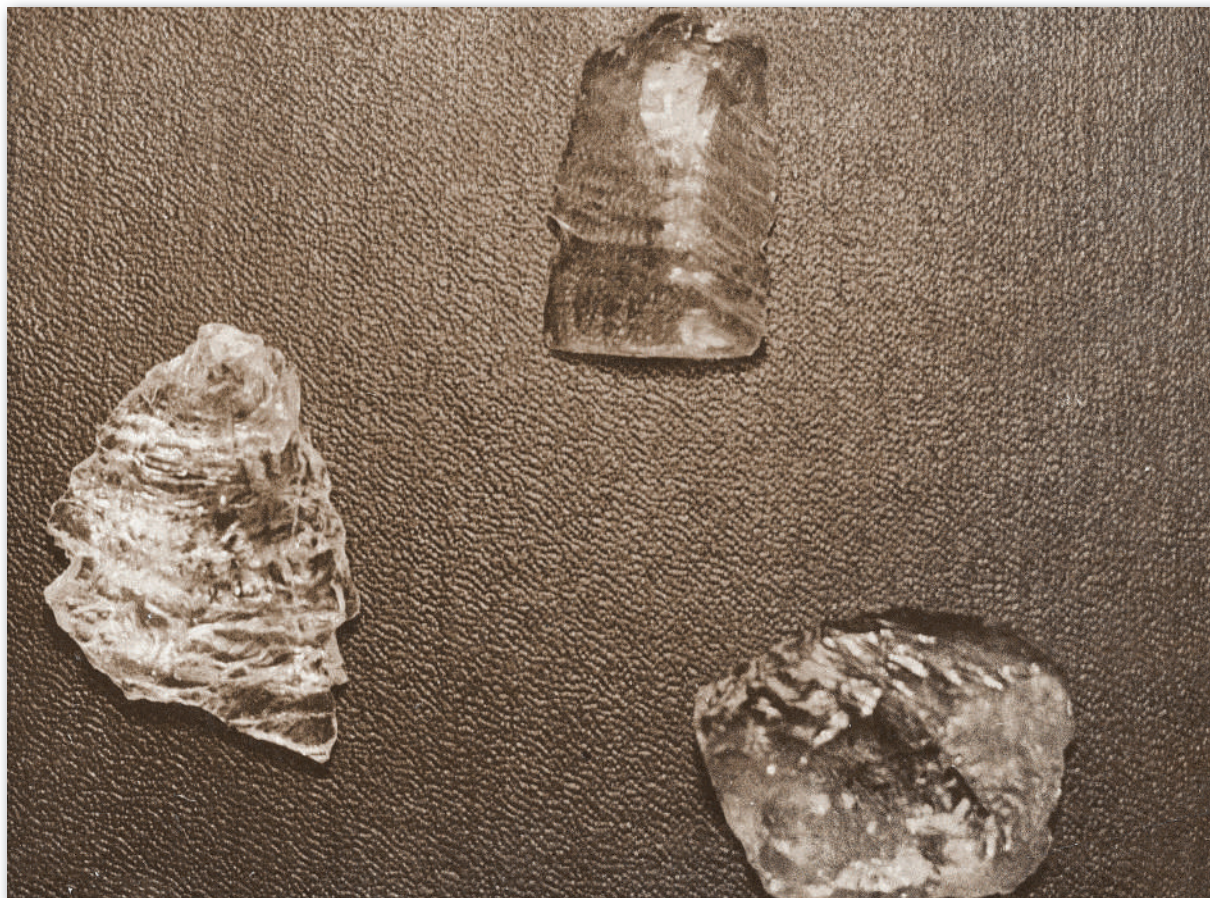

Рис. 59. Местонахождение на озере Большие Аллаки. Изделия из горного хрусталя. Поздний палеолит. Фото Н. Виноградова

Чтобы закончить сюжет о горном хрустале, перенесемся в бронзовый век — в середину II тыс. до н. э. Именно тогда на площадке у старичного русла р. Урал, в нескольких километрах от современного районного центра с. Кизильского, в прямой видимости от древнего поселения на берегу реки под одним из курганов было совершено погребение мужчины, скорее всего, старейшины. В 1971 г. это погребение раскопал археолог Владимир Савельевич Стоколос.

Погребенный мужчина принадлежал к группе смешанного населения позднего бронзового века (около середины II тыс. до н. э.), населявшего тогда бассейн р. Урал. Среди прочих предметов в составе погребального инвентаря в могиле находилось каменное навершие булавы, служившей символом власти. Тщательно отполированный сфероид с аккуратно просверленным сквозным цилиндрическим отверстием для крепления навершия на рукояти был изготовлен... из кристалла горного хрусталя (рис. 60).

Представить детали технологии обработки и доведения кристалла хрусталя (!) до такой формы в бронзовом веке пока сложно. Само навершие булавы находится в экспозиции Государственного исторического музея Южного Урала.

Рис. 60. Навершие булавки из погребения 2 кургана 2 Кизильского могильника (Кизильский район Челябинской области). Горный хрусталь. Бронзовый век.
Раскопки В. С. Стоколоса. Фото Н. Виноградова

Фонды ГИМЮУ НВ-6445/17

3.3. Серпентинит и похожие горные породы

Начиная с позднего мезолита и по энеолит включительно (VII–III тыс. до н. э.), обитатели Южного Урала успешно изготавливали топоры, тесла, долота (каменные их клинья, различным образом закрепленные в деревянных рукоятках) из... мягких пород камня: серпентинитов, разновидностей хлоритового и талькового сланца (рис. 61). Они легко обрабатывались с помощью как орудий из более твердого камня, так и, позднее, металлических орудий, а доводились (шлифовались) на абразивных плитах с подсыпкой влажного песка. Конечно, *эффективность подобных орудий достигалась прежде всего благодаря углу заточки, характерному в наши дни для железных топоров-колунов.*

В неолите-энеолите (VI–III тыс. до н. э.) в основном в горно-лесной части Урала, известно лишь около десятка погребений, в основном в пещерах. Объединяющей эти погребения чертой была традиция украшать одежду десятками шлифованных каменных подвесок из серпентинита и других мягких пород или костяных подвесок. На территории Челябинской области самым известным подобным погребением является погребение в Бурановской пещере на р. Юрюзань близ г. Усть-Катава. В бурановском погребении около 40 подвесок из серпентинита. Они плоские, каплевидной формы, шли-

Рис. 61. Случайная находка на берегу озера Карагайского (Верхнеуральский район Челябинской области). Шлифованный топор. Серпентинит. Неолит — энеолит. Фото Н. Виноградова
Фонды лаборатории археологических исследований ЮУрГПУ

фованные, со сквозным отверстием в приостренной части (рис. 62). Археолог Юрий Борисович Сериков трактует такие погребения как шаманские.

Из мягких пород камня изготавливались и загадочные «утюжки» неолитического — энеолитического периодов древней истории Южного Урала (рис. 63). Их назначение до сих пор не выяснено. Есть несколько гипотез, и только. «Утюжки» — яркий пример выхода еще в далекой древности из употребления орудия, обеспечивавшего конкретный технологический процесс. И люди через века накрепко забыли, для чего использовались ранее эти загадочные предметы.

2.4. Древнее металлопроизводство и минералы-руды

Новый уровень использования разнообразных пород камня открылся перед уральцами в бронзовом веке (XXV–VIII вв. до н. э.). Целая совокупность причин обусловила резкое увеличение номенклатуры использовавшихся пород камня. Это в первую очередь появление в жизни людей принципиально новых технологий. Речь здесь должна идти, конечно, о добыче руды и металлопроизводстве. Цепочка технологических процессов — от добычи и обогащения руды до окончания отделки законченных изделий — прак-

Рис. 62. Бурановская пещера (Усть-Катавский городской округ Челябинской области). Подвески костюма. Серпентинит. Неолит — энеолит. Раскопки С. Н. Бибикова. Фото О. Ивановой
Фонды ГИМЮУ ОФ-60/1, 2, 11, 16, 17

Рис. 63. Стоянка Чебаркуль I. Берег озера Еловое (Чебаркульский район Челябинской области). «Утюжок». Тальк. Неолит — энеолит. Раскопки Н. П. Кипарисовой

Фонды ГИМЮУ ОФ-666/17

тически на всех этапах предполагала в древности использование каменных орудий и каменных принадлежностей.

2.4.1. Медьсодержащие минералы. Орудия рудодобычи, обогащения руды и металлообработки

Основными источниками меди для металлургов бронзового века Южного Урала были медьсодержащие минералы — малахит и азурит (рис. 64). Эти минералы были очень широко распространены на территории Южного Урала. На естественных выходах таких руд, ярко окрашенных в синие и зеленые цвета, древние люди начинали сначала сбор, а потом и добычу руды с проходкой примитивных горных выработок — поноров, достигавших глубины в десятки метров. Такие «шахты» известны в Чесменском районе у пос. Новомирского, в Пластовском районе по р. Каменке, в Верхнеуральском районе на Аслаевском руднике. Проходка и добыча руды производилась с помощью горнопроходческих бронзовых орудий, диабазовых (базальтовых) курантов — отбойников. Ими же дробили руду для подготовки к плавке. Предпочтение отдавалось малахиту как более богатому медью минералу. Особым счастьем для древних людей можно считать находки месторождений самородной (чистой) меди. Они были известны на старинном Санарском руднике и Кочкарском месторождении золота, которые позднее, в XVIII–XIX вв., были «вновь» открыты для добычи меди и золота по старинным следам добычи (так называемые Чудские копи).

Рис. 64. Малахит и азурит — медьсодержащие минералы. Фото Н. Виноградова

Кусочки медной руды археологи обнаруживают не только на развалинах поселений, но изредка и в погребениях той поры как сигнал о степени распространенности металлопроизводства и ритуалах, связанных с ним.

Конечно, медьсодержащие минералы были вплетены в ткань верований и суеверий того времени. Самый яркий пример — крупная малахитовая... бусина с просверленным в ней сквозным отверстием, найденная в одном из погребений знаменитого Синташтинского могильника бронзового века на юге Челябинской области (рис. 65). Вряд ли назначение этой детали туалета было связано лишь с эстетикой. Скорее, с учетом места малахита в системе металлопроизводства, бусина играла роль своеобразного оберега, амулета и была «вплетена» в обряды.

Обогащение руды означало освобождение ее от рудовмещающей породы и примесей, измельчение. Оно производилось с помощью комплекта орудий — массивных плит-рудотерок и пестов для дробления и растирания руды (рис. 66). Специалисты-трассологи пишут о том, что в результате этой операции в неровностях рабочих поверхностей пестов и рудотерок оставались частички медной руды. Кроме того, в ходе дробления и растирания руды на рабочих поверхностях с нанесенными на них для улучшения сцепления мелкими углублениями — пикетажем, оставались параллельные линейные следы от возвратно-поступательных движений песта (рис. 67).

Рис. 65. Синташтинский могильник (Брединский район Челябинской области).

Бусина, 2,2×2,1 см. Малахит. Раскопки В. Ф. Генинга. 1974 г.

Фонды ИЭИ УФИЦ РАН, инв. № МАЭ ОФ 938/2557

Рис. 66. Случайная находка у села Новый Кумляк (Пластовский район Челябинской области). Каменный пест для дробления и растирания руды. Бронзовый век.

Фото Н. Виноградова

Фонды лаборатории археологических исследований ЮУрГПУ

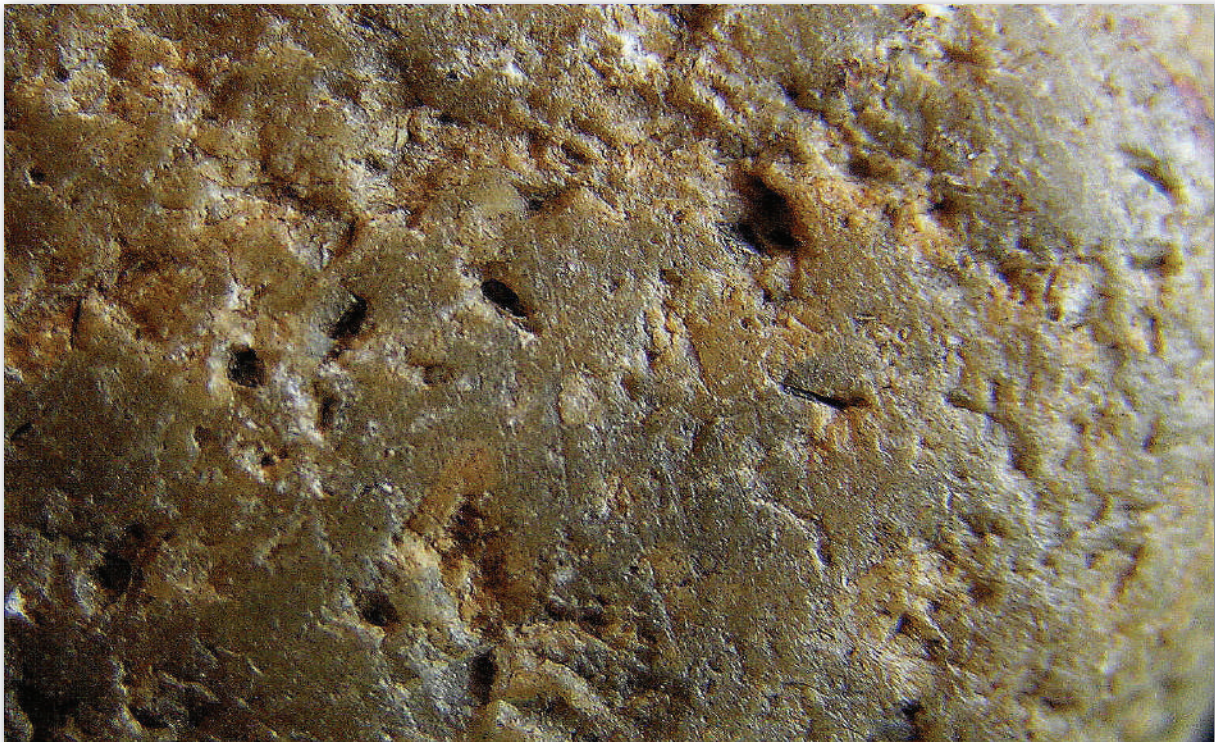

Рис. 67. Случайная находка у села Новый Кумляк (Пластовский район Челябинской области). Рабочая поверхность каменного песта для дробления и растирания руды.

Бронзовый век. Фото Н. Виноградова

Фонды лаборатории археологических исследований ЮУрГПУ

Рис. 68. Случайная находка у села Новый Кумляк (Пластовский район Челябинской области). Каменный молот. Бронзовый век.
Фото Н. Виноградова
Фонды лаборатории археологических исследований ЮУрГГПУ

Рис. 69. Случайная находка у села Новый Кумляк (Пластовский район Челябинской области). Рабочая поверхность каменного молота. Бронзовый век.
Фото Н. Виноградова

Фонды лаборатории археологических исследований ЮУрГГПУ

Раскопки целого ряда поселений бронзового века в Южном Зауралье показали, что орудия, связанные с металлопроизводством, значительно преобладают над прочими. Кроме рудотерок и пестов для дробления и растирания руды большое количество орудий связано с металлообработкой. Это различного веса молотки (молоточки, молотки и молоты), предназначенные для различных операций по обработке металла (рис. 68; 69), а также абразивы с различным размером зерен, предназначенные для окончательной доводки изделий — от грубой обдирки до наводки лезвий. Кроме того, существовали и специальные орудия для заточки острий: шильев, игл (рис. 70).

Орудия, обслуживавшие металлопроизводство, изготавливались из различных пород камня. Это песчаники, сланцы, различные виды пород вулканического происхождения: туфы, порфиры и т. д.

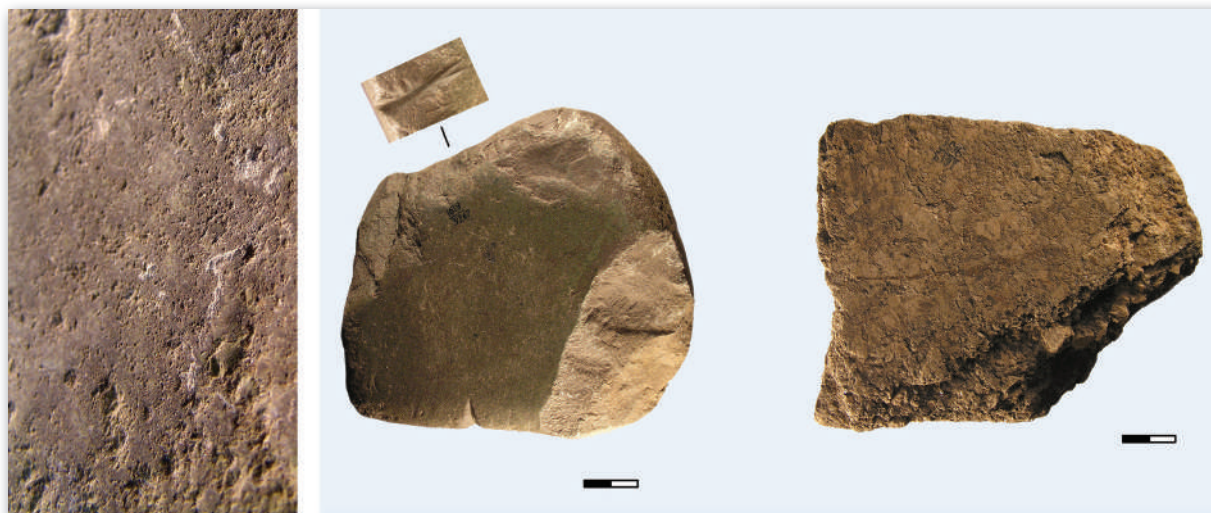

Рис. 70. Укрепленное поселение бронзового века Устье I. Абразивы и их рабочие поверхности. Фото Н. Виноградова

Фонды лаборатории археологических исследований ЮУрГГПУ

2.4.2. Тальк

Еще одним направлением использования камня в бронзовом веке Южного Урала, связанным с металлопроизводством, было изготовление литейных форм (рис. 71, 72). Формы резали металлическими орудиями из мягких пород камня: талька и иных тальк-хлоритсодержащих пород. Мелкочешуйчатый плотный агрегат этих минералов позволял вырезать в них разнообразные полости, заполнявшиеся затем через литники расплавленным металлом.

Тальк древние уральцы использовали разнообразно. Тальковую крошку могли измельчать и добавлять в глиняное тесто для придания будущим сосудам огнеупорности. Из талька или тальксодержащих пород вырезали штампы-орнаменты для нанесения орнамента на керамические сосуды. Подобный инструмент был поднят с поверхности разрушенного древнего поселения на берегу Шершневого водохранилища в черте современного Челябинска (рис. 73).

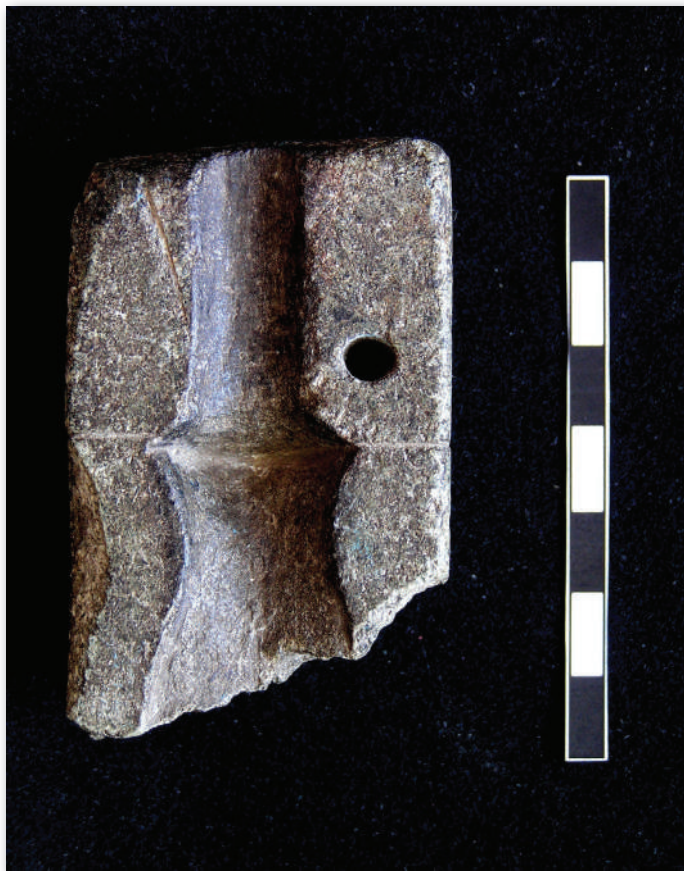

Рис. 71. Случайная находка Р. Котлярова у поселка Тополевка в черте современного города Челябинска, на берегу Первого озера. Фрагмент створки формы для отливки ножа-кинжала из Тополевского клада. Талькохлорит. Заключительный этап бронзового века.
Фото Н. Виноградова

Фонды лаборатории археологических исследований ЮУрГГПУ

Рис. 72. Случайная находка Р. Котлярова у поселка Тополевка в черте современного города Челябинска, на берегу Первого озера. Фрагмент створки формы для отливки ножа-кинжала из Тополевского клада. Талькохлорит. Предварительная разметка и углубление под штифт для корректного соединения створок формы. Заключительный этап бронзового века.

Фото Н. Виноградова

Фонды лаборатории археологических исследований ЮУрГГПУ

Рис. 73. Поселение Шершни I в черте города Челябинска. Подъемные сборы. Орнаментир. Талькосодержащий минерал. Предположительно, неолит — энеолит.
Фото Н. Виноградова

Фонды лаборатории археологических исследований ЮУрГПУ

Тальк, правда, очень редко, служил целям искусства, неотделимого в древние времена от ритуала. Из него вырезали скульптуры. На плитках талька или талькохлорита вырезали различные изображения. На четырех плоскостях плитки талькохлорита, найденной случайно на территории древнего городища на оз. Синара в Снежинске на севере Челябинской области, пять раз вырезан один и тот же антропоморфный персонаж (рис. 74). Предположительное время создания — энеолит (IV–III тыс. до н. э.).

Скульптуру, изображающую голову барана (?), на куске талька обнаружили в культурном слое укрепленного поселения бронзового века Устье I на р. Нижний Тогузак. Предположительно, камень мог служить в качестве противовеса для металлургического меха.

2.5. Граниты в древности и Средневековье

Использованию гранита способствовала геологическая обстановка Южного Зауралья, где гранитные массивы в виде небольших обнажений распространены на огромных территориях степей (Степнинский, Джабык-Карагайский, Адамовский и другие массивы; рис. 75). Здесь в естественных обнажениях благодаря процессам выветривания сформировались тонкоплитчатая, матрацевидная отдельность, так широко используемая с древности до наших дней как прекрасный строительно-отделочный материал.

Население бронзового века в Южном Зауралье оставило следы использования гранита в архитектурных сооружениях. Укажем прежде всего

Рис. 74. Случайная находка на берегу озера Синара в черте современного города Снежинска. Плитка талькохлорита с антропоморфными изображениями. Предположительно, энеолит.
Фото Н. Виноградова

Музей Дворца творчества детей и молодежи имени В. М. Комарова г. Снежинска

на гробницы из массивных гранитных плит, перекрытые также плитами и надмогильными земляными сооружениями — курганами. Эту картину археологи наблюдали в могильниках бронзового века Путиловская Заимка и Приплодный Лог в Троицком районе, в долине р. Уй, Звягино в Чебаркульском районе (рис. 76).

Вы спросите: почему для сооружения конструкций под курганами люди не использовали дерево? Ведь в первом случае рядом с могильником находилась южная окраина известного Санарского бора. Дело, скорее всего, в традициях. Люди, оставившие это и похожие древние кладбища, скорее всего, переселились сюда из степей Казахстана, где использование камня для строительства гробниц соплеменников было обычным делом. Не захотели они менять укоренившуюся традицию и после переселения на более богатый деревом Южный Урал.

В Средние века (в XIII в.) монгольское завоевание одним из частных результатов имело появление на Южном Урале поминальных комплексов. Традиция их сооружения началась еще в I тыс. н. э. на Алтае, в древнетюркской среде. В степях Южного Урала, где в XIII–XIV вв. размещалась одна из

Рис. 75. Вершины сопок с гранитными матрацевидными останцами в окрестностях села Степного (Пластовский район Челябинской области). Фото Н. Виноградова

Рис. 76. Могильник Путиловская Заимка (Троицкий район Челябинской области). Погребальные конструкции. Гранит. Бронзовый век. Фото А. Таурова

областей Золотой Орды — улус Шибана, в это время появились разноплеменные тюркоязычные кочевые племена, перемещенные монголами из различных районов Алтая и Сибири. Они принесли сюда традиции своей родины. Одной из таких традиций было сооружение из гранитных плит и брекчии (обломочной породы из сцементированных угловатых обломков горных пород разнообразного состава и происхождения) своеобразных святилищ в честь предков (рис. 77).

Рис. 77. Поминальный комплекс Каменный Амбар 2 (Карталинский район Челябинской области). Обломок стелы. Гранит. XIII–XIV вв. Фото В. Костюкова

Фонды лаборатории археологических исследований ЮУрГГПУ

2.6. Нефрит

К бронзовому веку относятся и первые достоверно зафиксированные случаи использования такого редкого для наших мест камня, как нефрит. О месторождениях нефрита на Южном Урале известно немного. Геологи знают о небольших по объему месторождениях нефрита в окрестностях г. Миасса, открытых только к концу XX в., и у североказахстанской Жетыгары. Нефрит — камень необычный. Он существует в нескольких расцветках — от белого до темно-зеленого и даже черного. Плотный и вязкий, нефрит издревле был окутан покрывалом суеверий и легенд. Поэтому неслучайно в культурном слое укрепленного поселения бронзового века Устье I на границе Варненского и Карталинского районов была найдена заготовка навершия булавы именно из нефрита (рис. 78). Булава сама по себе, в индоиранских верованиях определенная как «палица бога Индры», наделялась волшебными свойствами. И сам нефрит в обработке непрост. Эта находка подтверждает:

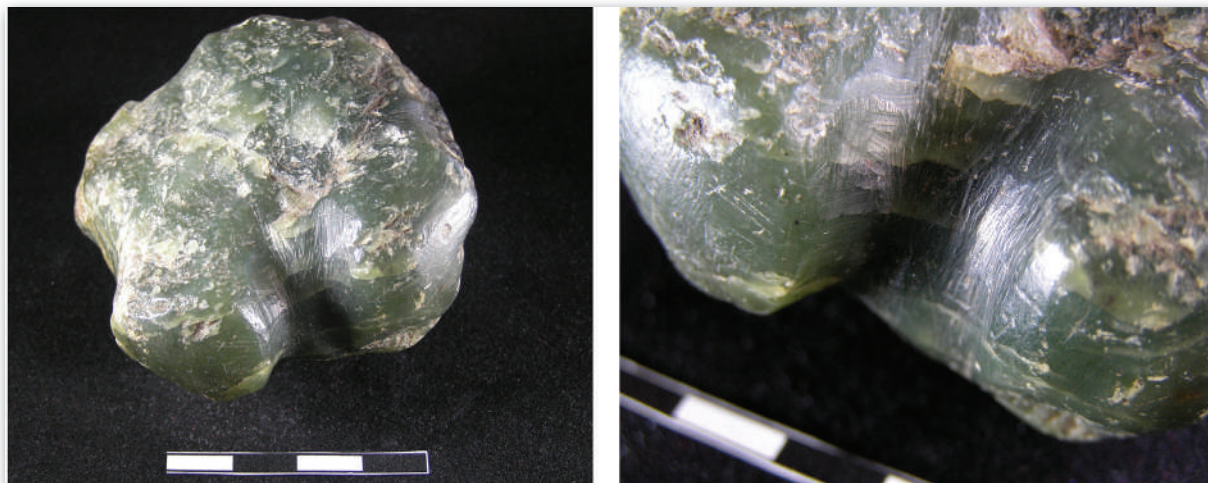

Рис. 78. Укрепленное поселение бронзового века Устье I (Варненский район Челябинской области). Подъемный сбор. Заготовка навершия булавы. Нефрит.
Фото Н. Виноградова

древние жители Южного Урала достигли значительных высот в искусстве обработки камня.

Мы с вами проследили, как на протяжении сотен тысяч лет наши предшественники на Южном Урале достаточно эффективно использовали минеральные сокровища региона. Спектр вариантов использования минералов и горных пород, как мы видели, напрямую зависел от множества факторов. Здесь и геологическая предрасположенность территории, и образ жизни людей, и ориентированность их хозяйственно-экономической жизни, и верования, и даже происхождение.

Минеральные богатства издревле придавали направленности исторического развития народов Южного Урала некоторую особенность. Но природные «кладовые» не безграничны. Месторождения меди, железа, золота, драгоценных камней, казавшиеся огромными в XVIII–XIX вв., исчерпаны полностью. На Южном Урале уже нет малахита. Он останется лишь в музеях, в древних и старинных бронзовых предметах да... в сказах П. П. Бажова. А жаль.

Сказанное выше позволяет утверждать следующее:

- *Многообразие вариантов природно-климатических условий было важным фактором, повлиявшим на облик жизни людей в конкретные периоды древней и средневековой истории региона.*

- *Скотоводство раньше появилось и утвердилось в более пригодных для них степных и лесостепных районах Южного Зауралья. Таежные горные долины и предгорья, напротив, многие тысячи лет кормили охотников, рыболовов и собирателей.*

- *Минеральные богатства Южного Урала (каменное сырье, руды) на протяжении тысячелетий придавали жизни его обитателей и их истории черты своеобразия в сравнении с окружающими территориями.*

Литература

Основная

Мосин В. С. Южный Урал в каменном веке // История Южного Урала Т. 1. Челябинск : Издат. центр ЮУрГУ, 2019. Т. 1. 408 с.

Мосин В. С. Древние охотники Урала (археология и жизнь). Челябинск : Издат. центр ЮУрГУ, 2013. С. 52–104, 106–140.

Дополнительная

Колисниченко С. В. Удивительные минералы Южного Урала. Челябинск : Аркаим ; Изд-во ЮУрГУ, 2004. 296 с. : ил.

Колисниченко С. В. Яшмовый пояс Южного Урала : энцикл. урал. камня. Челябинск : Санарка, 2007. 310 с. : ил.

Колисниченко С. В., Попов В. А. «Русская Бразилия» на Южном Урале: Минералы долин рек Санарки, Каменки и Кабанки : энцикл. урал. камня. Челябинск : Санарка, 2008. 528 с. : ил.

Колисниченко С. В., Попов В. А., Епанчинцев С. Г., Кузнецов А. М. Все минералы Южного Урала. Минералы Челябинской области : энцикл. урал. камня. Челябинск : Санарка, 2014. 624 с. : ил.

Матюшин Г. Н. Яшмовый пояс Урала. М. : Искусство, 1977. 176 с. : ил.

ГЛАВА 3. ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ ЮЖНОГО УРАЛА

3.1. Письменные источники

Древняя и средневековая история народов Южного Урала в доступном и для детей, и для взрослых изложении — результат героических усилий нескольких поколений ученых. Еще не написаны книги, читая которые, современники смогут понять и по достоинству оценить героизм этих тружеников науки.

Какие источники положены учеными в основу «полотна» древней и средневековой истории региона? Безусловно, в первую очередь обратимся к свидетельствам древних авторов, древним надписям на различных материалах, то есть к письменным источникам.

Прежде чем перейти к обсуждению письменных источников, посмотрим на карту Евразии. Южноуральский регион занимает равноудаленное положение по отношению ко всем местам в Старом Свете, где в древности получили распространение ранние формы письменности (Древний Китай, Индия, Иран, Древняя Греция и Рим). Удаленность эта не могла не сказаться на количестве и качестве письменных свидетельств о древних народах края.

Известный отечественный историк-востоковед Михаил Михайлович Дьяконов в своих трудах отождествлял древние племена создателей древнейших частей «Вед» и «Авесты» — сборников обрядовых гимнов и песнопений — со степными культурами срубной и андроновской культурно-исторических общностей бронзового века Поволжья, Приуралья и Казахстана. Постепенно в отечественной исторической науке утвердилось мнение о возможности использования ведических и авестийских текстов для освещения различных сторон жизни древних народов, особенно бронзового века, степной полосы Евразии и Южного Урала в частности.

Другая группа письменных источников — труды древних греков и римлян. И те и другие на Южном Урале сами не были, исключая разве что легендарного Аристея из Проконнеса. Впервые в «Истории» Геродота (V в. до н. э.) мы находим сведения о древних народах, история которых связана с Южным Уралом и соседними с ним территориями. Среди них савроматы, исседоны, тиссагеты (фиссагеты) и др. Именно Геродот упоминает о караван-

ной дороге на восток от Северного Причерноморья, оговариваясь, что нужны семь переводчиков, для того чтобы обслужить караван от начала движения до завершения пути. Страбон в своей «Географии» (I в. до н. э.) описывает географическую локализацию различных военно-территориальных союзов кочевников степей Казахстана и Южного Урала — саков — и характеризует особенности их жизни.

Клинописные надписи царей Ирана из династии Ахеменидов также содержат сведения о саках. Северная окраина «мира саков» в VII–VI вв. до н. э. находилась в степях Южного Урала. О саках же со слов путешественников и лазутчиков повествуют и древние китайские хроники. Но и древние греки, и иранцы, и тем более китайцы описывали лишь окраины огромного мира кочевников, в центре которого находились Уральские горы. Поэтому античные свидетельства о народах Урала, и Южного Урала в частности, полупелендарны и мифологичны.

Что же касается самих Уральских гор, то перед народами античных цивилизаций впервые они появляются на карте Клавдия Птолемея (II в. н. э.). Река Урал на его карте обозначена как Даикс. И тут самое время вспомнить, что названия части основных рек Восточной Европы (Дунай, Днестр, Днепр, Дон) и в наши дни звучат на древних иранских языках словами с корнем «дан», что означало «река» или «вода». Уральские же горы в сочинениях античных авторов чаще называются Рифейскими или Рипейскими.

Степи Восточной Европы и Казахстана в раннем Средневековье (I тыс. н. э.) занимали различные военно-территориальные союзы племен, уже в основном тюркоязычных кочевников. В горно-лесной части Южного Урала жили далекие предки современных угрозязычных народов. В Средние века, в конце I тыс. н. э., северо-восточные границы арабской цивилизации, мира ислама, в результате арабского завоевания распространились до района Приаралья. Арабские ученые, купцы, богословы обратили свой взор на северную окраину тогдашнего мира — Поволжье, Южный Урал и Западную Сибирь. Интересы арабов к северным широтам были разнообразны: торгово-экономические, военно-политические и, конечно, религиозные. Историки полагают, что во второй половине I тыс. до н. э. Среднюю Азию, Поволжье и Южный Урал связывало несколько вариантов караванных путей. Первый из них являлся северным маршрутом Великого шелкового пути. Караваны отправлялись из Бухары через плато Устюрт, далее следовали к р. Эмбе, р. Урал и выходили к Волге в ее низовьях. Второй — оформился чуть позднее. Этот караванный путь проходил через земли башкир к границам Волжской Булгарии.

В 20-е гг. XX в. в одной из мечетей г. Мешхед (Северный Иран) была обнаружена рукопись X в. Ее автором был просвещенный араб по имени Ахмед ибн Фадлан. Именно ему в силу ряда обстоятельств пришлось возглавить

посольство халифа багдадского в страну булгар в 921–923 гг. Степи Западного Казахстана тогда занимали кочевые племена огузо-печенежской конфедерации, в состав которой входили и этнические подразделения с этнонимом «баштирд», отождествляемые с предками современных башкир. Утвердилось мнение о том, что именно Ахмед ибн Фадлан и был первым упомянутым в своих сочинениях о башкирах. Бесценны для науки его описания не только башкир, но и огузов (гузов), их общественного устройства, верований, погребальных обрядов и т. д.

Выдающийся географ XII в. Аль-Идриси в 1154 г. создал труд, в котором описал, в частности, и горы Южного Урала. На составленной им карте мира нанесены реки Урала.

Сведения еще об одном народе Южного Урала — кочевниках кимаках — находим у автора XI в. Гардизи.

О целом ряде народов Южного Урала сообщает нам в своей «Истории монголов» придворный историограф монгольской династии правителей Ирана — хулагидов — Рашид-ад-Дин (XIII–XIV вв.).

Еще одна группа письменных источников, в которых можно обнаружить сведения о средневековых народах Южного Урала, — западноевропейские. Возьмем, к примеру, широко известный трактат византийского императора Константина Багрянородного (908–959) «Об управлении империей», составленный им для сына-наследника, и найдем там строки, посвященные печенегам (пачинакитам), мадьярам. Мадьяры за несколько столетий в раннем Средневековье совершили свой исторический путь от Западной Сибири через Южный Урал в Восточную Европу, где в X в. обрели родину.

Перечень письменных документов с упоминаниями конкретных древних и средневековых народов Южного Урала и окружающих территорий можно продолжить, но вывод не изменится. Этих источников явно недостаточно для создания «полотна» древней и средневековой истории края.

3.2. Археологические источники изучения древней и средневековой истории Южного Урала

Другую группу важнейших источников по древней и средневековой истории Южного Урала составляют памятники археологии. По некоторым гипотетическим подсчетам, только в пределах современной Челябинской области их более 30 тыс. Ученым известна в лучшем случае лишь самая небольшая их часть. В то же время в силу своей специфики они отражают большую часть жизненного спектра древних и средневековых народов.

- Для древнего каменного века (палеолита) это места кратковременных стоянок групп охотников в пещерах и гротах, своеобразные технологические площадки для разделки туш добытых на охоте или погибших в силу иных причин животных; пещерные святилища, в том числе с рисунками на стенах.

- Для мезолита Южного Урала известны долговременные и сезонные стоянки и поселения, мастерские, разнообразные святилища.
- Неолитический период представлен разнообразными стоянками и поселениями, мастерскими, святилищами и единичными погребениями.
- К бронзовому веку Южного Урала относятся разнообразные поселения, в том числе укрепленные, древнейшие в регионе курганные могильники, медные рудники.
- По берегам рек в северной части Челябинской и северо-запада Курганской областей дремлют руины городищ раннего железного века и Средневековья. У с. Черемисского в Катайском районе Курганской области долина р. Исети перегорожена гигантским по трудозатратам земляным валом. А вот другая величественная картина: на возвышенности между озерами в Куртамышском районе Курганской области среди полей золотистой пшеницы возвышаются руины огромной дерново-земляной пирамиды, возведенной над гробницей одного из вождей раннего железного века. И в наши дни ее высота достигает 10 м, а диаметр по основанию — 100 м. Современники знают этот курган как Бабий Бугор. А в степях Южного Урала до сих пор ждут своего исследователя циклопические святилища кочевников — курганы «с усами». Исследователям будущих веков еще предстоит открыть тайны караванных путей, соединявших тысячелетиями Южный Урал, Западную Сибирь и Среднюю Азию.

Из 30 тыс. «свидетелей древности» мы знаем лишь самую малую часть. Особенностью археологического изучения Южного Зауралья было преимущественное внимание к открытым ландшафтам — степной части края. Остальные части территории Южного Зауралья и в наши дни либо практически не исследованы археологами, либо изучены фрагментарно. Особенно это утверждение справедливо для восточных районов Челябинской области, горно-лесной части Южного Урала.

Большие надежды связываются с археологическим изучением дна рек и озер Южного Урала, особенно предгорных и высокогорных озер. Целесообразность таких исследований подтверждена находкой неолитических глиняных сосудов и деревянной посуды на дне оз. Увильды, обнаружением деревянной лодки-долбленки на дне оз. Иртяш.

У археологов в планах изучение так называемых погребенных пещер с обвалившимися сводами входных гrotов, куда тысячелетия не ступала нога человека.

Блестящий дебют дешифровки аэрофотоснимков в интересах археологии, который привел к открытию серии уникальных укрепленных поселений бронзового века на Зауральском пенеплене, должен быть продолжен. У этого метода выявления памятников археологии — большое будущее.

3.3. Война людей со своей историей

Именно археологические памятники, изученные с привлечением разнообразных профильных специалистов, явились той информационной базой, которая позволила археологам во второй половине прошедшего века впервые предложить достаточно правдивую, логичную, но в разной степени для разных эпох полную картину исторического развития Урала в целом и отдельных его районов в древности и в Средние века.

К сожалению, спустя тысячелетия уцелели лишь немногие археологические памятники. Исторический опыт свидетельствует, что, как правило, при смене населения археологические памятники разграблялись.

Ученые конца XIX в. И. И. Толстой и Н. П. Кондаков пишут: «...по докладу 1670 г. царю Алексею Михайловичу... показано, что около реки Исети и в окружности оной русские люди в татарских могилах или кладбищах выкапывают золотые и серебряные всякие вещи, и посуду... и такие вещи около Исету и в прочих местах, где оной народ, называемый Чудь жил, в их могилах и поныне находятся... раскапывают татарские тризны и находят всякое серебро и золото в сосудах и слитках...»

В архиве Далматова монастыря, что в современной Курганской области, сохранился документ о том, что «в 1712 году шадринский воевода послал во владения монастыря как знатоков отставного драгуна Михаила Слободчикова да крестьянина Макара Лобова с товарищами для поиска при помощи бобылей монастырских золота, серебра, меди и иных вещей в недрах насыпей курганов для казны государевой...»

По словам ученого-путешественника Даниила Готлиба Мессершмидта, в 1721 г. раскопки курганов составляли обычный промысел зауральского населения, причем жители отдельных слобод так и прозывались — «бугорщиками», то есть кладоискателями, или, проще, грабителями могил. И не удивительно, что к 1760-м гг., по данным еще одного историка и путешественника Герхарда-Фридриха Миллера, никто больше на могильный промысел не ходил, потому что все могилы, «в коих сокровища найти надежды имели», были уже разрыты.

Пространно описывает работу бугорщиков и Петр Андреевич Словцов в своем фундаментальном труде «Историческое обозрение Сибири» (1838): «... если первым покорителям Сибири удалось обирать живых не без огорчения, сыны их обирали мертвых без ропота. Безвестное поколение не говорит под землей о собственности... Статься могло, что расплатились в могилах праотцы тех свирепых поколений, которые приходили с Батыем зорить Россию. В бытиях народов правосудие Вечного проявляется в очередях вековых...»

И неслучайно известный ученый путешественник XVIII в. Петр Симон Паллас, проезжая вдоль р. Тобол по территории современной Курганской об-

ласти, писал в дневнике: «...лежат по дороге на поле, могильными насыпями испещренном, еще две деревни... Все курганы до последнего взрыты, из чего несомненно заключить можно, что на то употребленный труд был не напрасен и кладоискатели свой расчет при том наблюдали...» Ту же безрадостную картину отмечает в своем дневнике и другой исследователь того же периода — Иоганн Петер Фальк.

Исследователи сообщают, что и в XIX в. в деревнях Зауралья у знахарей и знахарок можно было встретить под общим названием «громовых стрел» кремневые, яшмовые наконечники и скребки, неолитические сланцевые топоры... «Громовые стрелы» служили лекарственным средством против всевозможных болезней. Обычно их измельчали, а потом лечили сланцевым порошком пациентов: давали для приема внутрь или же опускали его с наговором в воду и затем поили этой водой... «Крестьянские коровы щеголяли медными колокольцами, изготовленными из переплавленных древних предметов...», находимые в древних курганах медные предметы «крестьяне отдавали заводским мастерам для переливки их в почтовые и шейные для скота колокольчики...» — писали очевидцы.

К глубокому огорчению, отзвуки вековой «войны» наших предшественников с памятниками древней истории ощущаются и сегодня. Глубокое безразличие властных структур, невежество или забвение со стороны общественности привели практически к уничтожению уникального святилища эпохи позднего палеолита — Игнatieвской пещеры на р. Сим — потенциального источника научных знаний и туристического объекта, способного, кстати, при определенных условиях приносить немалую прибыль (рис. 79). Уничтожена современниками часть древних изображений на скалах известного святилища на берегу оз. Большие Аллаки в Каслинском районе (рис. 80). Лишь реставрация в начале 1980-х гг. спасла знаменитую Башню Тамерлана от обрушения и превращения в памятник эпиграфики XX — начала XXI в. (рис. 81). Разбирается для нужд современного сельского хозяйства плодородная земля, которой сложен древний пограничный вал в окрестностях с. Черемисского на северо-западе современной Курганской области (рис. 82). В течение XX в. был уничтожен или серьезно поврежден распашкой и карьерами культурный слой многих сотен древних стоянок, поселений, могильников в Южном Зауралье (рис. 83).

До сих пор не создан эффективный механизм противодействия вакханалии «черных археологов». Их количество на Южном Урале удивляет, как и безнаказанность. Вооруженные металлодетекторами, они превращаются в хорошо организованную финансовую силу. У существующих органов охраны культурного наследия нет возможностей оперативного мониторинга состояния бесценного национального достояния — памятников археологии. Мы стремительно теряем потенциальные возможности для

Рис. 79. Пещера Ямазы-Таш (Игнatieвская). Настенная живопись (поздний палеолит), поврежденная современными вандалами. Фото Н. Виноградова

Рис. 80. Древние наскальные рисунки на озере Большие Аллаки (Каслинский район Челябинской области), перекрытые надписью современных вандалов.
Фото Н. Виноградова

Рис. 81. Мавзолей XIV–XVI вв. (Башня Тамерлана) в окрестностях села Варна Челябинской области перед реставрацией в начале 1980-х гг. Современные надписи на древних кирпичках. *Фото Н. Виноградова*

Рис. 82. Пограничный Черемисский вал в окрестностях села Черемисского (Катайский район Курганской области). Предположительно, рубеж раннего железного века и Средневековья. Гумусный грунт вала разбирается современными земледельцами.
Фото И. Новикова

Рис. 83. Могильник бронзового века у села Владимировка (Варненский район Челябинской области) разрушается песчаным карьером. *Фото А. Епимахова*

углубления наших представлений о древней истории края. Последующие поколения исследователей будут называть наше время, равно как и XVIII в., временем катастрофы для наследия веков и его охраны.

Сказанное выше позволяет утверждать следующее:

- *При всей замечательности и важности каждого письменного слова о древней и средневековой истории Южного Урала, тем не менее, лишь на их основе невозможно составить цельную картину истории региона.*
- *Археологические памятники продолжают оставаться единственной надеждой исследователей в борьбе за создание внятного и достаточно подробного полотна древней и средневековой истории региона.*
- *Гражданское общество должно организоваться для защиты национального достояния — памятников археологии Южного Урала — от разграбления и разнообразного уничтожения.*

Литература

Геродот. История // Историки античности. М. : Правда, 1989. Т. 1. С. 115–120.

Страбон. География. М. : Ладомир, 1994. С. 481–486.

Путешествие Ахмеда ибн Фадлана на реку Итиль и принятие в Булгарии ислама // На стыке континентов и цивилизаций. Из опыта образования и распада империй X–XVI вв. М. : Инсан, 1996. С. 12–76.

Архипова Н. П., Ястребов Е. В. Как были открыты Уральские горы: Очерки истории открытия и изучения природы Урала. — Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1982. 302 с.

Булатов А. Б. Восточные средневековые авторы о башкирах // Археология и этнография Башкирии. Вып. 4. Уфа, 1971. С. 323–325.

Иванов В. А., Злыгостев В. А. Это были башкиры. Уфа : Китап, 2017. 128 с.

ГЛАВА 4. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ ЮЖНОГО УРАЛА

4.1. Исследователи XVIII века и археология региона

В 1734 г. на Южном Урале начинается история знаменитой Оренбургской экспедиции И. К. Кирилова. Ее деятельность была направлена не только на укрепление юго-восточных рубежей России и создание плацдарма для броска в Среднюю Азию, но и на реальное включение пограничного Оренбургского края в экономическую жизнь империи.

4.1.1. Петр Иванович Рычков (1712–1777)

Сотрудником этой экспедиции был П. И. Рычков (рис. 84), впоследствии первый член-корреспондент Императорской академии наук, выдающийся

ученый XVIII в. Он оставил после себя не столь много трудов, однако его «Топография Оренбургской губернии по ее нынешнему состоянию» по праву считается не только первым краеведческим трудом в России, но и одной из первых научных в подлинном смысле этого слова работ, в которой содержится довольно много сведений по древней истории Южного Урала и дается характеристика целого ряда памятников древних культур. Именно П. И. Рычков был первым исследователем знаменитой Каповой пещеры в Башкирии. Палеолитическим рисункам Каповой пещеры (Шульган-Таш), правда, придется ждать еще два века, пока их не увидит зоолог Александр Владимирович Рюмин (1914–2006; рис. 85).

Рис. 84. П. И. Рычков — ученый-краевед XVIII века, автор «Топографии Оренбургской губернии по ее нынешнему состоянию»

Фото из открытых источников в Интернете

Рис. 85. Зоолог А. В. Рюмин, первооткрыватель палеолитической настенной живописи в пещере Шульган-Таш (Каповой)

Фото из открытых источников в Интернете

Петр Иванович Рычков первым из европейцев описал средневековые мавзолеи Южного Зауралья, в том числе известный сейчас южноуральцам мавзолеем — Башню Тамерлана в современном Варненском районе Челябинской области. Приведем его подлинное описание двух подобных сооружений. «По реке Увелке, по течению ее, на левой стороне от Троицкой крепости в 27 верстах, находится прежде живших здесь народов палатка. Кладена из немалого жженого кирпича квадратного, в которой вместо связей положены сосновые брусья; но нынче киргизы сказывают, большею частью она разломана *и кирпич от обывателей Троицка в крепость перевозжен*» (курсив мой). В процитированном отрывке речь идет, скорее

всего, о мавзолее близ современного пос. Лагерного Троицкого района. Археологи нашего времени обнаружили здесь практически уже лишь только его фундамент. «На Заяицкой степи между сею и Степною крепостями от Верхояицка прямо верст в 60 есть в степи старинное каменное здание, но от кого построено, никто не знает». А этот отрывок, скорее всего, об известной ныне Башне Тамерлана в окрестностях Варны.

Рычков же упоминает целый ряд древних курганов и городищ, в том числе широко известные в наши дни Мыльниковские городища у г. Шадринска. П. И. Рычков первым подробно описал древние «чудские» рудники Южного Урала по р. Каргала и Сакмара. Он уверенно утверждал, что медеплавильные заводы XVIII в. получали руду из месторождений, которые начали разрабатываться в древности: «Древние здешних мест обыватели в горных делах, а наипаче в плавке меди, в свое время великие и сильные имели помыслы... Самые те копи и находящиеся в них разные вещи доказывают, что оные горные промыслы и доставание руд были прежде нашествия татар, ибо сверху нынешних рудников на несколько аршин находящаяся наносная земля довольно подтверждается, что та работа в древние времена происходила. Тут же находят и инструменты наподобие серпов или кривых ножей, может быть за недостатком железа из меди, сделанные, у коих наружный вид немалую древность изъявляет». Владелец ряда медеплавильных заводов на Урале Яков

Борисович Твердышев сообщал П. И. Рычкову, что «древних рудокопных мест великое множество... по тем же речкам Каргалам и в вершинах реки Сакмары находят сделанные из красного кирпича небольшие ручные печки и фунта по два и по три медные слитки».

В работах сына П. И. Рычкова, Николая Петровича Рычкова, также находим описания древних рудников на Южном Урале. Тема эта имела в те времена не столько историческое, сколько конкретно-экономическое содержание, поскольку устроители медеплавильных заводов тогда в значительной части ориентировались в поисках сырья на следы древних разработок.

Событием в истории изучения древней и средневековой истории Южного Урала явилась вторая академическая экспедиция (1768–1774). Участники академических экспедиций XVIII в. впервые обратили внимание на древности Южного Урала с чисто научной целью. В инструкции для членов экспедиции, составленной крупнейшим русским историком XVIII в. Василием Никитичем Татищевым, в числе прочих вопросов стояли и задачи поисков и регистрации археологических памятников. Особенно важны по интересующей нас проблеме работы отрядов, которые возглавляли молодые ученые-энциклопедисты Петр Симон Паллас, Иван Иванович Лепехин и Иоганн Петер Фальк.

Рис. 86. П.-С. Паллас,
ученый-путешественник XVIII века

Фото из открытых источников в Интернете

4.1.2. Петр Симон Паллас (1741–1811)

Петр Симон Паллас (рис. 86), издавший «Путешествие по разным местам государства Российского» (дневник путешествия) в соответствии с полученной им инструкцией Академии наук, дает подробное описание многих памятников древних культур Южного Урала и Зауралья. Так, в частности, летом 1768 г. он обстоятельно описал древний Сайгачий рудник в окрестностях Оренбурга: «При Сайгачьем руднике найдена кроме многих шурфов чрезвычайно пространная и во многих местах разработанная штольня еще в хорошем состоянии, при расчищивании которой найдены не только лепешки сплавленной

меди, но и много круглых, из белой глины сделанных горшков, в которых медь плавил, да кости засыпанных землею работников...». П.-С. Паллас упоминает также о Чертовом городище в границах современной Уфы. Он не только описал древние курганы, но и раскопал некоторые из них, как, например, курган у с. Новосергиевка в Оренбургском уезде, «на котором стоял отесанный каменный болван и еще лежал камень, на котором было высечено лицо человека».

Петр Симон Паллас оставил описание известной Башни Тамерлана: «Переправившись через Улу-Тогузак ехали мы еще часа полтора к югу и увидели тот татарский молитвенный дом, коего ради сюда и ехал. Близ сего молитвенного здания — соленое озеро и потому *Кошена-куль* именуется...» При следовании через территорию современной Курганской области П.-С. Паллас описывает знаменитый Царев курган, давший имя г. Кургану.

4.1.3. Иван Иванович Лепехин (1741–1802)

В своих «Подневных записях» И. И. Лепехин (рис. 87) неоднократно возвращается к теме памятников древней и средневековой истории Южного Урала в связи с древними рудниками в Оренбуржье и на юге современной Свердловской области (Гумешевский рудник близ современного г. Полевского), описанием древнего вала на горе Тура-тау под Стерлитамаком. Вслед за П. И. Рычковым И. И. Лепехин посетил Капову пещеру и обследовал самый удаленный от входа верхний ярус пещеры.

И. И. Лепехин тщательно описывает древние рудные разработки Южного Урала: «В 4-х верстах от Кананикольского завода на речке Куртлы находится старинная или так называемая Чудская копь. Все рудопромышленники единогласно утверждают, что жившая некогда тут чудь только самолучшую руду выбирала, оставляя все прочее потомству, из чего не без основания заключить можно, что рудные их промыслы только для собственных нужд отправлялись. Они никакого порядочно руд не добывали, но лазя под землю наподобие кротов, отковыривали лучшую руду кабаньими клыками...»

Рис. 87. И. И. Лепехин, русский ученый-путешественник XVIII века

Фото из открытых источников в Интернете

Сообщает он и о находках русских горняков — древних горных разработок и предметов на Гумешевском руднике: «При открытии Гумешевского рудника в 1731 г. найдены старинные выработки, рвы и углубления, а в них полусторелая лучина, в стену воткнутая, рукавица и сумка из лосиной кожи, кайлы, молоток... из меди сделанные. В углублении 9-саженном в 1770 году найдена в том же руднике круглая шапка с собольим околышем...»

4.1.4. Иоганн Петер Фальк (1732–1774)

Фальк первым описал ряд археологических памятников, в частности Царев курган на Тоболе, курганы на территории нынешнего Куртамышского района Курганской области, в том числе широко известный Бабий Бугор, курганы и городища по р. Исети в современном Шатровском районе Курганской области. Не прошел И.-П. Фальк и мимо древних горных разработок.

«Вся холмистая страна, особливо между Каргалинскими ручьями, при Самыше, Сакмаре и между Сакмарою и Уралом, у Вязовского редута и выше, за Красноярск, исполнена обвалившимися копиями древней чуди и оставленными горными работами, состоявшими по большей части или в ямах глубиной от 1 до 5 сажен, а в поперечнике от 3-х до 15 сажен, или в порядочных горных копиях со штольнями, штреками, но редко более 7 до 15 сажен глубиной...»

«Страна около Оренбурга имеет еще некоторые остатки прежних ее жителей... курган, называемый Бухарским маром... У ручья Каргала... видны три каменных свода... из коих один обвалился, а другие два имеют вверху отверстия, в которые можно входить...»

«В 6 верстах от города Кургана... видны малые курганы. Многие из них разрыты и, как говорят, находили в них серебряную посуду, но недавно прислан Указ, коим повелено сии имущества прежних жителей, вероятно, кочующих татар, оставить во всей их целостности...»

В это же время выходит в свет замечательное «Описание всех в Российском государстве обитающих народов, так же их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд» ученого путешественника — участника второй академической экспедиции — *Иоганна Готлиба Георги* (1729–1802; рис. 88).

Рис. 88. И. Г. Георги, ученый-путешественник XVIII века

Фото из открытых источников в Интернете

4.2. XIX век в истории археологического изучения Южного Урала

В 1845 г. было основано Русское географическое общество, в 1859 г. в России создана Археологическая комиссия, призванная контролировать археологические исследования в масштабе всей страны, а в 1864 г. — Московское археологическое общество.

Как отражение этих процессов в центральных и местных изданиях появился целый ряд публикаций о древностях Южного Урала и Зауралья. В их числе — заметки И. И. Кожина в журналах Министерства внутренних дел и Министерства народного просвещения. В них содержатся краткие сведения о Большом Мыльниковском городище в окрестностях Шадринска в Зауралье.

К середине XIX в. относится заметка священника *Тихона Успенского* в «Пермском сборнике». Успенский раскопал несколько крупных курганов на возвышенности при впадении р. Течи в Исеть в современном Далматовском районе Курганской области. Он же первым описал замечательные древние городища у дер. Мурзино (современный Каргапольский район Курганской области). На примере Большого Мурзинского городища исследователь высказал предположение о наличии башен в фортификационных системах древних городищ Южного Зауралья.

Известный зауральский краевед Николай Алексеевич Абрамов не только описал Царев курган в черте г. Кургана, но и привел связанные с ним легенды о якобы умершей и похороненной под этим курганом дочери татарского или ногайского князя.

4.2.1. Александр Никифорович Зырянов (1830–1884)

В середине XIX в. началась археологическая деятельность А. Н. Зырянова (рис. 89) — первого археолога-любителя на Южном Урале, выходца из крестьян, уроженца с. Верхний Яр, что в современном Далматовском районе Курганской области, талантливого самородка-краеведа. Работы А. Н. Зырянова в археологии были связаны в основном с древними памятниками на территории Шадринского уезда тогдашней Пермской губернии. В частности, большие археологические работы он провел в 1866, 1867

Рис. 89. А. Н. Зырянов, археолог-краевед
Фото из открытых источников в Интернете

и 1870 гг. у с. Замараево. Статьи и заметки А. Н. Зырянова, посвященные археологическим памятникам, можно было найти в основном в газетах и журналах того времени.

В первой половине XIX в. в полной мере были востребованы результаты работ ученых-путешественников XVIII в. Так, данные П.-С. Палласа о Царевом кургане практически без изменений использовал *Афанасий Щекатов* в своем знаменитом «Словаре географических названий Российского государства». Книга И.-П. Фалька была переведена на русский язык лишь в 1824 г. И, вероятно, неслучайно появление в том же 1824 г. в одном из выпусков известного тогда журнала «Отечественные записки» заметки «О старинных городищах, существующих в Курганском уезде (Тобольской губернии)» за подписью «Солунов. Смотритель училища». Заметка посвящена нескольким крупным курганам в Зауралье, известным как Царев курган, Шмаковский курган, Бабий Бугор и др. Автор определяет эти курганы как «места пребывания татарских князей и старшин, удалившихся из окрестностей Астрахани».

4.2.2. Петр Андреевич Словцов (1767–1843)

Известный исследователь истории Сибири П. А. Словцов (рис. 90) в своем удивительном по информативности и богатству языка «Историческом обозрении Сибири» (1838) касается и древних памятников Южного Урала и Зауралья. Так, он цитирует документ XVI в.: «...едва ли юрт Сибирский не стоял между Исети и Мяса, при озерах Иртыше и двух Наннягах, где на южном берегу одного из озер виден курган из полевого шпата, с древним укреплением и рвом, обведенным около кургана наподобие венка, а на северо-восточном — северном скате мыса, при протоке между обоих Наннягов, еще не осыпался ров на 130 сажен выказывающийся...»

П. А. Словцов упоминает о находке в 1822 г. на Чудаковской шах-

Рис. 90. П. А. Словцов, автор «Исторического обозрения Сибири»

Фото из открытых источников в Интернете

те глубиной 15 сажен опять-таки сумы из лосиной кожи. При соединении р. Багаряк и Синара отмечает старинные копи на левом берегу последней. Надо заметить, что П. А. Словцов практически исчерпывающе проработал данные и печатных изданий первых трех десятилетий XIX в.

4.2.3. Руф Гаврилович Игнатъев (1818–1886)

Большое значение для становления археологии на Южном Урале имела в этот период деятельность Р. Г. Игнатъева (рис. 91). От прочих краеведов той поры его отличала прямо-таки рафинированная образованность. В самом деле, он выпускник знаменитого тогда Лазаревского института восточных языков, он же музыкант и музыковед — выпускник Парижской консерватории, способный журналист (автор около 500 статей), член Московского археологического общества, участник Первого археологического съезда в Москве в 1869 г.

Московское археологическое общество в эти годы приняло решение о создании «Свода археологических памятников России». Вероятно, в этой связи Р. Г. Игнатъев приступил к созданию обширного «Археологического описания Оренбургской и Уфимской губерний», «долженствующего составить большой том убористой печати с приложением карт, чертежей и снимков». Часть этого объемного труда под названием «Городища и курганы Оренбургской губернии», опубликованная в одном из выпусков «Известий Археологической комиссии» в начале XX в., увидела свет уже после

Рис. 91. Р. Г. Игнатъев, краевед, автор свода памятников археологии «Городища и курганы Оренбургской губернии»

Фото из открытых источников в Интернете

смерти автора благодаря усилиям известного русского археолога А. А. Спицына.

Часть памятников Р. Г. Игнатъев обследовал лично, привлекая при содействии Археологической комиссии местных землемеров. Данные о прочих памятниках он получал от разнообразных информаторов. (Как следствие опросной практики — фантастические размеры насыпей курганов, отсутствие ориентировки по сторонам света и прочие недостатки.) Замыслы Р. Г. Игнатъева о создании широкого полотна «Археологического описания...» простирались и за пределы Оренбургской области. В 1873 г. в семи выпусках газеты «Тобольские губернские ведомости» была

опубликована работа Р. Г. Игнатьева «Памятники древностей в Курганском округе Тобольской губернии». В ней содержатся сведения о более чем 60 памятниках древней истории Зауралья.

С именем Р. Г. Игнатьева связано открытие для науки таких эпонимных памятников, как Гороховское (Чудаки) городище в Юргамышском районе современной Курганской области и Алакульского могильника в Щучанском районе.

Игнатьев предложил систему практического учета и охраны древних курганов через волостные правления с созданием специальных описей курганов, установкой на них номерных знаков, обнесением курганов плетневой изгородью, передачей их под наблюдение жителям селений, на чьей земле они находятся. И эта система охраны, по словам того же Р. Г. Игнатьева, начала реализовываться.

В 1863–1865 гг. Р. Г. Игнатьев обследовал разведками огромную территорию Южного Урала и открыл большое количество курганов.

В числе первых в отечественной науке он стал дополнять археологические исследования преданиями и легендами при написании истории края.

В 1865 г. произвел первые в Южном Зауралье археологические раскопки с научными целями. Им были, в частности, раскопаны курганы в современном ему Троицком уезде. Р. Г. Игнатьев произвел раскопки 30 ям от «землянок» на месте «Чудской деревни» близ с. Таловского (современный Юргамышский район Курганской области).

На юге современной Челябинской области он обследовал в 1868 г. средневековый мавзолей у ст. Тамерлан, записав следующее: «В Троицком уезде, на бывшей некогда киргизской, а теперь казачьей, земле близ отряда Варны и станицы Великопетровской, сохранились кирпичные здания известные под названием “Кисене” или “Кирка”».

Он же привел сведения о могилах «багдадских» миссионеров на горе Аушкуль, а также обследовал известные ныне в Башкирии средневековые мавзолеи Хуссейн-бека и Тура-хана.

4.2.4. Уральское общество любителей естествознания и археология региона

Этапным событием в истории изучения древней и средневековой истории Урала следует считать образование в 1870 г. в Екатеринбурге Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ). В числе прочих была в этом обществе и секция археологии. Материалы археологического отдела музея УОЛЕ составили позднее основу фондов Свердловского областного краеведческого музея им. О. Е. Клера.

4.2.5. Владимир Яковлевич Толмачев (1879–1942)

Член УОЛЕ В. Я. Толмачев (рис. 92) стал, пожалуй, первым профессионально подготовленным археологом Урала, поставив методику как разведочных, так и стационарных археологических работ на более высокий уровень. В. Я. Толмачев провел на рубеже XIX–XX вв. обширные разведочные работы по р. Исети, а несколько позднее — по р. Тобол, имея целью создание обширной «Археологической карты Урала». Его основная работа «Древности Восточного Урала», где были опубликованы материалы о древностях Шигирского торфяника, известных Сапоговских медных идолах, полезна для исследователей и сейчас. Еще в конце 1880-х гг. Археологическая комиссия предложила УОЛЕ выполнять фактически роль археологической службы в Приуральском крае. В 1890 г. Московское археологическое общество обратилось к УОЛЕ с просьбой о составлении археологической карты зауральских уездов Пермской губернии. Выполнение этой работы в значительной степени связано с именем В. Я. Толмачева. В период до 1918 г., когда В. Я. Толмачев был вынужден эмигрировать из России, он активно вел разведочные работы в различных районах Южного Урала и Зауралья, в частности по рр. Синара, Багаряк, Караболка, Миасс, Исеть, Тобол, Уй и по озерам Южного Зауралья. В. Я. Толмачев совместно с В. П. Бирюковым в 1913–1914 гг. исследовал группу памятников у с. Бакланского на р. Миасс

Рис. 92. В. Я. Толмачев, археолог, действительный член Уральского общества любителей естествознания, автор «Древностей Восточного Урала»

Фото из открытых источников в Интернете

(Каргопольский район современной Курганской области), в частности Бакланский могильник, погребения которого были обоснованно датированы им бронзовым веком.

Первая мировая война прервала археологические изыскания В. Я. Толмачева. К этому времени относятся его «Указатель к археологической карте Зауральской части Пермской губернии» и «Археологическая карта Восточного склона Урала», хранящиеся ныне в Государственном архиве Свердловской области.

Вокруг В. Я. Толмачева собирается небольшая группа краеведов-помощников. Среди них выпускник Петербургского университета, уроженец Шадринска *Юрий Павлович Аргентовский*, житель с. Ильтяково

П. С. Кузьминых, а также В. П. Бирюков, ставший впоследствии знаменитым краеведом-фольклористом.

4.2.6. Владимир Павлович Бирюков (1888–1971)

На протяжении нескольких десятилетий Владимир Павлович Бирюков (рис. 93) был активным участником археологического изучения Южного Урала и Зауралья.

Самые ранние архивные свидетельства его археологических изысканий относятся к 1909 г. (?), когда В. П. Бирюков с родственниками исследовал древний курган на территории г. Далматово в современной Курганской области. Сам же Владимир Павлович в докладе о личной археологической деятельности на Первом уральском археологическом совещании в Перми в 1948 г. указывал на то, что «увлечение сбором краеведческих коллекций» началось у него с 1895 г., то есть практически с детства, а начало систематического собирания археологических материалов как из подъемных сборов, так и из раскопок он датирует 1910 г.

За период 1910–1930 гг. В. П. Бирюковым были открыты разнообразные археологические памятники по берегам рр. Исеть, Миасс, Теча, Синара, Багаряк и по берегам водораздельных озер. Кратко упоминает он в докладе о городище на р. Багаряк напротив с. Зотина, о кремневых орудиях с разрушенной стоянки каменного века на оз. Огневском. Оговаривается В. П. Бирюков и о путешествии в 1937 г. в известную Усть-Катавскую костеносную пещеру, которую тогда изучал известный московский, а впоследствии украинский археолог Сергей Николаевич Бибиков. Основная часть археологических памятников, открытых В. П. Бирюковым, приурочена к берегам р. Исети и ее притоков: Миасса, Течи, Барневы, и к берегам водораздельных озер.

Сведения о памятниках, открытых и раскопанных с участием В. П. Бирюкова, отрывочны. Более всего известно в этом смысле Бакланский могильник у с. Бакланского на берегу р. Миасс в пределах ны-

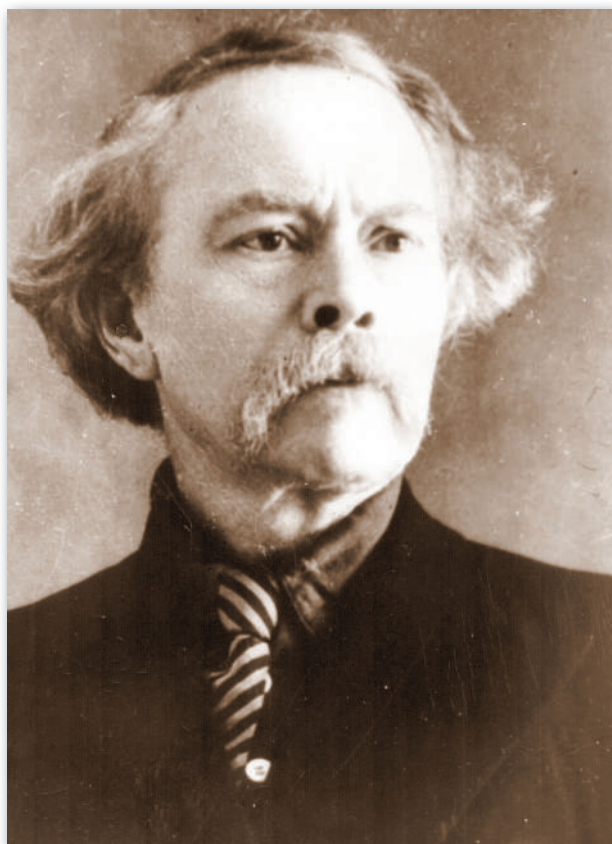

Рис. 93. В. П. Бирюков, выдающийся уральский краевед

Фото из открытых источников в Интернете

нешнего Каргапольского района Курганской области. В 1913 г. В. П. Бирюков открывает здесь размываемый водами реки могильник. В следующем 1914 г. В. П. Бирюков и В. Я. Толмачев приступили к изучению этого памятника. В отчете В. Я. Толмачева об этих раскопках прямо указано, что в результате обрушения берегового обрыва обнажилось не менее 35 детских погребений. Подробно описаны сохранившиеся остатки деревянных погребальных камер, расположение и состав предметов погребального инвентаря. Совершенно справедливо могильник был отнесен к бронзовому веку (к «андроновскому времени», как пишет В. П. Бирюков).

В фондах Челябинского областного краеведческого музея (ныне государственный исторический музей Южного Урала) нашлось несколько отчетов о проведенных В. П. Бирюковым археологических разведках: в Саткинском и Кусинском районах, по р. Миасс, от Челябинска и до Тургояка, в Щучанском районе Курганской области. Написанные чернилами от руки, отчеты и дневники эти производят странное впечатление. Это скорее не научные документы, а живые рассказы с большой долей бытописания, своеобразный рассказ о жизни страны в 1940–1950-е гг. и о памятниках ее древней истории. Автор с его многогранными исследовательскими страстями не ограничивается лишь археологией. И от этого рассказы становятся более живыми.

Археологическая образованность и методическая ее сторона у Владимира Павловича из другого измерения — из второй половины XIX в., когда на Урале образованные люди, объединившись в Уральское общество любителей естествознания, пытались изучать древнее прошлое региона.

Собственно, больших опубликованных археологических работ у В. П. Бирюкова нет. Очерк «Автор «Древностей Восточного Урала»» в известных «Записках уральского краеведа» посвящен дорогому для В. П. Бирюкова человеку — Владимиру Яковлевичу Толмачеву. Сохранился еще текст краткого выступления В. П. Бирюкова, посвященного археологической составляющей в жизни исследователя, на Первом Уральском археологическом совещании в г. Пермь (Молотов) в 1948 г.

4.2.7. Константин Андреевич Шишковский (1834–1907)

С УОЛЕ связан и археологический аспект деятельности ссыльного поляка, помещенного на жительство в Миасс, — К. А. Шишковского (рис. 94). В конце 1880-х гг. именно он открыл и начал изучение первой на Южном Урале энеолитической стоянки на оз. Кысыкуль под Миассом, опубликовав результаты своих изысканий в «Записках Уральского общества любителей естествознания». Судьба материалов раскопок не вполне ясна. По одним данным, они не сохранились до наших дней (погибли в огне пожара). Другие исследователи указывают на их хранение в Свердловском областном и Миасском городском краеведческих музеях.

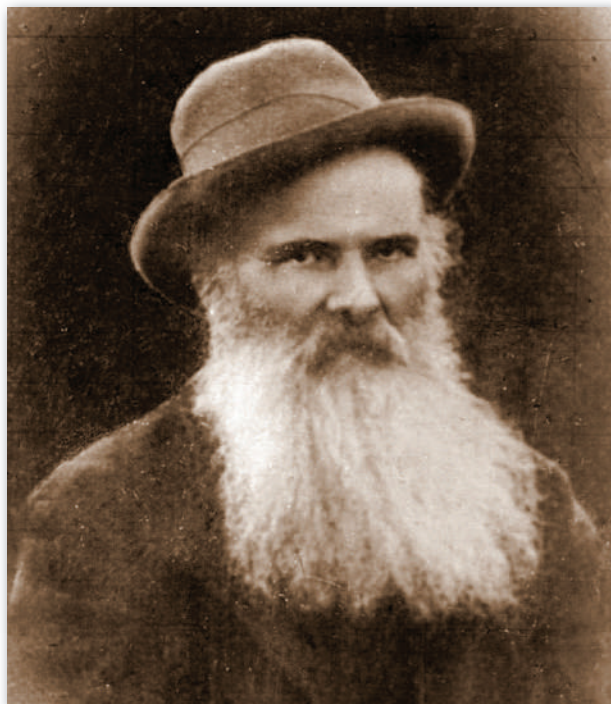

Рис. 94. К. А. Шишковский, краевед

Фото из фондов Миасского городского музея
ОФ-849 дк-2395

Рис. 95. Ф. М. Стариков, генерал-майор,
атаман 2-го военного отдела Оренбургского
казачьего войска, краевед

Фото из открытых источников в Интернете

В 1890-е гг. — начале XX в. уроженец с. Катайского *Павел Федорович Первушин открыл*, обследовал, а частью и раскопал целый ряд археологических памятников, в частности Черемисский вал, Черемисские курганы, Катайские городища, Никитинское городище.

4.2.8. Оренбургская ученая архивная комиссия

В Оренбурге в XIX в. была образована Оренбургская ученая архивная комиссия (1887–1918). Указ императора о создании подобных комиссий предполагал прежде всего упорядочение хранения и изучения архивов. Однако ОУАК превратилась в общественную организацию по комплексному изучению Оренбургского края. Печатные издания ОУАК — сборники «Труды Оренбургской ученой архивной комиссии» — содержат до 30 статей и заметок по археологии. В числе их авторов очень разные по социальному положению люди: старший казачий офицер уроженец станицы Миасской *Федор Митрофанович Стариков* (1842–1911; рис. 95), описавший ряд памятников археологии, в частности известный в Зауралье Звериноголовский курган; священники братья Инфантьевы, сообщавшие в своих статьях и заметках о различных археологических объектах на северо-востоке Оренбургской губернии и результатах их исследования; преподаватели учебных заведений, такие как И. С. Шукшинцев — создатель одной из сводок памятников археологии на территории Оренбургского края.

Среди членов ОУАК в первую очередь необходимо упомянуть *Иосифа Антоновича (Жозефа-Антуана) Кастанье* (1875–1958). Двенадцать лет жизни И. А. Кастанье (1901–1912) связаны с Оренбургом и ОУАК. Натурализовавшийся в России француз, он, будучи дипломированным специалистом, преподавал французский язык сначала в Оренбургском реальном училище, а затем в Оренбургской мужской гимназии и Неплюевском кадетском корпусе. И. А. Кастанье стал одним из активных и результативных членов ОУАК, а с 1909 г. являлся ее вице-председателем и хранителем музея. Активную деятельность И. А. Кастанье иллюстрирует, в частности, его совместный с краеведом А. Поповым «Обзор археологических раскопок в Оренбургской губернии и в киргизской степи». Однако венцом научно-краеведческой деятельности И. А. Кастанье по праву считается его труд «Древности Киргизской степи и Оренбургского края», изданный в 1910 г. В нескольких его главах автор аккумулировал доступные ему данные о древних городищах и курганах на огромной территории, включавшей помимо Южного Урала часть территории современных Казахстана и Узбекистана. Памятники археологии именно этих далеких от наших мест земель описаны в указанной книге И. А. Кастанье пространно и ярко. Чувствуются авторская пристрастность и личная осведомленность о многих из них. Возможно, интерес к древней и средневековой истории Востока и определил переезд И. А. Кастанье в 1912 г. в Ташкент. Что касается территориально близких к современному Южному Зауралью районов, то данные о местных древних памятниках автор черпал прежде всего из сводок, выполненных его предшественниками — Р. Г. Игнатьевым и И. С. Шукшинцевым, дополнив их результатами собственных изысканий и размышлений.

Безусловной новацией смотрится раздел книги о так называемых каменных бабах — древних каменных изваяниях из погребальных памятников и святилищ. Упомянем и цитаты из «Трудов Оренбургской ученой архивной комиссии» о суевериях, связанных с каменными изваяниями, и курьезных случаях у казаков, например, Троицкого уезда: «Г. Аничков доложил, что казак Нижне-Увельской станицы нашел каменную бабу в поле и отбил у нее руку, за это пристав оштрафовал его на три рубля; тогда казак бабу закопал в землю...» «Древности Киргизской степи и Оренбургского края» впоследствии пользовались заслуженным вниманием целого ряда советских археологов.

Как указывает исследователь ОУАК А. А. Евгеньев, данные полевых работ членов комиссии послужили отправной точкой для подготовки известного труда М. И. Ростовцева — монографии «Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма», с которой началось изучение сарматских древностей в отечественной археологии.

4.3. Археология Южного Урала в XX веке

В 1917 г. в Кургане начинает свою научную деятельность из-за революции не окончивший полный курс историко-филологического факультета Петербургского университета *Николай Николаевич Бортвин* (1892–1943). В 1920–1923 гг. он заведовал Курганским краеведческим музеем. Позднее (в 1939–1943) Н. Н. Бортвин становится сотрудником Свердловского областного краеведческого музея, где заведует археологическим отделом. Им изучен ряд интересных памятников древней истории Зауралья. Н. Н. Бортвин ввел в научный оборот знаменитый среди археологов Верхне-Кизильский клад бронзовых предметов, обнаруженный предположительно в развалинах сгоревшего Мало-Кизильского селища бронзового века.

4.3.1. Николай Кириллович Минко (1880–1920)

Энергичную археологическую деятельность по изучению древних могильников развернул в 1906–1911 гг. чиновник Челябинского переселенческого ведомства Н. К. Минко (рис. 96), действительный член УОЛЕ и ОУАК, обнаруживший в радиусе 25 верст от тогдашнего Челябинска около 1000 курганов и раскопавший не менее 100 из них. Полевые документы о проведенных

Н. К. Минко раскопках курганов в большинстве не сохранились. В музеях и архивах можно найти часть предметов, краткие отчеты и фотографии, но ни одного чертежа погребения или кургана.

Часть полученных коллекций Н. К. Минко послал в Императорскую археологическую комиссию, передал в музей УОЛЕ в Екатеринбурге. Остальное уже после его гибели в Челябинский музей передала его вдова. Опять-таки, лишь вещи без сопровождающих документов.

Рис. 96. Н. К. Минко, краевед, первооткрыватель археологических памятников в окрестностях Челябинска
Фонды ГИМЮУ ОФ-7246/2

4.3.2. Сергей Николаевич Дурылин (1886–1954)

В 1923–1924 гг. в Челябинском музее работал этнографом и археологом С. Н. Дурылин (рис. 97), известный впоследствии искусствовед, сосланный в Челябинск по линии ОГПУ. Им были исследованы 23 кургана бронзового века в черте современного Челябинска, в частности в черте современных пригородов Челябинска — пос. Исаково и Сухомесово.

На рубеже 20–30-х гг. XX в. в истории изучения памятников археологии Южного Урала начался новый этап. Его качественным отличием от предыдущего был больший профессионализм самих полевых археологических работ, что не в последнюю очередь связывается с деятельностью преемницы Императорской археологической комиссии — Государственной академии истории материальной культуры (позднее Институт истории материальной культуры — ИИМК), главной задачей которой являлся контроль за качеством археологических исследований.

Рис. 97. Участники раскопок курганов на озере Смолино. В центре — археолог С. Н. Дурылин. Фото Шелудякова

4.3.3. Константин Владимирович Сальников (1900–1966)

Рис. 98. Выдающийся советский археолог К. В. Сальников на раскопках курганов Федоровского могильника бронзового века в окрестностях Челябинска в 1936 г.

Фрагмент коллективного фотоснимка

Фонды научного архива Института истории материальной культуры Российской академии наук

В 1933 г. на Южном Урале начинает свою научную деятельность выдающийся археолог К. В. Сальников (рис. 98). Изучение древней истории края стало для него делом всей жизни. Тридцать лет полевых исследований увенчались научными достижениями, которые не смог до сих пор превзойти ни один из его последователей. Именно К. В. Сальников впервые в истории археологии Южного Урала на основе фрагментарных материалов попытался наполнить конкретным содержанием общую картину заключительных этапов каменного века в Зауралье. По итогам исследования поселения Бабарыкино II под Шадринском он выделил и охарактеризовал бабарыкинскую культуру, отнесенную им к раннему бронзовому веку. Исследования К. В. Сальниковым Алакульского и Федоровского могильников, Замараевского поселения бронзового века позволили ему создать периодизацию и хронологию

степной андроновской культуры Южного Урала бронзового века и с такой степенью достоверности, что периодизация эта была взята на вооружение исследователями бронзового века далеко за пределами Южного Урала (в Сибири и Казахстане). Многолетнее изучение К. В. Сальниковым Гороховского городища (Чудаки) и целого ряда погребальных памятников лесостепного Зауралья привело его к выделению лесостепной гороховской культуры раннего железного века. Работы К. В. Сальникова на городище Даутовское I (Иткульское I) на оз. Иткуль на севере Челябинской области завершились открытием им иткульской культуры раннего железного века. Им же было положено начало осмыслению средневековых древностей Приисетья, где по результатам изучения Большого Бакальского городища у Шадринска К. В. Сальников выделил бакальскую средневековую культуру.

К. В. Сальникова с полным основанием можно назвать «отцом археологии Южного Урала» в ее научном понимании.

4.3.4. Археологические исследования 1930–1940-х годов

Рис. 99. О. А. Кривцова-Гракова, археолог
 Фото из открытых источников в Интернете

С 1930 г. начинает свои исследования в Верхнем Притоболье (Костанайская область Республики Казахстан) раскопками комплекса археологических памятников бронзового века (поселение, могильник и культовое место) у с. Алексеевка известная исследовательница памятников бронзового века *Ольга Александровна Кривцова-Гракова* (1895–1970; рис. 99). Ее работы были настолько плодотворны, что до сих пор эти материалы находятся в научном обороте.

В конце 30-х гг. XX в. сотрудник Института истории материальной культуры *Сергей Николаевич Бибиков* (1908–1988; рис. 100), ставший известным позднее своими работами на палеолитических памятниках Украины, открывает первые на Южном Урале стоянки эпохи позднего палеолита в пещерах у г. Усть-Катава.

Рис. 100. Археолог
 С. Н. Бибиков
 в экспедиции
 у пещеры
 Усть-Катавская II
 Фонды ГИМЮУ ОФ-791/18

4.3.5. Уральская археологическая школа

В наши дни исследователи говорят об уральской археологической школе, основателем которой был *Отто Николаевич Бадер* (1903–1979; рис. 101). Среди выдающихся учеников О. Н. Бадера можно назвать *Владимира Федоровича Генинга* (1924–1993; рис. 102). Именно В. Ф. Генингом в 1961 г. при Уральском государственном университете (Свердловск) была организована знаменитая Уральская археологическая экспедиция. Ее интеллектуальную среду составил целый ряд талантливых специалистов — учеников В. Ф. Генинга: *Владислав Евгеньевич Стоянов*, *Валентина Трофимовна Ковалева* (Юровская), *Валерий Трофимович Петрин*, *Владимир Иванович Стефанов*, *Нина Константиновна Стефанова*, *Юрий Петрович Чемякин*, *Римма Дмитриевна Голдина*, *Геннадий Борисович Зданович*, *Валерий Валентинович Евдокимов* и многие другие.

Позднее Р. Д. Голдина явилась организатором крупного археологического центра в Ижевске, а Г. Б. Зданович — подобного центра в Петропавловске-Казахском, затем в Караганде и, наконец, в 1976 г. — в Челябинском государственном университете. Г. Б. Зданович создал школу ученых — исследователей бронзового века Южного Урала и Казахстана. В. В. Евдокимов создал археологический центр в Кустанае, а позднее — в Караганде. Среди его учеников — талантливый ученый *Виктор Николаевич Логвин*.

Отряды Уральской археологической экспедиции за прошедшие 40 лет исследовали практически все районы Урала — от Оренбуржья до Ямала и от Прикамья до Прииртышья. Счет открытым памятникам идет на тысячи, исследованных сотни. Именно с работами Уральской археологической экспедиции связаны изучение Игнatieвской пещеры на Южном Урале с ее рисунками

Рис. 101. Археолог О. Н. Бадер (в центре). Фото Н. Виноградова

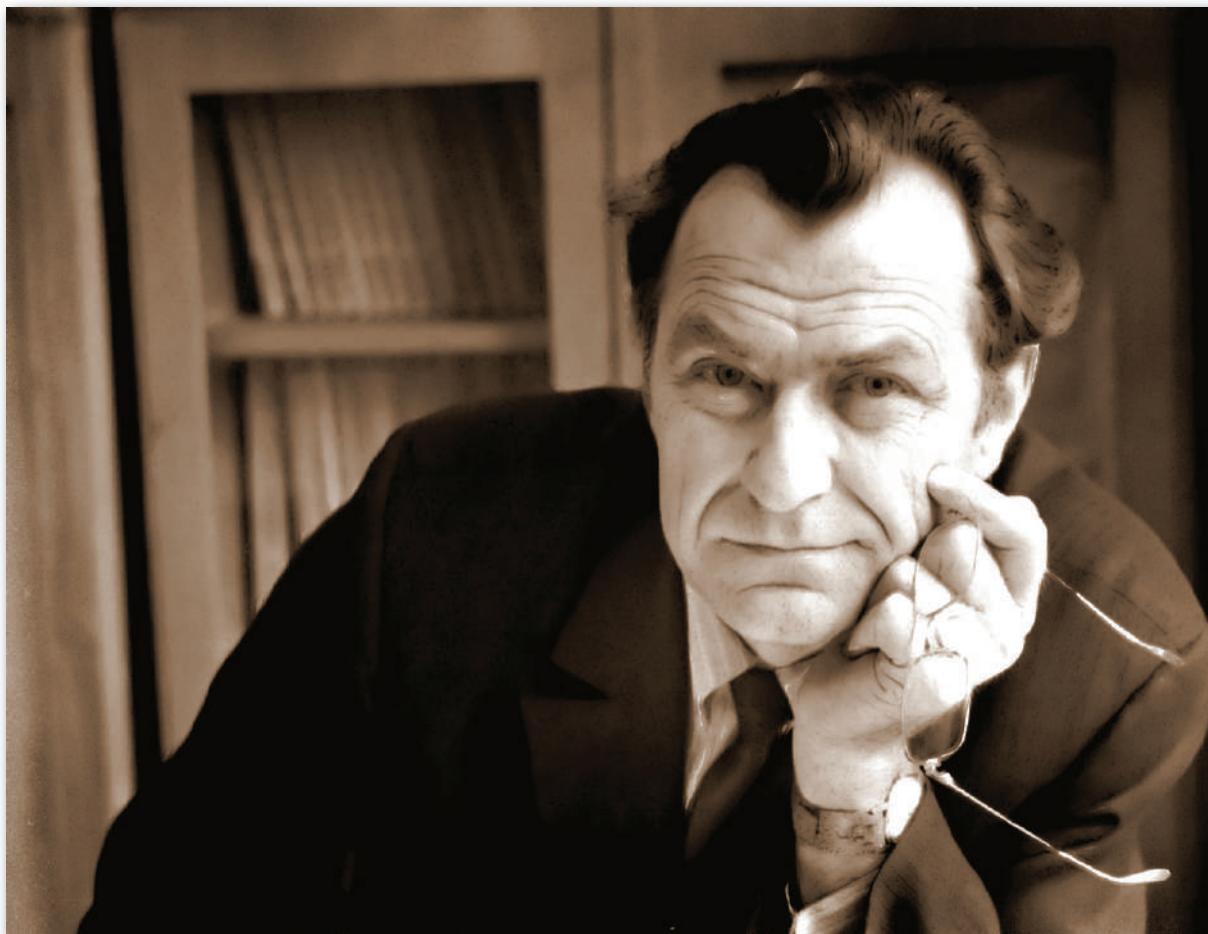

Рис. 102. Археолог В. Ф. Генинг. Свердловск. Октябрь 1974 г.
Фото Н. Виноградова

Кабинет археологии УрГУ

эпохи позднего палеолита; исследование многочисленных древних писаниц по рекам и озерам Южного Урала (В. Т. Петрин); формирование общих представлений о раннем железном веке в лесостепном Зауралье (В. Е. Стоянов); открытие целого ряда уникальных памятников бронзового века, среди которых знаменитый Синташтинский могильник в Брединском районе Челябинской области (В. Ф. Генинг).

4.3.6. Геральд Николаевич Матюшин (1927–2000)

С конца 1950-х гг. на Южном Урале начинается научная карьера Г. Н. Матюшина (рис. 103). Курсант знаменитой школы юнг на Соловецких островах, юнга на боевом корабле Северного флота в годы войны, руководитель школьного археологического кружка в Уфе, он с годами вырос до уровня крупного ученого, ведущего сотрудника Института археологии АН СССР (Москва). В его активе десятки полевых сезонов, открытие и описание мезолита Южного Урала, несколько монографических исследований по мезолиту и энеолиту Южного Урала и, что очень важно, целая серия научно-популярных

Рис. 103. Вид горного озера Зюраткуль и археолог Г. Н. Матюшин. Фото Н. Виноградова

книг по археологии, в том числе Южного Урала, написанных живым языком, с понятным и интересным изложением сложнейших проблем первобытной истории региона.

4.3.7. Археологические исследования ученых Института археологии АН СССР

В 1960–1970-е гг. оживляется внимание ученых головного археологического учреждения страны — Института археологии АН СССР — к проблемам древней истории Южного Урала.

Отто Николаевич Бадер проводит поиск пещерных палеолитических и неолитических памятников и исследует ряд из них (пещеры Капова, Смеловская II, Игнatieвская, грот у Каменного Кольца близ с. Серпиевка).

Экспедиция Ленинградского отделения Института археологии АН СССР под руководством *Лии Яковлевны Крижевской* (1916–1995; рис. 104) исследует в этот период памятники неолита — ранней бронзы на таких озерах, как Большое Миассово, Чебаркуль, Кундравинское и др. Итогом работы стали две монографии Л. Я. Крижевской: «Неолит Южного Урала» и «Раннебронзовое время на Южном Урале».

В Оренбуржье работали такие ученые из Института археологии АН СССР, как *Елена Ефимовна Кузьмина* (1931–2013; рис. 105) (памятники андроновской культуры бронзового века), *Константин Федорович Смирнов* (1917–1980; рис. 106) (древности кочевников раннего железного века). В Южном Зауралье Е. Е. Кузьмина в это время исследовала могильники Алакульский, Туктубаево и др.

Рис. 104. Археологи Л. Я. Крижевская (слева) и С. В. Ошибкина. Фото И. Васильева

Рис. 105. Археологи Е. Е. Кузьмина и А. Х. Пшеничнюк. Фото Н. Виноградова

Рис. 106. Археолог К. Ф. Смирнов на Всесоюзном археологическом совещании в Киеве в апреле 1975 г. Фото Н. Виноградова

4.3.8. Археологические работы ученых региона в 1960–1970-е годы

В первой половине 1960-х гг. активизировал научные исследования в Южном Зауралье ученик К. В. Сальникова *Владимир Савельевич Стоколос* (1930–2013; рис. 107). Им были изучены разнообразные археологические памятники как в окрестностях Челябинска (культурный комплекс бронзового века Черняки в зоне затопления Шершневого водохранилища, уникальные средневековые погребения под курганами на оз. Синеглазово (дообследованы), так и погребальные памятники в Варненском и Верхнеуральском районах, укрепленное поселение Кизильское на р. Урал в окрестностях с. Кизильского. В истории археологии он останется и как исследователь, концептуально пересмотревший взгляды К. В. Сальникова на историю андроновской культуры бронзового века в Южном Зауралье.

В 1970-е гг. в Оренбургском государственном педагогическом институте начинает работу по формированию научного археологического центра *Нина Леонидовна Моргунова* (р. 1952; рис. 108). К настоящему времени в Оренбурге благодаря усилиям Н. Л. Моргуновой и ее учеников такой центр существует, и его заслуги в изучении неолита, энеолита и бронзового века Оренбуржья признаны ученым сообществом.

Рис. 107. Археолог В. С. Стоколос на раскопках памятников у деревни Черняки. 1962 г.
Фото из архива В. С. Стоколоса

Рис. 108. Археолог Н. Л. Моргунова
 Фото из открытых источников в Интернете

Стоит также отметить успехи археологов *Виталия Васильевича Ткачева* и *Сергея Вячеславовича Богданова* (Институт степи Уральского отделения РАН) — авторов разработки оригинальной пастушеской модели металлопроизводства в позднем бронзовом веке на южном фланге Уральской горно-металлургической области (рис. 109–110).

В 1960–1970-е гг. существовал археологический центр при Курганском музее и Курганском государственном педагогическом институте. Им руководила известная исследовательница древней истории Зауралья *Тамила Михайловна Потемкина* (р. 1937; рис. 111). Логическое завершение ее работа получила в монографическом исследовании «Бронзовый век лесостепного Притоболья» (1985), где изложены взгляды автора на периодизацию, культурно-хронологическую шкалу бронзового века Среднего Притоболья.

Рис. 109. Археолог В. В. Ткачев.
 Фото из архива В. В. Ткачева

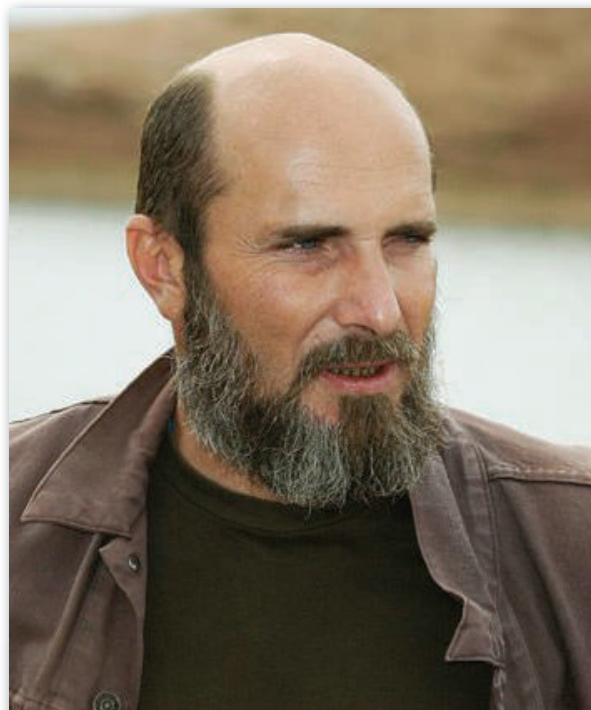

Рис. 110. Археолог С. В. Богданов.
 Фото из архива С. В. Богданова

Рис. 111. Археолог Т. М. Потемкина. Доклад на Андроновском семинаре. Челябинск, 1980 г. Фото А. Кисленко

В 1960–1970-е гг. оформился крупный научный центр в Уфе. В составе отдела археологии Института истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР и в вузах города сложилась научная судьба целой плеяды исследователей древней истории. Это *Нияз Абдулхакович Мажитов* (1933–2015; рис. 112), выпускник Пермского государственного университета, один из учеников О. Н. Бадера, специалист по средне-

вековой археологии; *Владимир Александрович Иванов* (р. 1950; рис. 113), специалист по раннему железному веку и Средневековью Южного Урала.

Рис. 112. Археолог Н. А. Мажитов. Киев, апрель 1975 г. Всесоюзное археологическое совещание. Фото Н. Виноградова

Рис. 113. Археолог В. А. Иванов. Фото Н. Виноградова

Рис. 114. Археолог В. С. Горбунов.
Фото Н. Виноградова

С исследованием истории абашевской культуры бронзового века Южного Урала связана научная карьера *Владимира Степановича Горбунова* (р. 1946; рис. 114). Срубными древностями бронзового века Южного Урала долгие годы плодотворно занимался *Юрий Алексеевич Морозов* (р. 1941; рис. 115). Археолог *Михаил Федорович Обыденнов* (1949–2019; рис. 116) связал свою научную карьеру с изучением памятников лесных культур позднего бронзового века Южного Урала. *Анатолий Харитонович Пшеничнюк* (1936–2016; рис. 117) долгие годы был ведущим специалистом по археологии ранних кочевников. Наиболее значительное его открытие — известные ныне далеко за пределами России Филипповские курганы раннего железного века в Оренбуржье. Памятники древнейших этапов истории Южного Урала деятельно и результативно изучает археолог *Вячеслав Георгиевич Котов* (рис. 118).

Рис. 115. Археолог Ю. А. Морозов.
Фото Н. Виноградова

4.4. Археология в Челябинске

Начало археологических изысканий собственно в Челябинске связано с деятельностью членов Уральского общества любителей естествознания, каковыми здесь являлись чиновник

переселенческого ведомства Н. К. Минко и политический ссыльный, а впоследствии известный искусствовед С. Н. Дурылин. Ими решался вопрос накопления конкретной информации о древних и средневековых могильниках в окрестностях Челябинска. Результаты частично были обнародованы в «Записках Уральского общества любителей естествознания», отложились в фондах Челябинского краеведческого музея, к которому постепенно перешла

Рис. 116. Археолог М. Ф. Обыденнов. Доклад на Андроновском семинаре. Челябинск, 1980 г. Фото А. Кисленко

Рис. 117. Археолог А. Х. Пшеничнюк — участник Всесоюзного археологического совещания. Киев, апрель 1975 г. Фото Н. Виноградова

Рис. 118. Археолог В. Г. Котов исследует рисунки в пещере Шульган-Таш (Каповой). Фото Н. Паиковой

инициативная роль в развитии челябинской археологии. Уже в научных статьях С. Н. Дурылина присутствуют обобщения, попытки датировки, интерпретации и сравнения челябинских древностей с материалами из Поволжья.

Однако подлинным археологическим центром Южного Зауралья музей стал тогда, когда от имени Челябинского музея в Зауралье начала свою деятельность Южно-Уральская экспедиция под руководством К. В. Сальникова, работавшая с 1936 по конец 1950-х гг. Благодаря исследованиям К. В. Сальникова в Южном Зауралье существенно увеличился фонд археологических источников. Масштабные разведочные работы по р. Исеть, предпринятые К. В. Сальниковым в 1940 г., позволили ему впервые в очерке древней истории Южного Зауралья говорить обобщенно о неолитическом ее периоде. Его работы 1936 г. (стоянка Кысы-Куль на одноименном озере под Миассом) ознаменовали начало изучения энеолитического периода в Южном Зауралье. По итогам исследования в конце 1950-х гг. поселения Бабарыкино II (под Шадринском, на р. Исети) К. В. Сальников выделяет и впервые характеризует бабарыкинскую культуру раннего бронзового, по его мнению, века.

Периодизация и хронология андроновской культуры бронзового века Южного Зауралья, разработанная К. В. Сальниковым после изучения погребений Федоровского (под Челябинском) и Алакульского (у оз. Алакуль на западе Курганской области) могильников, а также поселения Кипель на р. Юргамыш и Замараевского селища на р. Исеть, была не только одной из первых в своем роде, но и в течение ряда лет использовалась как реперная исследователями древней истории сопредельных районов. Он же впервые охарактеризовал древности черкаскульской культуры бронзового века в Южном Зауралье. Многолетнее изучение К. В. Сальниковым городища Чудаки в Юргамышском районе Курганской области и ряда могильников привели его к выделению особой лесостепной зауральской гороховской археологической культуры раннего железного века, тесно связанной с миром степных кочевых народов.

Раскопки К. В. Сальниковым Даутовских городищ на северном берегу оз. Иткуль завершились открытием одного из самых оригинальных культурных образований раннего железного века в Южном Зауралье — иткульской культуры. Средневековый период истории Южного Зауралья также приобрел полноту после работ К. В. Сальникова. Он же стал для нашего края автором первой в истории края серии научно-популярных книг, благодаря которым древняя история края получила широкий общественный резонанс, вошла в практику школьного обучения. Первое в истории археологии Южного Зауралья систематическое изложение содержания этапов древней и средневековой истории края также принадлежит К. В. Сальникову.

Собственная периодизация и хронология истории нашего края в бронзовом веке была создана В. С. Стоколосом не в последнюю очередь после его работ в районе Челябинска. Здесь он вместе со студентами ЧГПИ в первой

половине 1960-х гг. раскопал целый ряд поселенческих и погребальных памятников (поселения и могильники бронзового века у бывшей дер. Черняки).

В конце 1950-х — начале 1960-х гг. археологические разведки на территории Челябинской области проводил со своими учениками известный краевед, учитель истории школы № 10 г. Челябинска *Анатолий Иванович Александров* (1911–1997). Ими были обследованы берега озер Большой и Малый Сунукуль в Чебаркульском районе и оз. Иткуль на севере Челябинской области. На оз. Иткуль А. И. Александров обследовал три городища. Два из них (Большое и Малое Иткульские) он переобследовал вслед за В. Я. Толмачевым, К. В. Сальниковым и Н. П. Кипарисовой.

Студенты-историки Челябинского государственного педагогического института в 1960–1970-е гг. неоднократно становились участниками различных археологических экспедиций, возглавлявшихся известными советскими археологами. Так, в первой половине 1960-х гг. студенты исторического факультета ЧГПИ под руководством О. Н. Бадера раскапывали памятник эпохи среднего палеолита — пещеру Смеловскую II под Магнитогорском, на р. Малый Кизил.

Археолог Г. Н. Матюшин в 1960-е — начале 1970-х гг. изучал памятники каменного века в Башкирском Зауралье (например, стоянку Янгелька) и по берегам высокогорного оз. Зюраткуль под Саткой. В результате Г. Н. Матюшиным был открыт древнейший (на тот период) памятник истории Южного Зауралья — стоянка Мысовая (Карабалыкты VII). Он же выделил янгельскую мезолитическую археологическую культуру. В эти открытия немало труда вложили и студенты-практиканты из ЧГПИ.

Известная исследовательница бронзового века степной Евразии — Е. Е. Кузьмина со студентами-историками из ЧГПИ в 1969 г. раскопала два кургана знаменитого Алакульского могильника, а Л. Я. Крижевская из Ленинградского отделения Института археологии АН СССР — памятники различных эпох по берегам оз. Большое Миассово и Чебаркуль.

В 1970–1980-е гг. археологи Уральской археологической экспедиции (УрГУ, Свердловск) провели масштабные работы на территории Челябинской области, в зонах строительства различных объектов народного хозяйства. Наиболее значительным из археологических событий этого периода было открытие знаменитого ныне Синташтинского комплекса (поселения и могильника). Было положено начало осмыслению синташтинской проблемы. Работы велись под общим научным руководством В. Ф. Генинга с участием студентов и преподавателей историко-педагогического факультета ЧГПИ.

Возрождение Челябинска как регионального археологического центра началось после организации в городе Челябинского государственного университета и с началом работы в нем известного археолога — *Геннадия Борисовича Здановича* (1938–2020; рис. 119). Организованная им в 1976

г. Урало-Казахстанская археологическая экспедиция объединила тогда целый ряд научных центров (ЧелГУ, ЧГПИ, Челябинский областной краеведческий музей), активно приступила к сплошному археологическому обследованию территории области и к масштабным стационарным исследованиям. С именем Г. Б. Здановича и его учеников связана разработка многих проблем бронзового, раннего железного веков и Средневековья: «Страна городов» бронзового века (Г. Б. Зданович, А. В. Епимахов, Д. Г. Зданович); «федоровская» проблема (Т. С. Малютина); средневековые степные народы Южного Урала (С. Г. Боталов); энеолит Южного Зауралья (В. С. Мосин); ранний железный век Южного Урала (А. Д. Таиров). Создание Центра «Ар-каим» стало одним из многообещающих проектов археологов Челябинского государственного университета.

Позднее ученики Г. Б. Здановича создали новые археологические центры. В Челябинске эффективно работает Южно-Уральский филиал Института истории и археологии УрО РАН (*Вадим Сергеевич Мосин* (рис. 120), *Сергей Геннадьевич Боталов* (рис. 121), *Станислав Аркадьевич Григорьев* (рис. 122), *Андрей Владимирович Епимахов* (рис. 123), *Наталья Александровна Берсенева* (рис. 124) и др.).

Выпускник ЧГПИ и ученик Г. Б. Здановича С. Г. Боталов создал Археологический научный центр, специализирующийся на выполнении хоздоговорных охранных археологических работ. Большую роль центр сыграл в археологическом изучении старого Челябинска. В Южно-Уральском государственном университете создание археологического центра связано с именами А. В. Епимахова, А. Д. Таирова (рис. 125).

В значительной степени трудами перечисленных выше ученых к настоящему времени создана современная версия древней и средневековой истории Южного Зауралья: публикации В. С. Мосина посвящены каменному веку; А. В. Епимахова, С. А. Григорьева, Н. А. Берсеновой — бронзовому веку; А. Д. Таирова — раннему железному веку; С. Г. Боталова — Средневековью.

Рис. 119. Археолог Г. Б. Зданович.
Фото из архива Н. Б. Виноградова

Рис. 120. Археолог В. С. Мосин.
Фото из архива В. С. Мосина

Рис. 121. Археолог С. Г. Боталов.
Фото Н. Виноградова

Рис. 122. Археолог С. А. Григорьев. Экскурсия на остров Веры на озере Тургойк. 2005 г.
Фото Н. Виноградова

Рис. 123. Археолог А. В. Епимахов.
Фото Н. Виноградова

Рис. 124. Археолог Н. А. Берсенева.
Фото из архива Н. А. Берсеновой

Рис. 125. Археолог А. Д. Таиров
на раскопках Кичигинского
могильника.
Фото С. Арканова

4.5. Археология в стенах ЧГПИ / ЧГПУ / ЮУрГГПУ

В 1974 г. в стенах Челябинского государственного педагогического института также оформилась археологическая лаборатория. На старте истории лаборатории вдохновителем ее деятельности стал знаменитый на Урале археолог, ученик не менее знаменитого О. Н. Бадера — Владимир Федорович Генинг. Именно он благословил лабораторию на первый большой совместный с УрГУ проект — исследование всемирно известных сейчас поселения и могильника бронзового века на р. Синташте на крайнем юге Челябинской области. Исследование этого комплекса археологических памятников стало одним из выдающихся открытий отечественной археологии XX в.

Перед глазами удивленных современников из глухих степей явилось отдаленное от нас четырьмя тысячами лет общество, которое настолько сложно представляло мир за гробом и было настолько богато, что могло строить для умершего родственника двухэтажные деревянные гробницы и отправлять вместе с ним в загробный мир до семи лошадей, боевую колесницу и прочие знаки неумеренного богатства. На Синташте началась научная карьера *Николая Михайловича Меньшенина* (1956–2012; рис. 126), тогда студента историко-педагогического факультета пединститута. Николай Михайлович — археолог, что называется, от бога. Никто до сих пор не смог превзойти его по результативности разведочных поисков памятников древней истории. Впоследствии Н. М. Меньшенин посвятил свою жизнь учету и охране археологических памятников Челябинской области. В очень непростых условиях он пытался всеми силами защитить наследие веков от разрушения и посягательств.

Важной составляющей работы археологической лаборатории ЧГПИ в начале ее истории стал небольшой археологический музей, где можно было ознакомиться с археологическими материалами, привезенными студентами-историками с археологических практик в разных концах Советского Союза.

Настоящую школу археологического мастерства юные сотрудники лаборатории прошли во второй половине 1970-х гг., когда в Челябинске появился

Рис. 126. Археолог Н. М. Меньшенин на раскопках могильника Кулевчи VI. 1979 г. Фото Н. Виноградова

ЧелГУ, а вместе с ним и один из лучших учеников В. Ф. Генинга — Геннадий Борисович Зданович. Совместные с лабораторией ЧелГУ археологические проекты позволили тогда археологам пединститута отточить мастерство поиска археологических памятников. В степной части области нет, пожалуй, ни одной реки, берега которой не орошены потом наших разведчиков древности. Без транспорта, хороших карт и связи, часто с определенным риском для здоровья и жизни они открывали для современников сотни неизвестных доселе, забытых в веках поселений, могильников и святилищ.

Вершиной этого периода истории лаборатории может считаться исследование древнего поселения Кулевчи III в Варненском районе. Археологи впервые на Южном Урале встретились в ходе раскопок этого поселения с традицией погребения неких избранных младенцев под полами жилищ, сложными дорогостоящими жертвенниками — остатками неведомых обрядов, и невероятным изобилием различных продуктов металлопроизводства (слитки, обломки заготовок, готовые медные и бронзовые вещи). Причина изобилия стала известна лишь несколько лет назад, когда на той же р. Караталы-Аят у с. Новониколаевка были найдены древние рудники. Вершиной открытий на Кулевчах стала дешифровка способа формообразования глиняных сосудов алакульской культуры бронзового века.

На рубеже 1970–1980-х гг. были начаты раскопки могильника бронзового века Кулевчи VI в Варненском районе. Могильник считается некрополем жителей поселения Кулевчи III, расположенного примерно в километре юго-восточнее. Именно здесь была получена серия из шести комплектов украшений молодых женщин алакульской культуры.

1980-е — начало 1990-х гг. для лаборатории ЧГПИ было и «временем Устья». Исследованию этого укрепленного поселения бронзового века четырехтысячелетней давности отдали юношеские годы сотни студентов-историков, десятки различных любителей древности. Итог тридцатилетнего труда — коллективная монография «Древнее Устье».

Десять лет ушло у сотрудников лаборатории на выполнение масштабного научного проекта с прикладным звучанием — составление археологической карты Курганской области. На начальной фазе реализации проекта, в 1983 г., на территории Курганской области были известны и паспортизованы под руководством Т. М. Потемкиной не более 470 археологических памятников. В изданной в 1993 г. книге по итогам работ экспедиции ЧГПИ содержались сведения уже почти о тысяче древних зауральских поселений, могильников. Двести пятьдесят из них были открыты и описаны впервые студентами ЧГПИ — археологическими разведчиками. Надо ли говорить, что перед глазами студентов-археологов открылась и целая новая страна — Зауралье, с ее в основном крестьянским населением, с яркими бытовыми традициями, традиционной культурой.

Рис. 127. Археолог В. П. Костюков.
Фото Н. Виноградова

В 1976 г. в стенах лаборатории ЧГПИ началась научная карьера, пожалуй, одного из самых ярких археологов Южного Урала — кандидата исторических наук *Владимира Петровича Костюкова* (1949–2009; рис. 127). Его специализация — средневековая археология Южного Зауралья. С красным дипломом он окончил исторический факультет Уральского государственного университета. В 1984 г. вместе с другими археологами ЧГПИ приступил к изучению великолепного могильника бронзового века Кривое Озеро в Троицком районе. Древние колесницы, комплекты колесничной упряжи, бронзовые орудия труда, предметы вооружения стали предметом пристального изучения специалистов.

С 1986 г. В. П. Костюков со студентами-археологами и школьниками-археологами начал изучение средневековых древностей Южного Зауралья. Яркие результаты получены при исследовании им средневековых могильников и святилищ в микрорайонах Каменный Амбар, Система в Карталинском районе Челябинской области. Со временем Владимир Петрович от полевого археолога дорос до уровня крупного медиевиста и ориенталиста. Итог его научной жизни — систематизированные представления людей XX в. о Южном Урале в составе практически неизвестной средневековой страны — Улуса Шибана.

В начале 1990-х гг. лаборатория пополнилась археологической семьей — Андреем Владимировичем и Мариной Григорьевной Епимаховыми. За время работы в лаборатории ими, большими тружениками, были изучены великолепный могильник бронзового века Солнце II в Варненском районе, поселение Каменная Речка в Троицком районе и замечательный могильник в черте г. Троицка — Троицк-7, могильник Каменный Амбар 5 (совместно с В. П. Костюковым и Д. В. Нелиным) в Карталинском районе. Ныне А. В. Епимахов — заместитель директора Института медиа и социально-гуманитарных наук по научной работе, доктор исторических наук, лауреат вузовской премии «Лучший профессор».

Выпускником историко-педагогического факультета и археологической лаборатории ЧГПИ является известный южноуральский археолог, веду-

Рис. 128. Археолог М. Г. Абрамзон.
Фото В. Шустикова

щий специалист по средневековому периоду доктор исторических наук Сергей Геннадьевич Боталов (р. 1958).

Еще один выпускник историко-педагогического факультета ЧГПИ — *Михаил Григорьевич Абрамзон* (р. 1961; рис. 128) — также прошел археологические университеты в экспедиции ЧГПИ и сейчас является крупным специалистом по античной археологии и нумизматике, доктором исторических наук.

Бывшие школьники-археологи Д. В. Нелин и В. А. Булдашов также окончили историко-педагогический факультет ЧГПИ и защитили кандидатские диссертации по археологии. *Гульнара Талгатовна Обыденнова* (р. 1955) являлась членом Челябинского научного общества учащихся (НОУ), начинала археологическую

карьеру еще школьницей в 1971 г. Позднее стала профессиональным археологом, доктором исторических наук.

Конец 1990-х — начало 2000-х гг. в истории лаборатории ЧГПУ связаны с появлением новой команды полевых археологов. Эстафету руководства археологической лабораторией приняла научный сотрудник *Ирина Павловна Алаева* (рис. 129). Древние могильники у пос. Песчанка в Карталинском районе и поселения и могильники бронзового века в Нагайбакском районе открыли археологам ЧГПУ свои тайны. «Лабораторцы» несколько лет изучали с Ириной Павловной поселение бронзового века Чебаркуль III на берегу оз. Чебаркуль, и оно радовало их множеством находок. В частности, здесь была открыта технология строительства колодцев в бронзовом веке. В настоящее время сотрудники лаборатории ЮУрГГПУ совместно с геологами из Института минералогии УрО РАН исследуют карьеры и шахты бронзового века в степной части Челябинской области.

Сотрудники археологической лаборатории ЧГПИ / ЧГПУ / ЮУрГГПУ давно и тесно сотрудничают с отечественными и зарубежными научными центрами. Иначе и невозможно, поскольку современная археология — наука коллективная, а сегодня без опоры на методы естественных наук и не мыслимая. Так что, с одной стороны, это научные связи сотрудников

Рис. 129. Археолог И. П. Алаева со студентами у расчищенных остатков колодца бронзового века. Поселение Чебаркуль III. 2013 г. Фото П. Медведевой

лаборатории археологических исследований ЧГПУ / ЮУрГГПУ с коллегами-археологами (Институт археологии РАН, Институт истории материальной культуры РАН, Институт истории и археологии УрО РАН, Институт проблем освоения Севера (ИПОС) Сибирского отделения РАН, вузы Урала, Поволжья, Сибири). С другой стороны, это связи с учеными из Института экологии растений и животных РАН, лаборатории естественно-научных методов Института археологии РАН, то есть с геологами, физиками, химиками, специалистами по дешифрированию аэрофотоснимков, палеоантропологами и многими другими. Лишь такой комплексный подход к анализу археологических источников позволяет увеличить объем получаемой информации.

Лаборатория археологических исследований ЧГПУ / ЮУрГГПУ активно сотрудничает с зарубежными коллегами и научными центрами (Центр американской археологии в г. Кэмпсвилл, штат Иллинойс, США) с 1990 г. В 1990-е гг. лаборатория археологических исследований ЧГПУ установила сотрудничество с ученым из Хартвикского колледжа (США) Д. Энтони. Результатом этих отношений стали публикации, в том числе совместные, в научных журналах США и Европы.

Ученые научных археологических центров имеют контакты, а иногда и совместные проекты с коллегами из США, Великобритании, Германии, Венгрии, КНР, Японии. Коллеги из стран ближнего зарубежья (Казахстан, Украина) — частые гости и участники совместных научных проектов. В частности, в 2009 г. был запущен проект международного сотрудничества лаборатории археологических исследований ЧГПУ / ЮУрГГПУ с археологами из США (проф. Б. Хэнкс), Великобритании (проф. Р. Дунан) по глубокому изучению с помощью современных, не разрушающих культурный слой методов и приборов (магнитометр, георадар и рентгенофлюоресцентный анализатор) укрепленного поселения бронзового века Устье I, раскопанного еще в 1980-е гг. Н. Б. Виноградовым. Результаты совместных исследований опубликованы в коллективной монографии «Древнее Устье» (2013).

Прикладное «крыло» работы научной лаборатории археологических исследований и школьного археологического краеведения ЧГПУ всегда было равнозначным строгой науке. Около 20 лет в составе Института дополнительных творческих педагогических профессий ЧГПУ, на организационно-педагогическом отделении, успешно реализовывалось обучение слушателей по специальности «Археология». Занятия велись в аудиториях лаборатории археологических исследований ЧГПУ. Причем обучались студенты не только исторического факультета, но и любого другого факультета университета. Программа обучения включала как солидный объем теоретических, методических знаний, так и весомый практический блок. Двухгодичное обучение предоставляло возможность получить фундаментальную подготовку по дополнительной педагогической профессии и сертификат руководителя археологического объединения школьников (рис. 130). Подобное дополнительное образование — безусловный плюс для становления учителя как личности. Плюс, позволяющий практически с первого дня работы в школе демонстрировать учительскую состоятельность и креативность. В первые десятилетия истории лаборатории практическое сотрудничество с практической работой школ Южного Зауралья проходило в профильных летних экспедициях юных археологов, на семинарах для руководителей школьных археологических кружков, на заседаниях археологической секции, на конференциях НОУ.

В 1991 г. был запущен проект «Летняя полевая эколого-гуманитарная школа для подростков». В полевой эколого-гуманитарной школе одни и те же ребята занимаются не по одному профилю «История», а со специалистами из различных областей знания: биологии, географии и др. Школьники живут в палаточном лагере, изучая по оригинальной программе историю, этнографию, географию родного края.

В наши дни школьники из археологических кружков НОУ также активно привлекаются к полевым археологическим исследованиям через полевые лагеря и детские экспедиции «Юный археолог». Там многие годы проходили

Рис. 130. Выпускники Института дополнительных творческих педагогических профессий (отделение «Археология») 2013 г. Фото Н. Виноградова

педагогическую практику студенты исторического факультета, занимающиеся в лаборатории археологических исследований. С помощью полученных на занятиях в лаборатории знаний они организовывали познавательную деятельность и досуг школьников в контексте археологической науки. Многие дети возвращались в лагерь «Юный археолог» и на следующее лето.

В течение 16 лет при лаборатории функционировал уникальный учебный школьный археологический музей, рассчитанный на детей от 8 до 12 лет. Музей стал методическим полигоном и экспериментальной площадкой для студентов-археологов ЧГПИ. В настоящее время музей трансформирован в учебный школьный центр древних технологий при лаборатории археологических исследований ЧГПУ. Центр включает в себя несколько площадок для практических занятий по технологиям различных эпох древней истории. Так, на площадке каменного века школьники пытаются изготовить каменные орудия (7–11 классы). В гончарной мастерской можно создать по древней технологии глиняный горшок (4–11 классы), попробовать себя в роли археолога, проводя исследования на «мини-раскопе». Все это активизирует познавательную деятельность школьников. С другой стороны, в центре древних технологий студенты-археологи могут попробовать себя в роли учителя-экскурсовода. У студента-экскурсовода появляется возможность разработки новых экскурсий с использованием различных методов и приемов обучения.

Одна из основных целей работы лаборатории ЧГПУ / ЮУрГГПУ — формирование квалифицированных, креативных учителей истории как личностей, способных ярко и доступно обсуждать и изучать с детьми различные аспекты древней и средневековой истории края. Гордость лаборатории — заслуженный учитель России *Сергей Владимирович Марков* (рис. 131), заведующая Детским музеем Государственного исторического музея Южного Урала *Ирина Юрьевна Банникова* (рис. 132), директор Детско-юношеского центра Ленинского района *Леонид Вячеславович Туфленков* (рис. 133), учитель истории пос. Остроленского Нагайбакского района *Вера Григорьевна Леонтьева* (рис. 134) и многие другие. Результаты работы лаборатории — это также и серия научных монографий и статей, разнообразные учебники и учебные пособия для учащихся основной школы, методические продукты для руководителей детских археологических объединений. В частности, научное неперiodическое издание «Проблемы археологического изучения Южного Урала», методическая серия «Педагогическая археология».

Рис. 131. Археолог С. В. Марков во времена студенчества (начало 1980-х гг.). Фото из архива Научно-исследовательской лаборатории археологических исследований и школьного археологического краеведения ЮУрГГПУ

Рис. 132. И. Ю. Банникова, заведующая Детским музеем Государственного исторического музея Южного Урала. Экскурсия в пещеру Ямазы-Таш (Игнatieвская). 2011 г. Фото Н. Виноградова

Рис. 133. Л. В. Туфленков, педагог дополнительного образования, директор Детско-юношеского центра (Ленинский район г. Челябинска), на раскопках погребения в поселке Федоровка. 1981 г.
Фото Н. Виноградова

Рис. 134. В. Г. Леонтьева (Бургучева) на раскопках укрепленного поселения Устье I.
Фото Н. Виноградова

Сказанное выше позволяет утверждать следующее:

- *Этап изучения древней и средневековой истории Южного Урала и Зауралья с XVIII в. по 20–30-е гг. XX в. можно с полным основанием назвать краеведческим, периодом накопления фактов. Состав исследователей в этот период самый различный — от мелких чиновников, священнослужителей до ученых различного уровня. Всех их роднит методический уровень исследований, отражавший уровень развития археологической науки в стране в целом.*

- *Если ученые путешественники XVIII в., как правило, лишь упоминали встречавшиеся древние курганы и городища, то в XIX в. в описаниях археологических памятников появляются и абсолютные величины: расстояния от населенных пунктов, ориентировка по сторонам света, размеры и т. д.). В XIX в. появляются и первые планы-схемы археологических памятников (например, у А. Н. Зырянова в 1860-е гг.). Наибольшим профессионализмом в современном его понимании отличались описания памятников и их планы, выполненные В. Я. Толмачевым и связанным с ним краеведом Ю. П. Аргентовским.*

• В поле зрения ученых-путешественников и археологов-любителей тогда попадали лишь легко вычленимые из ландшафта типы археологических памятников — городища, курганы, валы. Лишь с рубежа XIX–XX вв. фиксируются первые стоянки каменного века. Территория Южного Урала и Зауралья была к тому времени изучена крайне неравномерно.

• Другой характерной чертой этого периода является почти полное отсутствие попыток анализа полученных материалов, их обобщения. Но это отражает общий уровень развития археологической науки в России того времени.

• В этот период мы наблюдаем уже единичные попытки соотнесения южноуральских материалов с археологическими памятниками других территорий (например, Поволжья в случае с керамикой Бакланского могильника бронзового века).

• Значительные по объему коллекции, полученные из археологических памятников в то время, в большинстве утрачены, а сами памятники так и не введены в научный оборот.

• Наиболее значительным результатом является появление первых сводов и карт расположения археологических памятников, становление системы музеев, где аккумулировались археологические материалы, что, несомненно, способствовало их сохранности для будущих поколений исследователей.

• В этот же период фиксируем первые попытки обобщения археологических материалов и создания общих представлений об эпохах древней истории Урала в целом (М. В. Малахов), культурных связях древних обитателей региона (С. Н. Дурылин, В. Я. Толмачев).

• Методика сбора данных с помощью разнообразных информаторов, отсутствие (за исключением исследований В. Я. Толмачева) картографического сопровождения этих сводок и прочие, зачастую объективные недостатки затрудняют использование материалов этих памятников, заставляют быть осторожными с использованием абсолютных размеров.

• С 1930-х гг. по первую половину 1960-х гг. основным центром координации археологического изучения края в Челябинске стал Челябинский областной краеведческий музей (директор И. Г. Горохов) — Южно-Уральская археологическая экспедиция под руководством К. В. Сальникова.

• Участие в археологическом изучении Южного Урала в этот период ученых из Института археологии АН СССР и Ленинградского отделения Института археологии АН СССР привело к тому, что значительная часть археологических коллекций, полученных из раскопок памятников на территории области в эти годы, отложилась в хранилищах научных центров Москвы, Ленинграда.

• С 1976 г. в истории археологического изучения территории Южного Зауралья стартует новый этап. Его начало характеризует создание Урало-Ка-

захстанской археологической экспедиции, объединившей на первом этапе (до начала 1980-х гг.) все археологические центры территории: ЧелГУ, ЧГПИ, областной краеведческий музей, дворцы и дома пионеров и школьников.

• В 1980–1990-е гг. резко увеличивается количество археологических центров в Челябинске. Их основание связано с именами учеников Г. Б. Здановича. Помимо археологической лаборатории ЧелГУ оформляются: Южно-Уральский филиал Института истории и археологии УрО РАН, Археологический научный центр, археологическая лаборатория ЧГПИ / ЧГПУ, археологический центр в ЮУрГУ, Центр «Аркаим».

• Резко увеличивается количество дипломированных профильных специалистов.

• Резко возрастают объемы выполнения археологических исследований. Особенно следует отметить большой объем археологических работ, связанных с изучением культурного слоя г. Челябинска XVIII — начала XX в.

• Резко увеличилась публикационная деятельность.

• Осталась проблема крайней неравномерности археологического изучения территории Южного Зауралья, отдельных эпох ее древней и средневековой истории.

Литература

Бирюков В. П. Автор «Древностей Восточного Урала» // Записки уральского краеведа. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1963. С. 107–111.

Боже В. С. Краеведы и краеведческие организации Челябинска (до 1941 г.) : справ. пособие. Челябинск : Центр ист.-культур. наследия г. Челябинска, 1995. 192 с.

Виноградов Н. Б., Валиахметова З. А. Люди археологии Южного Зауралья (XVIII в. — середина 1970-х гг.). Челябинск : Абрис, 2018. 160 с.

Дурылин С. Н. Николай Кириллович Минко (краткая биография) // Сборник материалов по изучению Челябинского округа. Кн. 1. Челябинск : Музей о-ва по изучению мест. края, 1927. С. 53–55.

История археологии Южного Зауралья : учеб. пособие. Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 2002. 348 с.

Кузьмина В. С. Сергей Николаевич Дурылин (краткий очерк научной деятельности) // Сообщения Института истории искусств. Вып. 6 (Театр). М. : Искусство, 1955. С. 105–109.

Мильков Ф. Н. Петр Иванович Рычков. М. : Географиздат, 1953.

Обыденнов М. Ф. История археологического изучения Урала XVIII — начала XX в. Уфа, 1994. 80 с.

Обыденнов М. Ф. Первооткрыватель уральских древностей // Рифей : урал. краевед. сб. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1989. С. 169–177.

Обыденнов М. Ф. У истоков уральских народов. Экономика, культура, искусство, этногенез. Уфа, 1997. С. 3–43.

Обыденнов М. Ф., Тувалбаева А. Р. История изучения бронзового века на Урале (1920 — середина 1960-х гг.). Уфа, 1998. 78 с.

Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии / Рос. акад. наук и др. Уфа : Китап, 1999. 309 с. : ил.

ГЛАВА 5. ПАЛЕОЛИТ. ДРЕВНЕЙШИЕ ОБИТАТЕЛИ ЮЖНОГО УРАЛА

Начало истории людей на Южном Урале, по современным данным ученых, отстоит от наших дней по меньшей мере на 300 тыс. лет. Древнейшая ее часть — каменный век — самая протяженная по времени в сравнении с прочими. Каменный век закончился лишь на рубеже IV–III тыс. до н. э.

Каменный век обычно подразделяется на *древний каменный век (палеолит)*, *средний каменный век (мезолит)* и *новый каменный век (неолит)*. Применительно к Южному Уралу В. С. Мосин рассматривает и памятники энеолитического периода в рамках каменного века. Не будем отступать от этой периодизации и мы. Начнем обозрение с палеолита.

5.1. О природе и климате в палеолите

На протяжении последних более чем 2,5 млн лет в северном полушарии длительные ледниковые эпохи сменялись более теплыми межледниковыми периодами, также длившимися десятки тысяч лет. Около 80 тыс. лет назад началось последнее оледенение, которое продолжалось, то усиливаясь, то ослабевая, до времени 12–10 тыс. лет от наших дней. И хотя льды не спускались южнее Северного Урала, весь Урал в целом и Южный Урал в частности в эпохи оледенений были частью огромной приледниковой зоны. Лишь в долинах гор Южного Урала оформились локальные ледники.

От южной кромки материковых льдов стекали в Каспийское море гигантские реки. Основной рекой Приуралья в ту пору была Кама с притоком Волгой. В Зауралье несла свои воды в Каспий р. Яик (позднее Урал). Для понимания масштабов наших рек в палеолите надо посетить современную р. Урал в окрестностях с. Кизильского. Современный Урал течет там как бы тонкой струйкой по дну огромного, до 5–6 км шириной, «желоба», промытого в ледниковые времена невероятными по объему водами. В Зауралье р. Тобол тех времен в период весеннего разлива достигала по ширине нескольких десятков километров. Предполагается, что материковые льды препятствовали свободному стоку вод сибирских рек в Северный Ледовитый океан, и у южной кромки льдов в ту пору разливались невиданные пресноводные мегаозера. Излишки воды из них стекали через Тургайский прогиб в Кас-

пийское море. Надо ли говорить о сложностях заселения людьми региона с такой гидрографией?

В приледниковой зоне господствовали открытые пространства. Лесным сообществам приходилось в ту холодную пору «прятаться» в защищенных местах в ожидании лучших времен. Ученые отмечают, что в периоды оледенений природные зоны причудливо переплетались. Холодные степи продвигались далеко к северу, а тундры — к югу. Изучение пыльцы растений из почвы того времени привело специалистов к выводу, что в некоторых районах Урала тогда произрастали карликовая береза, полярная ива — тундровые растения, в других — ель, сосна, лиственница.

Из животных водились дикие лошади, северные олени, мамонты, шерстистые носороги, бурые медведи, волки, лисицы, песцы, зайцы, а также пещерный медведь, пещерная гиена и пещерный лев. Специалисты с удивлением приводят этот список, потому что в более поздние времена эти животные никогда не обитали в пределах одной природной зоны.

Более или менее современный облик природа и климат приобрели лишь после окончания последнего оледенения — около 10 тыс. лет назад. На смену ледниковой эпохе (плейстоцену) пришла эпоха послеледниковая — голоцен.

5.2. Памятники древнейшей истории в крае

Ученые предполагают, что первые люди пришли на Южный Урал с юга — из степей Средней Азии, и с юго-запада — из района Кавказа. Начало заселению Урала людьми было положено, как уже было сказано, примерно 300 тыс. лет от наших дней, в раннем палеолите. Считается, что первые люди приходили и пытались жить на Южном Урале в более теплые фазы природно-климатических циклов — в межледниковья, и пытались делать это не один раз. Но, как считает археолог Ю. Б. Сериков, *редкое постоянное население на Южном Урале по причине сложных природных условий оформилось здесь лишь в позднем палеолите (40–10 тыс. лет от наших дней)*. Косвенно это подтверждают результаты радиоуглеродного датирования культурных остатков в пещерных святилищах.

Уже тогда люди жили родовыми общинами, то есть группами близких родственников. Управляли действиями общины старейшины. Соседние общины поддерживали разнообразные отношения (браки, обмен каменным сырьем, охотничьи экспедиции), обустроивали пещерные святилища с настенными рисунками.

Сразу надо отметить сложность поиска древнейших мест обитания людей в нашем крае. Случается, пещеры оказываются перекрытыми обрушившимися сводами входных гротов (погребенные пещеры), или обитаемые периодически (сезонно) в палеолите прибрежные площадки перекрывают многометровые оползни обрывистого берега.

Так или иначе, трудности обнаружения привели к тому, что в большинстве своем остатки жизни древнейших южноуральцев связываются именно с пещерами. По данным Ю. Б. Серикова, кости животных той поры, каменные и костяные предметы позднепалеолитического периода встречены при раскопках в 16 южноуральских пещерах. Девять из них — Бурановская, Ключевая у г. Усть-Катава на р. Юрюзань, пещеры Сикияз-Тамак на р. Ай, Ямазы-Таш (Игнatieвская) и Серпиевская II, грот у Каменного Кольца на р. Сим, Смеловская II на р. Малый Кизыл, навес Устиново в верховьях р. Миасс — находятся в Челябинской области. Известны семь пещер с палеолитическими остатками в Башкирии (Балатукай, Байсланташ, Шульган-Таш (Капова), Заповедная и др.; рис. 135).

Палеолитические местонахождения открытого типа немногочисленны, разнообразны по происхождению, насыщенности культурного слоя находками и назначению.

Древнейший памятник истории людей в Южном Зауралье — стоянка Краснокаменка на р. Увельке в Уйском районе. Археолог В. С. Мосин среди прочего обнаружил здесь в культурном слое каменное орудие — бифас — древностью около 300 тыс. лет (рис. 136)! Г. Н. Матюшиным на р. Уфе в Башкирии в ходе раскопок стоянки Айдос еще в конце 1950-х гг. были обнаружены каменные предметы, отнесенные им первоначально к неолиту, но впоследствии определенные как раннепалеолитические. К раннему палеолиту относится и изученная Г. Н. Матюшиным стоянка Муллино (ранний слой), стоянки Кусимово-7, Кусимово-8 (исследовались В. Г. Котовым; рис. 137).

К концу раннего палеолита отнесены и каменные орудия, извлеченные археологами Г. Н. Матюшиным и О. Н. Бадером из культурного слоя стоянки в 40 км западнее современного Магнитогорска, на берегу оз. Карабалыкты. Они назвали ее «стоянка Мысовая» (Карабалыкты VII, или Урта-Тюбе; рис. 138). Люди жили здесь много раз, и более поздние обитатели этого места неоднократно разрушали остатки жизнедеятельности более ранних предшественников, перемешивая разновременные вещи. Но археологам хорошо известно, какими орудиями пользовались древнейшие на Южном Урале люди. Им удалось выделить из большой коллекции около пятидесяти предметов, принадлежавших древнейшим уральцам. И снова это были уже известные нам остроконечники, скребла, рубила (рис. 139).

Выше уже упоминалось, что порой слои с остатками жизнедеятельности палеолитических людей в наших местах оказываются перекрытыми многометровой толщей береговых оползней. Вот один из примеров. В излучине р. Урал у с. Богдановского, что в Кизильском районе нашей области, скалистый левый берег обрывается глинистой осыпью к реке. Археолог *Владимир Николаевич Широков*, проводя поиск мест, где жили древние люди, увидел в обрыве берега под семиметровым (!) слоем осыпавшегося грунта торчащие

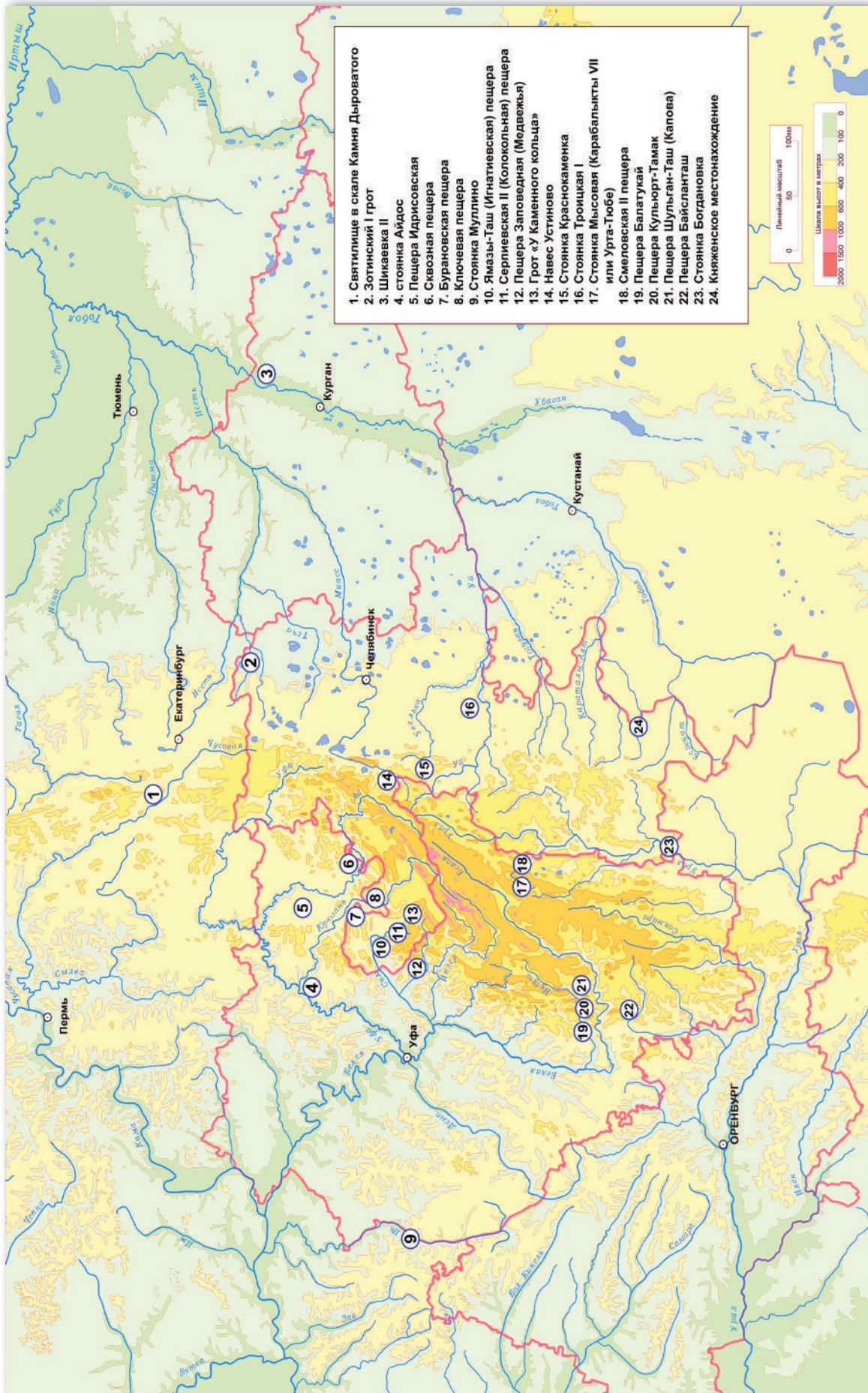

Рис. 135. Локализация основных памятников палеолитического периода на Южном Урале

Рис. 136. Стоянка Краснокаменка на реке Увелке (Уйский район Челябинской области). Каменное рубило. Ранний палеолит.
Фото В. Мосина

Рис. 137. Стоянка Кусимово-7 (Абзелиловский район Республики Башкортостан). Каменное рубило. Ранний палеолит.
Фото В. Котова

Рис. 138. Площадка раннепалеолитической стоянки Мысовая (Урта-Тюбе, Карабалыкты-7). Фото В. Котова

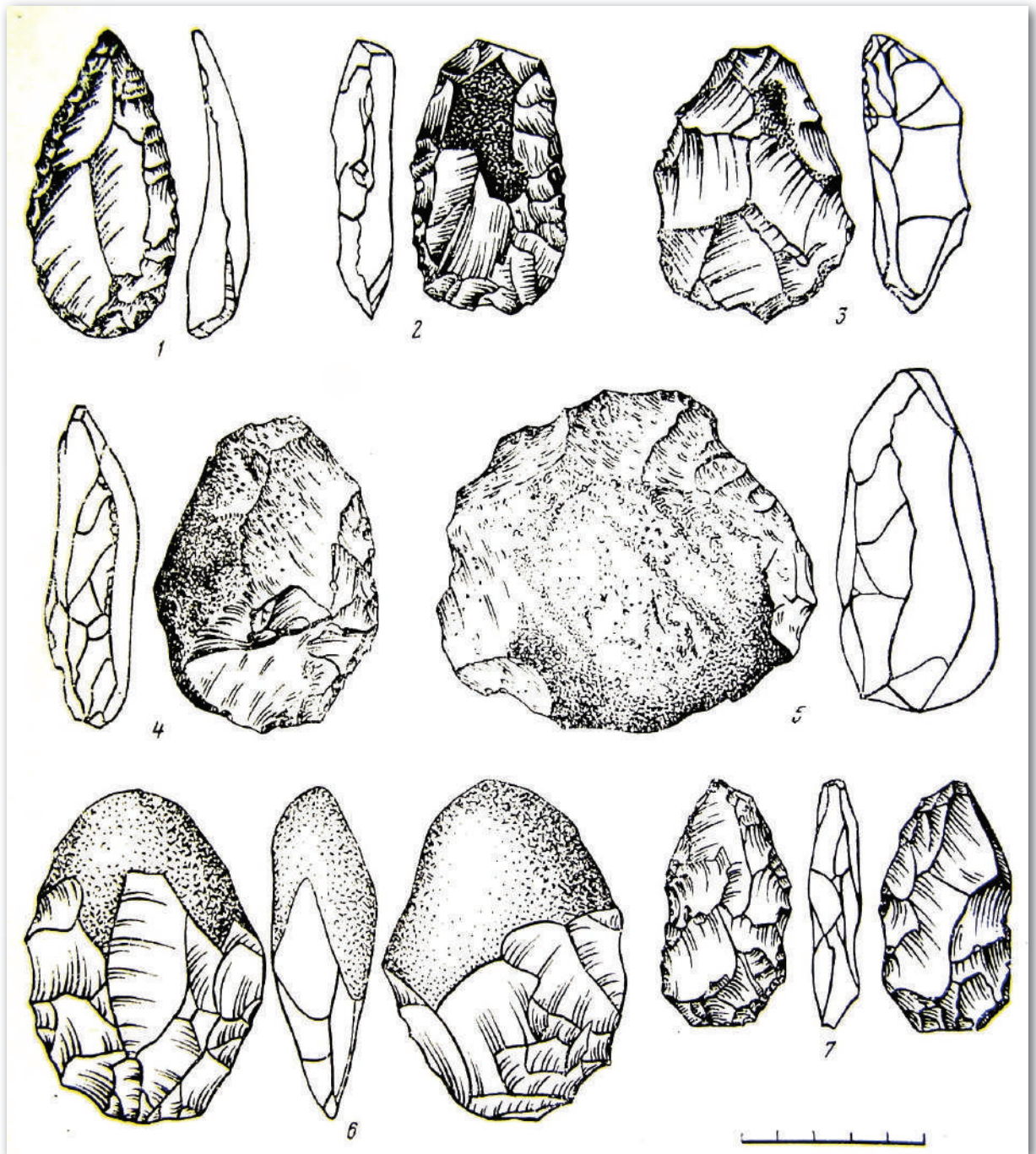

Рис. 139. Стоянка Мысовая (Урта-Тюбе) на озере Карабалыкты в Зауральской Башкирии.
Каменные орудия раннего палеолита

из земли кости животных, живших на Южном Урале десятки тысяч лет назад: мамонтов, шерстистых носорогов, бизонов, северного и благородного оленя и др.

В ходе раскопок выяснилось, что здесь находятся остатки стоянки древнейших южноуральцев. В одном слое с костями животных обнаружены и каменные орудия: остроконечники, скребла (рис. 140). По тому, как оказались распределены по раскопанной части стоянки мелкие кусочки камня — отходы производства каменных орудий, археологи определили, что здесь ра-

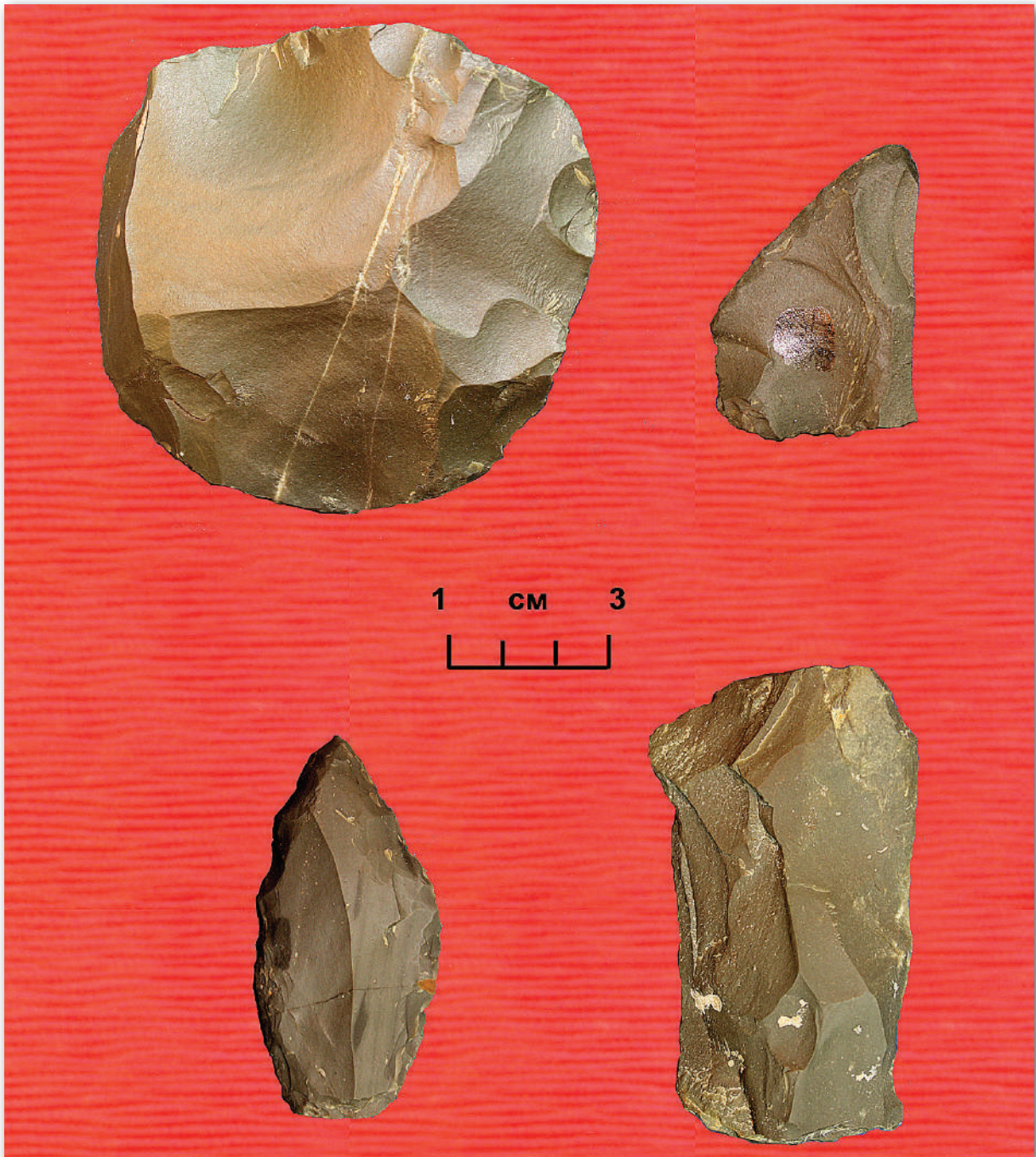

Рис. 140. Стоянка Богдановка на реке Урал (Кизильский район Челябинской области).
Каменные орудия. Палеолит. Фото В. Широкова

ботали два мастера, изготавливавшие эти орудия. Если бы река не смыла во время весеннего половодья обрыв, мы никогда бы не узнали, что под толщей осыпи скрывается один из эпизодов начального периода истории людей на Южном Урале.

Время функционирования стоянки Богдановка (так ее условно назвали археологи) отделено от нас примерно 80 тыс. лет (эпоха мустье, средний палеолит). Люди, оставившие стоянку Богдановка, не жили подолгу на одном месте, передвигаясь за животными, на которых сообща охотились. Поэтому

здесь нет остатков утепленных жилищ, где община жила бы круглый год, а слой с находками тонок. Стоянок открытого типа, подобных Богдановке, на Южном Урале до обидного мало.

В некоторых случаях археологам доставались лишь отдельные предметы из той далекой эпохи, вымытые водой из земли, переотложенные или со следами вторичного использования. Так произошло, например, на р. Камысты-Аят у пос. Княженского на севере Брединского района. Студенты-археологи из Челябинского государственного педагогического института, проводившие археологическую разведку, подняли со дна оврага несколько каменных орудий, вымытых из почвы паводковыми водами и принадлежавших, возможно, одним из первых обитателей наших мест (рис. 141–144).

Единичные каменные палеолитические орудия со следами вторичного использования подняты с поверхности в нескольких пунктах разведочными группами археологов на берегах р. Караталы-Аят (рис. 145).

Большинство позднепалеолитических местонахождений на Южном Урале интерпретировано археологами как остатки кратковременных остановок групп палеолитических охотников. На Южном Урале они открыты в пещерах на р. Юрюзань (Ключевая, Бурановская, Идрисовская), на р. Белой в Башкирии — в пещерах Кульбурт-Тамак, Байсланташ. Позднепалеолитические

Рис. 141. Случайная находка у поселка Княженского (Брединский район Челябинской области). Дисковидный нуклеус. Ранний палеолит.

Фото Н. Виноградова

Рис. 142. Случайная находка у поселка Княженского (Брединский район Челябинской области). Остроконечник. Ранний палеолит. Фото Н. Виноградова

Рис. 143. Случайная находка у поселка Княженского (Брединский район Челябинской области). Остроконечник. Ранний палеолит. Фото Н. Виноградова

Рис. 144. Случайная находка у поселка Княженского (Брединский район Челябинской области). Остроконечник. Краевая ретушь. Ранний палеолит.
Фото Н. Виноградова

Рис. 145. Случайная находка в окрестностях села Новокатенина (Карталинский район Челябинской области). Скребло. Средний палеолит. *Фото Н. Виноградова*

материалы получены и в ходе исследования местонахождения у с. Устиново в верхнем течении р. Миасс и в ряде других мест Южного Урала. «Добыча» археологов в этих случаях скудна: остатки кострищ, немногочисленные каменные изделия, под мощной (до 2 м) толщей более поздних культурных отложений и обломков сводов входных гротов.

Археологи К. В. Сальников и О. Н. Бадер, раскапывая площадку перед входом в маленькую пещеру у пос. Смеловского почти у самого Магнитогорска, на берегу р. Малый Кизил, наткнулись на следы пребывания здесь людей древнего каменного века. Современные археологи относят это местонахождение к началу позднего палеолита (рис. 146).

Рис. 146. О. Н. Бадер со студентами-практикантами ЧГПИ на раскопках в Смеловской пещере. 1962 г. Фото из архива археологической лаборатории ЮУрГГПУ

Самые известные свидетели древнейшего этапа истории Южного Урала — это, конечно, пещеры — святилища с рисунками людей, живших в позднем палеолите. С ними мы более подробно познакомимся чуть позже.

5.3. Хозяйственная жизнь древнейших южноуральцев

Палеолитических южноуральцев кормила, одевала и обогревала охота. Выяснено, что на восточных склонах Южного Урала тогда люди преимущественно охотились на лошадей и северных оленей. Считается, что охота была загонной. Найдены и места охоты. Одно из них, на р. Багаряк на границе Среднего и Южного Зауралья, так описывают археолог Валерий Трофимович

Петрин и археозоолог Николай Георгиевич Смирнов: «Грандиозная, отвесно обрывающаяся к реке гряда скал... служила удобным местом, куда загоняли стада лошадей и северных оленей древние охотники... и добыче оставался только один путь — в обрыв». Предположение ученых подтвердила находка рядом с описанными скалами маленькой пещерки — грота (грот Зотинский I), раскопки в котором дали множество костей именно этих животных (рис. 147–148).

Загонная охота в палеолите Южного Урала была основой хозяйственной жизни.

Некоторые памятники позднего палеолита Южного Урала и Зауралья поняты учеными как места разделки туш погибших или убитых на охоте животных. В Южном Зауралье это позднепалеолитическая стоянка Троицкая I на берегу р. Уй при впадении в нее р. Санарки, датированная временем $21\ 422 \pm 181$ лет от наших дней. Она расположена на территории бывшего совхоза «Плодопитомник», на высоком левом берегу р. Уй. Стоянка исследована археологом В. Н. Широковым и археозоологом П. А. Косинцевым в конце 1980-х — начале 1990-х гг. Но обнаружил ее... тракторист местного тепличного хозяйства, которому поручили вырыть яму для устройства зерносушилки. Ковш экскаватора зацепил кости диких животных. Их было много. Сельские жители хорошо знают, как выглядят кости домашних животных, выкопанные же были совсем не похожи на них.

О находке узнали ученые из ветеринарного института, что в Троицке. Один из них, зоолог *Александр Николаевич Малявкин* (рис. 149), вместе со студентами выехал на место находки и определил, что это кости животных ледниковой эпохи: мамонта и дикой уральской лошади (была и такая). Кости собрали и перевезли в Троицк, где они и хранились. Археологи так и не узнали бы об этой находке, если бы А. Н. Малявкин не известил археолога Н. Б. Виноградова о том, что на окончании одной из найденных костей ноги дикой лошади есть аккуратное сквозное отверстие (рис. 150). При этом он предположил, что кости эти могут быть связаны с древнейшими обитателями этих мест.

Археологи из Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук подтвердили догадку, раскопав здесь остатки стоянки людей конца древнего каменного века (палеолита), скрытые почти метровым слоем почвы: кости четырех мамонтов и каменные орудия. Причем ученые считают, что здесь находились целые туши животных, а не отдельные кости. Из почти двухсот каменных предметов более половины были изготовлены... из горного хрусталя (рис. 151). Ученые пришли к выводу, что найденные на стоянке Троицкая I мамонты погибли своей смертью — скорее всего, утонули во время паводка. Троицкая I была кратковременным охотничьим лагерем. Люди нашли туши погибших животных и поселились рядом, разделявая

Рис. 147. Грот Зотинский I на реке Багаряк. Современный вид. Фото И. Алаевой

Рис. 148. Загонная охота у грота Зотинский I на реке Багаряк в позднем палеолите (реконструкция). Автор Ю. Шмелев

Рис. 149. Стоянка Троицкая I при впадении реки Санарки в Уй. Поздний палеолит.
У шурфа слева направо: А. Малявкин, О. Грибовская, Н. Виноградов.
Фото из архива Н. Виноградова

Рис. 150. Стоянка Троицкая I при впадении реки Санарки в Уй. Пястная кость уральской дикой лошади со сквозным отверстием у эпифиза. Поздний палеолит.
Фото Н. Виноградова

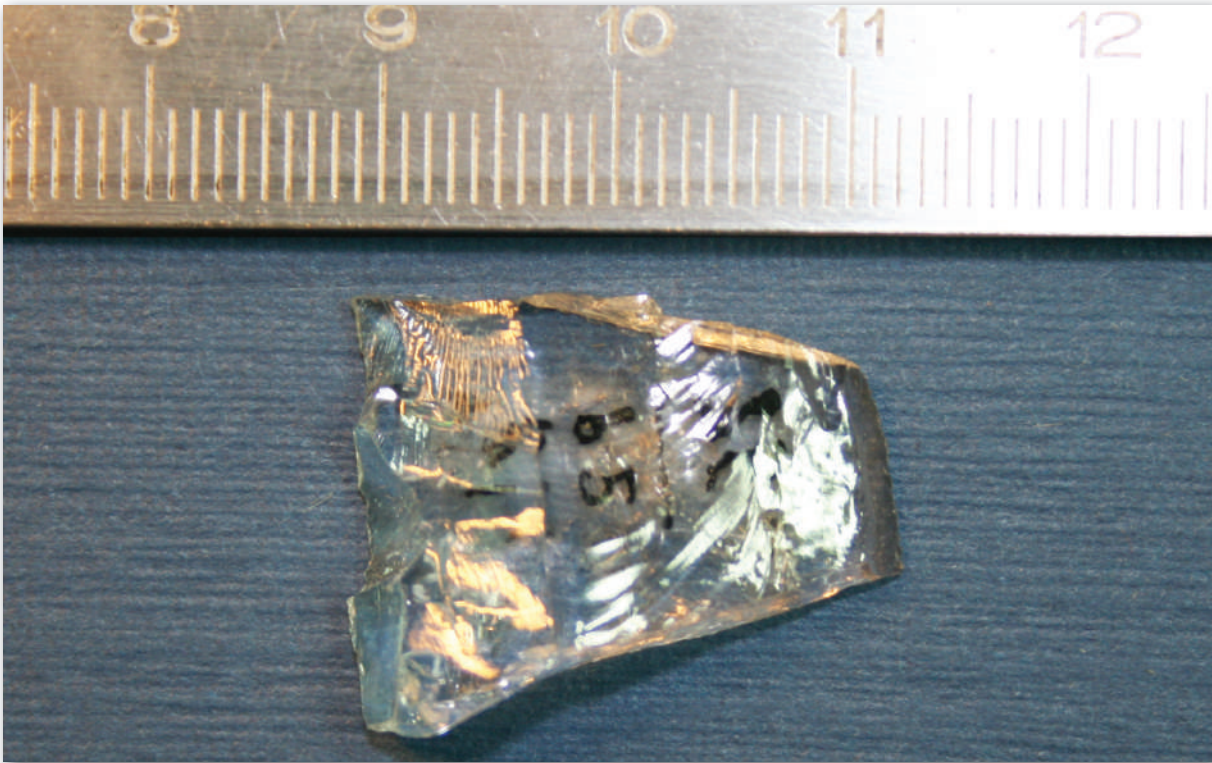

Рис. 151. Стоянка Троицкая I при впадении реки Санарки в Уй. Резец. Горный хрусталь. Поздний палеолит. Фото В. Широкова

их, питаюсь мясом и обогреваясь кострами, топливом для которых служили кости все тех же животных.

Похожую картину наблюдали археологи, исследуя культурный слой позднепалеолитической стоянки Шикаевка II. Она была так же, как и Троицкая I, обнаружена случайно. Крестьянин из дер. Шикаевка Варгашинского района Курганской области при рытье колодца наткнулся на кости крупных плейстоценовых животных. В борту колодца приглашенная из Кургана археолог Т. М. Потемкина вместе с костями древних животных обнаружила каменное орудие. Позднее В. Т. Петрин раскопал здесь более 700 кв. м площади памятника, получившего название Шикаевка II. На глубине около 2 м исследователи обнаружили два почти целых скелета мамонтов, а также кости северного оленя, волка, сайги, зайца (рис. 152). Среди костей находились и 35 каменных предметов. Основная масса находок — ножевидные пластины, изготовленные из южноуральской яшмы, служившие для резки мяса. Среди каменных предметов были и так называемые геометрические микролиты, то есть ножевидные пластины, которые являлись частями рабочих поверхностей вкладышевых орудий. Ретушью им была придана форма прямоугольников или асимметричных треугольников. Состав костей мамонтов и их сохранность убедили исследователей в том, что мамонты погибли естественной смертью, а не от рук охотников. Стоянка датирована временем последнего в позднем плейстоцене Западной Сибири сартанского похолодания, то есть 15–12 тыс. лет от наших дней.

Рис. 152. Стоянка Шикаевка II (Варгашинский район Курганской области). Поздний палеолит. Рабочий момент раскопок. Фото В. Петрина

5.4. Развитие техники в палеолите

Особая тема — развитие техники в палеолите Южного Урала и Зауралья. При раскопках памятников раннего палеолита Южного Урала археологи встретились с характерными для этого времени палеолита технологиями производства каменных орудий. Остроконечники, скребла в то время изготавливались на сколотых с **дисковидных нуклеусов подтреугольных пластинах** (рис. 142–143). Рабочие поверхности подправлялись ретушью (рис. 144). Не исчерпали себя и рубящие чопперы — ручные орудия. Позднепалеолитические южноуральцы обладали уже десятками типов каменных орудий. Их мастера создавали на отделенных от **призматических нуклеусов пластинах с параллельными краями**. Появление подобных пластин вызвало к жизни технику так называемых вкладышевых лезвий. Ее расцвет приходится на последующие периоды каменного века.

Отдельно следует сказать о развитии технологии обработки кости и рога в палеолите Южного Урала. Учитывая невероятное богатство типов орудий труда, предметов вооружения, украшений из кости, рога, дерева в торфяниковых стоянках последующего — мезолитического — периода истории Урала, можно уверенно предполагать зарождение и развитие этого техноло-

гического направления именно в предшествующий период, то есть в палеолите. Об единичных находках в позднепалеолитических памятниках Урала вкладышевых орудий с основой из мамонтовых костей и вкладышами из срединных частей пластин с параллельными краями, упоминает в своих работах археолог Ю. Б. Сериков.

В палеолите люди открыли для себя долины горных рек Южного Урала. Долины рек служили как бы «дорогами», по которым они заселяли неведомые ранее земли. Следы пребывания здесь палеолитических южноуральцев известны ученым прежде всего в многочисленных пещерах, промытых подземными водами в толще южноуральских гор. Не в глубине их (темнота пещер казалась враждебной), а под сводами входных гротов люди находили укрытие от непогоды. Именно здесь они разводили свои костры, свет которых защищал от пугающей темноты ночи и грозных соперников — диких зверей. Мы плохо знаем жизнь первооткрывателей горных долин нашего края вне пещер. Нет свидетельств. Зато сами пещеры скрывают разнообразные тайны, связанные с древнейшими южноуральцами.

Входы в некоторые пещеры Южного Урала еще в глубокой древности были погребены под обломками камней, упавших сверху, и люди после этого не могли в них попасть в течение последующих тысячелетий. А это значит, что следы древней жизни в них не были позднее потревожены никем. Иногда подобные пещеры открываются нашим современникам, назвавшим их «погребенными пещерами».

Так случилось около ста лет назад, когда в ходе ремонтных работ у г. Усть-Катава на р. Юрюзани после взрыва скалы обнажился вход в неизвестную ранее пещеру (рис. 153). Когда люди проникли в нее, то поняли, что здесь очень давно никто не был. Из глинистого пола торчали кости диких животных древних животных. Вызванный из Института истории материальной культуры РАН (Москва) археолог С. Н. Бибиков определил, что в этой пещере нет следов пребывания древних людей. Зато он нашел следы их жизни (угли от костров и небольшое количество каменных предметов), погребенные под двухметровым слоем обломков камней, во входных гротах нескольких соседних пещер (Бурановской, Ключевой).

В прошедшем столетии пещеры неоднократно радовали археологов, изучающих начало истории людей в горах Южного Урала. Назовем, например, пещеры на р. Ай, у небольшого пос. Сикиязтамак, что в современном Саткинском районе (рис. 154–155). Пещеры здесь были известны давно, но их археологическое изучение было начато археологом Владимиром Ивановичем Юриным сравнительно недавно. Прежде всего он установил, что пещер здесь гораздо больше, чем считалось ранее. Затем внимательно обследовал

Рис. 153. Пещера Усть-Катавская II (костеносная) (Саткинский район Челябинской области).
Раскопки С. Н. Бибикова

Фонды ЧОКМ ОФ-791/4, 18

Рис. 154. Вид на поселок Сикияз-Тамак (Саткинский район Челябинской области) по долине реки Ай с площадки «пещерного града». Фото Н. Виноградова

Рис. 155. Вход в одну из пещер Сикияз-Тамака (Саткинский район Челябинской области). Фото Н. Виноградова

их. Выяснилось, что пещеры полны свидетельств пребывания в них людей в различные времена. Но самые первые люди пришли сюда еще в древнем каменном веке.

5.5. Древнейшие святилища в регионе

Южный Урал — единственный в Восточной Европе район, где известна настенная позднепалеолитическая живопись в пещерах. Впервые на Урале она была открыта в пещере Шульган-Таш (Каповой) на р. Белой в Белорецком районе Республики Башкортостан.

Пещера эта — памятник как древней истории, так и природы. Посетивший ее еще в XVIII в. и потрясенный ее красотой ученый-путешественник И. И. Лепехин посвятил ей немало строк в специальной статье, сравнивая волшебные картины подземного мира — сверкание при свете факелов сталактитов и сталагмитов — со средневековым театром. Отдельную статью пещере Шульган-Таш посвятил известный краевед XVIII в. П. И. Рычков. И лишь в конце 1950-х гг. зоолог Александр Владимирович Рюмин открыл здесь рисунки палеолитических уральцев.

С 1960 по 1978 г. в пещере работала экспедиция под руководством археолога *О. Н. Бадера* (рис. 156). Позднее руководства работами в пещере Шульган-Таш в разное время осуществляли археологи *Вячеслав Евгеньевич Щелинский* (Санкт-Петербург) и *В. Г. Котов* (Уфа). Трехкилометровая трехэтажная полость пещеры скрывала профильные изображения животных (мамонты, носороги, бизоны, лошади) и схематические знаки (рис. 157–158). Рисунки выполнялись не одновременно, в различных масштабах и не составляют единой композиции. Объем передавался путем неравномерного распределения краски в пределах силуэтов животных. Древним художникам удалось удивительно реалистично передать видовые особенности животных, которые были для них частью окружающего мира и одновременно объектом охоты и поклонения. Помимо рисунков на первом этаже пещеры в 1983 г. обнаружены остатки культурного слоя этой эпохи с каменными предметами и кусочками охры. И последнее об этой пещере. Исследование ее в связи с настенной палеолитической живописью продолжается и преподносит современным археологам новые открытия.

Отто Николаевич Бадер неоднократно высказывал мысль о том, что на Южном Урале возможно открытие целого района с пещерной позднепалеолитической живописью. И это предположение позднее подтвердилось. В 1980 г. рисунки, выполненные охрой и сажей, были обнаружены в Игнatieвской пещере. С незапамятных времен в скалистом обрыве берега р. Сим в Катав-Ивановском районе современной Челябинской области башкирам была известна пещера, которую они называли Ямазы-Таш (рис. 159). Позднее русские называли ее Игнatieвской — по имени христианского отшельни-

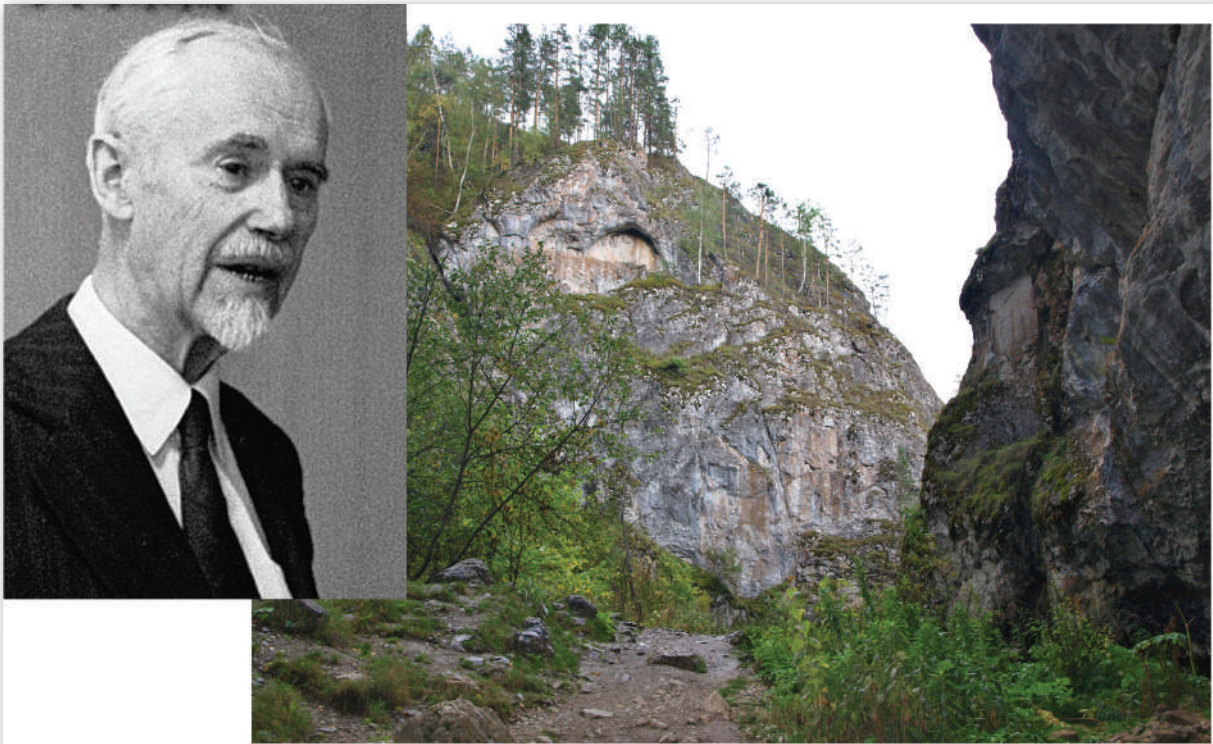

Рис. 156. Святилище позднего палеолита в пещере Шульган-Таш (Каповой) (Бурзянский район Республики Башкортостан) и один из его исследователей — О. Н. Бадер.
Фото Н. Виноградова

Рис. 157. Святилище позднего палеолита в пещере Шульган-Таш (Каповой) (Бурзянский район Республики Башкортостан). Настенная живопись. Изображения мамонтов. Охра.
Фото Н. Пашковой

Рис. 158. Святилище позднего палеолита в пещере Шульган-Таш (Каповой) (Бурзянский район Республики Башкортостан). Настенная живопись. Изображение мамонта. Охра.
Фото Н. Пашковой

ка старца Игнатия. Пещера эта двухэтажная с общей длиной ходов около 550 м. Она промыта в толще горы водой.

Среди местных жителей упорно ходят легенды о подземных озерах и залах, некогда доступных для людей. За последние 250 лет пещеру осматривали многие известные русские путешественники и археологи. Они искали следы жизни древнейших обитателей Южного Урала. Но при раскопках у входа пещеры обнаруживали лишь следы более поздних эпох: угли костров, кости животных, обломки глиняных сосудов и каменных орудий. Но и тогда вряд ли люди жили в пещере постоянно. Они лишь посещали пещеру, укрываясь от непогоды или преследования.

Главную свою тайну пещера открыла только в 1980 г., когда в ней начала работу археологическая экспедиция, которой руководил археолог *Валерий Трофимович Петрин* (1943–2002; рис. 160). Сотрудник экспедиции, тогда еще студент, а ныне ученый В. Н. Широков первым из людей нашего времени увидел при обследовании стен пещеры на первом этаже древний рисунок — округлое пятно, ограниченное отрезками прямых линий (рис. 161). Рисунок был выполнен красновато-коричневой минеральной краской — охрой. Позднее выяснилось, что рисунки в Игнatieвской пещере выполнялись не только охрой, но и древесным углем. Данные уран-ториевого изотопного датирования показали, что рисунки были выполнены в интервале между 78 тыс. и 10 тыс. лет назад. Вода, стекавшая по стенкам пещеры в течение тысячелетий, несла мельчайшие известковые частицы. Они оседали на стенах и покрывали их и древние рисунки полупрозрачной корочкой. Она надежно защищает изображения от разрушения и указывает на большую древность рисунков.

Рис. 159. Вход в пещеру Ямазы-Таш (Игнatieвская) на реке Сим (Катав-Ивановский район Челябинской области). Фото С. Маркова

Рис. 160. В. Т. Петрин, исследователь
позднепалеолитического святилища
в пещере Ямазы-Таш (Игнatieвской).
Фото Н. Виноградова

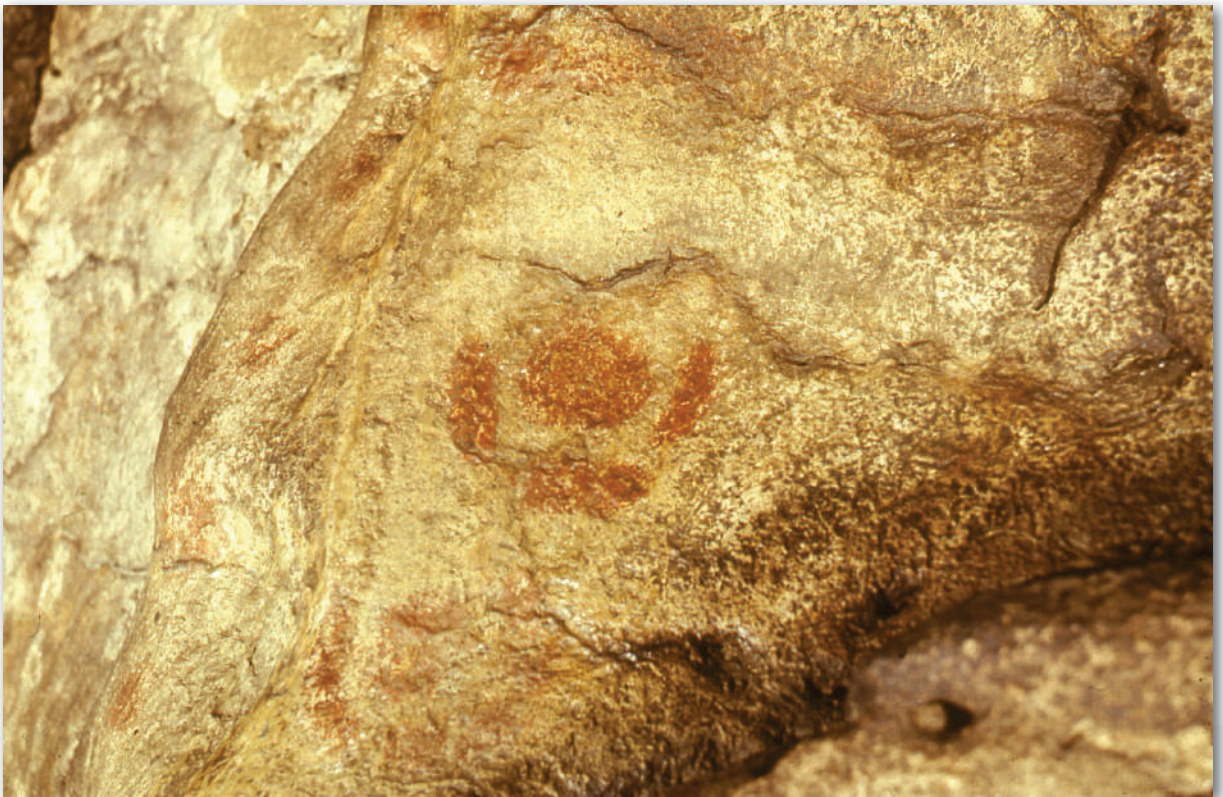

Рис. 161. Пещера Ямазы-Таш (Игнatieвская). Один из рисунков первого этажа.
Поздний палеолит. *Фото С. Маркова*

Археологи обнаружили на стенах первого этажа и потолке второго рисунки людей ледникового периода (примерно 15–13 тыс. лет назад). Охотники на диких лошадях, мамонтов, северных оленей рисовали здесь столь привычных для их времени животных (рис. 162), а также условные знаки — символы («змея», «дротик», вертикальные линии). Есть здесь также единственное изображение человеческой фигуры.

Зачем древним уральцам потребовалось рисовать в потаенных местах пещер, среди тишины и мрака? Что означают эти рисунки? Ученые считают рисунки людей ледникового периода в пещерах Южного Урала (Шульган-Таш (Капова) в Башкирии, Ямазы-Таш (Игнatieвская) и Серпиевская II в Челябинской области) частью волшебных (магических) обрядов, связанных с охотой, добычей пищи и магией плодородия. Авторами рисунков, скорее всего, были шаманы (колдуны).

Мир людям ледникового времени виделся совсем другим, чем нам. Нам проникнуть в него очень сложно. Он был «населен» различными волшебствами, духами. Для нас пещера — полое пространство в горе, промытое водой. Для наших далеких земляков это был Вход в Мать-Землю.

Ученые считают, что община (или несколько общин) охотников ледникового периода проводили в Игнatieвской пещере и обряд «посвящения во

Рис. 162. Пещера Ямазы-Таш (Игнatieвская). Рисунки животных на втором этаже. Поздний палеолит. Фото А. Наумова

взрослые люди», обычный для древних народов. Как он выглядел? Вряд ли мы когда-нибудь будем знать это в деталях. Обычно подобные обряды у древних народов включали суровые испытания; пройдя через них и одержав победу над собой, вчерашний мальчик становился полноправным взрослым, как бы рождался вновь и даже получал новое имя.

Давайте пофантазируем... В определенный день по достижении мальчиком определенного возраста старейшины отправляли его в пещеру-святилище, напутствуя: «Пройдешь... шагов, поверни налево. Увидишь перед собой выступ скалы. Сколи с него кусок камня и возвращайся назад». Так примерно говорили они кандидату в воины. Это было страшное испытание. Один, в кромешной тьме, окруженный «духами», в существование которых он свято верил, вчерашний ребенок отмерял положенные шаги и возвращался к старейшинам с требуемым куском камня. Теперь, когда он выдержал испытание, он мог продолжить полноправную жизнь в общине, но уже как взрослый охотник. Возможно, прошедшему испытание и детское имя меняли на взрослое. Назад в детство дороги уже не было... Через 15 тыс. лет археологи нашли места этих сколов. Как и древние рисунки, сколы были покрыты полупрозрачной корочкой натёков кальцита, что подтверждало их древность. Отколотых кусков ученые, как ни пытались, в пещере не нашли... Да это и не удивительно.

К другой разновидности пещерных святилищ эпохи позднего палеолита относятся пещеры Сквозная (Сикияз-Тамакский пещерный комплекс) и Заповедная с явными следами особого культа медведя. В подземном зале пещеры Сквозной археолог В. И. Юрин обнаружил череп пещерного медведя и предположил, что место находки — святилище уральцев ледникового периода. Здесь они поклонялись обожествленному могучему зверю. Яркие свидетельства культа пещерного медведя встречены в пещере Заповедной (Медвежьей), расположенной на правом берегу р. Лемезы в Башкирии, в окрестностях водопада Атыш. Исследователи обнаружили здесь множество костей и черепов пещерных медведей, некоторые из которых за долгое время буквально вросли в кальцитовые натёки. В Дальнем зале пещеры на крупном камне лежал череп пещерного медведя, обращенный лицевой частью ко входу в зал. Сверху череп покрывал слой кальцитовых натёков. Вокруг камня лежало еще полтора десятка медвежьих черепов. К сожалению, в последнем случае археологи (В. Г. Котов и др.) попали в это святилище после «диких» туристов, изрядно искалечивших уникальный памятник.

Наконец, именно в позднепалеолитическое время началась история удивительного святилища на Камне Дыроватом на р. Чусовой, где, как считают ученые, в качестве основного дара Духу выступали стрелы.

Сказанное выше позволяет утверждать следующее:

- Многоактный период начального освоения человеком Южного Урала и Зауралья растянулся на весь период палеолита.

- Редкое постоянное население в регионе появляется в позднем палеолите.
- Палеолит необычен по природе и климату, обусловленными оледенениями.
- В палеолите началось использование минеральных богатств региона.
- На Южном Урале основой хозяйственно-экономической жизни населения в палеолите являлась загонная охота на диких лошадей и северных оленей.
- Спелеологам на Южном Урале известны десятки так называемых погребенных пещер. Вход в них был завален иногда десятки тысяч лет назад, и по этой причине в эти пещеры не могли попасть люди в более поздние времена. Подобные пещеры — кладезь новых возможных выдающихся открытий, в частности святилищ с настенными рисунками ледникового периода.
- Палеолит — период оформления сложного мировоззрения древнейших обитателей Южного Урала, что доказывается разнообразными материальными остатками в пещерных святилищах нескольких типов.

Литература

Основная

Мосин В. С. Древние охотники Урала (археология и жизнь). Челябинск : Издат. центр ЮУрГУ, 2013. 511 с.

Мосин В. С. Палеолит // Древняя история Южного Зауралья. Челябинск : ЮУрГУ, 2000. С. 22–52.

Мосин В. С. Южный Урал в каменном веке // История Южного Урала : в 8 т. Т. 1. Челябинск : Издат. центр ЮУрГУ, 2019. 408 с.

Серигов Ю. Б. Пещерный палеолит Урала // Записки Института истории материальной культуры РАН. Вып. 24. СПб. : ИИМК РАН, 2021. С. 67–81.

Широков В. Н., Петрин В. Т. Искусство ледникового века. Игнатьевская и Серпиевская 2 пещеры на Южном Урале. Екатеринбург, 2013. 190 с.

Дополнительная

Бадер О. Н. Каповая пещера. Палеолитическая живопись. М. : Искусство, 1965. 32 с. : ил.

История башкирского народа : в 7 т. Т. 1. М. : Наука, 2009. С. 54–63.

Ляхницкий Ю. С. Сокровище палеолита. Рисунки и знаки пещеры Шульганташ. Уфа : Китап, 2008. 188 с.

Серигов Ю. Б. Камень Дыроватый — уникальное пещерное святилище на р. Чусовой (первые результаты исследований) // Российская археология. 1997. № 3. С. 121–140.

Серигов Ю. Б. Очерки по первобытному искусству Урала. Нижний Тагил : Нижнетагил. гос. социал.-пед. акад., 2014. 268 с.

Серигов Ю. Б. Палеолит и мезолит Среднего Зауралья. Нижний Тагил, 2000. 431 с.

Широков В. Н. Древнейшее искусство уральских пещер : пособие для учителя и учащихся. Екатеринбург : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1995. 69 с. : ил.

ГЛАВА 6. МЕЗОЛИТ ЮЖНОГО УРАЛА

В начале 1960-х гг. археолог Г. Н. Матюшин осуществил амбициозную программу по выявлению памятников каменного века на озерах Зауральской Башкирии. Речь идет об озерах Карабалыкты, Банное (Яктыкуль), Сабакты, Суртанды, Сибаркуль. Озера Яктыкуль и Сибаркуль объединены р. Янгелькой (правый приток Урала), сделавшей эти водоемы проточными.

Исследователь весьма преуспел в обследовании района, поскольку избрал тактику поиска неизвестных науке памятников археологии с учетом изменений, происшедших в гидрографии исследуемого района за последние тысячелетия.

Среди сотен вновь открытых здесь памятников каменного века не менее 50 были отнесены им к мезолитическому периоду (рис. 163). И это были первые в истории археологии Южного Урала мезолитические памятники. Сам исследователь останется в истории археологической науки как первооткрыватель мезолита на Южном Урале. Г. Н. Матюшин посвятил значительную часть своей жизни в науке определению основных характеристик мезолитического периода на Южном Урале. По итогам исследований он выделил на Южном Урале две мезолитические культуры: *романовско-ильмурзинскую* — для Башкирского Приуралья, и *янгельскую* — для Южного Зауралья.

Позднее представления Г. Н. Матюшина о мезолите Южного Урала на основании новых материалов были откорректированы В. С. Мосиным. Что касается происхождения южноуральского мезолита, то В. С. Мосин считает его местным, то есть сложившимся на местной позднепалеолитической основе.

6.1. Природа в мезолите Южного Урала

Мезолит, или средний каменный век (VIII–VII тыс. до н. э.), начался с окончанием последнего оледенения, примерно 10 300 лет назад, когда на смену последнему в человеческой истории крупному оледенению в северном полушарии пришел более теплый климат. На смену ледниковому периоду (*плейстоцену* в геологической периодизации) пришел послеледниковый, или *голоцен*. С *ранним голоценом* и связывают ученые мезолитический период человеческой истории.

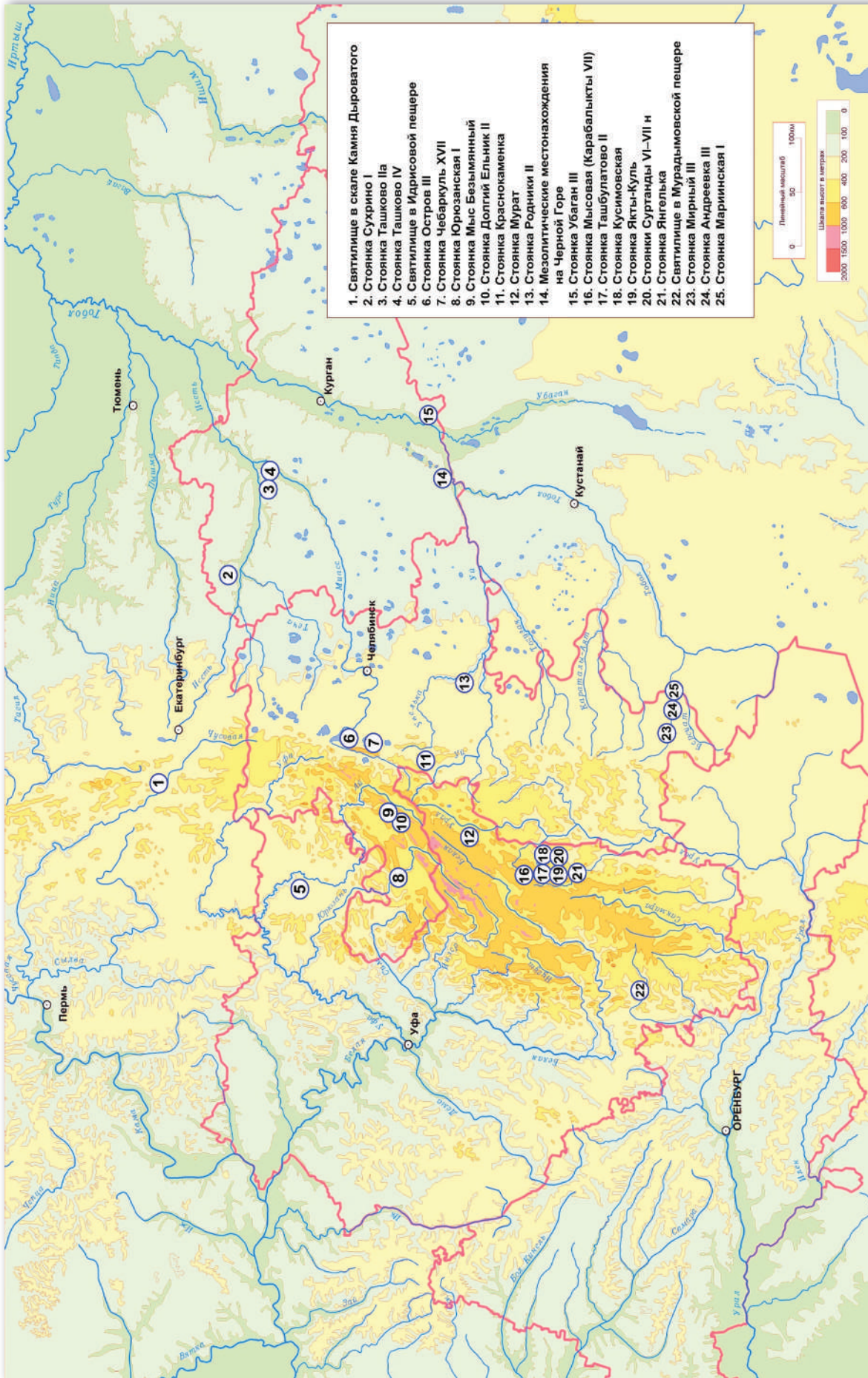

Рис. 163. Локализация мезолитических памятников на Южном Урале

Из убежищ «вышли» леса, которые «завоевали» просторы ранее холодной тундростепи, и Урал впервые в истории стал в основном лесной страной, как и сейчас. Постепенно природа Южного Урала приобрела современный вид. Холоднлюбивые животные, например мамонты, вынуждены были отойти на север Урала и Сибири. Другие представители мамонтовой фауны вымерли или были истреблены. Самыми большими животными в лесах остались лоси, олени, медведи.

Дата 10 300 лет назад — время планетарного потепления — учеными единодушно считается рубежной. Чуть раньше заканчивается последнее валдайское оледенение, и потепление климата проходит точку невозврата. Он стал мягче, теплее. Широко распространились леса, обмелели водоемы. Самые древние из существующих ныне болот образовались в то время, то есть являются ровесниками мезолита. Почему? Потепление активизировало водную растительность в водоемах. Отмирая и накапливаясь на дне год за годом, она образовывала торфяную залежь. Залежь эта прирастала со скоростью в среднем примерно 1 мм в год, а в отдельные периоды — еще медленнее.

Специалисты, профессионально занимающиеся палеоклиматологией, утверждают, что самые древние из исследованных на Среднем Урале болот имеют торфяную залежь мощностью до 10 м и возраст до 10 тыс. лет. Торфяные залежи болот в районе высокогорного оз. Зюраткуль на Южном Урале достигают мощности около 7 м. Они начала формироваться позднее — около 8 тыс. лет назад.

Как считают ученые, в начале послеледникового периода на большей части Среднего и Южного Урала преобладала степная растительность, а в хребтовой части — и тундровая. Лесная растительность (лиственница сибирская с примесью березы, сосны, ели) существовала в виде островков и редколесий в благоприятных для нее условиях. На юге Урала преобладала сосна. Открытые ландшафты здесь имели вид лесостепей.

Первооткрыватель мезолита Южного Урала археолог Г. Н. Матюшин считал, что первые мезолитические памятники на Южном Урале появились еще в финале позднего плейстоцена с присущим ему холодным климатом и господством открытых ландшафтов. В переходное от плейстоцена к голоцену время Южное Зауралье представляло собой холодные степи с густым разнотравьем и многочисленными болотами.

Следующая рубежная дата — 9200–8000 лет от наших дней. Климат становится еще теплее и суше. В лесах решительно преобладают сосна, береза. Открытые ландшафты — полынные степи.

Большое значение для исследования мезолита Урала, по мнению того же Г. Н. Матюшина, имели колебания уровня Каспийского моря. В течение голоцена он четыре раза опускался на десятки метров. Часть этих регрессий относится к раннему голоцену. Изменение уровня Каспийского моря необходимо связывать

с изменением обводненности основных рек, в него впадающих, то есть с Волгой и Уралом.

Г. Н. Матюшин доказал, что стоянки раннего мезолита в Башкирском Приуралье располагаются на участках коренных террас (вследствие высокого стояния вод в реках), а стоянки позднего мезолита — на первых надпойменных террасах, что он связывает с уменьшением обводненности рек. Важно также вновь упомянуть и тот факт, что мезолитические памятники в Башкирском Зауралье, обнаруженные Г. Н. Матюшиным, были обнаружены им порой на расстоянии до нескольких километров от современной береговой линии озер, что может свидетельствовать о большей обводненности озер Башкирского Зауралья в мезолитический период.

6.2. Мезолитические памятники

Мезолит стал первой эпохой, когда на Урале, в том числе и на юге его, появилось сравнительно многочисленное население. В отличие от палеолита, следы которого на Южном Урале довольно редки, мезолитическая эпоха изучена лучше. Десятки стоянок этого времени известны в Южном Зауралье.

В нынешних южноуральских степях стоянки каменного века, в том числе мезолитические, начали изучать не более полувека назад. Сейчас благодаря археологам они известны в степных районах Южного Зауралья. В Брединском районе они расположены по берегам р. Синтасты (Синташты), у пос. Андреевского и Мирный, на р. Бирсуат; стоянка Мариинская I, исследованная В. С. Мосиным, — близ места слияния Синташты и Бирсуата; стоянки на р. Камысты-Аят. В Карталинском районе — стоянки на р. Карагайлы-Аят, Сухая и др.; в Варненском — на Верхнем, Среднем и Нижнем Тогузаке, Теткане; в Верхнеуральском районе на р. Урал, оз. Большой и Малый Бугодак и, конечно, по берегам Карагайского озера. В Чесменском районе стоянки охотников и рыболовов каменного века разбросаны по небольшим рекам, например р. Черной. В Кизильском районе это стоянки на берегах Урала и его притоков, например, на р. Бахта. В Троицком районе — на р. Уй у с. Степное, Стрелецкое, Чернореченское, у пос. Березовского. В. С. Мосин исследовал два мезолитических памятника на берегу Увелки в Уйском и Троицком районах Челябинской области — стоянки Краснокаменка и Родники II.

В Зауральской Башкирии Г. Н. Матюшиным изучены такие мезолитические стоянки, как Мысовая (Карабалыкты VII), Ташбулатово II на оз. Карабалыкты; Кусимовская и Якты-Куль на оз. Банное; Мурат на оз. Узункуль; Суртанды VI–VII на одноименном озере и, конечно, эпонимный памятник янгельской мезолитической культуры Южного Зауралья — стоянка Янгелька на оз. Сибаркуль.

Стоянка Юрюзанская I в горах Южного Урала, на берегу р. Юрюзань, раскапывалась В. С. Мосиным. Высокогорное оз. Зюраткуль (рис. 164) подели-

Рис. 164. На берегах горного озера Зюраткуль Г. Н. Матюшин исследовал несколько стоянок мезолитического периода: Долгий Ельник II, Мыс Безымянный

лось с Г. Н. Матюшиным тайнами мезолитических стоянок Долгий Ельник II и Мыс Безымянный. Е. М. Беспрозванный изучил мезолитическую стоянку Чебаркуль XVII на одноименном озере. Археологи УрГУ собрали материалы с поверхности стоянки Остров III на Аргазинском водохранилище.

В Зауралье отметим стоянку Убаган III при впадении в Тобол справа его притока — р. Убаган (раскопки В. Ф. Зайберта и Т. М. Потемкиной), стоянку Сухрино I на р. Исеть в Шадринском районе (исследована В. Е. Стояновым), стоянки Ташково IV и Ташково IIa (изучены Л. Я. Крижевской), мезолитические местонахождения на Черной Горе у пос. Озерного Звериноголовского района Курганской области.

Так что почти на любом озере и на берегах рек на Южном Урале и в Зауралье можно поднять с дороги каменную пластинку-вкладыш составного лезвия охотника мезолитического периода или изящный концевой скребок на пластине, которым так удобно чистить пойманную рыбу, — осколки давно ушедшей жизни. К сожалению, в большинстве своем остатки жизнедеятельности древних обитателей Южного Урала сильно потревожены, особенно в ходе современного земледельческого освоения территорий.

6.3. Изменения в хозяйственной жизни

Люди быстро приспособились к изменившейся природе и климату. Мезолитические южноуральцы стали охотниками, рыболовами и собирателями. Для этого нашлись и возможности. Во-первых, благодаря мощному (до 2 м

и более) луку и стрелам с разнообразными каменными и костяными наконечниками, разнообразным ловушкам они вполне успешно могли охотиться в одиночку или небольшими группами. Отпала необходимость жить вместе для успешной добычи продуктов при охоте загоном. Во-вторых, именно в это время началась история рыболовства в реках и озерах Южного Урала (рис. 165).

Рис. 165. Реконструкция образа жизни мезолитических южноуральцев. Скульптурная группа и рисунок из экспозиции учебного школьного археологического музея ЧГПИ.

Автор И. Н. Банников. Фото Н. Виноградова

Жили люди относительно небольшими группами родственников. В пределах территории одной родовой общины (все пространства степей и лесов, реки и озера к этому времени были поделены между общинами) имелись как круглогодично обитаемые поселения на проточных озерах и реках, так и разбросанные по охотничьим или рыбным местам сезонные стоянки — охотничьи или рыболовецкие лагеря.

Каждая из общин, по мнению специалистов, владела пространством в радиусе нескольких десятков километров от основной стоянки, расположенной, как правило, на реке или проточном озере. В пределах этого пространства по окрестным рекам и озерам были разбросаны сезонные стоянки, где охотники-рыболовы этой родовой группы проводили какое-то время, добывая

определенного зверя или рыбу. Так на Южном Урале утвердился способ жизни, который затем почти не изменялся вплоть до начала II тыс. до н. э., то есть до бронзового века.

Важным является утверждение одного из основных исследователей мезолита Южного Зауралья археолога В. С. Мосина о том, что ни на одном из памятников в этом регионе нет остатков капитальных полуземляночных строений этого периода. Объяснение очень простое. В предгорной и горной местностях Южного Урала маломощные разновременные культурные слои залегают на скальном основании, в котором было избыточно сложно выкопать котлован для жилища. Поэтому архитектура мезолита в Южном Зауралье была наземной. В. С. Мосин реконструирует ее как утепленные шкурами островерхие шалаши-чумы (рис. 166). Однако не исключаются и варианты срубных наземных построек, особенно с позднего мезолита — со времени широкого распространения рубящих шлифованных орудий.

По данным археолога Ю. Б. Серикова, мезолитические обитатели Зауралья охотились на самых разнообразных животных: лосей и северных оленей, медведей, волков, пушных зверей и водоплавающих птиц. Важно заметить, что уже в то время людям на охоте помогали собаки.

Рис. 166. Традиционное жилище манси — чум. Этнография манси. 1908 г.

Пермский областной краеведческий музей. Учетный № ВХ-1863-2

У населения разных районов Урала соотношение хозяйственных отраслей было различным. Особенно важно то, что впервые в истории Урала именно в мезолитическую эпоху люди стали широко использовать рыбные богатства уральских рек и озер. Найденные при раскопках каменные грузила для сетей (иногда даже завернутые в бересту), крупные костяные и роговые гарпунные остроги, каменные рубящие орудия, пригодные для изготовления лодок, говорят о бытовании различных способов ловли рыбы (на удочку, с помощью сетей, острог, лука и стрел и т. д.).

Изменения в жизни мезолитических обитателей Урала потребовали и изменений в ее обеспечении. Особенностью изготовления каменных орудий в мезолите Урала было то, что во всех районах они изготавливались из миниатюрных каменных пластинок с параллельными краями (научное название — микролиты). Широко распространились изобретенные еще в позднем палеолите вкладышевые орудия с составными лезвиями из каменных пластинок, лук со стрелами, а также орудия для обработки дерева, в том числе шлифованные топоры и тесла.

В. С. Мосин приводит перечень характерных черт каменной индустрии на мезолитических стоянках Зауралья:

- использование микропластинок шириной не более 1 см в качестве вкладышей составных лезвий;
- малое распространение краевой ретуши (вторичной обработки). Пластины, благодаря свойствам сырья, обычно использовались без ретуши;
- сходный набор типов каменных орудий (концевые скребки на пластинах, угловые резцы на пластинах, острия, пластины с обработанным торцом, пластины с выемкой (скобели), скребки на отщепках);
- повсеместный способ снятия полуфабрикатов (пластин с параллельными краями) с конических, призматических или так называемых торцевых нуклеусов;
- присутствие геометрических микролитов (треугольники, асимметричные трапеции);
- бытование шлифованных рубящих орудий (топоры, тесла, стамески, клинья).

6.4. Сокровища из торфяников

В музее Нижнего Тагила, Свердловском областном краеведческом музее им. О. Е. Клера, Государственном историческом музее (Москва) и Эрмитаже (Санкт-Петербург) вы найдете в экспозициях удивительные деревянные, костяные и роговые вещи из древних торфяниковых стоянок Урала. Теперь самое время назвать эти торфяники: Висский I (Северное Приуралье), Шигирский под Екатеринбургом, Горбуновский, Кокшаровский у Нижнего Тагила и целый ряд других. Только в Свердловской области подобных торфяников известно

не менее полутора десятков. Их исследование было начато еще в 80-е гг. XIX в. краеведами Уральского общества любителей естествознания и продолжено советскими и российскими археологами (О. Е. Клер, В. Я. Толмачев, Д. Н. Эдинг, Ю. Б. Сериков, Н. М. Чаиркина, С. Н. Савченко, М. Г. Жилин и др.). Перед посетителями Шигирской кладовой в Свердловском областном краеведческом музее им. О. Е. Клера открывается удивительный по своему богатству и оригинальности мир мезолитических людей Урала. Причину такого археологического изобилия под торфяными отложениями надо искать в природе. Поскольку именно благодаря круговороту климатических изменений слои с остатками жизнедеятельности людей, в том числе мезолитического периода, оказывались погребенными в донных отложениях органического происхождения под толщей торфа (рис. 167). Во влажной среде, без доступа кислорода сохраняются нетленными через долгие тысячелетия деревянные, костяные, роговые предметы, принадлежавшие древним уральцам. Подобное невозможно представить для стоянок на открытом воздухе и погребений, где они благодаря притоку воздуха давным-давно истлели.

Благодаря археологическим сокровищам из торфяников наши современники узнали о том, что мезолитические уральцы в повседневной жизни пользовались такими изобретениями, как лыжи, легкие сани, управляли лодками с помощью весел (рис. 168), имели мощные деревянные луки, мастерили берестяные коробки-туеса и даже изображения почитаемых духов делали из

Рис. 167. Горбуновский торфяник, стоянка Береговая II. Мезолит. 2009 г. Авторы раскопок: М. Г. Жилина, С. Н. Савченко. Фото предоставлено С. Н. Савченко

Рис. 168. Горбуновский торфяник. Стоянка Береговая II. Мезолит. Культурный слой III — поздний мезолит (9300–8750 лет назад). Деревянное весло. Фото М. Жилина
Фонды Свердловского областного краеведческого музея им. О. Е. Клера

Рис. 169. Шигирский торфяник. Голова Большого Шигирского идола. Мезолит. Фото Е. Тамплона
Шигирская кладовая Свердловского областного краеведческого музея им. О. Е. Клера. Фото предоставлено С. Н. Савченко

дерева (рис. 169). Разнообразные костяные и вкладышевые наконечники с костяными основаниями (рис. 170), ножи различного назначения с костяными основаниями и лезвиями, набранными из ножевидных пластин, костяные гарпуны и многие другие изделия уже тогда делали жизнь наших далеких предшественников более комфортной и эффективной.

Для нашего очерка очень важно предположение о том, что подобные торфяниковые памятники могут быть найдены и на Южном Урале.

Вне торфяников находки подобных предметов крайне редки. Один из них — костяной вкладышевый однолез-

Рис. 170. Горбуновский торфяник. Стоянка Береговая II. Мезолит. Культурный слой IV — средний мезолит (10200–9500 лет назад). Костяные наконечники стрел: вкладышевые, весловидные и с биконической головкой. Фото М. Жилина
Фонды Свердловского областного краеведческого музея им. О. Е. Клера

вийный нож (рис. 171). Он был найден в составе погребального инвентаря в уникальном мезолитическом погребении у дер. Пеган, что в современной Курганской области. В момент обнаружения в пазе (глубоком желобке) костяной основы сохранилась лишь одна каменная ножевидная пластина — часть составного лезвия. Одна из сторон костяной основы ножа покрыта гравировкой — геометрическим орнаментом. Нож можно увидеть в экспозиции Государственного исторического музея Южного Урала.

Рис. 171. Погребение у деревни Пеган (Курганская область). Костяной кинжал. Первоначально имел составное лезвие из каменных ножевидных пластинок. Мезолит. 1949 г.

Фото И. Шмидт

Фонды ГИМЮУ. ОФ-556-1

Археологи полагают, что на Южном Урале уже в мезолитический период жили люди, принадлежавшие к нескольким археологическим культурам. Это янгельская культура в Южном Зауралье, романовско-ильмурзинская культура в Южном Приуралье. Каждая из этих культур своеобразна. Для каждой характерен особый набор типов орудий труда, сырья и т. д. Вместе с тем ученые подчеркивают и черты их сходства и взаимодействия. Особенно это касается культуры мезолитических обитателей Южного и Среднего Зауралья. По мнению В. С. Мосина, мезолит Южного Зауралья обнаруживает черты большого сходства со среднезауральской мезолитической культурой, выделенной Ю. Б. Сериковым.

6.5. Мезолитические святилища

В мезолитическое время обитатели Южного Урала продолжали использовать в качестве святилищ пещеры в горах. Рисунки, выполненные охрой и отнесенные к мезолиту, известны в Идрисовой пещере на р. Юрюзани и в Мурадымовской пещере на р. Большой Ик в Башкирии. В отличие от палеолитических пещерных святилищ рисунки в них изображают преимущественно людей. Вместе с тем именно в мезолите появился новый тип святилищ — у прибрежных скал на реках и озерах.

В мезолите, в частности, продолжает функционировать уникальное пещерное святилище в скале Камня Дыроватого на р. Чусовой (рис. 172). **Десятки тысяч разновременных каменных, костяных наконечников стрел** извлекли археологи Н. А. Прокошев и Ю. Б. Сериков из самой пещеры, из трещин вокруг входа в нее и, наконец, из осыпи под скалой с пещерой. Стрелы посылались со стороны реки. Наконечники иллюстрируют, как полагают исследователи, обряд дарения жертвы «духу скалы».

Часть костяных наконечников оказалась с выгравированными геометрическими образами. Ю. Б. Сериков считает, что гравированные костяные наконечники стрел из святилища на Камне Дыроватом и из прочих подобных памятников Зауралья свидетельствуют о том, что орнаментирование костяных изделий (сама по себе магическая процедура) было обычным в мезолите.

Рис. 172. Камень Дыроватый на реке Чусовой. Фото С. Прокудина-Горского

В орнамент костяных наконечников из святилища на Камне Дыроватом втерта охра. Она сама по себе древними людьми наделялась магическими свойствами. Среди орнаментальных мотивов — прямые, волнистые, зигзагообразные линии, ромбы, сетка, лесенка, косые кресты. Некоторые орнаментальные композиции, возможно, по мнению Ю. Б. Серикова, носят повествовательный характер, то есть являются по сути пиктограммами.

Интригует практически полное отсутствие погребений, безусловно датированных мезолитическим временем. Объяснить это можно, лишь предположив, что погребальные обряды в Зауралье в мезолите не предполагали предания тела умершего земле. Подобный вариант обращения с телом умершего известен у уральских народов вплоть до этнографической современности (рис. 173).

Рис. 173. Этнография хантов. Погребальный помост.
Фото из открытых источников в Интернете

Сказанное выше позволяет утверждать следующее:

• В мезолите население Южного Урала впервые жило практически в современных природных условиях. Их формирование было связано с концом ледниковой эпохи.

• В мезолите сложился образ жизни охотников-рыболовов, который предполагал жизнь небольших общин близких родственников с большой степенью подвижности.

- В мезолите Южного Урала сырьё для изготовления каменных орудий могло посредством многоступенчатого обмена распространяться на многие сотни километров от места добычи.
- Для всех районов Южного Урала в мезолите характерно использование в качестве заготовок для изготовления различных типов орудий небольших по размерам пластинок (микропластинок) с параллельными краями, сколотых с призматических, конических и торцевых нуклеусов.
- Археологам удалось выделить для различных районов Южного Урала несколько мезолитических культур, носители которых достаточно тесно общались друг с другом.
- Происхождение мезолитических культур исследователи связывают с местным палеолитом, не исключая и миграций из соседних районов.
- Свидетельства существования у мезолитических южноуральцев сложного духовного мира археологи видят в остатках разнообразных святилищ.

Литература

Основная

Мосин В. С. Древние охотники Урала (археология и жизнь). Челябинск : Издат. центр ЮУрГУ, 2013. 511 с.

Мосин В. С. Каменный век // Древняя история Южного Зауралья : в 2 т. Челябинск : ЮУрГУ, 2000. Т. 1. С. 53–80.

Мосин В. С. Южный Урал в каменном веке // История Южного Урала : в 8 т. Т. 1. Челябинск : Издат. центр ЮУрГУ, 2019. 408 с.

Дополнительная

История башкирского народа : в 7 т. М. : Наука, 2009. Т. 1. С. 54–63.

Сериков Ю. Б. Камень Дыроватый — уникальное пещерное святилище на р. Чусовой (первые результаты исследований) // Российская археология. 1997. № 3. С. 121–140.

Сериков Ю. Б. Очерки по первобытному искусству Урала. Нижний Тагил, 2014. 268 с.

Сериков Ю. Б. Палеолит и мезолит Среднего Зауралья. Нижний Тагил, 2000. 431 с.

Сериков Ю. Б. Первобытная техника, хозяйство и быт мезолитического населения Среднего Зауралья // Знания и навыки уральского населения в древности и Средневековье. Екатеринбург, 1993. С. 16–25.

ГЛАВА 7. НЕОЛИТИЧЕСКИЙ ПЕРИОД ИСТОРИИ ЮЖНОГО УРАЛА

Каменный век Южного Урала завершает неолит — новый каменный век (вторая половина VII — V тыс. до н. э.).

7.1. Природа и климат в неолите

Около 7500 лет назад климат вновь изменился. Он стал очень теплым и влажным благодаря изменению циркуляции воздушных масс над Северной Евразией и теплему воздуху с Атлантического океана. Ученые и называют этот период в истории климата атлантическим.

Широколиственные леса проникли на восточные склоны гор Южного Урала, как полагают ученые, километров на 150–200 восточнее, чем сейчас. О климатических изменениях «рассказали» результаты анализа остатков растений той эпохи. Представьте, широколиственные леса в то время росли в окрестностях Нижнего Тагила! Вместе с тем ученые полагают, что именно в неолите на Южном Урале установились границы природных зон, близкие современным. Потепление способствовало и полному стаиванию локальных ледников, что отразилось на водосбросе рек и конфигурации береговой линии проточных озер.

Происхождение неолитического населения Южного Урала археологи связывают с предшествующим местным мезолитом.

Именно к неолиту ученые относят разделение бытовавшего у различных народов Урала прежде единого языка — далекого предка современных, на которых говорят некоторые уральские народы (манси, ханты, коми, удмурты), — на отдельные родственные языки. Специалисты по изучению языков (лингвисты) называют их финно-угорскими, а языковую семью, к которой они относятся, — уральской.

7.2. История изучения и памятники неолитического периода

Современные археологи (В. С. Мосин) выделяют для неолита Южного Зауралья чебаркульскую археологическую культуру. Дело в том, что именно на оз. Еловом, когда-то соединявшемся протокой с соседним оз. Чебаркуль, в начале 1950-х гг. археолог *Нина Павловна Кипарисова* (1900–1958; рис. 174)

Рис. 174. Челябинский областной краеведческий музей. Слева направо: В. С. Стоколос, М. С. Юрина, Н. П. Кипарисова, К. В. Сальников. Август 1953 г.
Фото из архива В. С. Стоколоса

изучила первую в Южном Зауралье неолитическую стоянку Чебаркуль I на берегу оз. Елового (рис. 175). Она же исследовала в 1953 г. Абселямовскую стоянку на северном берегу оз. Иткуль (рис. 176).

Чуть позднее в Южном Приуралье ленинградским археологом Л. Я. Крижевской были в рамках ее научных интересов изучены стоянки Юрюзанская, Усть-Айская и др. В Южном Зауралье она исследовала неолитические памятники на оз. Большое Миассово (Няшевка IV, Кораблик), Чебаркуль (стоянка Чебаркуль II), Кундравинском, Учалы и Карагайлы.

Г. Н. Матюшин раскопал целую серию неолитических памятников в Башкирском Зауралье, обобщил результаты анализа их материалов с выделением ташбулатовской неолитической культуры. Неолитические стоянки на берегах оз. Чебаркуль исследовали и археологи В. С. Мосин и Е. М. Беспрозванный. Археологи Уральской археологической экспедиции УрГУ ряд лет изучали стоянки каменного века, в том числе неолита, по берегам и на островах Аргазинского водохранилища. К. В. Сальников, Ю. Ф. Рыжов и В. С. Мосин последовательно изучали культурный слой стоянки Черников Брод на р. Малый Кизил.

Рис. 175. Вид раскопа неолитической стоянки Чебаркуль I (Чебаркульский район, Челябинской области) под руководством Н. П. Кипарисовой и фрагмент сосуда из раскопа. 1953 г.

Фонды ГИМЮУ ОФ-666/2712

В Зауралье исследованы такие неолитические памятники, как Кедровый Мыс I между оз. Большое и Малое Миассово, Кочегарово I на р. Миасс (В. С. Мосин), Ташково I (В. Т. Ковалева, В. С. Мосин) при впадении р. Миасс в Исеть; Боборыкино II на р. Исети в Шадринском районе (К. В. Сальников); Кошкино V (Л. Я. Крижевская), Лисья Гора и Охотино (Т. М. Потемкина) и др.

По данным В. С. Мосина, к настоящему времени в Южном Зауралье только раскопками изучено более 30 стоянок. Они занимают озерные мысы, участки берегов при впадении в озера ручьев и речек, площадки рядом с межозерными протоками.

В неолите люди, как и прежде, селились группами родственников. Проблемы с капитальными строениями на стоянках, описанные в предыдущем разделе, продолжали и в неолите быть актуальными. Легкие наземные постройки, в лучшем случае с использованием естественных углублений в скальном основании мыса — вот образ архитектуры этого периода. Основным видом жилища в то время археологи пока считают наземные постройки, в частности переносной шалаш-чум с каркасом из жердей, покрытым пластами бересты или шкурами. Тепло давал разведенный внутри костер, на котором также готовилась пища. Рядом с шалашами работали мастера по изготовлению каменных орудий, женщины лепили остродонные либо круглодонные

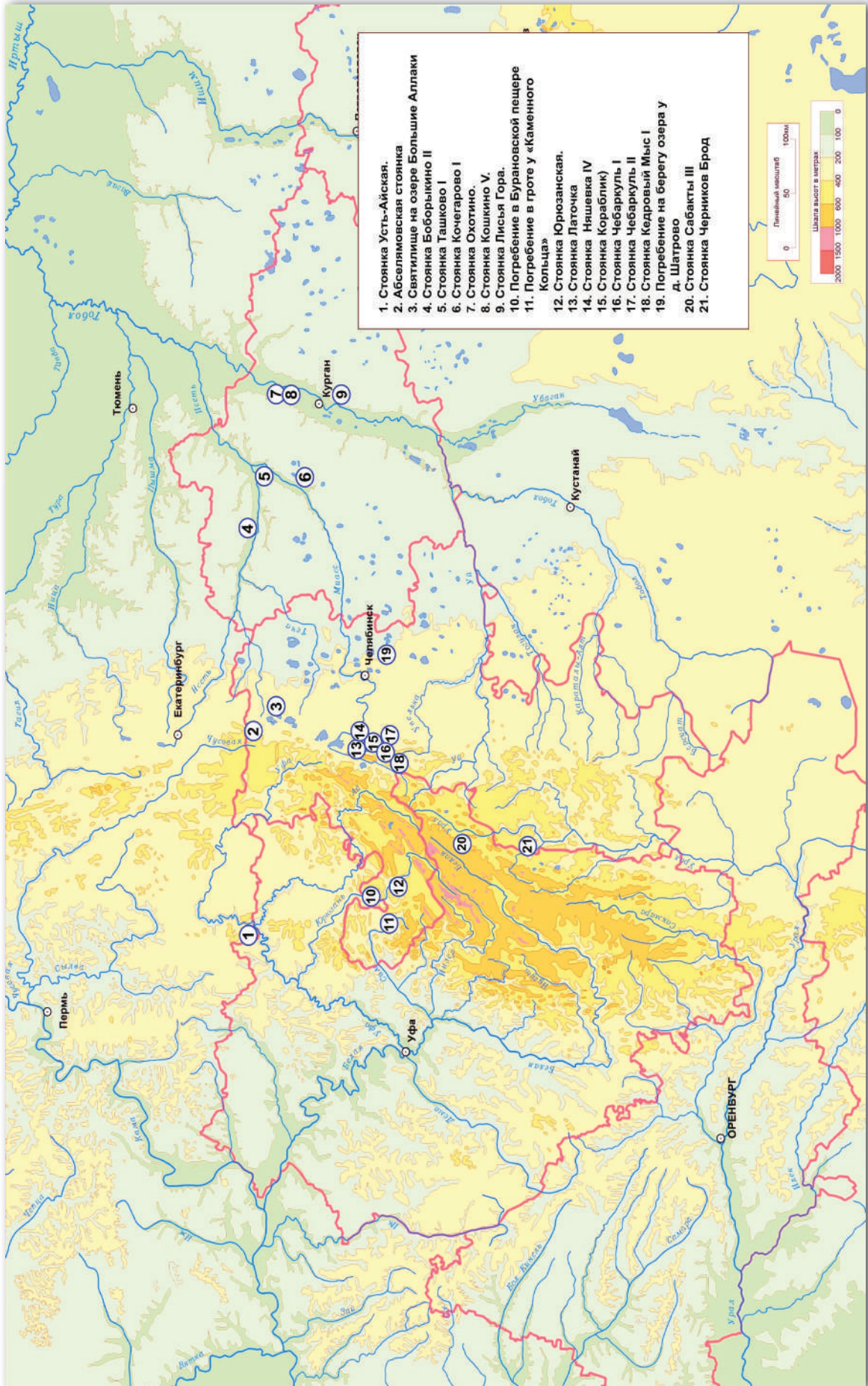

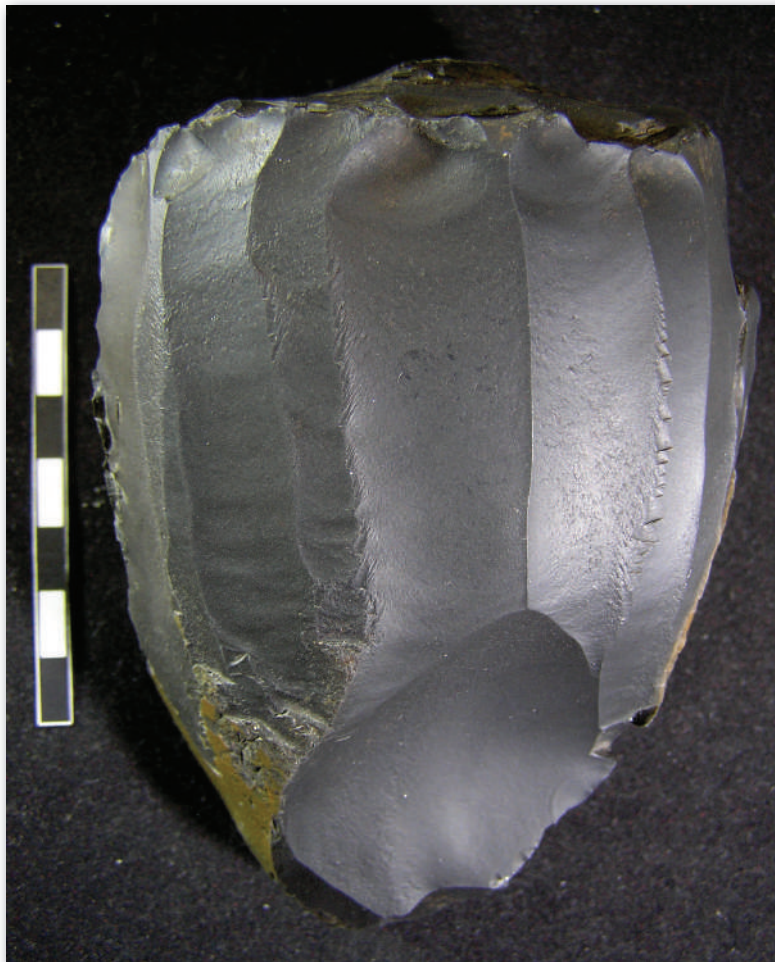
Рис. 176. Локализация неолитических памятников на Южном Урале

сосуды, чтобы после обжига варить в них пищу. На костер сосуд ставился при помощи трех-четырех камней, расположенных по кругу. Время от времени на стоянку возвращались мужчины — охотники и рыболовы, с мясом и шкурами лосей, косуль, с добытой рыбой.

Широко известны раскопки неолитических стоянок и мастерских по обработке камня в Башкирском Зауралье (стоянка Сабакты III), на озерах у Ильменских гор (стоянка Латочка) и даже на берегах высокогорных озер, таких как Зюраткуль (стоянка Каменный Мыс). Археолог Л. Я. Крижевская считала, что жители Южного Урала уже в неолите... обменивали каменное сырье на нужные им предметы у соседей, а горное дело было одним из основных хозяйственных занятий.

7.3. Изменения в традициях изготовления каменных орудий

Большие изменения произошли в неолите и в традициях изготовления каменных орудий. Повсеместно в качестве полуфабрикатов для изготовления различных типов каменных орудий, как и в мезолите, использовались пластины с параллельными краями, сколотые с призматических нуклеусов (рис. 177). Но по форме неолитические пластины стали иными —

более крупными и широкими в сравнении с мезолитическими. На подобных пластинах с помощью различного вида ретуши создавались рабочие поверхности различных орудий: скребков (рис. 178), резцов, острий для использования в сверильном устройстве. Типы орудий были достаточно разнообразны, они вполне эффективно обслуживали нужды людей. Помимо вкладышевых орудий мы находим скребки, острия (сверла), пилки, резцы. В неолите и в начале века

Рис. 177. Нуклеус. Неолит.
Фото Н. Виноградова

Рис. 178. Скребок на пластине. Фото Н. Виноградова

металлов южноуральцы наряду с использованием орудий, изготовленных из *ножевидных пластин*, перешли к технике изготовления каменных орудий на *отщепах* — уплощенных кусках кремня или яшмы. На отщепах стали изготавливать, например, скребки (рис. 179). При изготовлении орудий на отщепах все более широко стала использоваться так называемая двусторонняя ретушь. В этом случае ретушь наносилась не только по краю орудия, который работал. Ретушью с двух сторон покрывалось все орудие, оно как бы «строгалось» ею, делалось той формы и той толщины, какие задумал мастер. Даже позднее, в бронзовом веке, продолжали бытовать каменные наконечники стрел, выполненные в древней даже для того времени технике двусторонней ретуши (рис. 180). Наконечники крепились к древку стрелы с помощью сухожилий животных. Долгая жизнь каменных наконечников имела веские причины. Причина эта не в дефиците металла, а в свойствах камня, делавших этот вид оружия беспощадным. Продолжал эффективно использоваться и арсенал шлифованных рубящих орудий (топоры, тесла, стамески), изготовленных из мягких пород камня (сланцы, серпентиниты; рис. 181). Они употреблялись с рукоятями и были эффективны благодаря углу заточки лезвия, напоминающему заточку современных деревенских колунов. Угол заточки не позволял рабочему краю орудия выкрашиваться.

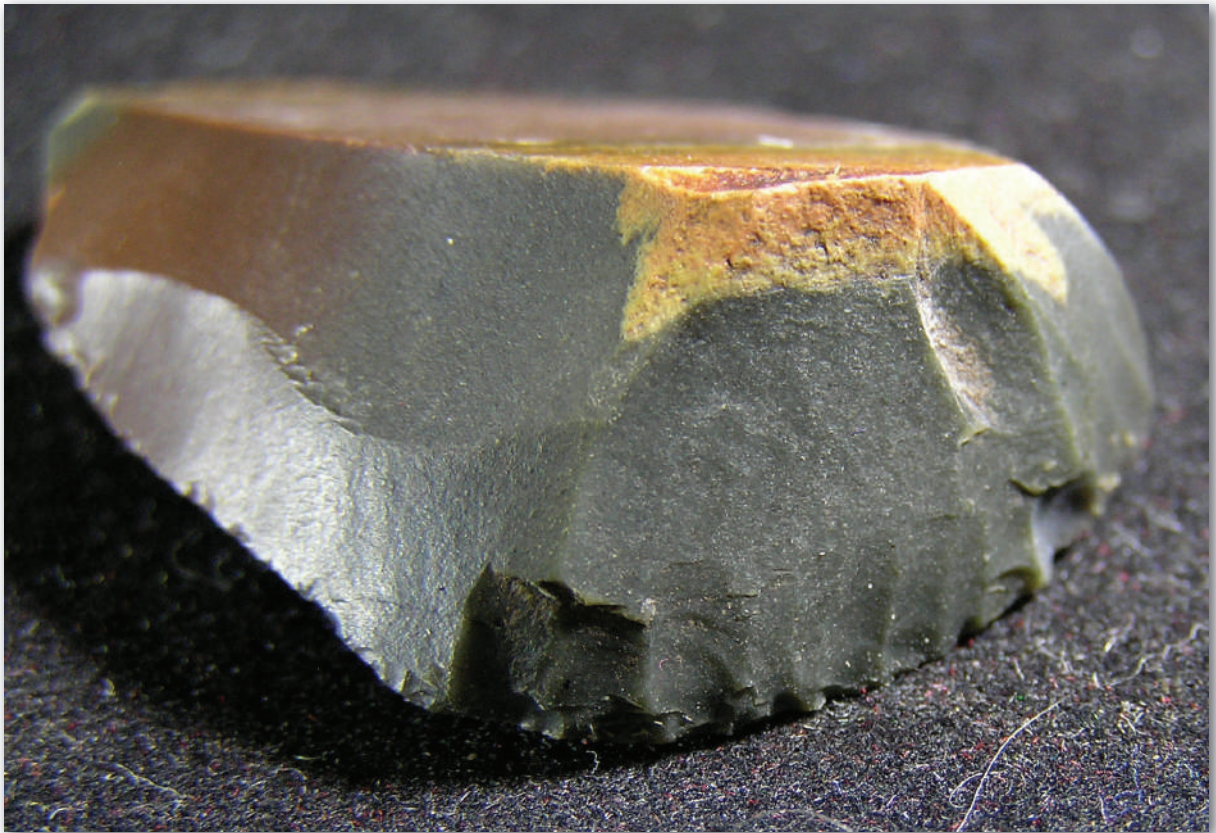

Рис. 179. Скребок на отщепе. Фото Н. Виноградова

Рис. 180. Укрепленное поселение бронзового века Устье I. Наконечники стрел: подтреугольные, с прямым основанием, двусторонне ретушированные. Фото Н. Виноградова

Рис. 181. Каменные топоры и тесла с Г-образной деревянной рукоятью. Современные реплики.
Автор И. В. Горашук

7.4. Начало истории гончарства

Именно в неолите наши далекие предшественники совершили очень важное открытие. Около 8 тыс. лет назад обитатели Южного Урала, как и большинство других народов Евразии, впервые стали использовать в быту обожженную на огне глиняную посуду, то есть керамику. Многие тысячелетия до этого, для того чтобы согреть или вскипятить воду, на костре нагревали камни и опускали их затем в кожаное ведро с водой. Изобретение керамики умножило возможности древних кулинаров и благотворно сказалось на здоровье наших далеких предшественников. Вареная пища лучше усваивается организмом человека. Изобретение керамики заслуживает внимания также потому, что это один из первых искусственных материалов на планете, созданных человеком. Древнейшие глиняные сосуды изготавливались из глины с определенными свойствами, а если точнее, то из специально приготовленного глиняного теста. Для этого в основное сырье — глину — добавляли определенные примеси: песок, дробленые камешки, измельченные куски старых сосудов, истертый мелко тальк, кусочки створок раковин речных моллюсков, но ранее всего — птичий помет и пух. Делалось это для того, чтобы получить посуду с заранее заданными свойствами. Особенность древнейшего гончарства состоит в том, что гончарные знания в письменном виде не передавались, а о физике, химии и других нужных науках гончары и не слышали. Просто они много экспериментировали с глиной и результаты опытов передавали из поколения в поколение. Ученые полагают, что гончарство было женским делом, а обучение его навыкам — частью воспитания девочек.

Очень важное значение древнее гончарство имеет для археологов вот еще почему. Дело в том, что у каждого из древних народов были свои представления о том, как надо готовить глиняное тесто, какие примеси и в каком количестве добавлять, каким способом лепить сосуды и орнаментировать их, как обжигать. Поэтому-то для археолога обломки древней керамики — желанная находка. Ведь они позволяют определить, какой народ жил здесь и когда.

Предполагается, что древнейшие гончары использовали жгуты или ленты из глины. Сначала окончание жгута сворачивалось спиралью — «пуговкой». Затем тем же жгутом по спирали гончар выводил стенки будущего сосуда до верха. При этом спирали жгута плотно слеплялись друг с другом. Жгуты могли скрепляться друг с другом и иначе. Стенки сосудов заглаживались и затирались каменными лощилами. Затем сосуд орнаментировался специальными инструментами — каменными, костяными или деревянными орнаментирами. Очень важный элемент формы — верхний край (венчик). В неолите — энеолите он срезался под плоскость с наклоном внутрь сосуда. Это делалось, надо думать, для лучшего соприкосновения деревянной крышки с глиняным сосудом. Сосуды тщательно просушивались, затем обжигались. Археологи считают, что обжиг тогда проводился на открытом костре. Сначала сосуды ставились по краям костровой ямы, затем постепенно передвигались все ближе и ближе к огню, чтобы, наконец, на несколько часов оказаться среди пылающих углей.

Сосуды, изготовленные описанным способом, напоминали по форме огромное куриное яйцо, у которого аккуратно срезан тупой конец, с округлым или острым дном (рис. 182–184). По размерам они были различны. В быту подобные сосуды ставились в вырытые в земле ямки или на круговые выкладки из камней. Для людей конца каменного века, охотников или рыболовов, часто менявших место стоянки, это было удобно. Лишь в Зауралье у людей, пришедших туда с юга, из степей Казахстана или Прикаспия, принадлежавших к бабарыкинской культуре, уже в неолите керамические сосуды имели плоское дно.

Керамика раннего и позднего неолита Южного Урала и Зауралья разделяется археологами на несколько традиций и типов по форме, орнаменту и способу его нанесения.

Следует отметить, что древнейшее гончарство было не технологией, а волшебством, поскольку мягкая глина под воздействием огня становилась твердой наподобие камня. Объяснить это изменение создатели сосудов могли лишь участием в этом действе духов или божеств.

И рисунки (орнаменты) на неолитической керамике были не столько украшением, сколько волшебством, ограждающим содержимое сосуда от козней злых сил. По сути, орнаменты на древней керамике надо рассматри-

Рис. 182. Сосуд.
Найден дайверами
на дне озера Увильды
(Аргаяшский район
Челябинской обла-
сти). Неолит
Фонды ГИМЮУ ОФ-6104

Рис. 183. Сосуд. Найден дайверами на дне озера Увильды (Аргаяшский район Челябинской области). Неолит

Фонды ГИМЮУ ОФ-6104

Рис. 184. Поселение Шершни I в черте города Челябинска. Фрагменты неолитических и энеолитических сосудов. Подъемные сборы. Фото Н. Виноградова

вать как не произнесенную, но изображенную магическую охранительную формулу. Так что неслучайно орнаменты опоясывают сосуд, не оставляя «зловредным силам» малейшей лазейки для проникновения к содержимому.

7.5. О погребениях неолитических южноуральцев

Погребения жителей Зауралья конца каменного века крайне редки. Большинство погребений этого времени было открыто в пещерах и гротах горно-лесного Среднего и Южного Урала: на р. Чусовой (в гроте на Дождевом Камне), на р. Юрюзани (в Бурановской пещере и др.), на р. Сим (в гроте у Каменного Кольца близ с. Серпиевка), а также на одном из островов Аргазинского водохранилища и на берегу озера у дер. Шатрово в Еткульском районе. Все эти погребения схожи по нескольким признакам. В абсолютном большинстве случаев они обнаружены в пещерах и гротах. Тела погребенных укладывались сородичами вытянуто на спине, реже в скорченном положении. Одежду украшали каменные шлифованные подвески из мягких пород камня с отверстиями для прикрепления к одежде, подвески, изображавшие птиц, резцы животных, а также бусы из створок раковин речных моллюсков. Иногда в могилах заметны следы посыпки красной охрой. Известный ураль-

182

ский археолог Ю. Б. Сериков считает, что в этих погребениях захоронены шаманы. Почему? Как указывалось выше, археологи считают, что у лесных народов Зауралья в каменном веке господствовал обряд погребения, не предполагавший предания тела умершего земле. И лишь выдающиеся люди — шаманы — хоронились в земле. Да и украшения одежды из этих погребений очень схожи с шаманскими более поздних времен.

7.6. Святилища неолитического периода на Южном Урале

Обитатели гор и предгорий Южного Урала, связанные тысячами «нитей» с природой, зависевшие от нее в полной мере, обожествляли, одухотворяли ее. Вершины гор, необычные одинокие скалы или группы скал, выделявшиеся на местности, неизбежно становились культовыми местами, святилищами, предназначенными для различных обрядов. В качестве примера приведем скалы Шиханов, возвышающихся над оз. Аракуль в окрестностях Верхнего Уфалея. На уступах Шиханов археологи увидели обломки древних сосудов.

Не только керамика и ее орнаменты повествуют нам о богатом духовном мире неолитических южноуральцев. Как сокровища древних культур нужно понимать наскальные рисунки — писаницы — в святилищах той поры. К неолиту почти окончательно исчезает традиция использовать в качестве святилищ пещеры, во всяком случае совершать в них обряды, предполагавшие нанесение рисунков. Святилища переместились на берега рек и озер, где на ровных участках скал до сих пор видны полузамытые рисунки той поры. Они, как и раньше, выполнялись охрой. Но содержание рисунков изменилось по сравнению с более древними временами. Южноуральцы неолитического периода предпочитали рисовать на скалах своих святилищ косуль и особенно людей в различных позах. По берегам рек и озер Южного Урала (Ай, Уфа, Юрюзань и др.) известны десятки святилищ с наскальными рисунками. Часть их действовала с перерывами в течение нескольких тысяч лет, начиная со среднего или нового каменного века.

Вас, конечно, занимает вопрос: «Как можно говорить о времени создания рисунка, если рядом нет написанной художником даты?» Археологи используют разные методы установления времени нанесения рисунков, из которых наиболее распространенным является метод датировки по древним вещам, найденным в раскопе под скалой с рисунками. Давайте посетим одно из древних южноуральских святилищ. С глубокой древности люди верили, что у всего живого и у предметов, которые можно потрогать, есть «душа». Увидеть ее нельзя. После смерти человека его душа вселяется в другого, еще не родившегося человека. Считалось, что какое-то время душа была свободной от тела. Наши далекие предшественники полагали, что и в этот промежуток времени у души должно быть пристанище. Они делали его в виде птицы из

различных материалов (кожи, дерева), а позднее, с появлением металлов, — из меди. Изображение этой птицы-души какое-то время хранилось в особом месте — святилище. Подобную ситуацию археологи встретили на вершине горы Азов у г. Полевского на юге Свердловской области. Там подобное святилище было сооружено намного позднее неолита — в раннем железном веке.

7.7. Святилище на озере Большие Аллаки

В горно-лесной части Южного Урала по р. Уфа, Ай, Юрюзань, Белая, Серга, на оз. Аракуль, Большие Аллаки, Аргазинском водохранилище к настоящему времени известно около 30 древних святилищ с сохранившимися в различной степени наскальными рисунками, выполненными минеральной краской — охрой.

Одно из святилищ было найдено в начале прошлого века на оз. Большие Аллаки на севере Челябинской области (рис. 185). Позднее выяснилось, что таких святилищ на этом озере несколько. Местные жители называют эти места Каменными палатками. За тысячелетия ветра и дожди придали этим гранитным скалам фантастический вид — будто здесь долго-долго трудились древние волшебники. Семь-пять тысяч лет назад на поверхности этих скал впервые появились рисунки. Они выполнялись природной краской — охрой. Изображения разнообразны. Ученых удивила одна из групп рисунков. Под скальным козырьком была изображена вереница пляшущих мужчин в странных головных уборах, снабженных как бы отростками-антеннами

Рис. 185. Вид останцов «Каменные палатки» на юго-восточном берегу озера Большие Аллаки.

Фото Н. Виноградова

(рис. 186). Скорее всего, это схематично изображенные рога животных — покровителей этой общины. Подобные головные уборы (чаще шаманские) у других древних народов Сибири снабжались и масками. Ученые считают, что здесь, в древнем святилище у оз. Большие Аллаки, шаманы-жрецы так изображали предков — могучих шаманов, которые вместе с потомками как бы плясали волшебный танец, помогая им добыть благополучие в делах, оградиться от козней злых духов (рис. 187). Рядом со скалами святилища в начале прошлого века был найден и упоминавшийся уже «идол» в виде изображения человекоптицы из меди — вместилище чьей-то души. У скал святилища археологи заложили раскоп и извлекли из него каменные ножи, каменные и бронзовые наконечники стрел. Если судить по ним, то святилище действовало с перерывами на протяжении нескольких тысячелетий. Кстати, раскопки под скалой с рисунками дали еще один неожиданный результат. Большинство наконечников стрел имело характерные повреждения острия, не оставляющие сомнения в том, что в скалу с рисунками стреляли со стороны озера. Это был своеобразный обряд. Подобное ученые наблюдали при изучении святилища на Камне Дыроватом на р. Чусовой и святилища на Лысой горе, что на оз. Большой Теренкуль.

Рис. 186. «Каменные палатки» на юго-восточном берегу озера Большие Аллаки. Антропоморфное изображение «шамана». Фото Н. Виноградова

Рис. 187. Обитатели Южного Урала неолитического времени. Картина Ю. Шмелева

Сказанное выше позволяет утверждать следующее:

- Неолитический период древней истории Урала в целом и Южного Урала в частности в основном совпадает с атлантическим периодом климатической истории Земли.

- Новые черты в жизни неолитических южноуральцев связаны с появлением в их быту древнейшей керамики, с усовершенствованием технологии изготовления каменных орудий (изменение размеров кремневых или яшмовых пластин — заготовок для изготовления орудий, постепенная замена пластинчатых орудий орудиями на отщепках; распространение двусторонне ретушированных и шлифованных орудий).

- На Южном Урале и в неолите люди жили за счет охоты, рыболовства и собирательства. Появление на южных границах региона следов древнейшего скотоводства пока недостаточно документировано.

- Неолитические памятники Южного Урала содержат большую, в сравнении с мезолитом, информацию о духовном мире древних людей. Это и древнейшие погребения, интерпретируемые как шаманские, и разнообразные типы святилищ (писаницы, рисунки которых свидетельствуют о существовании культов промысловых животных), и магическое содержание орнаментов на керамике и костяных изделиях.

Литература

Основная

Мосин В. С. Каменный век // Древняя история Южного Зауралья. Челябинск : Юж.-Урал. гос. ун-т, 2000. Т. 1. С. 81–148.

Мосин В. С. Древние охотники Урала (археология и жизнь). Челябинск : Издат. центр ЮУрГУ, 2013. 511с.

Мосин В. С. Южный Урал в каменном веке // История Южного Урала : в 8 т. Т. 1. Челябинск : Издат. центр ЮУрГУ, 2019. 408 с.

Дополнительная

История башкирского народа. М. : Наука, 2009. Т. 1. С. 54–63.

Дубровский Д. К., Грачев В. Ю. Уральские писаницы в мировом наскальном искусстве. Екатеринбург : Грачев и партнеры, 2010. 216 с. : ил.

ГЛАВА 8. ЮЖНОЕ ЗАУРАЛЬЕ В ЭПОХУ ЭНЕОЛИТА

Один из основных современных исследователей энеолита Южного Зауралья В. С. Мосин датирует этот период древней истории края второй половиной V — IV тыс. до н. э. На Южном Урале большей частью жили охотничье-рыболовецкие народы — потомки местных неолитических предшественников. Ученые считают, что они говорили на диалектах протоугорских языков. Есть мнение, что территорию от Южного Урала до Аральского и Каспийского морей в энеолите занимали народы, говорившие на древних диалектах языков уральской языковой семьи.

По данным В. С. Мосина, следы металлопроизводства к настоящему времени известны лишь на 20 энеолитических памятниках из более чем 100 (рис. 188). Они представлены единичными медными предметами, очень редкими сплесками, слиточками или каплями меди, обломками тиглей. Поскольку речь идет о безраздельном доминировании меди в составе металла, почти исключительном применении методаковки при изготовлении орудий труда и украшений простейших форм и малочисленности остатков собственно металлургического производства, *эти остатки, по мнению исследователя, свидетельствуют лишь о начальном этапе металлопроизводства.*

Поскольку система жизнеобеспечения, судя по материалам раскопок, основывалась, как и в предшествующие периоды, на использовании различных пород камня, кости, рога, дерева, В. С. Мосин предлагает считать энеолитический период в истории Южного Урала заключительным этапом каменного века.

В качестве маркера для отнесения памятников к энеолиту предлагается керамика с примесью мелко истолченного талька в глиняном тесте, орнаментированная оттисками гребенчатых штампов, а также в технике «шагающей гребенки». Орнаментация представлена простейшими геометрическими элементами. Кроме того, применялись орнаменты с использованием перевитого шнура или его имитации, рамчатые штампы и так называемые «гусенички».

Таким образом, большая часть памятников в Южном Зауралье и Среднем Притоболье, при раскопках которых не выявлены следы металлопроизводства, отнесены к энеолиту на основании типологических характеристик керамики, каменного инвентаря.

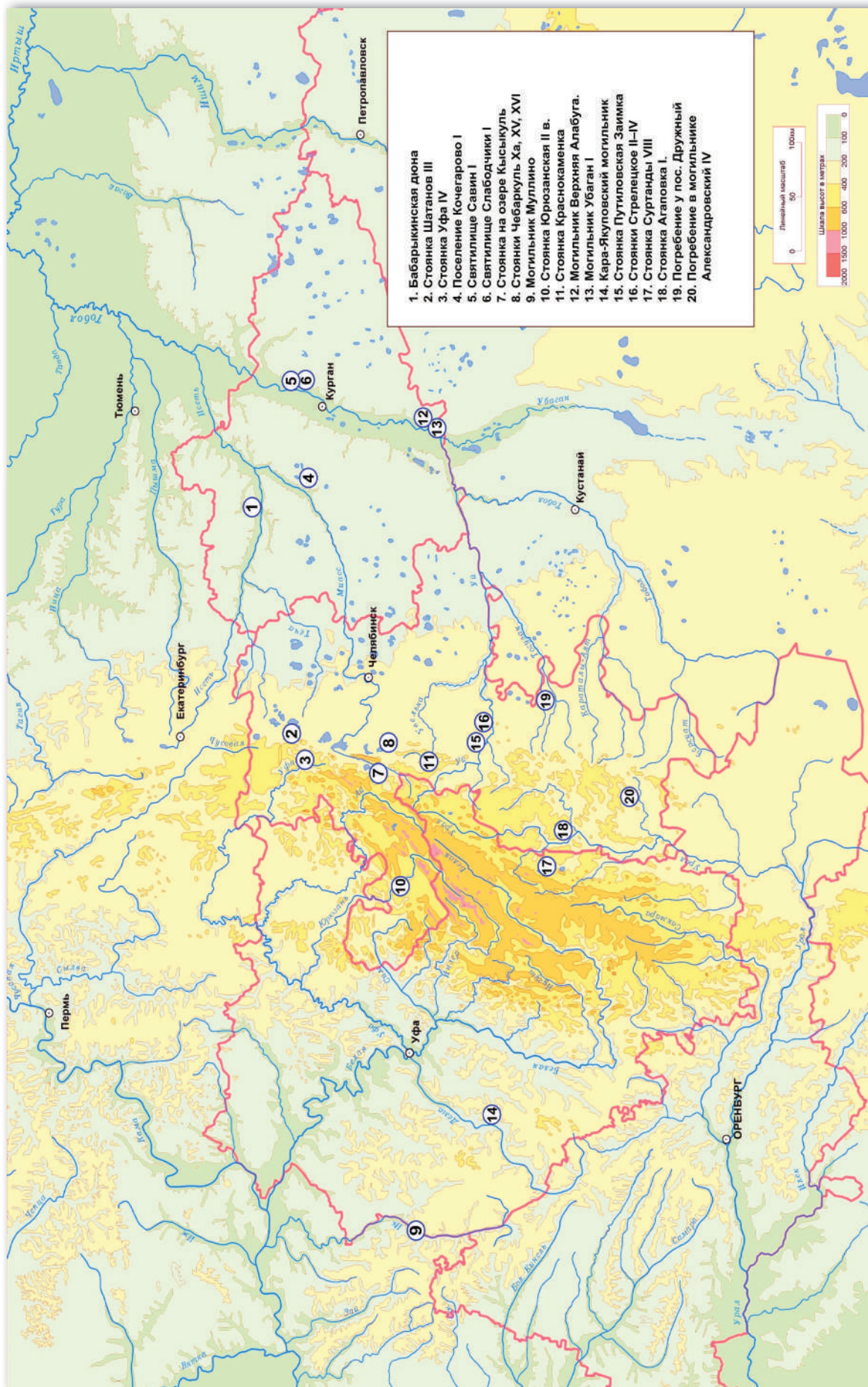

Рис. 188. Локализация основных памятников энеолитического периода на Южном Урале

8.1. Природа и климат Южного Зауралья в энеолите

Энеолитический период истории Южного Зауралья протекал в условиях *суббореального* климата климатической периодизации Северной Евразии. Первые 500 лет энеолита прошли в условиях похолодания по сравнению с предшествующим (атлантическим) климатическим периодом. В Южном Зауралье распространились сосновые и еловые леса, разнотравные луга. Окончательно стабилизировалась граница между лесом и степью, и позднее она кардинально не изменялась вплоть до современности. По мнению В. С. Мосина, исследованное им энеолитическое поселение Кочегарово I (5400–5200 лет от наших дней) функционировало в контексте пойменного луга и лесов, что подтверждают и кости животных, найденные на раскопках этого поселения.

В интервале 4100–3800 лет от наших дней в Южном Зауралье зафиксировано резкое усущение (аридизация) климата. Многолетние засухи привели тогда к опустыниванию ландшафтов. Пик этого процесса пришелся на рубеж III–II тыс. до н. э. Ученые определяют описанную климатическую трансформацию как «катастрофическое природное явление».

8.2. История изучения энеолитического периода в Южном Зауралье

Начало изучения энеолита в Южном Зауралье было положено в 1937 г. Именно тогда К. В. Сальников дообследовал стоянку на оз. Кысыкуль вслед за К. А. Шишковским, открывшим этот памятник в 1880-е гг. (рис. 189–190). В 1950–1970-е гг. Г. Н. Матюшин по итогам своих исследований энеолитических памятников на озерах Башкирского Зауралья создал свою концепцию энеолитического периода на Южном Урале. Стержнем этой концепции стало выделение двух энеолитических культур: для Башкирского Предуралья — *агидельской* (поселения и редкие могильники), для Зауральской Башкирии — *суртандинской* (эпонимный памятник — стоянка Суртанды VIII). В законченном виде концепция энеолита Южного Урала Г. Н. Матюшина нашла отражение в его монографии «Энеолит Южного Урала», увидевшей свет в 1982 г.

Л. Я. Крижевская предложила для Южного Зауралья выделить кысыкульскую энеолитическую культуру. Характеристики суртандинской (по Г. Н. Матюшину) и кысыкульской (по Л. Я. Крижевской) культур были если не идентичными, то очень близкими. По мнению В. С. Мосина, кысыкульская и суртандинская керамика — это один и тот же комплекс энеолитической посуды, состоящий из двух компонентов (с простыми и с геометрическими мотивами орнамента) и относящийся к одной и той же *кысыкульско-суртандинской культуре*.

Рис. 189. Раскопки стоянки на озере Кысы-Куль. К. В. Сальников (справа) и П. В. Мещеряков. 1937 г. Фото Крымского

Фонды ГИМНОУ ОФ-790/17

Археологическая экспедиция на озеро Кысыкуль

Неоднократные находки каменных орудий доисторического человека в нашем районе привлекали внимание многих археологов. В конце прошлого века, краевед К. А. Шишковский, заинтересовался ими и провел ряд археологических изысканий около озера Кысыкуль, расположенного в нескольких километрах от Подкарповского пруда. Труды его увенчались успехом. Вот что он писал в журнале «Записки Уральского общества естествознания» за 1884 год о своих изысканиях на правом берегу Кысыкуля: «... проверяя сообщенные мне сведения, потерпел много неудач, и только в конце текущего года (1883) удалось мне открыть остатки жизни человека, употреблявшего каменное орудие».

К сожалению богатые коллекции краеведа постигло несчастье.

Во время большого пожара в нашем городе, в 1911 году, его коллекции сгорели. Незначительное число из сохранившихся увез академик Вернадский, а часть каменных топоров и других орудий хранятся в нашем музее.

Миасские краеведы Э. И. Мали и В. П. Пугалов осенью прошлого года нашли у Кысыкуля яшмовые осколки от обработки каменных орудий. Они предполагают, что в этом отношении должен дать богатый материал остров, где возможно было жилище доисторического человека.

2 июня в Миасс приехала археологическая экспедиция Челябинского областного музея. В составе ее начальник экспедиции археолог К. В. Сальников, заведующий историческим отделом музея П. В. Мещеряков, фотограф Крымский и краевед — студент тракторного техникума — Карасев. Археолог г. К. В. Сальников сообщил нам, что экспедиция, в случае обнаружения у Кысыкуля ценных находок пробудет здесь около месяца. «Целью нашей экспедиции, — сказал тов. Сальников, — является выяснение вопроса были ли на Кысыкуле стоянки неолитического человека каменного века или здесь были только мастерские по выделке каменных орудий».

Работы этой, можно сказать первой в нашем районе археологической экспедиции, представляют большой научный интерес. Бессомненно археологам необходимо создать все условия для плодотворной работы. Не мешает организовать ряд массовых экскурсий на Кысыкуль.

В. М.

Рис. 190. Номер «Рабочей газеты» (Миасс) от 4 июня 1937 г. Сообщение о начале работ К. В. Сальникова на стоянке на озере Кысы-Куль

В 1980-е гг. исследование энеолитических памятников в Южном Зауралье продолжили В. Т. Петрин, Т. А. Нохрина, А. Ф. Шорин, В. С. Мосин.

На протяжении нескольких десятилетий углубленно занимается проблемами энеолита Южного Урала В. С. Мосин. Им были изучены такие памятники, как Чебаркуль Ха, XV, XVI на одноименном озере, Агаповка I, Путиловская Заимка, стоянки Стрелецкое II–IV на р. Уй, Краснокаменка на р. Увельке, памятники каменного века на оз. Большое Миассово. В горно-лесной зоне Южного Зауралья исследованы два энеолитических памятника — стоянки Уфа IV и Юрюзанская II.

Изучение эпохи энеолита в лесостепном Зауралье связано с именами К. В. Сальникова (исследования энеолитических памятников на Бабарыкинской дюне под Шадринском), Т. М. Потемкиной (изучение двух полуразрушенных энеолитических погребений в известном могильнике Убаган I, серия энеолитических погребений в могильнике Верхняя Алабуга при впадении р. Верхняя Алабуга в Тобол). В. Т. Ковалева результативно изучала энеолитические стоянки при впадении р. Миасс в Исеть, В. С. Мосин исследовал замечательное по своим масштабам и материалам энеолитическое поселение Кочегарово I на р. Миасс на границе Юргамышского и Мишкинского районов Курганской области (рис. 191). М. П. Вохменцев не только изучил совместно с Т. М. Потемкиной уникальное святилище Савин I в Каргапольском районе Курганской области и лично исследовал ряд иных памятников, но и изложил свое видение энеолитического периода в лесостепном Зауралье в своей кандидатской диссертации.

Рис. 191. Раскоп на стоянке Кочегарово I. Фото В. Мосина

По мнению М. П. Вохменцева, в лесостепях Зауралья возможно выделить две группы энеолитических памятников — с локализацией на юге лесостепи (по р. Тобол, Убаган, Уй) и на севере лесостепи (по р. Исеть, Миасс, Суерь и их небольшим притокам). Исследователь пишет о трех типах памятников эпохи энеолита в лесостепном Зауралье: поселениях, могильниках и святилищах. Он же отмечает тесное взаимодействие местного населения и носителей ботайской и терсекской энеолитических культур Северного Казахстана.

Расположение энеолитических памятников на озерах и реках Южного Зауралья принципиально не отличается от топографии неолитических стоянок. Тем более что на ряде памятников энеолитический слой перекрывает слой неолитического периода. Как уже упоминалось выше, особенно в прибреговой части Южного Зауралья, на скальной поверхности озерных мысов единым и, как правило, не слишком мощным слоем на ровных площадках под защитой скальных гряд размещались многослойные памятники.

8.3. Изменения в технике обработки камня и типах орудий

От неолита к энеолиту на Южном Урале, по мнению В. С. Мосина, произошел плавный переход от пластинчато-отщеповой неолитической каменной индустрии к отщепово-пластинчатой индустрии энеолитической. На пластинах энеолитические мастера продолжали изготавливать концевые скребки, скребели, острия, угловые резцы и ряд орудий иных типов. Но ближе к концу энеолита в большинстве каменные орудия изготавливались уже на отщепках — *уплощенных кусках поделочных пород, сколотых по размеру будущего орудия с ядрища — нуклеуса*. Либо подходящего размера плитка или галька подбирались на речной отмели, у выхода поделочных пород на поверхность.

С распространением отщеповой техники изготовления каменных орудий широкое применение получила вторичная обработка — двусторонняя ретушь. Если в предшествующие периоды каменного века ретушью нужным образом подправляли лишь рабочие края орудий на пластинах, то в энеолите ретушью орудию придавалась желаемая форма. У орудий на отщепках ретушью покрывались сплошь обе стороны. Поэтому такую ретушь называют *двусторонней*. Она наносилась специальными орудиями — ретушерами.

Ножи, наконечники дротиков и копий, сверла и ряд иных орудий с этого времени стали изготавливать на отщепках с помощью двусторонней ретуши. Такие орудия археологи называют двусторонне ретушированными. Особенно техника двусторонней ретуши распространилась и стала удивительно совершенной, искусной со времени появления у мастеров в позднем энеолите ретушеров с... медными наконечниками. По-прежнему были широко распространены шлифованные орудия из мягких пород камня: серпентинитов, сланцев.

8.4. Изменения в энеолитическом гончарстве

В энеолите произошли определенные изменения в гончарстве (в форме и орнаментации сосудов). Остродонные либо круглодонные глиняные сосуды по-прежнему изготавливались без помощи гончарного круга (вручную). Часть сосудов, как и в неолите, имела по верхнему краю своеобразный карнизик со скосом внутрь. У части суртандинской керамики Г. Н. Матюшин отмечает наличие намечающейся шейки. В. С. Мосин указывает на оформление защипами венчиков у ряда энеолитических сосудов. Технология формовки сосудов у носителей разных археологических культур энеолитического периода истории Зауралья и Северного Казахстана отличались. Например, на внешней стороне сосудов ботайской и терсекской культур Северного Казахстана часты отпечатки текстиля или их имитация. Сосуды по-прежнему отличало острое или скругленное дно. И в Зауралье, и в Северном Казахстане глиняные сосуды в этот период украшали сложной геометрической орнаментацией, выполненной под разными углами поставленных оттисков гребенчатых штампов различного вида, ямочными вдавлениями (рис. 192). Преобладали геометрические элементы орнамента: пояса наклонных и горизонтальных оттисков гребенчатых штампов, треугольники, заштрихованные ромбы, зигзаги, сетка и т. д. Из геометрических орнаментальных мотивов

наиболее часты: косая сетка, горизонтально ориентированные цепочки ромбов, треугольников; различные варианты «лесенок», шевроны, «уточки». Достаточно редко встречается «сотовый» орнамент.

Сходство орнаментального оформления керамики ряда энеолитических культур Зауралья и Северного Казахстана дало повод археологам объединить

Рис. 192. Энеолитический сосуд ямочно-гребенчатой традиции со стоянки Кочегарово I.
Фото В. Мосина

эти культуры (за исключением агидельской) в единую зауральско-казахстанскую общность энеолитических культур геометрической керамики.

8.5. Архитектура энеолитических поселений в Южном Зауралье

Как и в случае с неолитом Зауралья, сведений об энеолитических постройках с углубленным в материк котлованом немного. На стоянке Кочегарово I В. С. Мосин исследовал обширный котлован строения полуземляночного типа (рис. 191). Возможно, остатки котлована небольшой постройки вскрыты и К. В. Сальниковым на стоянке на оз. Кысыкуль. Однако полуземляночные строения с каркасной организацией стен возводились и в энеолите *лишь в рыхлых отложениях речных террас и берегов озер*. Где это технически было сложно выполнимо (на скальном основании), сооружались наземные строения. Такое строение изучено В. С. Мосиным на стоянке Шатанов III на оз. Иртяш. Модель жизни тогда предполагала наличие как круглогодично обитаемых, так и сезонных поселений и стоянок.

8.6. Хозяйственно-экономическая жизнь обитателей Южного Зауралья в энеолите

Как и в предшествующие периоды, хозяйство энеолитических южноуральцев было комплексным, присваивающим с опорой на охоту и рыболовство. Osteологические коллекции из раскопок поселения Кочегарово I содержат, по данным В. С. Мосина, кости дикой лошади, лося, медведя, благородного оленя, косули и т. д. О рыболовстве свидетельствуют остатки снаряжения, сетей, кости и чешуя рыб.

8.7. Погребальные обряды энеолитических людей в Южном Зауралье

Достоверно относящиеся к энеолиту погребения единичны. Одно из них исследовал археолог *Александр Федорович Шорин*. В ходе изучения поселения бронзового века у пос. Дружный Варненского района после выборки его культурного слоя при зачистке по матерiku обнажилось более раннее углубление. В нем расчищены остатки погребения энеолитического периода. Погребенный, взрослый мужчина, был уложен в могилу на левый бок, скорченно. Его сопровождал глиняный полуяйцевидный сосуд с характерной для энеолита геометрической орнаментацией. Внутри сосуда находились два небольших медных проволочных кольца (чуть более 1 см в диаметре) с несомкнутыми концами.

Погребение энеолитического периода было изучено также археологом *Алексеем Геннадьевичем Гаврилюком* в могильнике Александровский IV на

юге Челябинской области (рис. 193). Тамилей Михайловной Потемкиной в могильнике Верхняя Алабуга в Среднем Притоболье исследована серия энеолитических погребений. Редкие погребальные памятники местных энеолитических культур Южного Урала известны на территории современной Башкирии (Кара-Якуповский могильник на р. Дема, могильник Муллино на р. Ик и некоторые другие). Над энеолитическими погребениями здесь не возводились надмогильные сооружения — земляные курганы. В отличие от курганных археологи называют такие могильники грунтовыми.

Приведенные выше факты вновь заставляют предполагать, что для абсолютного большинства энеолитических обитателей Южного Урала погребальный обряд, как и ранее, не предполагал предания тела земле.

Рис. 193. Могильник Александровский IV. Курган 1. Могильная яма 2. Раскопки
А. Г. Гаврилюка. Сосуд. Фото Н. Плешановой

Фонды Музея археологии и этнографии ЧелГУ

8.8. Энеолитические святилища в Южном Зауралье

Исследование духовного мира энеолитического населения Южного Урала и Среднего Притоболья лишь ждет своего пытливого исследователя. Хотя и сделано на этом направлении достаточно много. В качестве примера приведем исследование Т. М. Потемкиной и М. П. Вохменцевым уникальных энеолитических святилищ Савин I и Слабодчики I на берегу р. Тобол в Курганской области.

Святилище Савин I занимает участок песчаной возвышенности на правом берегу Тобола. Археологи исследовали здесь остатки сооружения, в плане похожего на восьмерку (рис. 194). Ее кольца образованы канавами с разрывами для входа. Диаметр колец 16–18 м. В центре верхнего (по течению реки) кольца находилась яма размером 6×8 м. На ее дне — слой костей животных, обломки керамики, костяные и каменные предметы. В канавах и на внутреннем пространстве восьмерки обнаружены ямки для установки более 100 вертикальных столбов и совершения обрядов. В пределах сооружений были исследованы два погребения. В одном из них последовательно были захоронены три человека (двое взрослых мужчин и девушка).

По данным М. П. Вохменцева и Г. Ф. Коробковой, изучившей трасологически более полутора тысяч предметов из Савина I, почти половина от общего количества орудий — скребки на отщепах. Менее представлены ножи,

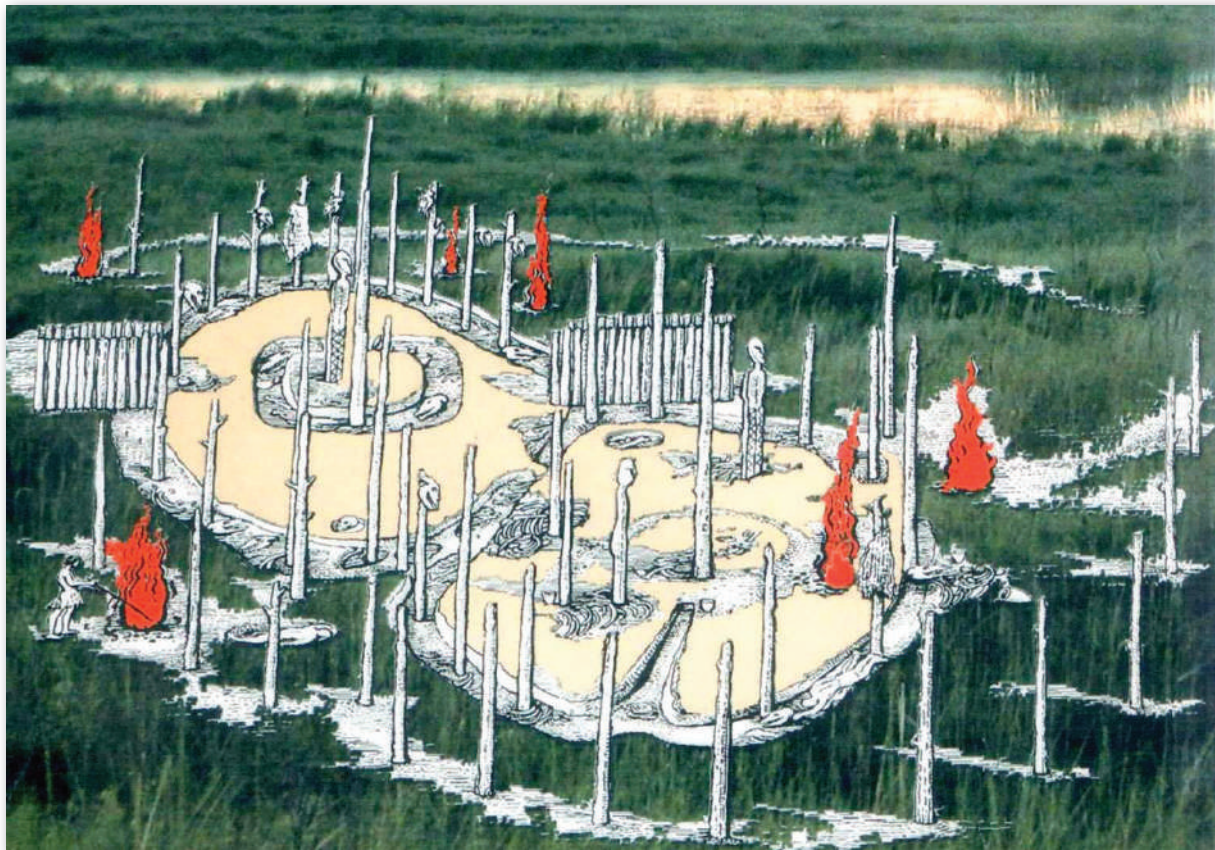

Рис. 194. Святилище Савин I. Энеолит. Реконструкция Т. М. Потемкиной

скобели, абразивы, сверла, резчики, долота, ретушеры, наконечники, пилы, наковальни. Очень мало орудий на пластинах. По следам сработанности Г. Ф. Коробкова определила функциональное назначение орудий: для охоты, рыболовства, земледелия, обработки шкур и мяса, кости (рога), дерева, камня, металла.

По способу лепки, технике орнаментации сосудов и орнаментальным мотивам археологи выяснили, что сосуды здесь оставляли представители нескольких родовых коллективов, а само святилище Савин I служило для обрядовой деятельности нескольких соседних общин.

В настоящее время археологи реализовали научно-образовательный проект реконструкции и музеефикации энеолитического святилища Савин I.

Не лишним будет подчеркнуть, что продолжали функционировать в энеолите и традиционные культовые места горно-лесного Зауралья, маркированные наскальными рисунками — писаницами (рис. 195–196).

Упомянем еще одну уникальную находку. На четырех плоскостях плитки талькохлорита, найденной случайно на территории древнего городища на оз. Синара в Снежинске на севере Челябинской области, пять раз повторен один и тот же антропоморфный персонаж (рис. 74), головной убор которого увенчан схематически изображенными рогами козули (?). Образ стилизован буквально до знака и удивительно похож на антропоморфные изображения писаницы на оз. Большие Аллаки в Каслинском районе. Изображения эти — отражение распространенного и повторявшегося во времени ритуала. Предположительное время создания — энеолит (IV–III тыс. до н. э.).

Сказанное выше позволяет утверждать следующее:

- *В энеолите комплексное присваивающее хозяйство (охота, рыболовство и собирательство) продолжало быть основой хозяйственно-экономической жизни носителей местных археологических культур Южного Зауралья и Северного Казахстана.*

- *Поскольку система жизнеобеспечения, судя по материалам раскопок, основывалась, как и в предшествующие периоды, на использовании различных пород камня, кости, рога, дерева, В. С. Мосин предлагает считать энеолитический период в истории Южного Урала заключительным этапом его каменного века.*

- *Большая часть памятников в Южном Зауралье, при раскопках которых не выявлены следы металлопроизводства, отнесены к энеолиту на основании типологических характеристик керамики, каменного инвентаря.*

- *Важные изменения произошли в это время в технике обработки камня. Большая часть орудий уже изготавливалась на отщепках — уплощенных кусках подделочных пород нужных размеров. Большое распространение получили*

Рис. 195. Писаница на реке Серге. Расположение древних рисунков, выполненных охрой, относительно современного уровня воды. Фото Н. Виноградова

Рис. 196. Писаница на реке Серге. Антропоморфное изображение и рисунок лося. Охра. Предположительно, энеолит. Фото Н. Виноградова

двусторонняя ретушь, шлифованные деревообрабатывающие орудия, орудия на сланцевых плитках.

- *Керамическое производство претерпело в сравнении с неолитом определенные изменения. Распространение получила круглодонная или остродонная глиняная посуда, украшенная сложными геометрическими композициями, выполненными преимущественно оттисками гребенчатых штампов.*

- *Вдоль восточных склонов Урала и в степях Казахстана в этот период формировалась общность родственных культур, получившая различные названия (зауральско-казахстанская или общность культур «геометрической керамики»), объединенная как сходным набором типов каменных орудий, так и, что особенно важно, весьма сходной орнаментацией керамической посуды.*

- *Ученые полагают, что область между Аралом — Каспием и Зауральем в III тыс. до н. э. была занята населением, говорившим на диалектах финно-угорского праязыка. Причем лингвисты полагают, что именно в энеолите произошел распад финно-угорского праязыка на финскую и угорскую ветви.*

Литература

Основная

Мосин В. С. Южный Урал в каменном веке // История Южного Урала : в 8 т. Т. 1. Челябинск : Издат. центр ЮУрГУ, 2019. 408 с.

Мосин В. С. Древние охотники Урала (археология и жизнь). Челябинск : Издат. центр ЮУрГУ, 2013. 511с.

Мосин В. С. Энеолит // Древняя история Южного Зауралья : в 2 т. Челябинск : ЮУрГУ, 2000. Т. 1. С. 149–241.

Дополнительная

Вохменцев М. П. Памятники неолита, энеолита и ранней бронзы в лесостепном Притоболье / науч. ред. В. С. Мосин. Челябинск : Рифей, 2016. 137 с.

Дубровский Д. К., Грачев В. Ю. Уральские писаницы в мировом наскальном искусстве. Екатеринбург : Грачев и партнеры, 2010. 216 с. : ил.

Мосин В. С. Энеолитическая керамика Урало-Иртышского междуречья. Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2003. 220 с.

Мосин В. С. Энеолит Южного Зауралья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 2. С. 79–93.

Мосин В. С. Стоянка Шатанов 3 на озере Иртяш (классификационный и археолого-исторический подходы). Челябинск : Рифей, 2011. 108 с.

Шорин А. Ф. Энеолит Урала и сопредельных территорий: Проблемы культурогенеза. Екатеринбург : УрО РАН, 1999. 182 с.

ГЛАВА 9. ЮЖНЫЙ УРАЛ В БРОНЗОВОМ ВЕКЕ

С первых веков III тыс. до н. э. и до VIII в. до н. э. часть древних народов Южного Урала жила в бронзовом веке. Более чем на две тысячи лет здесь основным материалом для изготовления орудий труда и предметов вооружения стали медь либо сплав меди преимущественно с мышьяком или оловом, называемый бронзой.

Бронзовый век в различных районах Южного Урала наступил в разное время: в оренбургских степях — со времени миграции сюда носителей древнеямной культуры (начало III тыс. до н. э.); в степном Южном Зауралье — лишь с конца XXI в. до н. э. в связи с появлением здесь синташтинского населения и памятников синташтинского типа; в горно-лесной части Южного Урала — в первые века II тыс. до н. э., в немалой степени за счет усилившегося давления на группы аборигенного охотничье-рыболовецкого населения со стороны степных соседей-скотоводов.

9.1. Природа и климат региона в бронзовом веке

Жизнь людей в бронзовом веке, как и прежде, сильно зависела от природно-климатических условий. Данные различных наук свидетельствуют о различных моделях климатообразования и истории климата в этот период для западного и восточного макросклонов гор Южного Урала и прилегающих районов. Существует несколько научных сценариев истории климата для этого периода древней истории Южного Урала. Ниже приведен лишь один из них.

В степях Северного Казахстана и Южного Зауралья во второй половине III — II тыс. до н. э. климат несколько раз менялся. Последние века III тыс. и особенно рубеж III–II тыс. до н. э. ознаменовались сильнейшей многолетней засухой, вызвавшей дальние и массовые миграции обездоленных скотоводческих племен.

Оптимально влажный и теплый климат установился лишь примерно 3600 лет назад. Водоразделы между речными долинами вновь покрылись сочными травами. В значительной степени благодаря этому обстоятельству несколько столетий по берегам рек в степях Южного Зауралья процветали общины скотоводов-пастухов алакульской культуры. Но около середины

II тыс. до н. э. в степях Центрального Казахстана вновь разразилась многолетняя засуха, и из района бедствия во все стороны, в том числе в Южное Зауралье, вновь хлынули стремительно терявшие скот племена.

Последующее усущение климата и, как следствие, сильное понижение уровня грунтовых вод, зафиксированное археологами по памятникам Южного Зауралья, произошло в последние века II — начале I тыс. до н. э. Помогли им наблюдения за высотой площадок поселений того времени относительно современного уровня воды в реках. Порой площадки поселений заключительного периода бронзового века в Южном Зауралье находятся лишь на полметра выше современного уровня воды в реке. Так что раскапывать их невозможно (в раскоп польется вода). Автор наблюдал подобное в окрестностях с. Неплюевка на берегу р. Яндырки в Карталинском районе Челябинской области и в микрорайоне древнего расселения Устье на берегу р. Нижний Тогузак на границе современных Карталинского и Варненского районов.

С другой стороны, ученые объясняют причины передвижений лесных народов из бассейна Оби — Иртыша на Южный Урал в конце бронзового века значительным увлажнением климата, выгнавшим обитателей таежных просторов (гамаюнская культура) на юг Урала.

Народы Южного Урала в бронзовом веке, в зависимости от природного контекста, вели совершенно разный образ жизни. В глухих таежных районах, как и в прошлые периоды, традиционной для предшествующих тысячелетий жизнью жили охотники-рыболовы. На юге зоны лесов Урала в хозяйстве населения сочетались охота, рыболовство и проникшее сюда к этому времени из степей скотоводство. *Степные племена Южного Урала на протяжении почти всего этого периода занимались исключительно скотоводством в различных видах. Лишь в конце бронзового века эти племена стали осваивать земледелие.* Подтверждением тому археологи считают находку на поселении Черкасы на юге Челябинской области обугленных зерен злаковых культур.

9.2. Начало металлопроизводства на Южном Урале

Жизнь большинства неолитических и энеолитических южноуральцев — охотников-рыболовов-собирателей — представляла собой дальнейшее развитие традиций, заложенных в предшествующую эпоху мезолита. Однако на рубеже IV–III тыс. до н. э. на юг Урала впервые в его истории проникло население, владевшее навыками добычи медных руд, получения металла и изготовления из него разнообразных предметов.

Почти любой уралец знает о Демидовых — династии владельцев металлургических заводов в XVIII–XIX вв. Но мало кто знает, что русские заводчики получили в наследство от древних обитателей Урала... месторождения руд. Почти все заводы той поры работали на руде из месторождений, открытых

по следам более древних горных разработок — «чудских копей». Русские рудознатцы отмечали их по всему Уралу. Вот что писал талантливый, но несчастливый ученый-путешественник XVIII в. Иоганн Петер Фальк о древних горных разработках в Оренбуржье: «Вся холмистая страна между Каргалинскими ручьями... исполнена обвалившимися копиями древней чуди и оставленными горными работами, состоявшими по большей части или в... ямах... или в порядочных горных копиях, со штольнями, штреками».

Древние горняки и металлурги Южного Урала получали медь из содержащих этот металл минералов — бледно-зеленого малахита и ярко-синего азурита, или из так называемых медистых песчаников. В бронзовом же веке металлурги Южного Урала освоили и выплавку металла из сульфидных руд, требовавших предварительного отжига и удаления серы.

Археологи относительно недавно приступили к активному изучению древних горных разработок. Целое «ожерелье» медных месторождений, которые разрабатывались в древности, открыто в XX в. в Зауральской Башкирии: Никольское, Таш-Казган, Бакр-Узяк и др. (рис. 197). Начало их изучению положил еще в 1960-е гг. знаменитый историк, исследователь древнего металлопроизводства член-корреспондент РАН Е. Н. Черных. Позднее количество открытых учеными древних разработок на медь увеличилось. Один карьер у пос. Зингейского в Кизильском районе Челябинской области со следами разработки на медь в древности (местные жители называют это место «Воровская яма») и поселение горняков рядом с ним уже более десяти лет изучаются археологами. В 2012 г. древний карьер по добыче медьсодержащих минералов был открыт у с. Новониколаевка на р. Караталы-Аят (рис. 198). Древние карьеры и шахты по добыче медных руд уже несколько лет исследуют археологи ЮУрГГПУ и геологи Института минералогии УрО РАН в окрестностях пос. Новотемирского в Чесменском районе Челябинской области (рис. 199–201).

В Оренбуржье исследователями В. В. Ткачевым и С. В. Богдановым доказан факт разработки в древности Ишкининского месторождения (рис. 202), рудников в Еленовском районе на р. Ушкатта (рис. 203). Десятки медных рудников древних обитателей Южного Предуралья и сопутствующих им поселений древних горняков открыты современными исследователями в Мугоджарах. Археологи и геологи уже приступили к их планомерному изучению. К сожалению, большая часть древних копей была уничтожена горняками за 300 лет истории горного дела на Урале. В частности, 160 лет назад историк Петр Андреевич Словцов со слов ученого-путешественника XVIII в. Ивана Ивановича Лепехина писал о следах древних горных работ на севере современной Челябинской и юге Свердловской области: «При открытии Гумешевского рудника (у современного города Полевского) в 1731 году были найдены старинные выработки, рвы и углубления, а в них полустгорелая

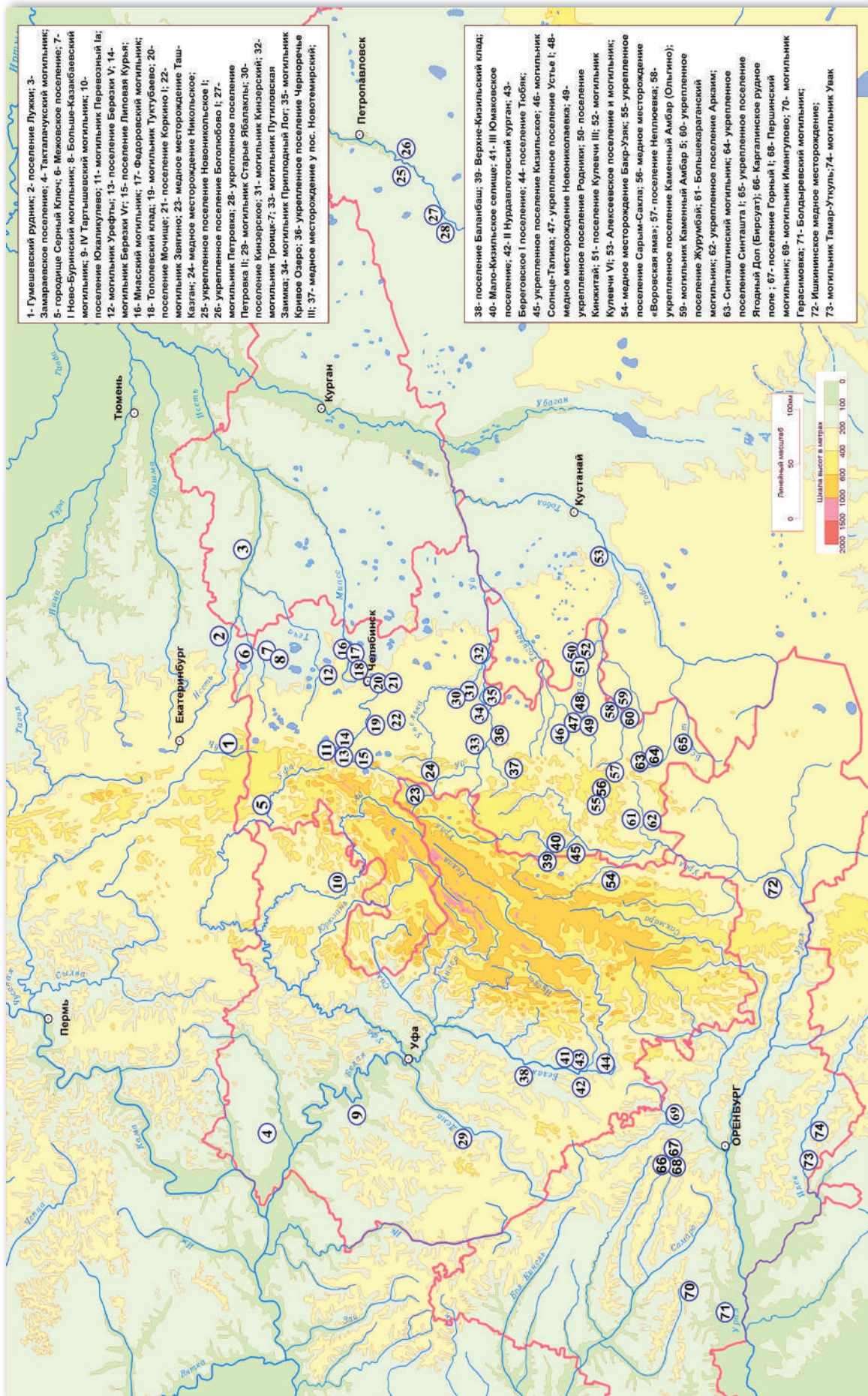

Рис. 197. Локализация некоторых памятников бронзового века Южного Урала

Рис. 198. Археологи ЮУрГГПУ и геологи Института минералогии УрО РАН на древнем руднике у поселка Новониколаевка (Карталинский район Челябинской области). 2018 г.

Фото Н. Виноградова

лучина, в стену воткнутая, рукавица и сумка из лосиной кожи, кайлы, молоток и тому подобные, из меди сделанные. В 1770 году... на том же руднике найдена круглая шапка с собольим околышем».

Соседние с южноуральцами древние народы не имели расположенных на их территориях месторождений окисленных медьсодержащих минералов. Так что предгорья Южного Урала (Зауральский пенеплен) стали поистине полной сокровищ «кладовой» для наших древних предшественников. «Малахитово-азуритовый пояс» месторождений, протянувшихся вдоль восточных отрогов южноуральских гор, более 5000 лет назад был замечен людьми и оказал большое влияние на их жизнь.

Рис. 199. Древняя карьерная разработка на медь у поселка Новотемирского (Чесменский район Челябинской области). Фото И. Алаевой

Рис. 200. Медная минерализация месторождения Новотемирское (Чесменский район Челябинской области). Фото И. Алаевой

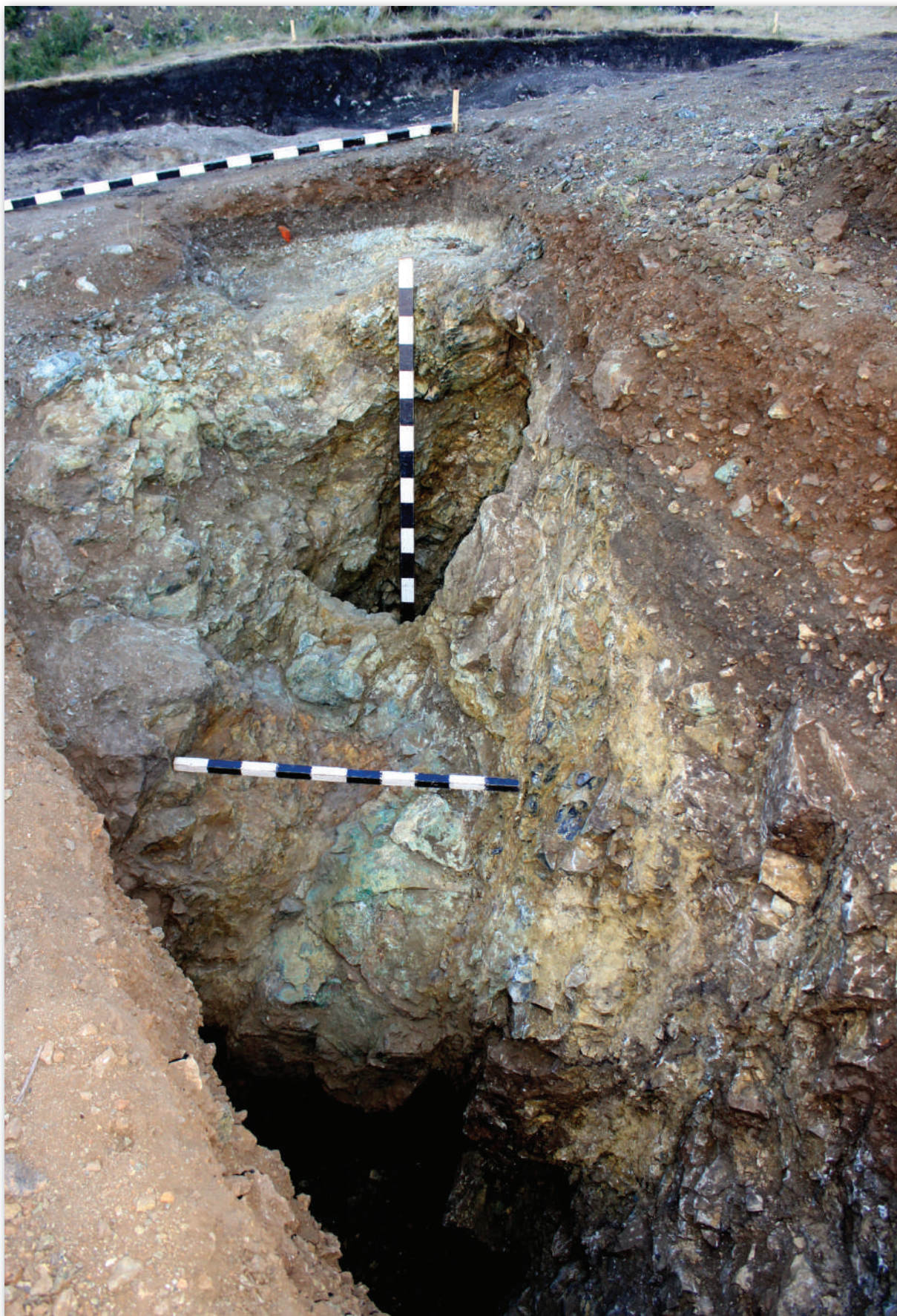

Рис. 201. Рудник Новотемирский (Чесменский район Челябинской области).
Устья древних шахт. Фото М. Анкушева

Рис. 202. Месторождение Ишкинино (Гайский городской округ Оренбургской области).
Карьер 1. Фото В. Зайкова

Рис. 203. Ушкаттинское месторождение (Оренбургская область). Карьерные разработки
бронзового века. Фото В. Зайкова

9.3. Древнеямная культура в Оренбуржье

В III тыс. до н. э. долины степных рек Оренбуржья и предгорья Южного Урала с многочисленными речушками и ручьями стали новой родиной для продвинувшихся сюда из Поволжья племен древнейших скотоводов, которые, в отличие от местных южноуральских охотничье-рыболовецких племен, жили уже не в каменном, а в бронзовом веке, вели подвижный (кочевой?) образ жизни, передвигаясь со стадами с пастбища на пастбище по строго определенному для каждой родовой общины маршруту в течение всего года. Лишь зимнее время они пережидали на сезонных зимних поселениях.

Открывший в начале XX в. первые могильники этих племен в степях юго-востока Европы знаменитый русский археолог В. А. Городцов за способ погребения умерших соплеменников в грунтовых ямах назвал их «древнеямными». Ряд культур подвижных скотоводов выделенной археологами древнеямной культурно-исторической общности занимали степи Восточной Европы от Приднепровья до бассейна Яика (Урала).

Люди древнеямной культуры Волго-Уральского района по антропологическому облику были похожи на современных европейцев, в отличие от других современных им уральских народов. Как считают некоторые ученые, древнеямные племена и были теми загадочными «индоевропейцами», прародину которых они искали многие десятилетия.

Древнеямные племена предпочитали разводить мелкий рогатый скот и лошадей, которые способны сами добывать корм зимой, разгребая снег до прошлогодней травы. Древнейшие повозки — колесный транспорт с колесами в виде цельного диска — в районе Южного Урала появились впервые именно с приходом древнеямного населения (рис. 204–205).

Древнейшие скотоводы степей Южного Предуралья были первыми в районе Урала строителями дерново-земляных надмогильных сооружений — курганов.

Археологи изучили в Оренбуржье довольно много древнеямных курганных могильников (Болдыревский, Тамар-Уткуль, Герасимовка, Увак и др.; рис. 206). Сравнивая размеры курганов, сложность конструкции гробниц в них, облик и степень «богатства» вещей, сопровождавших погребенных, ученые сделали вывод о том, что общество древнейших скотоводов Южного Урала уже знало неравенство. Это и не удивительно.

Борьба за пастбища в условиях неустойчивого климата с его засухами и другими проблемами неизбежно приводила к образованию больших военно-политических союзов, возглавляемых талантливыми, удачливыми вождями (рис. 207–208). Только соединенные военные ополчения племен вместе могли отстаивать права и защитить от врагов отдельные скотоводческие семьи и роды и их основное богатство — скот. Сам подвижный образ

Рис. 204. Шумаевские курганы (Оренбургская область). Погребение с повозкой. Ямная культура. Раскопки Н. Л. Моргуновой. Фото Н. Моргуновой

Рис. 205. Шумаевские курганы (Оренбургская область). Погребение с повозкой. Остатки колеса в погребении. Ямная культура. Раскопки Н. Л. Моргуновой. Фото Н. Моргуновой

Рис. 206. Могильник Болдырево-1. Курган 1 перед раскопками. Раскопки Н. Л. Моргуновой. Фото Н. Моргуновой

их жизни предполагал частые контакты с соседями и, как следствие, обмен различными достижениями культуры и техническими открытиями.

Археологии и историки, изучающие древнее металлопроизводство, считают, что древнеямные металлурги-кузнецы заимствовали знания по металлургии и металлообработке меди у кланов металлургов-кузнецов из района Кавказа. Почему именно у них? У древнеямных скотоводов Южного Предуралья бытовали металлические изделия тех же типов, как и на Кавказе. Но на Кавказе эти предметы появились раньше, чем на Южном Урале.

Гигантские по площади (500 кв. км) разработки на медь (примерно 15 тыс. шахт и карьеров) в 50 км севернее современного г. Оренбурга, вдоль р. Каргалы, были известны ученым-путешественникам еще в XVIII в. По мнению Е. Н. Черных, начало разработке Каргалинских рудников положили горняки-металлурги именно древнеямной культуры Волго-Уралья (рис. 209). Нельзя не упомянуть и о захоронении подростка в Першинском могильнике (у с. Першина в Октябрьском районе Оренбургской области). Он был погребен с *каменной формой для отливки медных топоров*. Погребение исследователь Е. Н. Черных отнес к древнеямной культуре и датировал началом III тыс. до н. э.

Каргалинское рудное поле разрабатывалось с перерывами в III–II тыс. до н. э. и в XVIII в. Но наиболее активно эти рудные источники разрабатывались во второй половине II тыс. до н. э., в позднем бронзовом веке.

Е. Н. Черных изучил на Каргалинском рудном поле поселение древних металлургов Горный I и установил, что оставлено оно было людьми так называемой срубной культуры позднего бронзового века. В ходе раскопок этого поселения было обнаружено большое количество обломков медных горнопроходческих орудий типа кирок. С их помощью горняки выбирали линзы медьсодержащих минералов на глубину до 45 м. Археологи исследовали на поселении Горный I рудный двор, где складировалась и готовилась к плавке руда, и своеобразные святилища древних горняков.

Рис. 207. Случайная находка у поселка Княженского (Брединский район Челябинской области). Медный «княжеский» топор ямного времени. Проекция А. Фото Н. Виноградова

Рис. 208. Случайная находка у поселка Княженского (Брединский район Челябинской области). Медный «княжеский» топор ямного времени. Проекция Б. Фото Н. Виноградова

Южноуральцы бронзового века впервые так основательно потревожили залежи медьсодержащих минералов. Только на Каргалинских рудниках в бронзовом веке было добыто от 1 до 3 млн тонн медной руды. Это потребовало особой организации общин, занимавшихся металлургией и металлообработкой. Но об этом позднее. Кузнецы уже в III тыс. до н. э. были настолько искусны, что могли изготавливать предметы, в которых одна часть была из меди, а другая — из метеорного железа. Эти изделия изредка находят в погребениях выдающихся людей.

Рис. 209. Каргалинское рудное поле. Рудник Андреевский восточный. Вид с юго-востока. Фото В. Ткачева

Интересно то, что восточнее территории, занятой древнеямными скотоводами, в одно и то же с ними время, жили фактически еще в каменном веке, а по мнению археологов, в меднокаменном веке, потомки местного населения — носители ботайской, терсекской и суртандинско-кысыкульской энеолитических археологических культур Северного Казахстана и Южного Урала. Казалось бы, и у них, с такими соседями как древнеямные племена, также должна быть хорошо развита металлургия меди. Однако на их поселениях медные предметы единичны, а следы плавки меди почти не известны. Некоторые археологи думают, что местные народы, жившие здесь прежде и говорившие на праугорских языках, и пришельцы — *древнеямные племена, которых часть ученых считает древнейшими индоевропейцами*, — стали непримиримыми врагами и практически не общались.

Для большей части степей и лесостепей Южного Зауралья и Северного Казахстана бронзовый век — это история живших во времени относительно последовательно групп племен, известных археологам как алакульские, федоровская и алексеевская археологические культуры.

Формированию общности алакульских культур Южного Зауралья, Северного Казахстана предшествовала краткая, но очень яркая история сравнительно немногочисленной группы населения, оставившей после себя поселения и могильники так называемого синташтинского типа.

9.4. Памятники синташтинского типа в Южном Зауралье

С начала 1970-х гг. археологи изучают в степях Южного Зауралья укрепленные рвами и оборонительными стенами древние поселения. Их относят к времени бронзового века между 4100–3800 лет от наших дней (рис. 210). Свое условное название эта группа укрепленных поселений и связанных с ними могильников получила по первому подобному археологическому

Рис. 210. Синташтинские укрепленные поселения бронзового века на карте Южного Зауралья. Автор М. С. Гитис

комплексу, исследованному В. Ф. Генингом, В. В. Генингом и Г. Б. Здановичем в 1970–1980-е гг. на р. Синташте в окрестностях пос. Римниковского на юге Челябинской области. В археологической науке утвердилось несколько подходов к определению статуса этой группы памятников бронзового века Южного Зауралья. Одни ученые считают возможным обособить синташтинские памятники в отдельную археологическую культуру. Другие в своих публикациях говорят лишь об особом типе археологических памятников.

В определении масштабов распространённости синташтинских укрепленных поселений неопределимую помощь археологам оказали... специалисты по

расшифровке снимков земной поверхности Южного Зауралья, сделанных с самолета. А подобные снимки имеются у геологов на все районы страны. Именно приборы аэрофотодешифровщиков — стереоскопы — позволили открыть, казалось, навсегда потерянную в веках историю людей, которые имели странное обыкновение жить исключительно за оборонительными стенами.

Поздней осенью — ранней зимой 1986/1987 гг. автор этих строк познакомился с двумя милыми женщинами-геологами: Ией Михайловной Батаниной и Нинель Викторовной Левит. Они занимались дешифровкой аэрофотоснимков для нужд южноуральской геологии, а экспедиция ЧГПИ к тому времени уже несколько лет раскапывала укрепленное поселение бронзового века Устье I на границе Карталинского и Варненского районов Челябинской области. И мне было любопытно увидеть, как руины древнего Устья выглядят на аэрофотоснимке. По этому поводу мы и встретились с И. М. Батаниной несколько раз. Она нашла нужный аэрофотоснимок, и мы вместе насладились невероятным для археолога зрелищем — общим видом укрепленного поселения Устье: светлым фототонном развалов оборонительных стен, темными полосками рвов. А через неделю Ия Михайловна позвонила мне и сообщила, что... нашла 14 подобных объектов.

Так зимой 1986/1987 гг. было сделано выдающееся открытие — одно из самых ярких в археологии не только нашей страны, но и в мировой археологии XX в. И сделала это открытие геолог, дешифровщик аэрофотоснимков И. М. Батанина. Нельзя сказать, что ранее укрепленные поселения бронзового века в Южном Зауралье не были известны. Еще в конце 1940-х гг. археолог К. В. Сальников изучал у Магнитогорска так называемое Мало-Кизильское селище с явными следами оборонительных укреплений. В начале 1970-х гг. археолог В. С. Стоколос раскапывал укрепленное поселение бронзового века у с. Кизильского, на старичной протоке р. Урал. Но масштабы их распространения стали понятны лишь после подключения к археологическим исследованиям дешифровщиков аэрофотоснимков. Следующим летом (1987) мы со студентами-археологами и коллегами-топографами с естественно-географического факультета ЧГПИ уже снимали инструментальные планы нескольких открытых И. М. Батаниной укрепленных поселений (Устье, Родники — в Варненском и Карталинском районах, Черноречье III — в Троицком районе) и произвели разведку на укрепленном поселении Ягодный Дол на р. Бирсуат в Брединском районе. Археолог В. П. Костюков выполнил такую же работу на укрепленном поселении Журумбай в Карталинском районе.

9.4.1. Укрепленное поселение Синташта I

В начале 1970-х гг. археологами Уральской археологической экспедиции под руководством выдающегося уральского археолога В. Ф. Генинга было

начато исследование Синташтинского укрепленного поселения бронзового века на р. Синташте (Сынтасты) в Брединском районе Челябинской области (рис. 211). Название реки, кстати, с казахского переводится как «могильная». Поселение было открыто во время обследования археологами Уральской археологической экспедиции (г. Свердловск, УрГУ) ложа будущего Брединского водохранилища.

Рис. 211. Синташтинский культурный комплекс (Брединский район Челябинской области).
Аэрофотоснимок. 1974 г. Фото Н. Виноградова

К сожалению, большая часть площади этого поселения была за прошедшие тысячелетия уничтожена — смыта разливами реки. Но и то, что сохранилось, потрясло археологов. Первоначально округлая площадка, как установили ученые, была опоясана двумя линиями обороны. Каждая состояла из уступчатого рва (рис. 212) и расположенной за ним стены сложной конструкции. При ее возведении использовались не только дерево, земля и дерн, но и, как считают исследователи, глиняные блоки. Внешняя стена была как бы составлена из бревенчатых срубов, поставленных по кругу, заполнена землей и покрыта с наружной стороны глиной.

Никогда до этого времени в южноуральских степях ни один народ не строил ничего подобного! Ученые полагают, что стены Синташтинского укрепленного поселения в высоту достигали 3,5 м. Проходы во рвах и несколько ворот позволяли свободно проезжать разнообразным повозкам. К линиям обороны изнутри были пристроены трапециевидные в плане помещения, стены которых, как полагают исследователи, выкладывались из глины. Продольные стены были общими для соседних помещений. Внутри каждого из помещений — по несколько комнат, составлявших жилую часть.

Рис. 212. Археолог В. Ф. Генинг на раскопках укрепленного поселения бронзового века Синташта I (Брединский район Челябинской области) демонстрирует экскурсантам оборонительный ров. 1974 г. Фото Н. Балдиной

Но в каждом из помещений была и хозяйственная часть, где размещались колодец, печи — металлургические горны купольного типа (рис. 213), а также ямы хозяйственного назначения. В каждом из таких помещений, по мысли исследователей, жило по 20–30 человек из нескольких поколений близких родственников.

Рис. 213. Укрепленное поселение бронзового века Синташта I (Брединский район Челябинской области). Развал купольной печи. Раскопки В. Ф. Генинга. 1974 г. Фото Н. Виноградова

9.4.2. Синташтинский могильник и тотальное богатство неясного происхождения

Недалеко от стен Синташтинского поселения, к северу от него, археологи практически случайно открыли могильник, принадлежавший жителям поселения (рис. 214). Могилы располагались группами. Каждую группу отличало тяготение могил, расположенных по краям, к крупной могильной яме как некоему центру группы. Скорее всего, каждая из этих групп была кладбищем одной большой семьи, занимавшей на поселении одно помещение.

Рис. 214. Площадка Синташтинского культурного комплекса (Брединский район Челябинской области). Вид от реки Синташты. 1974 г. Фото Н. Виноградова

Деревянными клиньями древние строители отделяли пласты твердой глины с камушками, отрывая таким образом огромные по объему ямы, в которых собирали подготовленные заранее срубы, или конструкции из бревен и тесаных досок, порой двухэтажные гробницы — «дома мертвых» (рис. 215). Скорее всего, их стены украшали войлоками. Ими же выстилали и дно.

Покойных хоронили в одежде, с украшениями, орудиями труда или вооружением либо «в позе спящего» (скорченно на боку, с кистями рук у лица), либо на спине с согнутыми в коленях ногами. Два погребения вообще изумили археологов. Кости людей, видимо, погибших вдали от родных мест и похороненных не сразу, были аккуратно сложены в некую кожаную, деревянную (плетеную из прутьев?) емкость. Сверху в каждом случае был помещен череп погребенного (рис. 216).

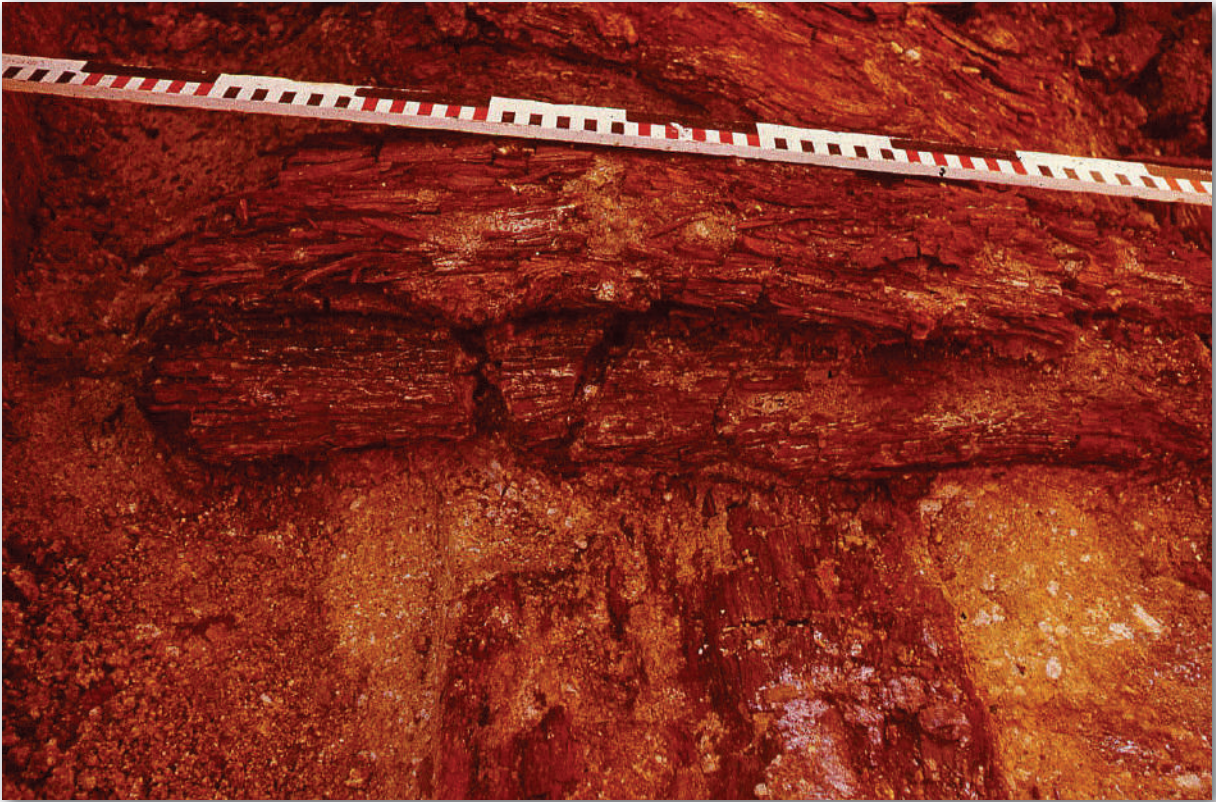

Рис. 215. Синташтинский могильник в Брединском районе Челябинской области (СИ). Яма 1. Двухслойное перекрытие погребальной камеры. Раскопки В. Ф. Генинга. 1975 г.
Фото Н. Виноградова

Рис. 216. Синташтинский могильник в Брединском районе Челябинской области (СИ). Яма 30. Остатки в юго-западной части дна погребальной камеры: макетные выкладки двух коней и «пакетное» захоронение. Раскопки В. Ф. Генинга. *Фото Н. Виноградова*

В пол нескольких монументальных деревянных гробниц Синташтинского могильника были вертикально заглублены на четверть диаметра два деревянных колеса, снабженных спицами (рис. 217–218).

В противоположной от колес стороне на полу подобных гробниц устанавливались на основания головы двух коней. Рядом парами укладывались их обрубленные ноги. И все это сооружение покрывалось конской шкурой. У голов коней находились и уцелевшие через тысячелетия остатки узды — роговые диски или сегменты с отверстием в центре и шипами с одной стороны. Все описанное понимается как *макетная выкладка двух упряжных коней*.

Смысл этого ритуала и облик самих повозок неясны до сих пор. Одни ученые считают, что в гробницы ставили самые настоящие боевые колесницы, а погребенные в них при жизни были знатными воинами, управлявшими жизнью общины. Тем более что в этих же могилах часто находились и дорогостоящие предметы вооружения — увесистые боевые бронзовые топоры с бойком на тыльной части обуха (рис. 219). Такими топорами можно было и с врагом справиться, и применить их для лишения жизни коня или быка при совершении священных ритуалов. Изящные бронзовые наконечники копий (рис. 220), обоюдоострые кинжалы (рис. 221), каменные и бронзовые наконечники стрел (рис. 222–223) дополнили представления археологов о вооружении древних воинов.

Именно в погребениях Синташтинского могильника археологи впервые встретились как с удивительной сложностью и масштабностью дорогостоящих погребальных обрядов, так и с неизвестным ранее богатством и разнообразием предметов погребального инвентаря.

Но не все ученые считают, что в синташтинские гробницы помещались боевые колесницы «в сборе». Есть и те, кто полагает, что речь может идти скорее не о целых двухколесных повозках в этих гробницах. Они считают, что *в полы гробниц прикапывались лишь колеса*. «Кузовом» подобной «повозки», как думали древние люди, была... сама деревянная гробница, которую вместе с погребенным «кони» влекли в «Страну мертвых». Она в синташтинских гробницах находилась преимущественно в северной части горизонта, судя по тому, куда были в большинстве обращены головами погребенные взрослые люди и морды коней.

Речь, таким образом, не идет о помещении в гробницу именно боевой колесницы. Описанная *имитация погребальной повозки* явно предназначалась для путешествия души умершего в иной мир как часть макетного воспроизведения погребального мифа. ***По размерам и по виду имитация эта не совпадала с реальными боевыми колесницами. Текст мифа этого не требовал. Ширина ее колеи была обусловлена шириной погребальной камеры.*** Наличие у синташтинского населения некоего повествования о путешествии души (погребального мифа) иллюстрируют и странные, на пер-

Рис. 217. Синташтинский могильник в Брединском районе Челябинской области (СМ). Яма 30. Колесные углубления в северо-восточной части погребальной камеры с оттисками нижней части колес. Раскопки В. Ф. Генинга. Фото Н. Виноградова

Рис. 218. Синташтинский могильник в Брединском районе Челябинской области (СМ). Яма 30. Отпечаток нижней части одного из двух колес в северо-восточной части пола погребальной камеры. Раскопки В. Ф. Генинга. Фото Н. Виноградова

Рис. 219. Синташтинский могильник (СМ) в Брединском районе Челябинской области. Яма 39. Топор. Бронза. Раскопки В. Ф. Генинга. Фото Н. Виноградова

Рис. 220. Синташтинский могильник в Брединском районе Челябинской области (СМ). Яма 18. Наконечник копья. Бронза. Раскопки В. Ф. Генинга. Фото Н. Виноградова

Рис. 221. Синташтинский могильник (СМ).
Бронзовые ножи-кинжалы. Раскопки В. Ф. Генинга. Фото Н. Виноградова

Рис. 222. Синташтинский могильник (СМ). Яма 24.
Каменные наконечники стрел. Раскопки В. Ф. Генинга. Фото Н. Виноградова

Рис. 223. Синташтинский могильник (СИ). Яма 7. Каменные и бронзовые наконечники стрел с остатками древков и креплением с помощью сухожилий. Раскопки В. Ф. Генинга. Фото Н. Виноградова

вый взгляд, детали снаряжения коня из погребального инвентаря: костяные имитации псалиев с игловидными шипами либо роговые псалии с нарочито приостренными шипами, явно непригодные для рутинного использования (рис. 224–225). Для организаторов и участников погребальной церемонии эти псалии были как бы макетной частью текста, повествующего об экстремальных моментах путешествия души.

В синташтинских гробницах были найдены и специально устроенные деревянные отсеки-лари, забитые головами, ногами (и шкурами?) домашних животных. Туши убитых бойками боевых топоров коней укладывали и на деревянное перекрытие гробниц (до шести в одной могиле) (рис. 226). Кроме коней для жертвоприношений использовали быков, овец и собак. Они должны были возродиться в следующей жизни или стать приношением определенным могучим богам.

Рис. 224. Могильник Каменный Амбар 5. Курган 2. Яма 8. Роговая имитация псалия. Раскопки В. П. Костюкова. Фото Н. Виноградова

Фонды ГИМЮУ ОФ-6358/116

Рис. 225. Могильник Кривое Озеро. Курган 9. Яма 1. Роговой псалий 3. Раскопки Н. Б. Виноградова. Фото Н. Виноградова

Фонды ГИМЮУ ОФ-7391/148

Раскапывая этот могильник и подобные ему, археологи не переставали удивляться, насколько сложны здесь погребальные обряды и богат инвентарь. Было выдвинуто предположение, что найденный на р. Синташте древний могильник содержал лишь погребения знатных людей, прежде всего воинов-колесничих, которые не только храбро сражались, но и руководили жизнью общины. Но с этим утверждением согласны не все археологи.

Рис. 226. Синташтинский могильник (СМ) (Брединский район Челябинской области). Яма 5. Костяки коней на перекрытии погребальной камеры. Раскопки В. Ф. Генинга.
Фото Н. Виноградова

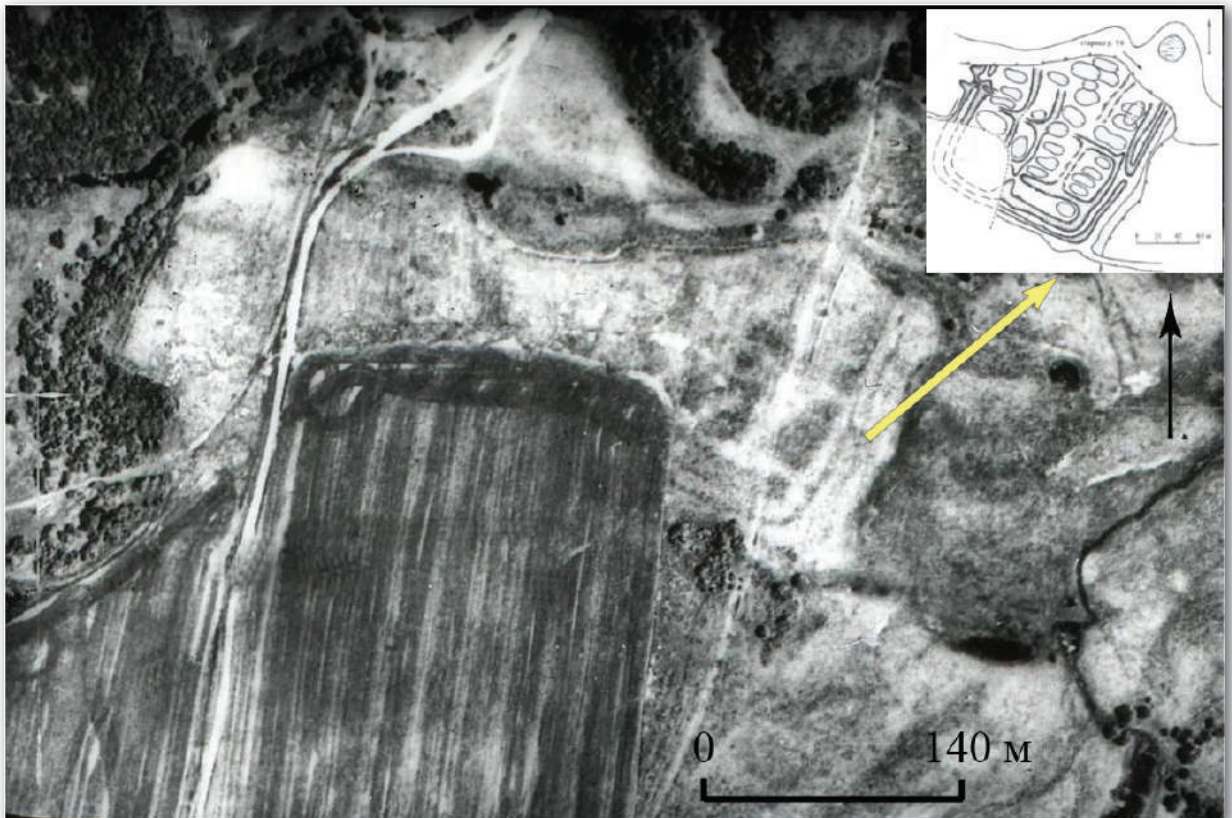

Рис. 227. Укрепленное поселение бронзового века Черноречье 3 (Троицкий район Челябинской области). Фрагмент аэрофотоснимка

9.4.3. Укрепленное поселение у поселка Черноречье (Черноречье III)

Другое подобное укрепленное поселение этого же типа известно археологам у пос. Черноречье в Троицком районе при впадении в Уй р. Черной (рис. 227). Здесь площадка, ограниченная оборонительными стенами и рвами, прямоугольная в плане. Вдоль внутреннего края оборонительных стен расположены «массивы» помещений, разделенных насыпными стенами. Древние строители для усиления системы обороны равномерно подрезали край площадки поселения, обращенный к р. Черной, сделав его более крутым. Рядом было достаточно места для обустройства кладбища, но обитатели древнего Черноречья предпочли основать его... на противоположном берегу р. Черной, что, согласитесь, более неудобно и трудоемко, если говорить об организации погребений, поминальных обрядов и т. д.

Ученые видят в этом факте отражение представлений, согласно которым мир живых и потусторонний мир (мир мертвых) должна разделять водная преграда, как позднее считали древние греки и римляне.

9.4.4. Могильник Кривое Озеро у поселка Черноречье Троицкого района

Этот могильник понят как относящийся к описанному выше укрепленному поселению Черноречье III. Археологи Челябинского государственного педагогического института еще в 1980-е гг. изучили в этом могильнике, названном по близко расположенной старице р. Черной — оз. Кривое — четыре кургана, а под ними более 50 синташтинских погребений. Один курган оказался полностью синташтинским. В другом могилы петровского этапа истории алакульской культуры Южного Зауралья были сооружены в насыпи синташтинского кургана. Остальные два содержали лишь петровские погребения.

Раскопки могильника порадовали археологов. В полах гробниц под двумя курганами найдены углубления для установки колес имитации погребальной повозки (рис. 228), 11 роговых псалиев (нащечников) — деталей узды упряжных коней (рис. 229), бронзовые кинжалы, наконечник копья, разнообразные украшения (рис. 230), около 200 керамических сосудов (рис. 231–232). Все эти остатки исчезнувшей давно жизни стали активно изучать ученые различных специальностей: археологи, археозоологи, палеоантропологи, историки металлургии и многие другие.

Схожую картину увидели и археологи, исследовавшие синташтинские могильники на р. Карагайлы-Аят, в урочище Каменный Амбар (могильник Каменный Амбар 5); у с. Степного на р. Уй, Большекараганский могильник в окрестностях известного укрепленного поселения Аркаим.

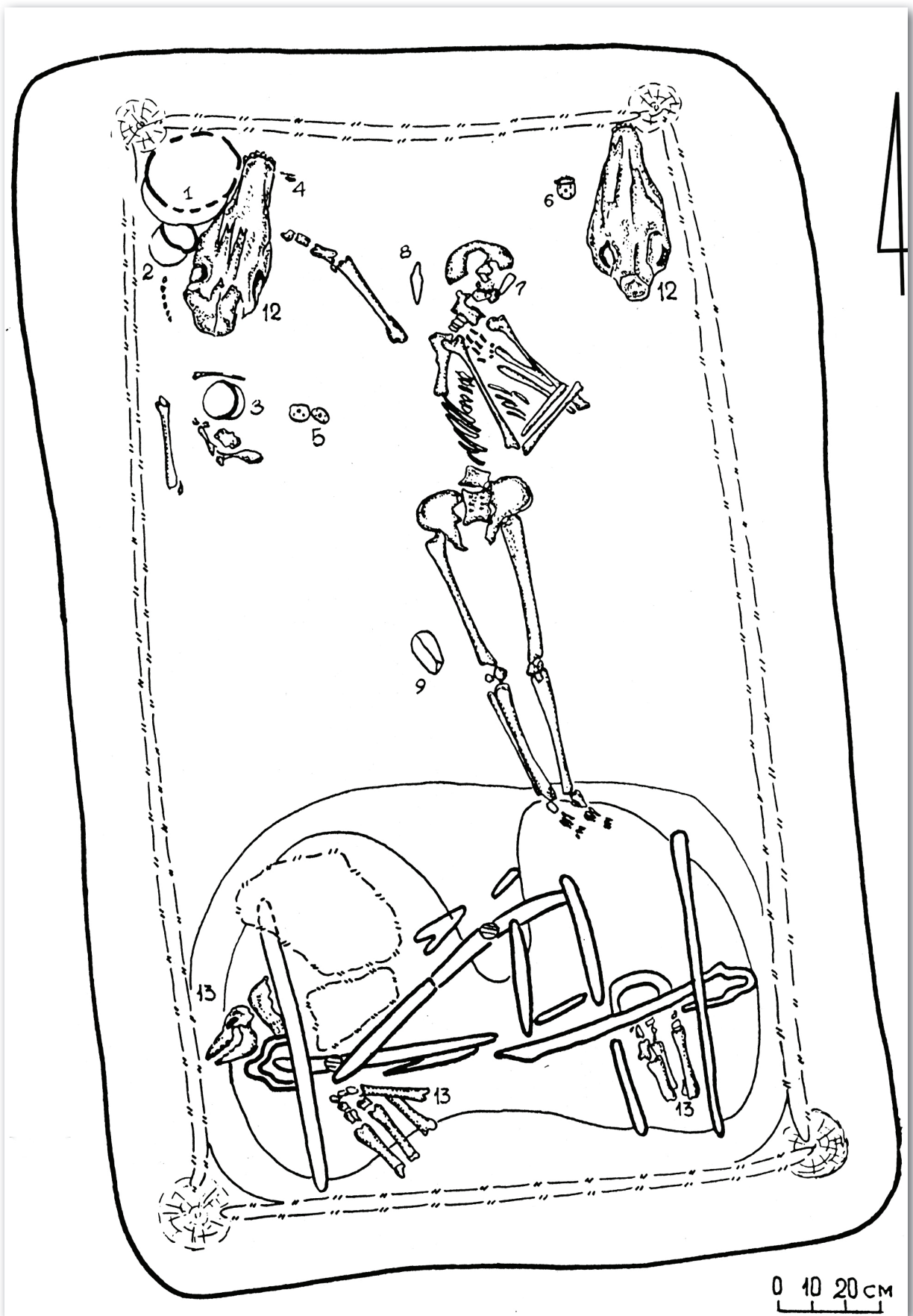

Рис. 228. Могильник Кривое Озеро. Курган 9. Яма 1. Остатки на полу погребальной камеры.
Извлечение из отчета Н. Б. Виноградова

Рис. 229. Могильник Кривое Озеро. Курган 9. Яма 1. Роговой псалий 1.
Раскопки Н. Б. Виноградова. Фото Н. Виноградова

Фонды ГИМЮУ ОФ-7391/146

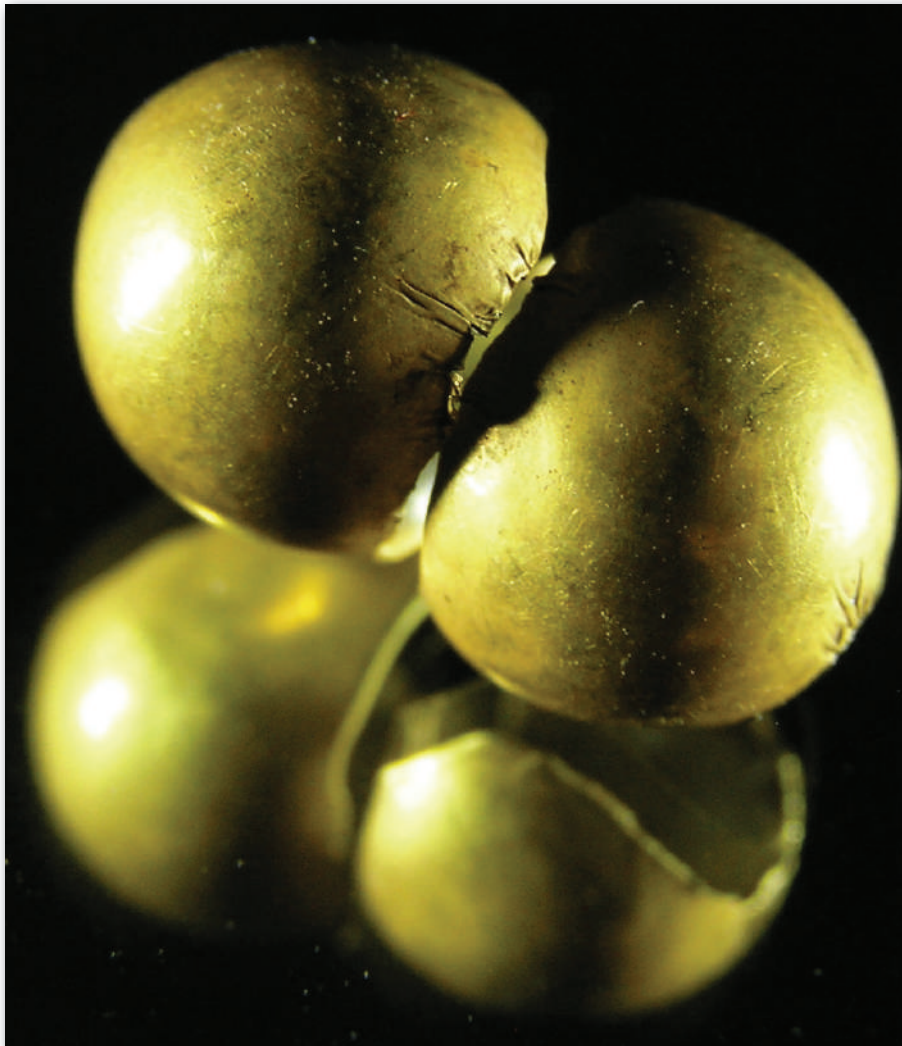

Рис. 230. Могильник Кривое Озеро. Курган 10. Яма 1. Подвеска в 1,5 оборота. 1,6×1,1 см. Бронза, золото. Раскопки Н. Б. Виноградова. Фото Н. Виноградова

Фонды ГИМЮУ
ОФ-7391/203

Рис. 231. Могильник Кривое Озеро. Курган 10. Яма 6. Сосуд 2.
Раскопки Н. Б. Виноградова. Фото Н. Виноградова

Фонды ГИМЮУ НВ-7312/261

Рис. 232. Могильник Кривое Озеро. Курган 10. Яма 5. Сосуд 2.
Раскопки Н. Б. Виноградова. Фото Н. Виноградова

Фонды ГИМЮУ ОФ-7391/212

9.4.5. Укрепленное поселение Аркаим

Тем же летом 1987 г. в засушливых степях на юге Челябинской области двое школьников, работавших в составе археологической экспедиции ЧелГУ, зажгли звезду Аркаима. Если говорить более приземлено, то они случайно наткнулись на развалины, которые археологами были определены как руины еще одного укрепленного поселения, существовавшего около 4000 лет назад, в бронзовом веке. До находки Аркаима, названного так исследователями по расположенной неподалеку горе, укрепленные поселения бронзового века такой степени сохранности, практически без следов разрушений его современными людьми археологам еще не встречались. На аэрофотоснимках еще до раскопок просматривалась четкая концентрическая структура — почти идеальный круг.

Проблема была в том, что найденный памятник находился в зоне затопления практически построенного Караганского водохранилища, должен был быть затоплен и, конечно, по этой причине был бы потерян для науки. Археологи ЧелГУ, опираясь на широкую общественность, сделали невозможное. Правительство страны остановило стройку. Укрепленное поселение было спасено. В период неопределенности исхода борьбы за Аркаим археологи приложили максимум сил для его изучения. Объединенными усилиями было спешно исследовано более 8000 кв. м площади поселения — невиданные масштабы раскопок для памятников бронзового века в наших местах.

В Северном Казахстане на рубеже 1960–1970-х гг. археолог Г. Б. Зданович открыл целую серию укрепленных поселений позднего бронзового века: Петровка II, Новоникольское I, Боголюбово I. Поскольку первым из них было открыто и исследовано поселение Петровка II и расположенный рядом могильник Петровка, подобные памятники стали называть «петровскими». Со временем выяснилось, что люди, оставившие их, жили чуть позднее, чем синташтинцы в Южном Зауралье.

Первооткрыватель петровских памятников Г. Б. Зданович со временем пришел к идее выделения особой петровской археологической культуры. Другие исследователи рассматривают петровские памятники как особый тип, отражение раннего этапа истории алакульских культур в Северном Казахстане и Южном Зауралье.

9.4.6. Загадочные строители укрепленных поселений

К настоящему времени в Южном Зауралье известны 23 подобных Синташте, Аркаиму укрепленных поселения, оставленных одним и тем же населением примерно в одно и то же время. Полосой с севера на юг расположились они вдоль восточных предгорий Южного Урала, по Зауральскому пенеplену: от р. Уй до севера Оренбургской области (рис. 210). Ученые вели раскопки на семи из них.

Кем были и откуда пришли строители загадочных укрепленных поселений? Считается, что они пришли в Южное Зауралье с запада примерно в XXI в. до н. э. Мы никогда не узнаем, как они в действительности себя называли, — нет данных. Но именно они выстроили впервые в истории этих степей огромные поселения, обнесенные стенами и рвами. Если посмотреть на них сверху, то окажется, что стены и рвы окружали округлую, овальную или прямоугольную площадку. В помещениях, расположенных вдоль стен с внутренней стороны, могло жить одновременно по разным подсчетам от 800 до нескольких тысяч человек.

Местные жители присматривались к огромным по меркам того времени и невиданным ранее укрепленным поселениям. Можно только догадываться, какие они испытывали чувства при этом: удивление, страх или почтение? И было от чего! Местные народы, напомним, были охотниками-рыболовами и собирателями, жившими небольшими группами родственников на небольших по площади стоянках в скромных, преимущественно наземных постройках. Синташтинцев, строивших невиданные ранее укрепленные поселения, кормили скотоводство и производство меди и бронзы.

Уже первые раскопки показали, что большинство синташтинских поселений обживалось и перестраивалось по меньшей мере дважды. Часто после прекращения жизни на синташтинских поселениях на их месте строились подобные, но уже петровским (раннеалакульским) населением.

Укрепленные поселения строились по заранее разработанным планам. Вот несколько доказательств. Первое — удивительная для того периода геометрия форм, стандартизация элементов. Размеры помещений в пределах одного поселения, как правило, практически одинаковы. Колодцы, имевшиеся в каждом помещении, находились каждый на строго размеченном месте, и если встать перед одним из них, все колодцы окажутся на одной линии. Это было возможно только при условии, что линия колодцев размечалась до строительства стен.

Использовались разнообразные строительные материалы: дерево, камень, глина, земля и дерновые блоки. Во рвах этих поселений имелись проходы к воротам. Сами оборонительные стены устраивались по-разному. В качестве их каркаса применялись деревянные или глинобитные конструкции (рис. 233). Затем эти каркасы засыпались грунтом.

Вдоль стен изнутри *пристраивались сплошными массивами помещения*. Их разделяли засыпные стены, а соединяли проходы в этих стенах. Помещения были перекрыты общей кровлей. Если укрепления поселения оконтуривали округлую в плане площадку (Синташта, Сарым-Саклы, Аркаим), то помещения строились трапецевидными в плане. Они располагались также по кругу вдоль стены с незастроенной площадкой в центре. Если укрепления ограничивали прямоугольную площадку, то два ряда прямоугольных помещений

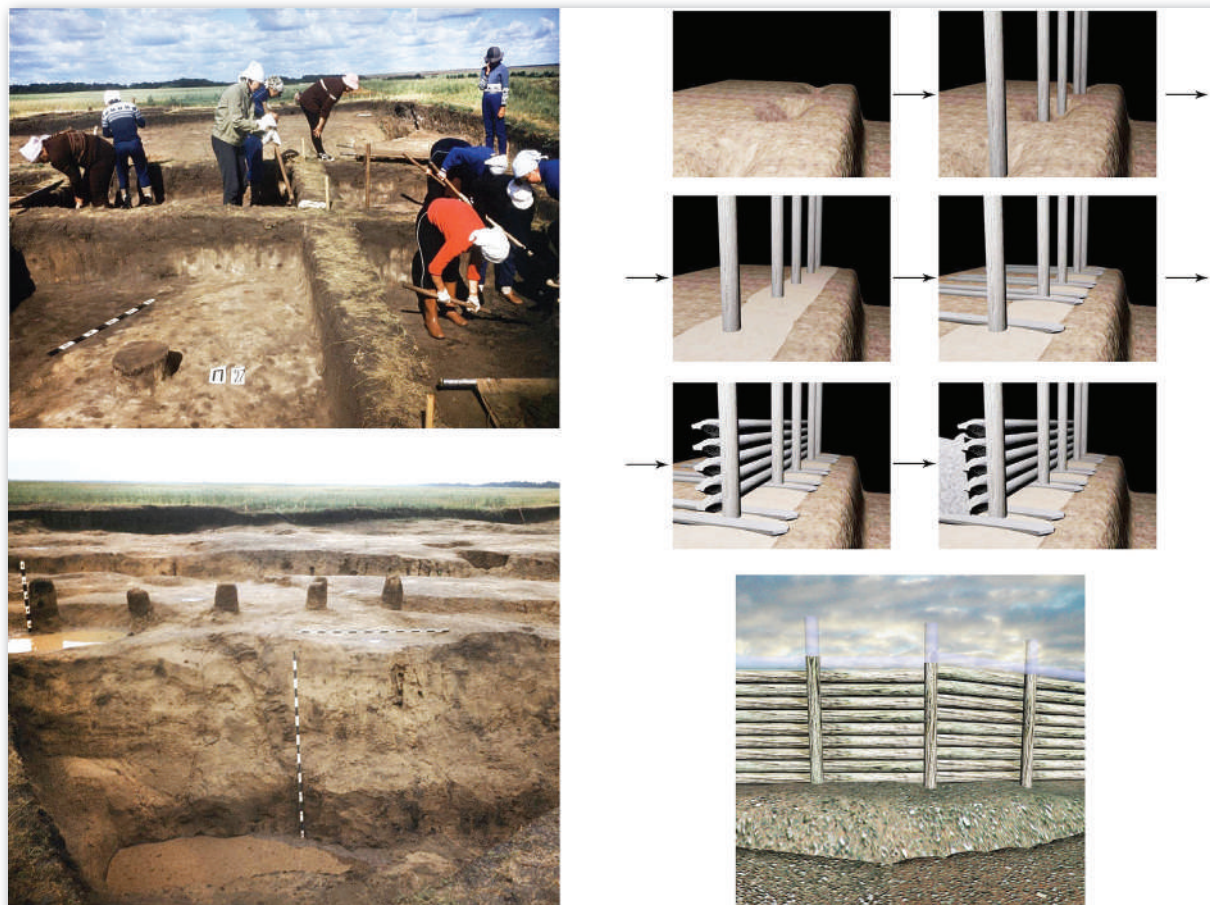

Рис. 233. Укрепленное поселение бронзового века Устье I. Остатки обводной стены синташтинского периода истории памятника и 3D-модель ее конструкции (автор А. Н. Алексеев). Фото Н. Виноградова

пристраивались с внутренней стороны вдоль длинных стен (Устье I). Между ними располагалась центральная улица. Если ряды помещений ориентировались вдоль коротких стен, то улиц было несколько (Степное).

Начиналось строительство массива помещений с разметки согласно плану, с копки неглубоких котлованов (рис. 234). Котлованы рядом расположенных помещений разделяла перемычка — основание под конструкцию длинной засыпной стены, разделявшей помещения. Вдоль перемычки в котлован вкапывались вертикальные столбы (рис. 235). На перемычку между котлованами укладывались горизонтальные бревна. Скатиться в котлованы им не позволяли вертикальные столбы (рис. 236). Обе стороны стены наращивали одновременно, фиксируя положение уложенных друг на друга горизонтальных бревен распорками.

Внутренняя полость стены *постепенно*, с течением жизни на поселении, заполнялась *золотом*, *обломками камней* из очагов (рис. 237). Автор видит в этом не только технологический аспект (складирование продуктов горения), но и отсвет сложной идеологии, где огонь и огненные ритуалы имели важное значение и смысл.

Рис. 234. Укрепленное поселение бронзового века Устье I. 3D-модель внутренней застройки на этапе сооружения котлованов помещений. Автор А. Н. Алексеев

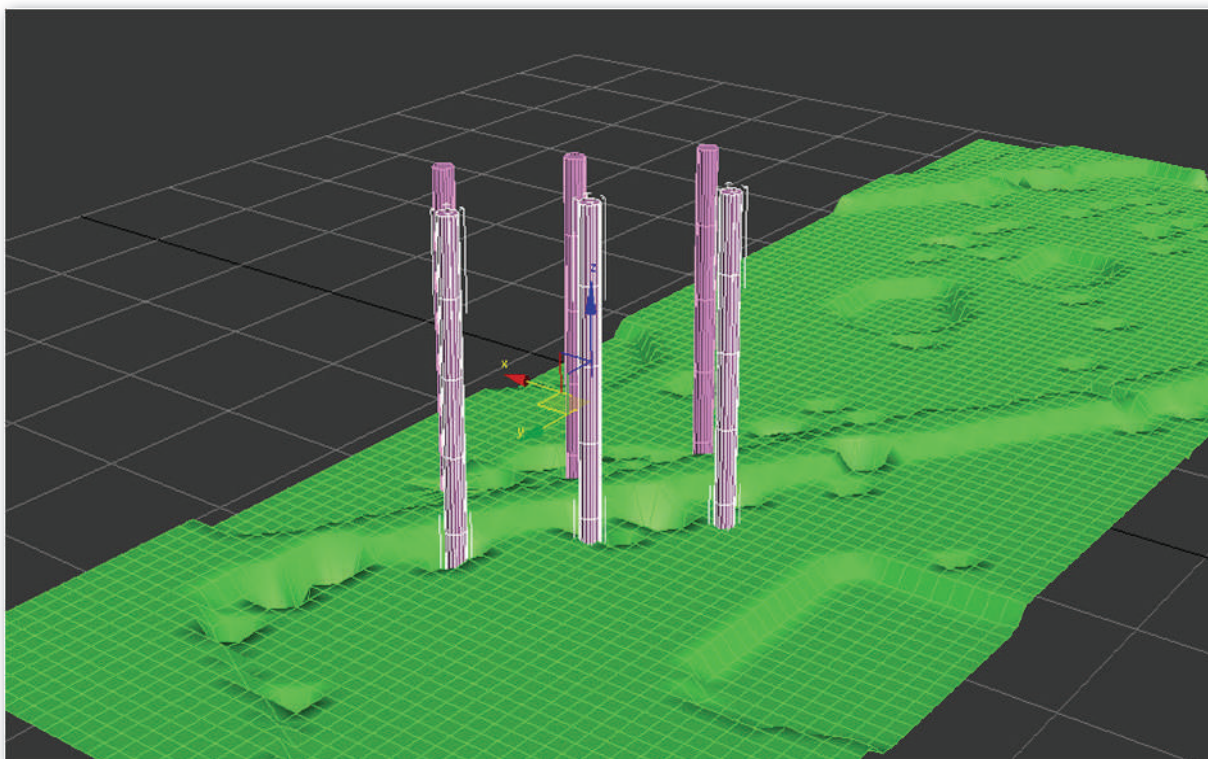

Рис. 235. Укрепленное поселение бронзового века Устье I. 3D-модель последовательности действий при строительстве помещений на этапе возведения вертикальных столбов вдоль краев котлованов. Автор А. Н. Алексеев

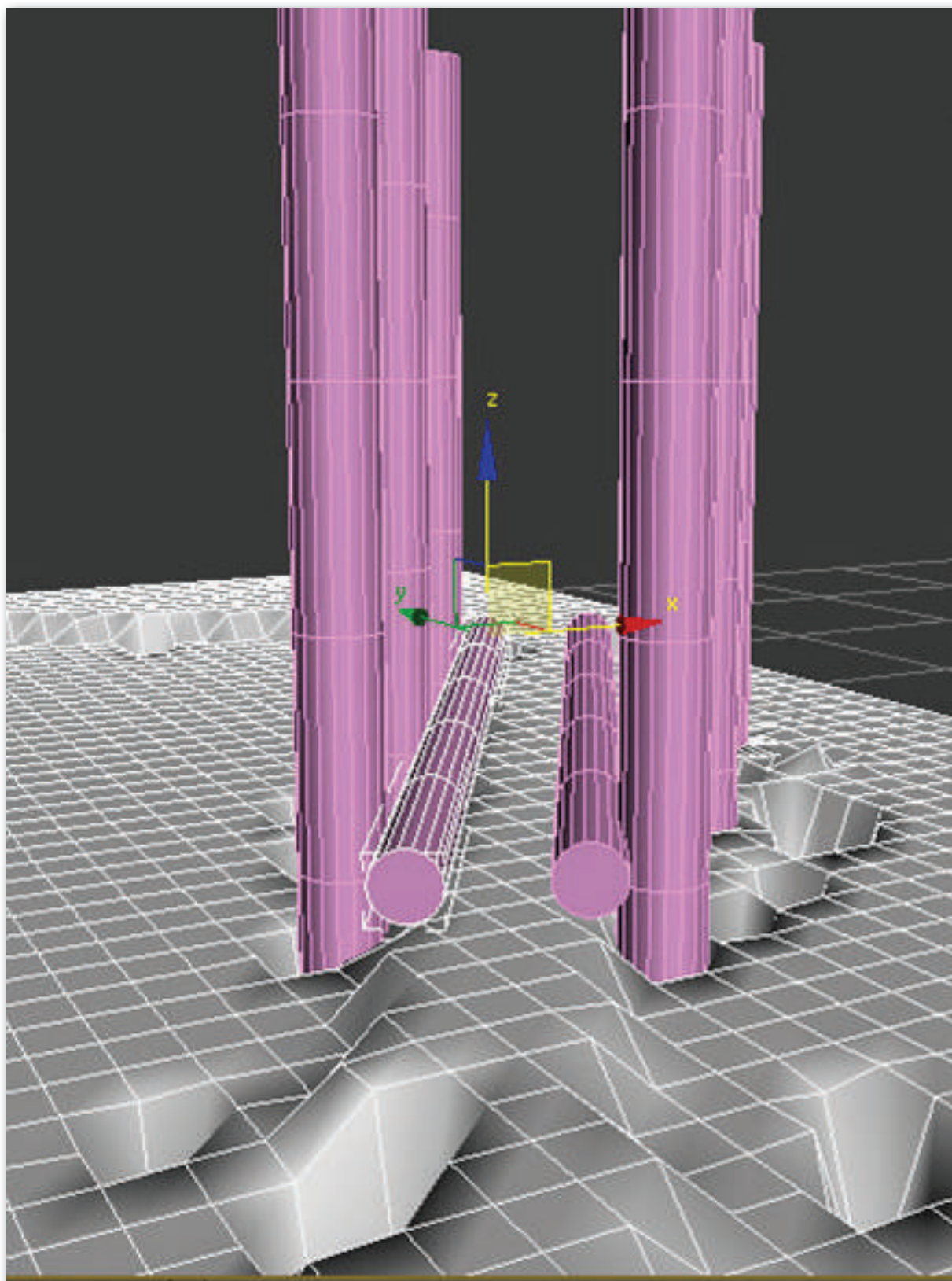

Рис. 236. Укрепленное поселение бронзового века Устье I. 3D-модель последовательности действий при строительстве помещений на этапе оформления каркаса стены между помещениями.
Автор А. Н. Алексеев

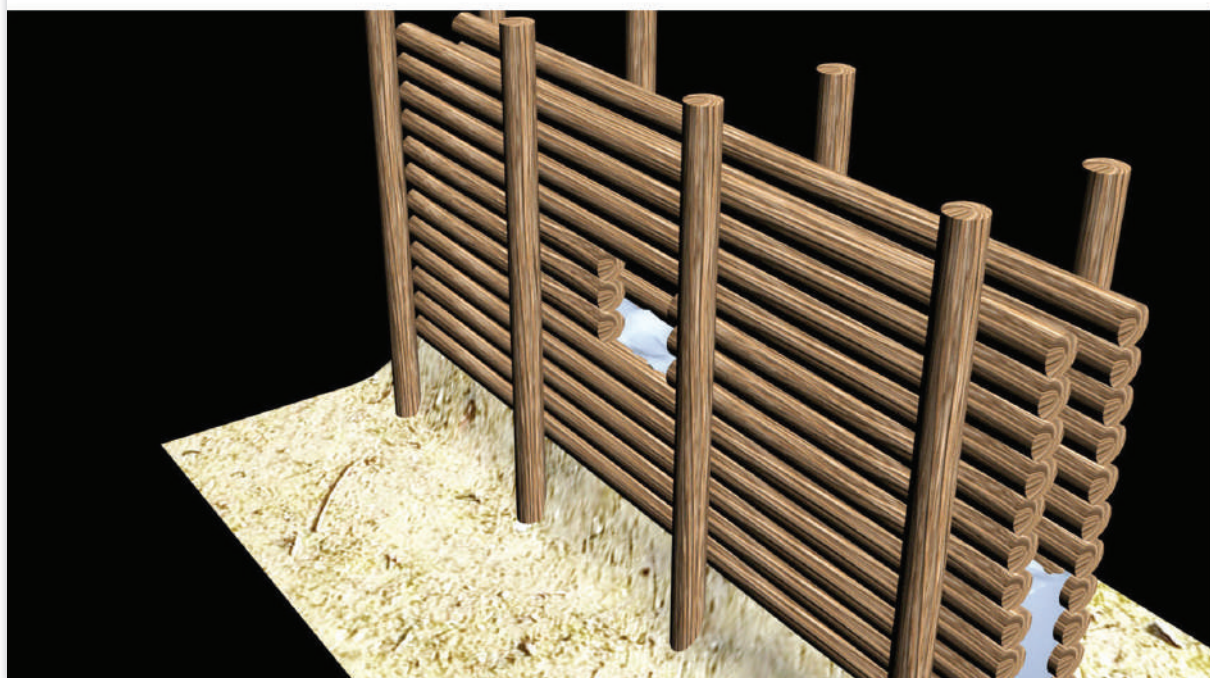

Рис. 237. Укрепленное поселение бронзового века Устье I. 3D-модель последовательности действий при строительстве помещений на этапе формирования законченного облика стены между помещениями. Автор А. Н. Алексеев

Подобные помещения разделялись на жилую и хозяйственную части. Легкие перегородки делили жилую часть на отсеки — места обитания парных семей. В хозяйственной части помещения центром были закрытый колодец и многофункциональная печь. Именно здесь концентрировалась большая часть найденных фрагментов керамики. Из помещений можно было выйти на внутреннюю улицу. Выходы не имели ступенек и выглядели как пологие, сильно утопанные подьемы — пандусы. Полы делались из дерева, стены в жилой части, возможно, штукатурились. Кровля над этими помещениями, скорее всего, была плоская, с наклоном внутрь поселения. Вряд ли можно себе представить помещение без световых окон в кровле.

По разным причинам и в разное время эти укрепленные поселения были оставлены людьми. Аркаим, например, пришел в запустение вскоре после сооружения. На других поселениях, существовавших дольше, остались следы обычной жизни. Люди, обитавшие здесь, занимались пастушеским скотоводством. В их стадах преобладал крупный рогатый скот. На втором месте по численности был мелкий рогатый скот. И менее всего было лошадей. Тысячи костей домашних животных подтверждают это. Обломки керамики, костяные и каменные изделия повествуют о жизни, обычной для степных народов того времени.

Рис. 238. Укрепленное поселение бронзового века Устье I. Жертвенный комплекс — выкладка из частей туш (голов и ног) домашних животных в заполнении колодца синташтинского периода истории поселения (участок Э'/19). Раскопки Н. Б. Виноградова.

Фото Н. Виноградова

До сих пор над развалинами этих укрепленных поселений витает дух волшебства-колдовства. Раскапывая похожее на Аркаим укрепленное поселение Устье на границе Варненского и Карталинского районов Челябинской области, ученые встретили странные скопления костей домашних животных. Представьте себе аккуратно уложенные в глубокой яме под полом помещения по кругу 12 черепов коров, лошадей и овец. Внутреннее пространство круга было заполнено плотно уложенными костями ног тех же животных (рис. 238). Конечно, перед нами жертвенник — остатки ритуальной трапезы обитателей поселения, а кости принадлежали жертвенным животным. По древним верованиям, в подобной трапезе незримо участвовали и боги. Жертвенники многочисленны, встречаются как на поселениях, так и на могильниках и имеют различный вид. Это может быть захороненная перед входом в помещение собака (рис. 239) или погребения детей под полами внутри помещений.

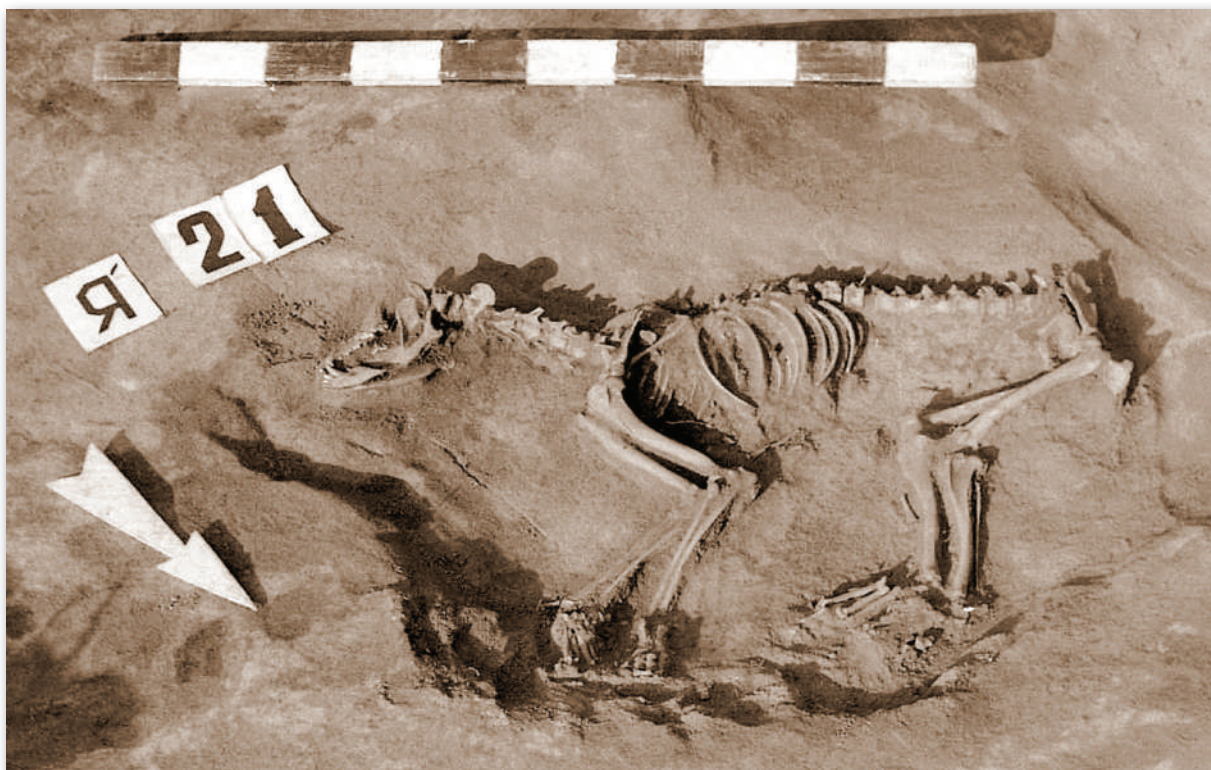

Рис. 239. Укрепленное поселение бронзового века Устье I. Жертвенный комплекс — погребение собаки перед входом в помещение 10 (участок Я'/21).
Раскопки Н. Б. Виноградова. Фото Н. Виноградова

9.4.7. Металлопроизводство в жизни обитателей укрепленных поселений

Одно обстоятельство удивило археологов во время изучения загадочных укрепленных поселений бронзового века в Южном Зауралье более всего: огромное количество предметов, связанных с металлургией и обработкой бронзы. Это были куски медьсодержащих минералов — малахита и азурита, обломки «железной шляпы», перекрывавшей окисленную зону на месторождениях медьсодержащих минералов, металлургические шлаки (рис. 240), слитки черновой меди (рис. 241), заготовки и разнообразные готовые орудия (рис. 242), обломки рудотерок, каменные песты и молотки разных размеров, керамические изложницы (неглубокие тарелки, в которые разливался расплавленный металл) и другие предметы.

Во всех помещениях рядом с колодцами исследователи находили округлые выкладки из прокаленных камней, от которых к колодцам шла канавка. Оказалось, что выкладки — это основания небольших глинобитных сводчатых печей (рис. 243). Их свод имел вид полусферы. В подобных печах не только готовили пищу, но и плавил металл. В последнем случае печь загружалась древесным углем вперемешку с готовым к расплаву ломом металла. Следы меди обнаружены в золе этих печей. Для достижения необходимой температуры в печь вдували воздух при помощи специального меха, соединенного с печью глиняной или деревянной трубкой — соплом (рис. 244). Археологи и историки, изучающие металлургию, предполагают, что воздух мог поступать в печь и из колодца — благодаря разнице температур у поверхности воды в колодце и наверху.

Итак, в каждом помещении печь рядом с колодцем выполняла функции и металлургического горна. Древние мастера умели ковать бронзовые предметы, отливать их в каменных или керамических формах, сваривать.

В связанных с укрепленными поселениями могильниках (например, в могильнике Синташтинский II около укрепленного поселения Синташта I, под одним из курганов могильника Солнце II в окрестностях укрепленного поселения Устье I или в могильнике Кривое Озеро около развалин укрепленного поселения Черноречье III) изредка встречаются погребения мастеров-металлургов. По данным ученых, в каждом пятом синташтинском погребении встречаются инструменты, относящиеся к металлопроизводству, обломки медной руды или металлургический шлак.

В окрестностях некоторых укрепленных поселений найдены и древние рудники. Геологи сравнивали добытую из них руду с образцами из развалин укрепленных поселений. По составу они оказались очень близки. И совершенно не случайно синташтинские укрепленные поселения расположены в непосредственной близости не только от источников медной руды, но и от лесов. Не забудем, что вся древняя металлургия здесь «работала» на древесном угле.

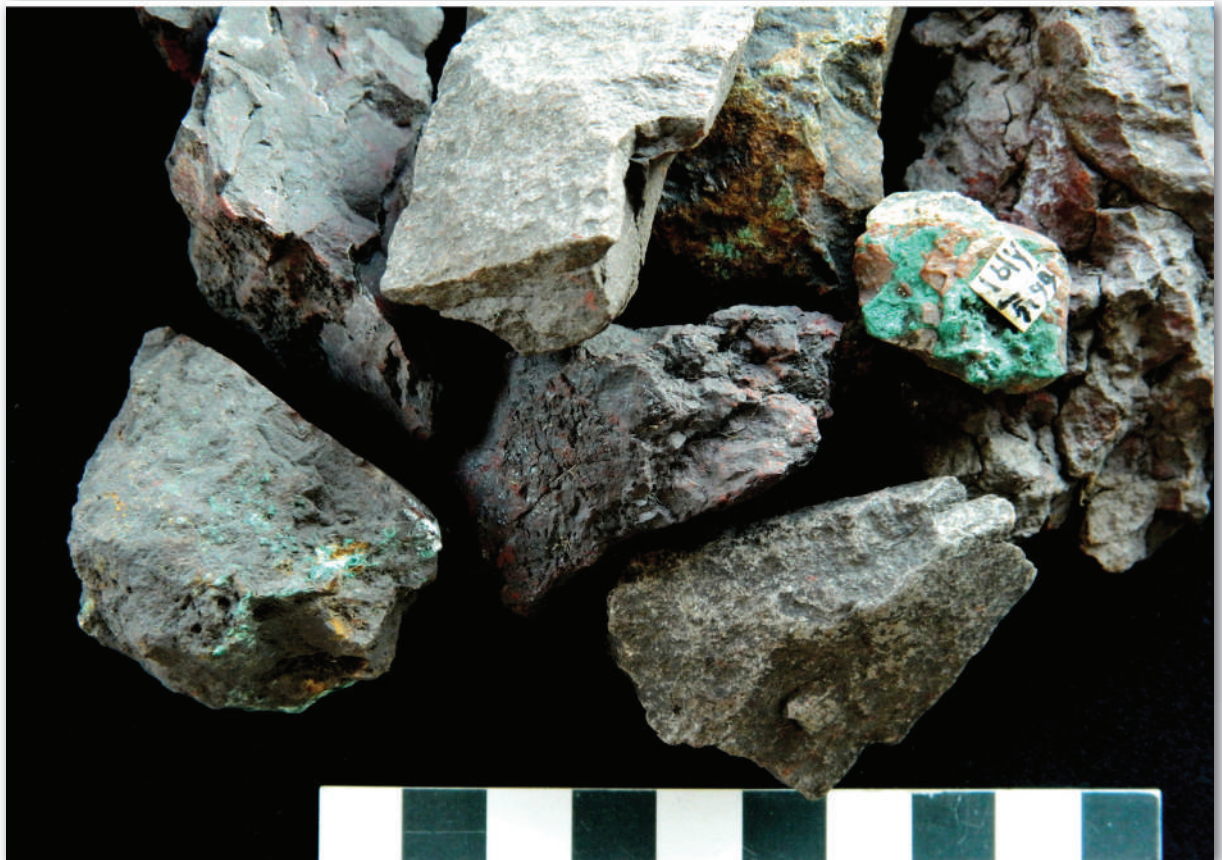

Рис. 240. Укрепленное поселение бронзового века Устье I. Вверху — обломки рудовмещающей породы (бурого железняка) со следами «медной помазки»; внизу — куски металлургического шлака. Раскопки Н. Б. Виноградова. Фото Н. Виноградова

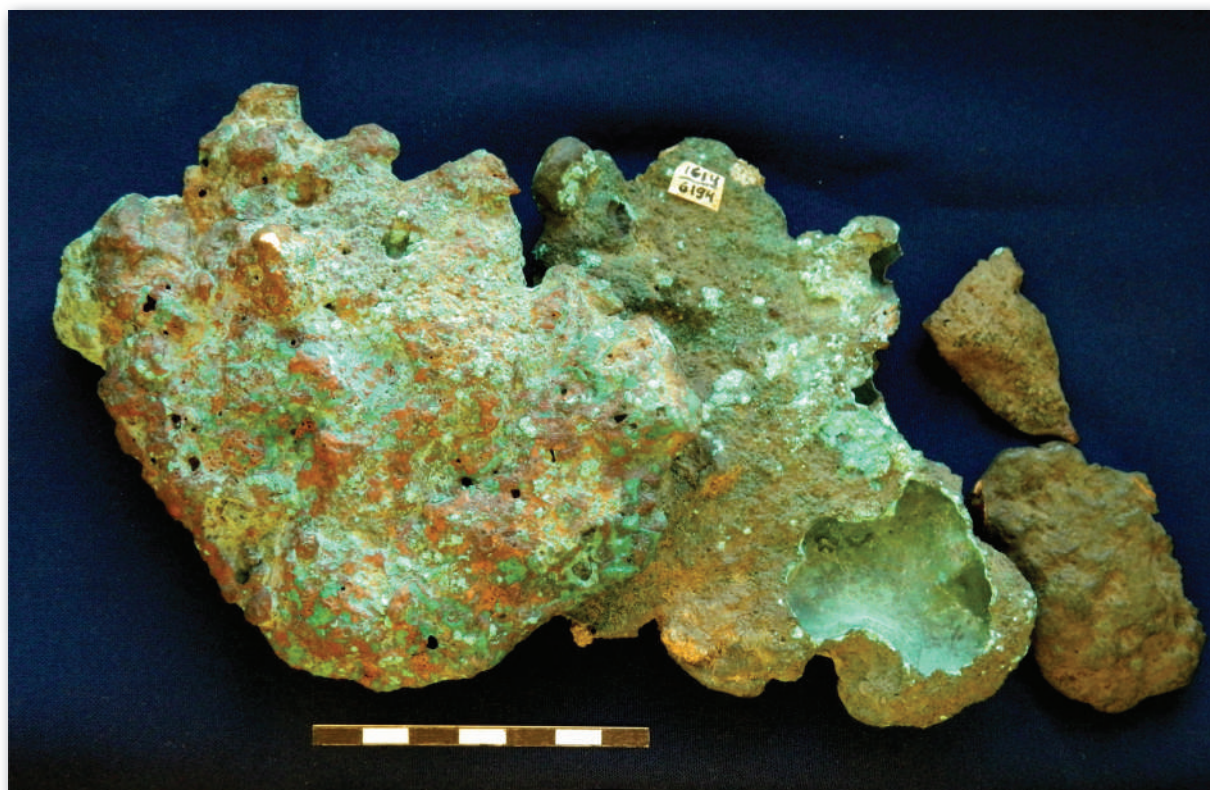
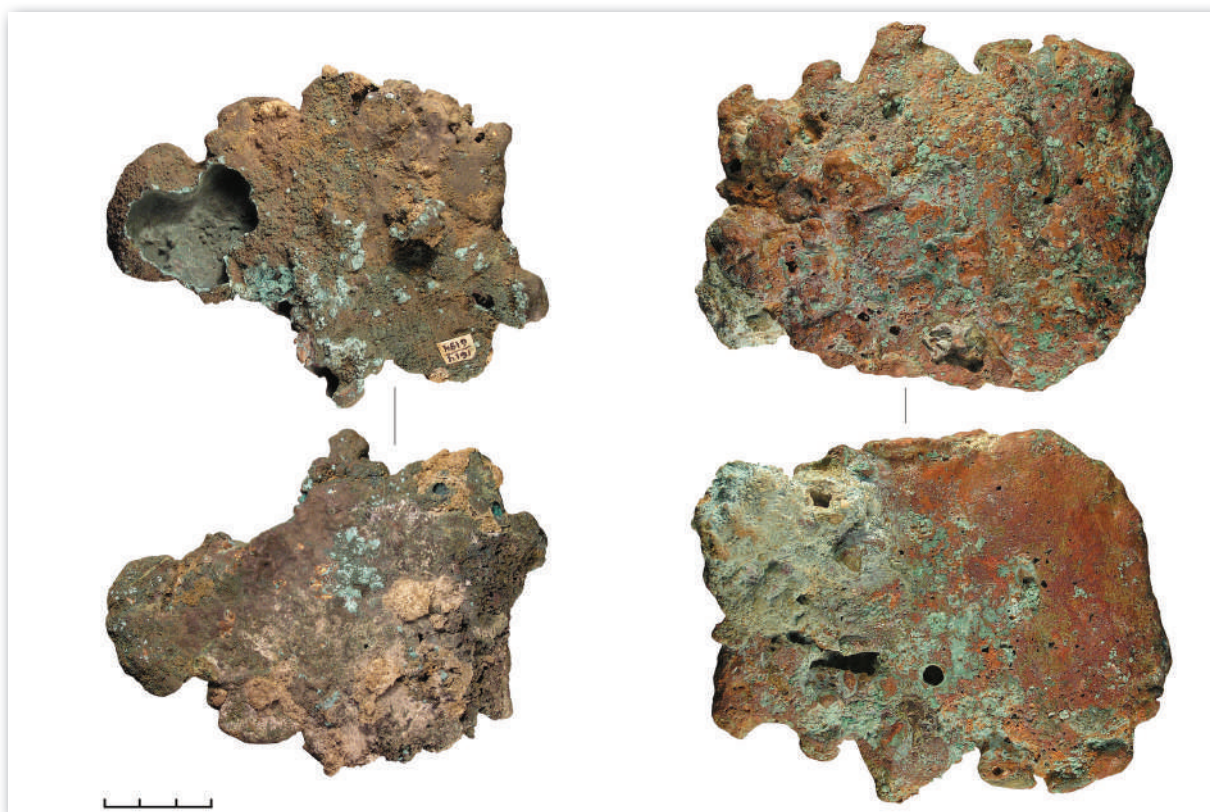

Рис. 241. Укрепленное поселение бронзового века Устье I. Слитки черновой меди из культурного слоя поселения. Раскопки Н. Б. Виноградова. Фото Н. Виноградова

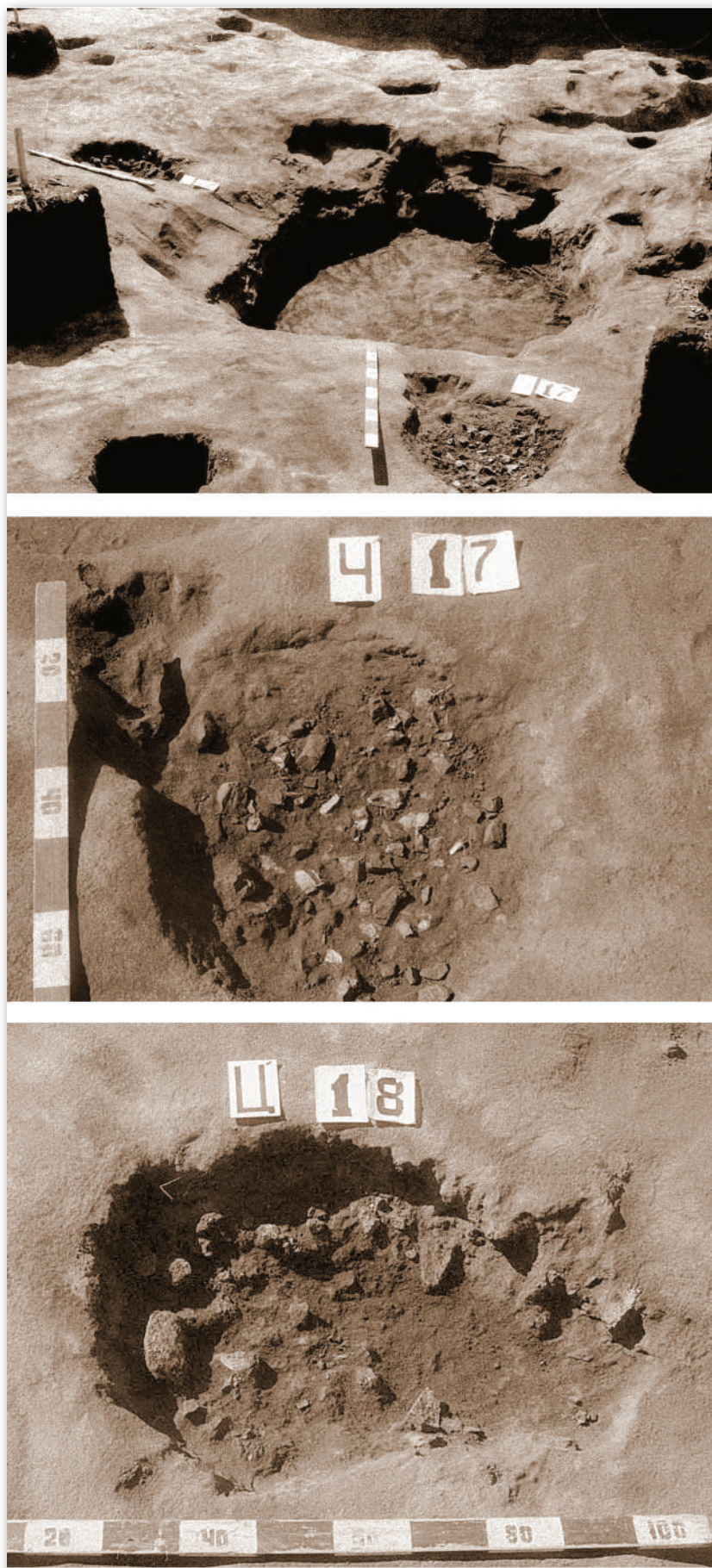

Рис. 243. Укрепленное поселение бронзового века Устье I. Помещение 10. Колодец (Ц'/17–18) и каменные выкладки — основания трех купольных печей (участки Ч'/17 и Ц'/18). Раскопки Н. Б. Виноградова. Фото Н. Виноградова

Рис. 244. Керамические сопла из раскопок укрепленного поселения бронзового века Синташта I и Синташтинского могильника. Раскопки В. Ф. Генинга. Фото Н. Виноградова
Археологический музей УрГУ (Екатеринбург)

Металлургия и металлопроизводство и в наши дни, и в древности были невозможны без системы абсолютных величин — мер и весов, без знания пропорций. Именно в металлопроизводстве автор видит истоки удивительной для бронзового века геометрии в планиграфии, стандартизации элементов застройки синташтинских, а позднее и петровских укрепленных поселений.

Так что уже около 4000 лет назад в степях Южного Зауралья жили общины-кланы людей, одним из основных занятий которых, помимо пастушеского скотоводства, были металлургия и обработка меди и бронзы.

9.4.8. Клань металлургов-кузнецов

Помнится, мы уже упоминали, что любой древний народ имел свое «лицо» (определенным образом обустроивал жилье и могилы, использовал одинаковые по форме и орнаменту глиняные сосуды и т. д.). Синташтинцы — обитатели укрепленных поселений, будто решили посмеяться над археологами! В орнаментах их глиняной посуды явно переплелись черты гончарного искусства нескольких народов (археологических культур; рис. 245). Некоторые ученые объясняют это тем, что описанные поселения были оставлены переселявшимися в то время с запада на восток народами с различной керамикой.

Но есть и другое предположение. Дело в том, что древние металлурги и кузнецы передавали тайны своего ремесла по наследству, из поколения в поколение. Этнографы, изучавшие, как живут и работают кузнецы у народов, чей образ жизни еще недавно был близок к древнему, установили, что даже жен кузнецы предпочитали брать только из семей кузнецов, даже если это был клан кузнецов соседнего народа, только чтобы тайны ремесла не стали известны непосвященным.

Перейдя жить в семейный клан мужа, жена продолжала изготавливать глиняную посуду, как это было принято у женщин ее народа. Может быть, этим и объясняется разнообразие орнаментов на посуде из загадочных поселений? Возможно, основное сезонное население укрепленных поселений

Рис. 245. Керамика из Синташтинского «грунтового» могильника.
Раскопки В. Ф. Генинга. 1974 г. Фото Н. Виноградова

и составляли члены различных кланов горняков-металлургов-кузнецов, собиравшихся здесь в теплое время года для занятий горным делом и переработки руды в металл? Может быть, здесь надо искать причину изумляющей археологов малой «населенности» синташтинских могильников в сравнении с монументальными, прямо-таки гигантскими по трудозатратам укрепленными поселениями, к которым они относились?

Знаете ли вы, чем отличается ремесло от волшебства? Волшебство предполагает власть колдуна над кем-то или чем-то, общение с духами, богами. Именно волшебством и были в глазах современников древняя металлургия и обработка металлов. В самом деле, как можно спокойно относиться к превращению зеленого камня в расплавленное «солнце», а затем — в золотистую бронзу?! Конечно, это сплошное волшебство, колдовство. Так и воспринимали кузнецов-литейщиков народы, которые еще сравнительно недавно жили жизнью, похожей на жизнь древних людей.

Древние металлурги считали металл «ребенком», родившимся от брака металлургической печи с воздухом, который нагнетался в нее при помощи мехов. Волшебными и, конечно, живыми, равноправными с мастером участниками колдовства считались и инструменты, особенно литейные формы и сопла (глиняные или деревянные трубки, соединявшие меха с печью). В магии плодородия надо искать и причины такой странной формы некоторых типов орудий, применявшихся для обогащения руды: например, пестов для дробления и растирания медьсодержащих минералов. Раскапывая укрепленные поселения начала бронзового века в Южном Зауралье, археологи не перестают удивляться тому, что среди многочисленных предметов, свидетельствующих о работе с рудой и металлом, почти нет литейных форм и сопел.

По раскопкам в других местах известно, что вышедшие из строя сломанные литейные формы и другие принадлежности металлургии древние мастера хоронили, как людей. Подобный «клад» обломков литейных форм заключительного этапа бронзового века был найден на берегу Первого озера в черте современного Челябинска.

Ученые считают, что уже в эту эпоху мастера могли создавать различные виды бронз: один состав для изготовления оружия, другой — для украшений. Знания приобретались в ходе многочисленных опытов, превращаясь в обряд, в колдовство. Конечно, оборонительные укрепления использовались прежде всего для защиты поселений от врагов. Но вот незадача — ни на одном из семи раскопанных синташтинских укрепленных поселений нет следов военных катастроф, штурма. Как эти следы выглядят, южноуральские археологи хорошо знают по раскопкам Мало-Кизильского селища у г. Магнитогорска, алакульского поселения Коркино I у станции железной дороги Сары у Еманжелинска. Автор возьмет на себя ответственность утверждать, что оборонительные укрепления синташтинских поселений в отсутствие

реальных врагов выполняли и роль *своеобразной магической черты, границы, которая отделяла мир колдунов-металлургов от обычных людей*, смотревших на них со страхом и поклонением. Что до трудозатрат, то в иррациональной сфере масштаб усилий по возведению монументальных оборонительных систем укрепленных поселений не вызывал недоумения.

Синташтинцы не только изготавливали бронзовые предметы, но и были участниками караванов (с металлическими изделиями?) к соседним и весьма далеким народам. Откуда мы узнаем об этом? Дело в том, что они (вынужденно?) оставляли могилы своих сородичей далеко от родных мест, на чужих кладбищах от Западной Сибири до Поволжья. Но в отличие от собственно синташтинской территории вдоль Зауральского пенеplена вне ее пока не встречено ни одного синташтинского укрепленного поселения. Только отдельные синташтинские курганы на чужих кладбищах или даже отдельные могилы. Почему они должны считаться могилами южноуральцев? Каждый народ хоронил своих умерших сородичей по-своему, и археологи, увидев почти полное их сходство с южноуральскими, поняли, что эти люди туда пришли с Южного Урала.

Около 3800 лет назад строительство укрепленных поселений металлургов-кузнецов в Южном Зауралье прекратилось, и в бронзовом веке более не возобновлялось. По каким-то причинам необходимость в них отпала. Нет, огненное ремесло не исчезло. Просто оно стало другим, по-другому организованным. Вряд ли ученые придут к одному мнению, обсуждая причины прекращения строительства этих поселений. Но поразмышлять над этим стоит.

По поводу назначения укрепленных поселений бронзового века на Южном Урале существуют и другие точки зрения. Не удивляйтесь, встретив их. Постарайтесь сопоставить разные мнения и принять чью-либо точку зрения. И последнее об укрепленных поселениях.

В районах южнее и восточнее Южного Зауралья — в Северном Казахстане и Среднем Притоболье — традиция сооружения укрепленных поселений продолжалась еще несколько веков. Но причины их строительства были уже совершенно иными.

Археологи видят синташтинское общество по-разному. Одни полагают, что оно было скотоводческим, с сильной степенью милитаризации, руководилось военной (колесничной?) элитой. Другие считают, что общество синташтинцев было обществом равных, что не исключало власти вождей, хотя и по этому вопросу среди ученых нет единства мнений. Наконец, есть мнение, что причины равенства и непомерного богатства всех членов синташтинского общества нужно опять-таки искать в металлопроизводстве, в его магическом оформлении. Как отмечают этнографы, жизнь металлопроизводящих общин (кланов) и в позднейшее время была закрыта для посторонних, для внешнего мира.

Синташтинцы не только создали уникальное общество колдунов — металлургов и кузнецов. Они одними из первых народов в степях Евразии стали пользоваться двухколесными боевыми колесницами, снабженными легкими колесами со спицами и запряженными двумя конями. Одни археологи считают, что подобной колесницей мог управлять один воин-возничий. Чтобы эффективно управлять лошадьми колесницы, ему было необходимо обмотать поводья вокруг пояса, освободив таким образом руки для оружия (копья, лука). Другие ученые полагают, что в кузове колесницы находились два человека. Один из них управлял конями, второй выполнял функции воина.

В ходу также была и оригинальная узда для упряжных коней. Ее центральной частью являлись роговые пластины (диски или сегменты) — нащечники с одним или несколькими отверстиями и шипами с одной стороны. Шипы прилегли к губам лошади. Нащечники, соединенные с ремнями узды и поводьями, позволяли одновременно управлять несколькими лошадьми.

В существовании боевых колесниц в синташтинских общинах-кланах в Южном Зауралье нет сомнений. Но виды колесных повозок и назначение аксессуаров узды упряжного коня у носителей степных культур бронзового века Южного Зауралья — предмет будущих жарких обсуждений в научной среде. Одни ученые полагают, что оттиски колес со спицами из синташтинских и петровских гробниц принадлежали исключительно боевым колесницам, равно как и роговые псалии, роговые распределители ремней узды упряжных коней. Эта историческая реконструкция, как и заманчивое, многообещающее представление о существовании в синташтинской и петровской (раннеалакульской) среде страты управленцев — воинов-колесничих, прочно овладели умами практически всего научного сообщества.

Но есть и иная точка зрения. Согласно ей, легкие колеса со спицами были частью не только боевых колесниц, *но и бытовых повозок самого разного вида и назначения. Как и роговые детали узды упряжных коней. Наблюдения за степенью износа и следами ремонтов некоторых из них убеждают также в их явно небоевом применении. Прийти к единой точке зрения поможет лишь большой объем специальных исследований, в частности экспериментальных работ.*

Под влиянием мощного синташтинского культурогенетического импульса, посланного в среду аборигенных культур, за достаточно короткий период времени сформировался «мир» алакульских культур Южного Зауралья, Северного и Центрального Казахстана.

Синташтинские кланы передали формирующемуся петровскому (раннеалакульскому) населению не только свое видение металлургии и металлообработки меди и бронзы, но и экономическую модель системы жизнеобеспечения, основанную на скотоводстве, архитектурный стиль, технологию

гончарства, концепцию формирования некрополей, заложив, таким образом, основу для формирования системы алакульских культурных стереотипов.

Автор не видит пока других веских побудительных мотивов для формирования в этот период устойчивой системы алакульских культурных стереотипов в степях Южного Зауралья и Казахстана. Вместе с тем необходимо учитывать и локальные миграционные возвратно-поступательные перемещения групп родственного скотоводческого населения, которые увеличивали частоту разнообразных межобщинных связей, способствуя формированию того же культурного единства.

Авторская позиция в понимании памятников синташтинского типа опирается на следующие реперы:

1. Укрепленные поселения синташтинского типа маркируют территорию некоей специфической (металлопроизводящей) группы населения рубежа среднего и позднего бронзового века Южного Урала, жизнь которой была регламентирована и табуирована сводом правил, предписывавших сооружение мощных, но не обязательно использовавшихся по прямому назначению оборонительных сооружений.

2. Синташтинские укрепленные поселения, судя по ряду наблюдений, существовали не строго в одно и то же время, никогда не были заселены полностью и функционировали в каком-то особом режиме. Скорее всего, это был режим сезонного посещения с постоянным проживанием в них лишь относительно небольшой группы населения. Погребальные поля именно этих нескольких больших семей мы и находим рядом с поселениями.

3. Мотивация появления укрепленных поселений синташтинского типа именно в области Зауральского пенеplена, как представляется, может быть понята лишь через металлопроизводство, причем до тех пор, пока: а) не заработали на всю мощь Каргалинские рудники, снабжая формирующееся срубное население металлом; б) не были открыты мощные казахстанские медные месторождения, то есть пока обращение к местным, достаточно небольшим месторождениям было актуальным. Это относительно небольшой хронологический интервал на рубеже III–II тыс. до н. э., отпущенный историей на энергичное усвоение местными группами населения синташтинских культурных стереотипов. Причем все известные сейчас синташтинские укрепленные поселения были локализованы в своеобразной «пограничной» полосе, северо-восточнее, восточнее и юго-восточнее которой уже в синташтинское время резко активизировались культурогенетические процессы, основным «действующим лицом» которых были именно потомки населения местных постэнеолитических или пережиточно-энеолитических культур. Надо полагать, в самих синташтинских укрепленных поселениях возможно увидеть

и места, где или рядом с которыми периодически и происходил процесс трансляции культурных стереотипов. Основным итогом этого процесса было быстрое формирование алакульских культур Южного Урала и Казахстана, точнее, петровского (раннеалакульского) культурного комплекса.

9.5. Абашевская культура бронзового века на Южном Урале

В то время, когда синташтинцы осваивали богатый месторождениями медьсодержащих минералов Зауральский пенеплен, на южной кромке широколиственных лесов и в лесостепях современной Башкирии уже жили пришедшие из Поволжья общины *абашевской* культуры. До сих пор ученые не могут определенно сказать, откуда они пришли в Поволжье и с какой целью. Археолог В. С. Горбунов считает, что абашевцы родом из Центральной Европы, а пришли они на Южный Урал все за тем же металлом, что и синташтинцы. Через Среднее Поволжье они прошли так быстро, что не оставили даже поселений — только курганные могильники, под которыми в могилах умершие сородичи захоранивались в необычной позе — на спине, с поднятыми в коленях ногами.

Абашевское время на Южном Урале длилось очень недолго. Основная территория расселения абашевцев находилась в более западных районах Башкирии. В Южном Зауралье достоверно известно лишь одно поселение — сгоревшее в пламени пожара и военного конфликта Мало-Кизильское селище, расположенное недалеко от современного Магнитогорска. Керамика из культурного слоя этого поселения в большинстве определена как абашевская.

Здесь же еще в 1920-е гг. случайно был найден так называемый Верхне-Кизильский клад — собрание самых разнообразных металлических вещей. Скорее всего, клад был своеобразной сокровищницей общины, обосновавшейся на этом поселении. Собрание металлических предметов копилось в течение длительного времени и было спрятано в сложные дни истории поселения.

На Южном Урале абашевцы устроились основательно. Здесь, в отличие от Среднего Поволжья, хорошо известны их поселения с обильными следами как скотоводства, так и металлургии бронзы (Баланбаш, Береговские поселения, поселение Тюбяк и др.) и могильники (например, Старо-Ябалаклинский), где помимо самих погребенных найдена необычная для здешних мест богато и своеобразно орнаментированная керамика.

Абашевцы не просто соседствовали с синташтинцами, но и активно с ними взаимодействовали, прежде всего в металлопроизводстве. Доказательством этому предположению могут служить синташтинские проявления в керамике абашевских памятников Южного Урала. Это могильник Старые Ябалаклы, поселение Юмаковское III, могильник Тартышевский IV, поселение Береговское I, курган Нурдавлетовский II и др. Итогом абашевско-син-

таштинского взаимодействия стала энергичная интеграция южноуральских абашевских групп в состав синташтинских общин.

Небольшая группа абашевских металлургов-кузнецов была оттеснена в горно-таежные районы Южного Урала. Археологи узнали об этом во время исследования городища раннего железного века Серный Ключ у г. Нязепетровска. Здесь под руинами городища неожиданно обнаружили остатки металлургического горна, характерная абашевская керамика, принадлежности металлурга и готовые металлические предметы, отложившиеся здесь тысячу лет ранее.

Что касается исторических судеб абашевцев Южного Урала, то общепринятая точка зрения в науке такова: абашевские общины — предки и предшественники срубного населения лесостепей Башкирии позднего бронзового века.

Существует также авторская гипотеза о том, что абашевские металлопроизводящие общины-кланы на территории современной Башкирии, возможно, были частью синташтинского транскультурного феномена, объединявшего кланы горняков, металлургов, кузнецов и литейщиков нескольких соседних археологических культур того времени, в частности абашевской Южного Урала, некоей формирующейся «протосрубной» Южного Урала, и носителей местных культур Северного Казахстана.

Функционирование синташтинских укрепленных поселений вполне может быть связано с этим транскультурным феноменом как формой организации горного дела и металлопроизводства на рубеже среднего и позднего бронзового века, уникальным примером территориальной реализации концепции металлургических провинций.

9.6. Алакульская культура бронзового века в Южном Зауралье

Синташтинцы очень серьезно повлияли на процесс формирования нескольких групп археологических культур бронзового века степей Южного Зауралья и Казахстана, в частности сразу нескольких алакульских культур, объединяемых исследователями в *алакульскую культурно-историческую общность*. Алакульские памятники связаны с лесостепью в Южном Зауралье и Среднем Притоболье, а также со степями от Южного Зауралья вплоть до Центрального Казахстана. Каждая из алакульских культур прошла за свою историю несколько этапов.

На раннем (петровском) этапе истории население алакульских культур Южного Зауралья, Среднего Притоболья и Северного Казахстана продолжило традицию строительства укрепленных поселений. Некоторые петровские укрепленные поселения воздвигались на площадках, занятых ранее синташтинскими. Выбор строителей, помимо факторов близости к рудным источникам и лесным массивам, явно был продиктован соображением некоей

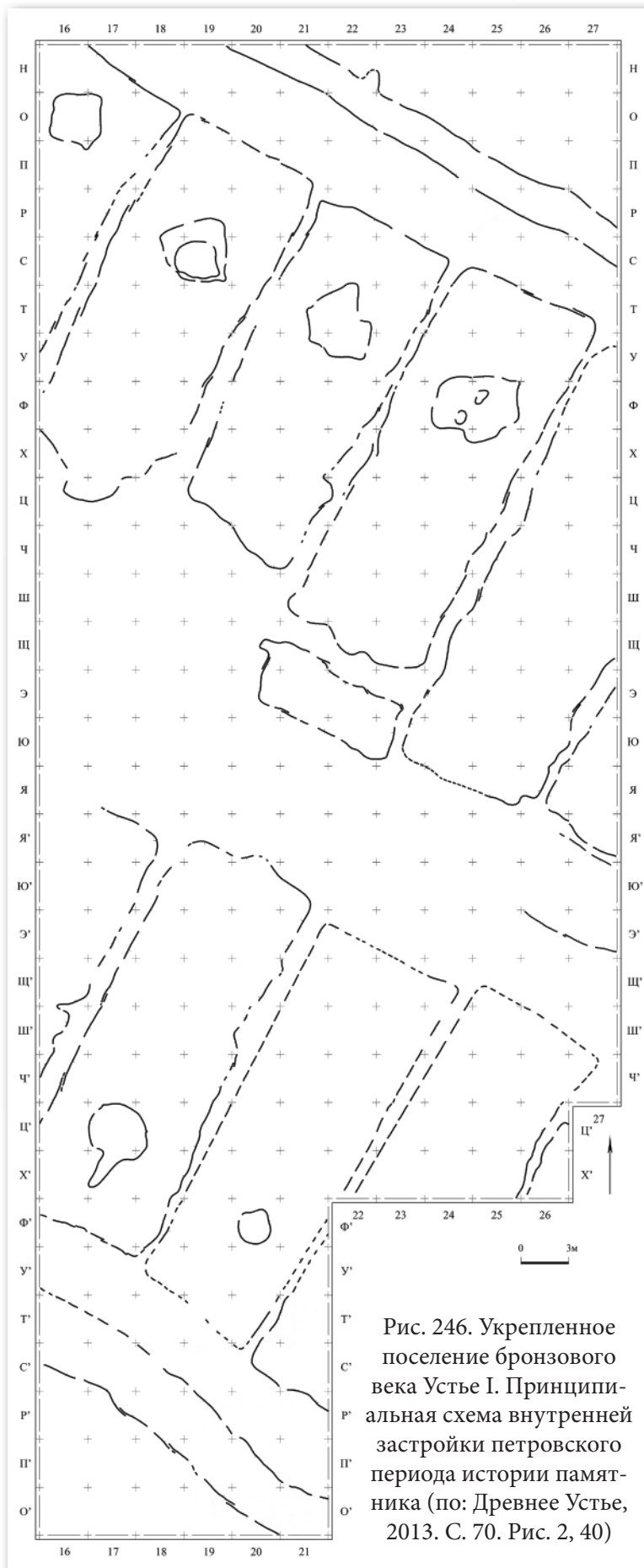

Рис. 246. Укрепленное поселение бронзового века Устье I. Принципиальная схема внутренней застройки петровского периода истории памятника (по: Древнее Устье, 2013. С. 70. Рис. 2, 40)

престижности строительства и возобновления металлопроизводства именно на синташтинских руинах.

В Южном Зауралье масштабно изучено укрепленное поселение Устье I. Верхняя часть его культурного слоя содержит руины укрепленного поселения алакульской культуры (раннего — петровского этапа его истории). В это время на внутренней прямоугольной в плане площадке, ограниченной стенами и рвами, вдоль внутреннего края длинных сторон обводной стены были сооружены два массива помещений под единой кровлей (рис. 246–247). Помещения разделяли засыпные стены. Внутреннее пространство каждого помещения было разделено на жилую и хозяйственную части. Центром хозяйственной части был колодец и расположенная рядом печь. Легкие вспомогательные навесы, пристроенные к помещениям, были обращены к своеобразной улице между массивами помещений. В оборонительных укреплениях было не менее двух разрывов — проездов для колесного транспорта и проходов для людей. Ис-

Рис. 247. Укрепленное поселение бронзового века Устье I. Панорама раскопа петровского этапа истории памятника. Раскопки Н. Б. Виноградова. Фото Н. Виноградова

следование Устья показало, что алакульское население Южного Зауралья переняло и творчески переработало синташтинское культурное наследие.

Десятки неукрепленных алакульских поселений (селищ) и курганных могильников известны ученым в степях и лесостепях Южного Зауралья. И сейчас по берегам степных рек, например Караталы-Аят в Варненском районе, в окрестностях с. Кулевчи, Катенино, у современных сел Карталинского района (Вишневка, Красный Яр), по р. Черной в Чесменском районе и в других степных районах Южного Зауралья можно увидеть руины поселений бронзового века — оплывшие за тысячелетия котлованы построек, расположенные то в «улицу» вдоль берега, то беспорядочной, на первый взгляд, группой.

9.6.1. Древние Кулевчи

Одно из подобных поселений, условно названное Кулевчи III, в конце 1970-х — начале 1980-х гг. археологи Г. Б. Зданович и Н. Б. Виноградов исследовали на левом берегу р. Караталы-Аят, южнее с. Кинжитай (рис. 248–249). Поселение существовало в бронзовом веке в течение нескольких столетий — примерно с XIX по XIV в. до н. э. — и связывается с петровским (раннеалакульским) и собственно алакульским этапами истории алакульской культуры Южного Зауралья.

Хозяйство людей из древних Кулевчей было основано на пастушеском скотоводстве. Тучные стада преимущественно крупного рогатого скота, овец, коз

Рис. 248. Поселение бронзового века Кулевчи III (Варненский район Челябинской области).
Площадка памятника (показана стрелкой) в рельефе. *Фото Н. Виноградова*

Рис. 249. Поселение бронзового века Кулевчи III (Варненский район Челябинской области).
Рабочий момент. Раскопки Н. Б. Виноградова и Г. Б. Здановича.
Фото Н. Виноградова

паслись на приречных лугах. В ходе раскопок ученые обнаружили под полами помещений жертвенники, содержащие определенные части туш домашних животных (рис. 250), а также несколько погребений детей под полами — также материальные остатки древних верований. Что изумило исследователей, так это количество находок, связанных с производством меди и бронзы и изделий из них. Это в первую очередь небольшие купольные печи с дымоходом (рис. 251).

Исследование материалов этого поселения в различных научных центрах нашей страны показало, что назначение более ста каменных орудий связано с металлургией и обработкой меди и бронзы (песты и плиты для дробления и растирания медьсодержащих минералов, различного веса и назначения молотки, молоты, разнообразные абразивы). Найдены медные слитки, проковки-заготовки (рис. 252), разнообразные медные и бронзовые орудия труда (ножи, ножи-пилы, серповидные орудия, долота-стамески, тесло, шилья, крюки), предметы вооружения (вислообушный топор) и украшения (кресто-видная привеска, пронизь; рис. 253–255).

Раскопки поселения Кулевчи III пока не выявили здесь руин оборонительных укреплений.

Рис. 250. Поселение бронзового века Кулевчи III (Варненский район Челябинской области). Жертвенный комплекс на участке Л/14. Раскопки Н. Б. Виноградова и Г. Б. Здановича. Фото Н. Виноградова

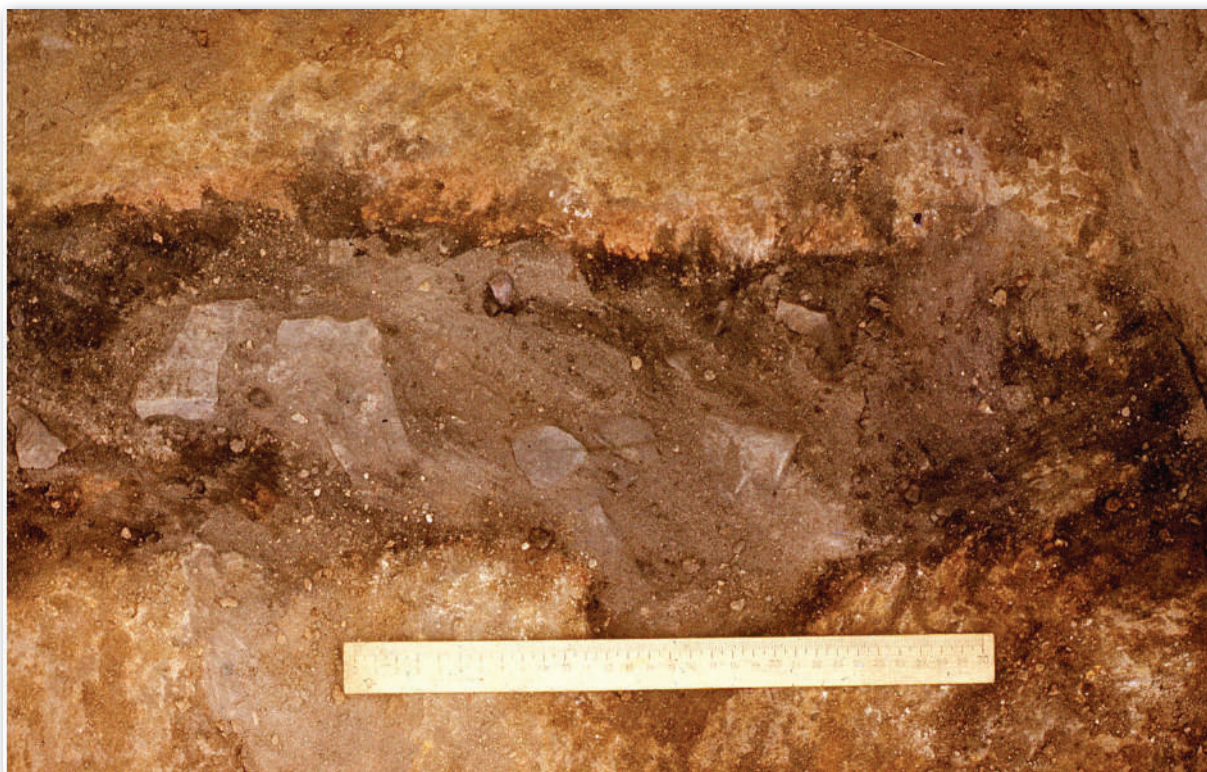

Рис. 251. Поселение бронзового века Кулевчи III (Варненский район Челябинской области). Вверху: основание наземной купольной печи на участке Л/15. Внизу: канал дымохода купольной печи. Раскопки Н. Б. Виноградова и Г. Б. Здановича. Фото Н. Виноградова

Рис. 252. Поселение бронзового века Кулевчи III (Варненский район Челябинской области). Обломок медной прокованной пластины (участок Г/25). Раскопки Н. Б. Виноградова и Г. Б. Здановича. Фото Н. Виноградова

Рис. 253. Поселение бронзового века Кулевчи III (Варненский район Челябинской области). Широковислообушный топор. Медь. Раскопки Н. Б. Виноградова и Г. Б. Здановича. Фото Н. Виноградова

Рис. 254. Поселение бронзового века Кулевчи III (Варненский район Челябинской области). Обоюдоострый нож-кинжал. Медь. Раскопки Н. Б. Виноградова и Г. Б. Здановича.
Фото Н. Виноградова

Рис. 255. Поселение бронзового века Кулевчи III (Варненский район Челябинской области). Однолезвийный нож. Медь. Раскопки Н. Б. Виноградова и Г. Б. Здановича.
Фото Н. Виноградова

В раскопанном Н. Б. Виноградовым могильнике Кулевчи VI, который был оставлен обитателями древних Кулевчей, погребенные девочки и молодые женщины были буквально усыпаны разнообразными металлическими украшениями, изготовленными искусными кузнецами (рис. 256).

Исследование металлических изделий из раскопок древних Кулевчей, проведенное историками — специалистами по древней металлургии и металлообработке, показало, что большинство металлических предметов изготовлено из чистой меди, без легирующих добавок. Среди них преобладают слитки и полуфабрикаты. Готовых изделий меньше. Древние кулевчинские кузнецы изготавливали металлические изделия преимущественно с помощью холодной и горячейковки или литья с последующей проковкой. Знали они и сварку, в том числе пакетную.

Изобилие медных и бронзовых предметов в руинах древних Кулевчей могло быть, скорее всего, следствием доступности металла и близости месторождений меди. Однако вплоть до недавнего времени медные месторождения, снабжавшие обитателей древних Кулевчей металлом, не были известны.

Рис. 256. Могильник бронзового века Кулевчи VI (Варненский район Челябинской области). Курган 4. Яма 1. Остатки декора головного убора и украшений погребенной 3. Раскопки Н. Б. Виноградова. Фото Н. Виноградова

Считалось, что металл доставляли сюда из оренбургских степей. И лишь летом 2012 г. на той же р. Караталы-Аят, что и древние Кулевчи, у современного с. Новониколаевка, были обнаружены разработки на медь, относящиеся к бронзовому веку. Так что очень может быть, что кулевчинская медь — не из дальних мест, как считали ранее, а своя — та, которую уже в наши дни, почти через 4000 лет, наши современники начали добывать в варненских степях.

Начали изучать археологи и алакульское поселение у с. Кинзерского на р. Увельке в Троицком районе. Остатки десятков подобных же, но не изученных раскопками поселений мы знаем на берегах оз. Кыскайкуль, Сыкандык в Красноармейском районе, Травяное у с. Буланово, рядом с пос. Березовским на р. Уй в Октябрьском районе и во многих прочих местах.

9.6.2. Как хоронили умерших сородичей носители алакульской культуры Южного Зауралья

Часть археологов считает, что захоронение умерших родственников люди бронзового века на Южном Урале совершали, учитывая сложность земляных работ зимой, лишь в бесснежные сезоны года. Большие патриархальные семьи хоронили умерших сородичей на отдельных площадках. Более поздние земляные сооружения над некоторыми могилами пристраивались к сооруженным ранее. Со временем, разрушаясь, они смыкались, образуя единый, как сейчас кажется, курган. Люди алакульской культуры сооружали для умершего сородича деревянную гробницу в относительно неглубокой яме, укладывали тело умершего на левый бок в «позе поклонения» (с согнутыми в локтях руками и согнутыми в коленях ногами) головой на запад, восток или юг. Умерший сородич сопровождался различными (в зависимости от возраста и пола) предметами, орудиями труда, украшениями (рис. 257).

В черте г. Троицка на площадке строящегося коттеджного поселка в 1990-е гг. археологи Владимир Петрович Костюков, Андрей Владимирович Епимахов и Дмитрий Владиленович Нелин раскопали подобный могильник бронзового века и назвали его Троицк-7. Еще один могильник, в том числе с алакульскими погребениями, в окрестностях с. Миасского (Красноармейский район) на левом берегу р. Миасс назван Миасским и был изучен археологами из Свердловска (так раньше назывался Екатеринбург) под руководством известного ученого, доктора исторических наук В. Ф. Генинга в конце 1960-х гг. Первоначально могильник выглядел как группа земляных насыпей — курганов. Под ними — около 70 погребений в небольших по объему деревянных гробницах-срубам, перекрытых деревом и очень сильно разрушенных грабителями еще в древности. Археологам, однако, достались около 90 глиняных сосудов, характерных для алакульской, федоровской и срубной культур, а также редкие бронзовые украшения (обломки), фаянсовые бусы и бронзовое шило.

Рис. 257. Могильник бронзового века Кулевчи VI (Варненский район Челябинской области). Курган 4. Яма 1. Коллективное погребение. Раскопки Н. Б. Виноградова.
 Фото Н. Виноградова

Скотоводы-пастухи жили в степях Южного Зауралья на протяжении всего бронзового века. Облик скотоводства менялся под сильным воздействием изменения климата, но оно продолжало оставаться основой хозяйства. Следов земледелия до последних веков II тыс. до н. э. нет.

Находки в горных пещерах Южного Урала, сделанные археологами в последние годы, показали, что в бронзовом веке (II — начало I тыс. до н. э.) горные долины посещали и жители степей. Обломки именно их керамических сосудов обнаружены в горных пещерах. И здесь самое время вспомнить, что некоторые археологи помещают священную гору степных пастушеских племен Евразии — Хара Березайти, соединявшую «миры» Земли и Неба, на Южный Урал. Они полагают, что на эту роль более всего подходила известная среди южноуральцев и самая высокая гора — Иремель. По верованиям древних скотоводов рядом со священной горой находилось священное озеро. И действительно, в нескольких десятках километров от г. Иремель находится оз. Зюраткуль. И хотя пока это только догадка, придумка, может быть, будущие исследователи древнего прошлого горной страны найдут доказательства этой гипотезы при раскопках древних поселений и святилищ.

9.7. Срубная культура бронзового века на Южном Урале

С историей срубных племен связана почти вся эпоха бронзы на территории степей Оренбуржья, степей и лесостепей современной Башкирии. Сотни срубных поселений и могильников открыты и изучены здесь несколькими поколениями ученых. На всем протяжении своей истории срубное население Южного Зауралья по бассейну р. Урал соседствовало с периферией алакульской культурно-исторической общности. В результате в зоне контактов образовалось смешанное население, в культуре которого переплелись алакульские и срубные черты.

Носители срубной культуры Южного Приуралья и алакульской культуры Южного Зауралья, жившие одновременно, были настолько похожи друг на друга, что в научном обороте применяется термин «срубно-андроновский мир». И те и другие имели европеоидный антропологический облик. И те и другие учеными лингвистически определяются как индоиранцы. И те и другие были скотоводами-пастухами, жившими в поселениях по берегам рек. Но наряду с чертами сходства между ними имелись и различия. Сильно разнятся погребальные обряды. Срубные общины хоронили умерших сородичей под земляными курганами. Исследователи считают, что земляное надмогильное сооружение воздвигалось по окончании использования погребальной площадки в целом. Под насыпью срубных курганов — от одной до нескольких десятков могильных ям, расположенных рядами или по окружности. Деревянные элементы погребальных сооружений использовались в малой части срубных погребений. Господствовал обычай захоронения тела умершего на левом боку, в скорченном положении, головой на север или северо-восток. А алакульцы ориентировали своих погребенных преимущественно в широтном направлении.

Гончарство тех и других очень разное по составу теста, способу формообразования, обработке поверхностей, орнаментам и технике их выполнения. Алакульские сосуды отличают плотное тесто с примесью мелко истолченного талька, шамота, формовка на сосудах-основах с применением текстильной прокладки, тщательно заглаженные, затертые внешние поверхности, геометрический орнамент, аккуратно выполненный по предварительной разметке и разнесенный по двум-трем зонам. Различаются типы раннеалакульских (петровских) сосудов и сосудов классического периода истории алакульской культуры Южного Зауралья (рис. 258–259).

Срубные сосуды характеризуют в различной степени рыхлое тесто, способ формообразования (без применения сосудов-основ), грубая затирка поверхностей травой, щепой, после чего на них оставались характерные штрихи, достаточно небрежная в сравнении с алакульской простейшая геометрическая орнаментация, размещенная, как правило, в верхней ча-

Рис. 258. Могильник бронзового века Кривое Озеро. Курган 1. Яма 1. Сосуд 1. Раскопки Н. Б. Виноградова. Фото Н. Виноградова
Фонды ГИМЮУ НВ-7312/51

Рис. 259. Могильник бронзового века Черняки II. Курган 2. Погребение 2. Сосуд. Раскопки В. С. Стоколоса. 1962 г. Фото Н. Виноградова

Фонды ГИМЮУ ОФ-1898/17

сти сосуда, более частое употребление явных пиктограмм. В большинстве своем срубные сосуды баночные. В меньшей степени были распространены горшки и миски (рис. 260–261).

Рис. 260. Могильник Система-1, курган 7. Сосуд срубной культуры Южного Урала.
Фото И. Алаевой

Рис. 261. Могильник Песчанка-3, курган 7. Сосуд срубной культуры Южного Урала.
Фото И. Алаевой

А вот по отношению к металлургии обе культуры схожи. В то время, когда алакульские горняки, металлурги осваивали месторождения медьсодержащих минералов в Южном Зауралье, срубные племена в позднем бронзовом веке овладели знаменитыми Каргалинскими рудниками. Поселение горняков Горный I в Оренбуржье, которое изучал археолог Е. Н. Черных, было оставлено, как уже упоминалось выше, горняками именно срубной культуры.

Металлопроизводящая специализация отдельных персон нашла отражение и в погребальном обряде срубного населения Южного Урала. В частности, металлургический шлак найден Н. А. Мажитовым при исследовании одного из срубных погребений в составе могильника Имангулово в Оренбургской области.

Кузнецы-литейщики срубной культуры Южного Урала владели различными технологиями изготовления бронзовых изделий. Они ковали их, отливали в каменных формах. Известны как предметы вооружения (ножи-кинжалы), так и орудия деревообработки (тесла). Из женских украшений известны желобчатые браслеты с несомкнутыми концами, подвески в 1,5 оборота, как и в алакульской традиции, иногда покрытые тонкой золотой фольгой.

9.8. Федоровский феномен и попытки его разгадки учеными

Из казахстанских степей около середины II тыс. до н. э. появились в Южном Зауралье группы федоровского населения. Название это связано со знаменитым Федоровским могильником, в малой части изученным в 1936 г. основателем южноуральской археологии доктором исторических наук К. В. Сальниковым пос. Федоровка, что на р. Миасс у аэропорта «Игорь Курчатов» в окрестностях Челябинска (рис. 262). В настоящее время в Южном Зауралье известна представительная серия федоровских могильников. Но что парадоксально — здесь до сих пор не известны федоровские поселения. Однако при раскопках алакульских поселений археологи отмечают присутствие там в керамических коллекциях незначительного и непостоянного количества федоровской керамики.

Федоровские или федоровско-алакульские курганные некрополи в Южном Зауралье известны преимущественно на севере степной зоны и в лесостепях. Это могильник Солнце-Талика на р. Нижний Тогузак (рис. 263), Приплодный Лог и Путиловская Заимка на р. Уй (рис. 264), могильники Звягино и Кинзерский на р. Увельке, могильник Урефты на берегу одноименного озера, Туктубаево на р. Бишкиль.

Из казахстанских степей федоровское пастушеское население, вероятнее всего, выгнали грозные изменения в природе — многолетнее усыхание климата, сделавшее невозможной эффективную скотоводческую жизнь. Поначалу археологи пытались выделить то федоровский этап истории андроновских племен, то федоровский тип памятников, то федоровскую куль-

Рис. 262. Вид курганного поля Федоровского могильника бронзового века (Сосновский район Челябинской области) перед раскопками под руководством К. В. Сальникова. 1936 г. Сосуд: курган 39, погребение 2

Фонды ГИМЮУ ОФ-1/6

туру. В настоящее время ученые все увереннее приходят к выводу о том, что пришлое степное казахстанское федоровское население довольно быстро растворилось среди местных алакульских племен, привнеся в их культуру на какое-то время ряд своих ярких особенностей, в частности *погребение по способу кремации*.

В отличие от алакульцев, хоронивших тела умерших в праздничной одежде, федоровцы, расселившись среди алакульцев Южного Зауралья, предпочитали... сжигать тела умерших сородичей на погребальном костре. Кости после кремации аккуратно собирали, измельчали, помещали в некую емкость и захоранивали в обширной деревянной или каменной гробнице. Порадовали археологов итоги раскопок могильника бронзового века на р. Уй у с. Подгорного на западе Троицкого района Челябинской области, условно названного Приплодный Лог. Археолог *Татьяна Сергеевна Малютина* раскопала здесь 14 курганов со сложными внутримогильными конструкциями из камня. Существование могильника связывается с несколькими археологическими культурами позднего бронзового века, в том числе с федоровской.

Керамика федоровских памятников представлена сосудами с плавной профилировкой, часто с большой разницей диаметров по венчику и дну (рис. 265).

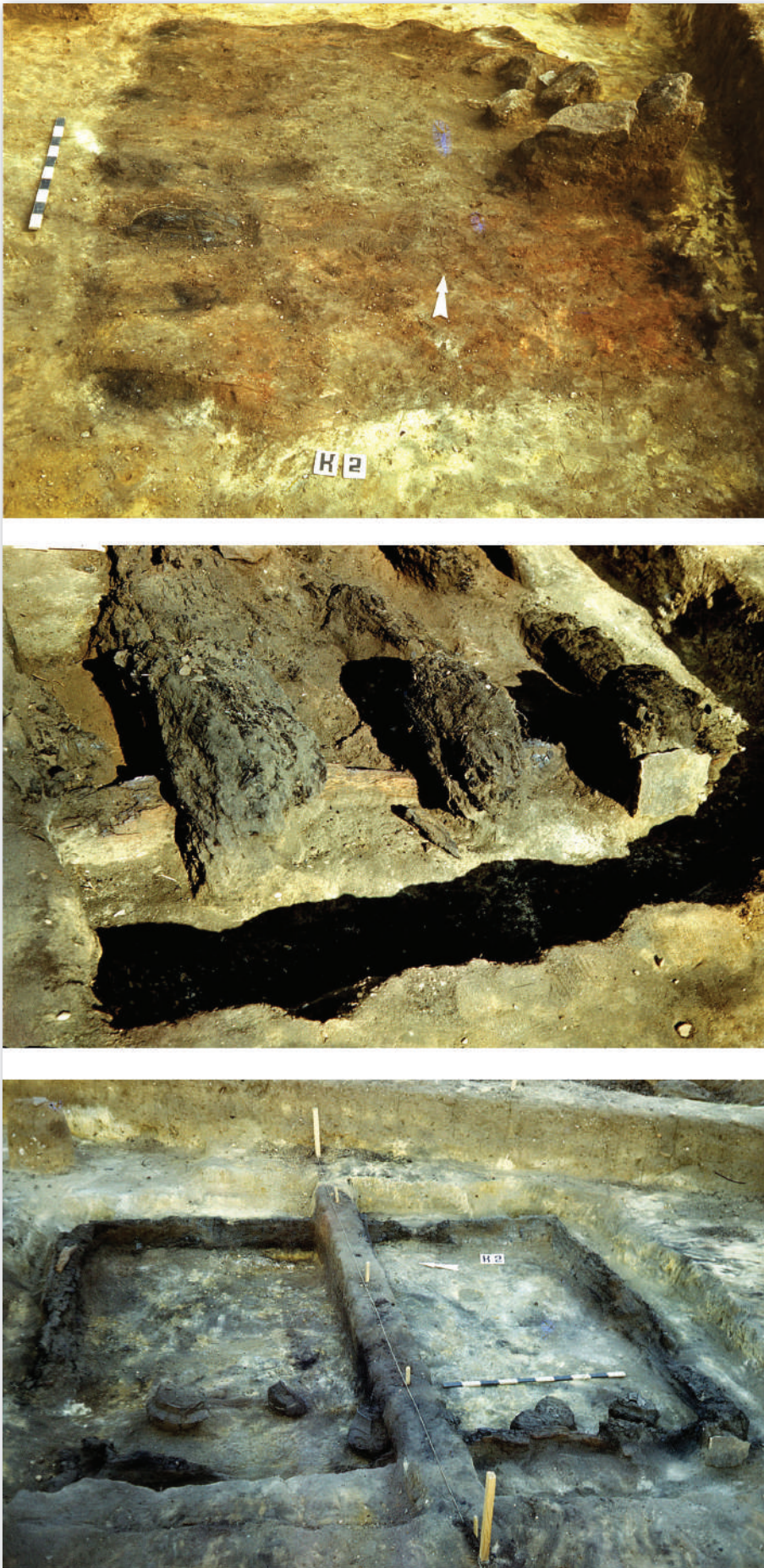

Рис. 263. Могильник бронзового века Солнце-Талика (Варненский район Челябинской области). Сверху вниз: зачистка ямы с коллективным федоровско-алакульским погребением по способу кремации под курганом 2 на уровне перекрытия погребальной камеры; расчищенное обугленное перекрытие погребальной камеры; остатки на дне: сосуды и измельченные кальцинированные кости. Раскопки Н. Б. Виноградова. Фото Н. Виноградова

Рис. 264. Могильник бронзового века Путиловская Заимка. Федоровские сосуды на полу погребальной камеры из каменных плит. Раскопки А. Д. Таирова. Фото А. Таирова

Рис. 265. Могильник Сухомесово 1 в черте современного Челябинска. Курган 4. Сосуд. Раскопки Н. К. Минко. Фото Н. Виноградова

Фонды ГИМЮУ ОФ-10/4

Иногда сосуды имеют поддон. Поверхности аккуратно заглаживались, ложились. Сосуды богато и аккуратно, по предварительной разметке, орнаментировались ковровыми геометрическими орнаментами, выполненными в большинстве оттисками гребенчатого штампа, преимущественно по косой сетке на внешней поверхности в верхней половине сосуда. Особенно нарядно смотрятся пояса сложных меандров. Также особенностью федоровской гончарной традиции являются керамические неглубокие, прямоугольные в плане блюда с ручками-ушками по углам (рис. 266). Возможно, они являются глиняными имитациями деревянных емкостей.

Что особенно интересно, так это то, что богато орнаментированные сосуды у федоровцев считались парадно-ритуальными, а в быту они пользовались другой, менее украшенной керамикой. Такое разделение керамики на парадную и бытовую вполне обычно для раннеземледельческих обществ юга Средней Азии. Может быть, и разделение на две части федоровской керамики, как и наличие у некоторых сосудов поддона, — результат контактов?

Иногда пережженные кости погребенного соплеменника федоровцы измельчали, зашивали в сделанное по этому случаю объемное изображение человека («куклу») и захоранивали вместе с вещами в могиле настолько обширной, как будто она была приготовлена для захоронения тела умершего.

Рис. 266. Федоровский могильник бронзового века (Сосновский район Челябинской области).
Курган 39. Погребение 1. Керамическое блюдо. Раскопки К. В. Сальникова. 1936 г.
Фото Н. Виноградова

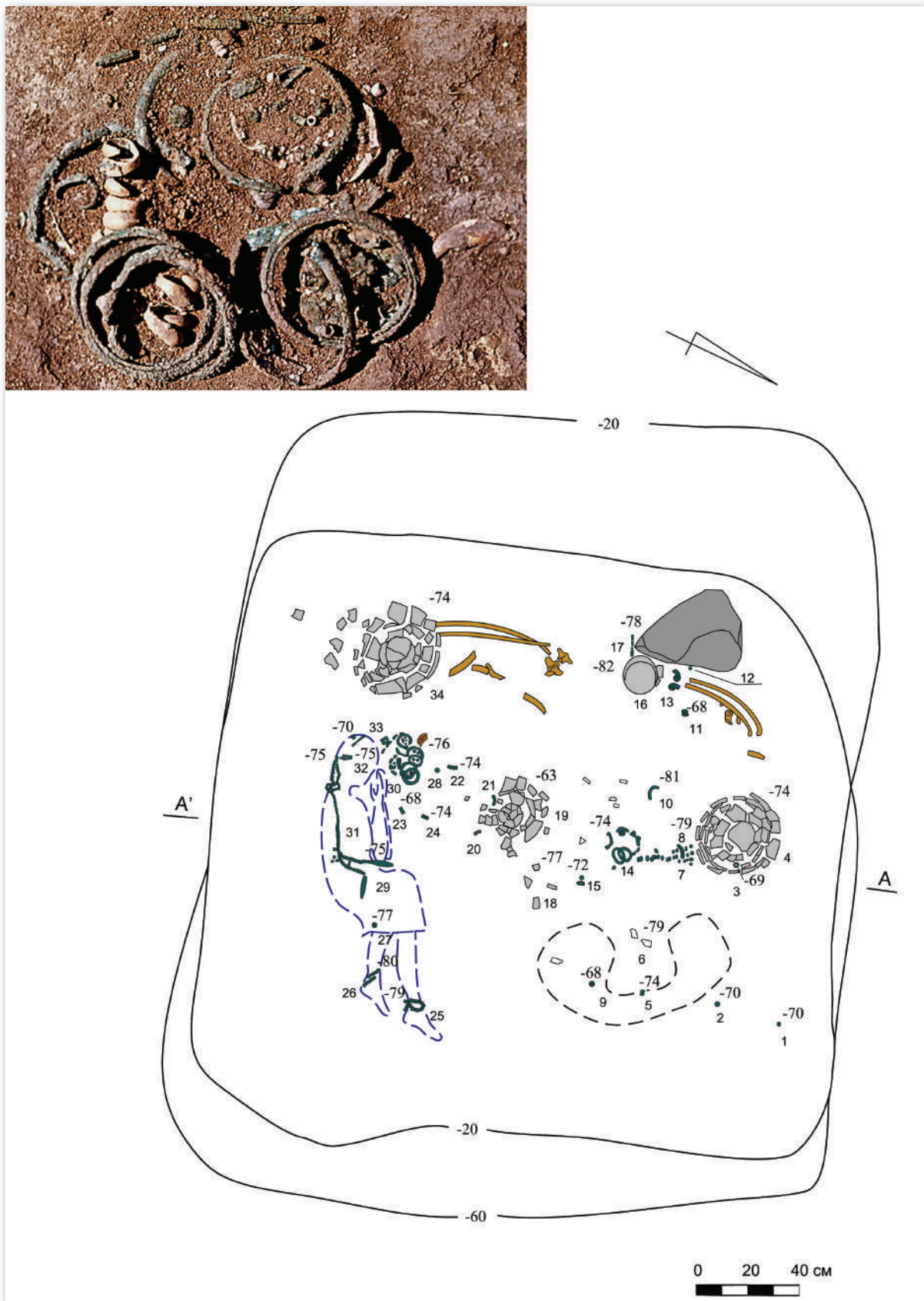

Рис. 267. Могильник бронзового века Кулевчи VI (Варненский район Челябинской области). Курган 3. Яма 2. Антропоморфное объемное изображение погребенной и погребальный инвентарь. Раскопки Н. Б. Виноградова (по: Могильник позднего бронзового века Кулевчи VI в Южном Зауралье. Челябинск, 2020. С. 299. Рис. 2.7.1)

Самое яркое погребение подобного облика было исследовано археологами в могильнике Кулевчи VI в Варненском районе Челябинской области. Одна из могильных ям содержала остатки антропоморфной объемной «куклы» с зашитыми в нее измельченными пережженными костями (рис. 267). Погребенную сопровождало небывалое количество бронзовых украшений алакульских типов, помещенных первоначально, скорее всего, в некую емкость: 18 бронзовых браслетов, 8 привесок в 1,5 оборота, большое налобное украшение из 5 крестовидных привесок и многое другое. Это погребение до сих пор является самым богатым для позднего бронзового века степей Южного Зауралья и Казахстана. Предполагается, что в этом и подобных фактах отразились федоровско-алакульские взаимодействия на уровне семьи, процесс интеграции федоровцев в алакульские общины.

9.9. Алексеевская культура бронзового века степей Южного Зауралья

Замыкает бронзовый век степей Южного Урала история населения алексеевской, или саргаринско-алексеевской культуры (названа так по Алексеевскому поселению и могильнику в верховьях р. Тобол, у современного г. Кустаная; Саргары — поселение в Северном Казахстане). Во второй половине II — начале I тыс. до н. э. (XIV–IX вв. до н. э.) обитатели степей Южного Зауралья стали участниками грандиозного по своим последствиям процесса — перехода населения степей от оседлой пастушеской жизни, столь характерной для всего II тыс. до н. э., к новому образу жизни — кочевничеству.

Именно в это время в степи Казахстана из Внутренней Азии проникают кочевые ираноязычные племена, которые включили в свой состав местные оседлые скотоводческие племена Казахстана и Южного Зауралья, в том числе алексеевскую культуру. Ее носители какое-то время участвовали в процессе сложения кочевничества. Это доказывают материалы изученных алексеевских поселений.

Поселения и могильники заключительного этапа бронзового века в Южном Зауралье изучены плохо. Известно лишь несколько хотя бы частично раскопанных поселений этого времени. Одно из них — поселение Кинжитай на р. Караталы-Аят в Варненском районе Челябинской области.

Археологи хорошо определяют даже до раскопок развалины алексеевских поселений по берегам наших степных рек. Дело в том, что у алексеевцев, живших в период достаточно сухого климата и вызванного им понижения уровня воды в реках, бытовала традиция устройства жилищ, которые скорее можно назвать подземными. Огромные, просторные, почти на всю высоту стен они были погружены в глубокие котлованы. Стены и пол облицовывались деревом. Обложенная дерновыми пластами крыша опиралась с одной

стороны на края котлована, с другой — на вертикальные столбы в центральной части постройки. Крыша обязательно имела светодымовое окно, служившее и запасным выходом. По стенам находились лежанки для сна, ниши-углубления для домашней утвари. Зачастую из дома прямо к берегу реки вел крытый коридор. Культурный слой подобных памятников сосредоточен в котлованах построек. Вне их пределов он маломощен и беден находками.

Особенность площадкам некоторых поселений алексеевской культуры (например, Неплюевка на р. Яндырка в Карталинском районе Челябинской области) придает избыточно небольшая высота (до 0,5 м) относительно современного уровня воды в реке. Высота площадки указывает на низкий уровень стояния грунтовых вод в период функционирования памятника.

Керамика алексеевской культуры лепная, представлена плоскодонными горшками, зачастую лишенными орнамента. Там, где орнамент есть (горизонтальная елочка, зигзаг и сетка), он представлен резным пояском на шейке, под венчиком или по плечу сосуда (рис. 268). Особенность керамическому комплексу поселения Кинжитай придает наличие в нем лепных реплик круговых импортных сосудов, имеющих прототипы в синхронных культурах Южного Приаралья (рис. 269).

Одна из загадок алексеевской культуры: многочисленные поселения с улицами из капитальных строений и почти полное отсутствие погребений. Известны лишь единичные погребения. Ученые пока не могут понять причины этого несоответствия. Может быть, их нужно искать в изменениях в облике

Рис. 268. Поселение заключительного этапа бронзового века в Южном Зауралье Кинжитай (Варненский район Челябинской области). Фрагмент сосуда алексеевско-саргаринской культуры. Раскопки Н. Б. Виноградова. Фото Н. Виноградова

Рис. 269. Поселение заключительного этапа бронзового века в Южном Зауралье Кинжитай (Варненский район Челябинской области).
Круговой сосуд. Раскопки Н. Б. Виноградова.
Фото Н. Виноградова

скотоводства? Если у более ранних древних южноуральских народов бронзового века оно было пастушеским, придомным, то в алексеевское время стада, состоявшие преимущественно из лошадей и мелкого рогатого скота, по одной из гипотез, начали на лето отгонять на дальние, богатые травой пастбища, где они находились до холодов. Может быть, на этих пастбищах и стоит искать алексеевские могилы? Интересен курган, исследованный у пос. Белоключевка на р. Уй в Троицком районе археологом В. П. Костюковым. Под небольшой земляной насыпью были скрыты две могильные ямы. Захороненные в них люди были положены в могилы в скорченных позах со скромным, в сравнении с предыдущими временами, погребальным инвентарем. Над одной из могил из каменных плит выложено схематическое изображение повозки.

К этому же времени относится и курганный могильник у развилки дорог, соединяющих с. Каракульское, дер. Уйско-Чебаркульскую и дер. Камышное, что в Октябрьском районе, изученный в конце XX в. археологом Вадимом Александровичем Булдашовым. В неглубоких могильных ямах находились костяки людей, похороненных в сильно скорченном положении на боку, со скромным погребальным инвентарем (глиняные сосуды, украшения).

В то же время алексеевцы были одним из первых народов Южного Урала, в памятниках которого обнаружены древнейшие в нашем регионе свиде-

тельства знакомства с продуктами земледелия. При раскопках поселений заключительного этапа бронзового века в культурном слое изредка находят обугленные зерна пшеницы (поселение Черкасы на юге Челябинской области).

Среди глиняных сосудов алексеевской культуры иногда встречаются подражания среднеазиатской керамике того времени — явное свидетельство как знакомства алексеевцев с гончарными изделиями далеких земель, так и доказательство существования уже в ту пору караванных путей, соединявших Южное Зауралье и Среднюю Азию.

Поздний бронзовый век в лесостепном и лесном Южном Зауралье представлен черкаскульской и межовской культурами.

9.10. Черкаскульская культура бронзового века

Представители черкаскульской культуры считаются потомками людей местной аятской культуры раннего бронзового века. Широко известны черкаскульские поселения, такие как Липовая Курья на оз. Большое Миассово, Березки V на Аргазинском водохранилище, Мочище под Челябинском. Черкаскульский слой есть и на поселении Коркино I у ст. Сары. Всего известно более 50 поселений. По большей части они состояли из наземных построек, часто значительных по площади, с внутренними перегородками, открытыми очагами. В них не только могла жить большая семья из нескольких поколений родственников, но и содержаться молодые домашние животные в зимний период. В целом такие поселки могли быть местом обитания родовой общины.

О том, как черкаскульцы хоронили своих сородичей, известно мало. В Южном Зауралье исследование черкаскульских погребений произведено на могильниках Больше-Казакбаевский, Ново-Буринский I, Березки VI и Перевозный Ia на Аргазинском водохранилище. Могильники выглядят как каменные оградки, курганы с кольцом из камней вокруг могилы под насыпью или как земляные курганы. Погребенные могли быть уложены либо на боку в скорченной позе, либо вытянуто на спине, часто тела умерших сжигались на погребальном костре. Вещей в могилах, как правило, немного. В основном это глиняные сосуды (горшки, блюда).

В могильнике Березки VI на острове Большом Вишневом Аргазинского водохранилища археолог А. Ф. Шорин исследовал, в частности, 22 черкаскульских погребения. Погребальные сооружения могильника — каменные оградки округлой формы с грунтовыми могильными ямами. Погребенные уложены в скорченной позе, на правом боку, головой на восток; погребальный инвентарь — 1–2 керамических сосуда. Другие предметы в могилах единичны: из орудий — бронзовые шилья; из женских украшений — бронзовые пронизи и височные подвески.

Керамика — один из основных признаков, по которым археологи отличают черкаскульскую культуру от других. В облике черкаскульских сосудов много и от федоровского гончарства. Как и федоровские сосуды, черкаскульские украшены ковровым геометризованным орнаментом, выполненным гребенчатыми штампами, фризом по верхней части внешней поверхности сосуда. Особенность орнамента — подлощенные широкие желобки-каннелюры между линиями геометрических элементов орнамента, исполненных гребенчатыми штампами (рис. 270) по косой сетке.

К сожалению, материальный мир населения черкаскульской культуры Южного Зауралья известен пока поверхностно. Отметим комплекс принадлежностей кузнеца-литейщика из раскопок поселения Липовая Курья на оз. Большое Миассово — створки каменных форм для отливки различных предметов, в частности топоров-кельтов (рис. 271).

Рис. 270. Могильник бронзового века Туктубаево (Сосновский район Челябинской области). Курган 26. Сосуд черкаскульской культуры. Раскопки Е. Е. Кузьминой

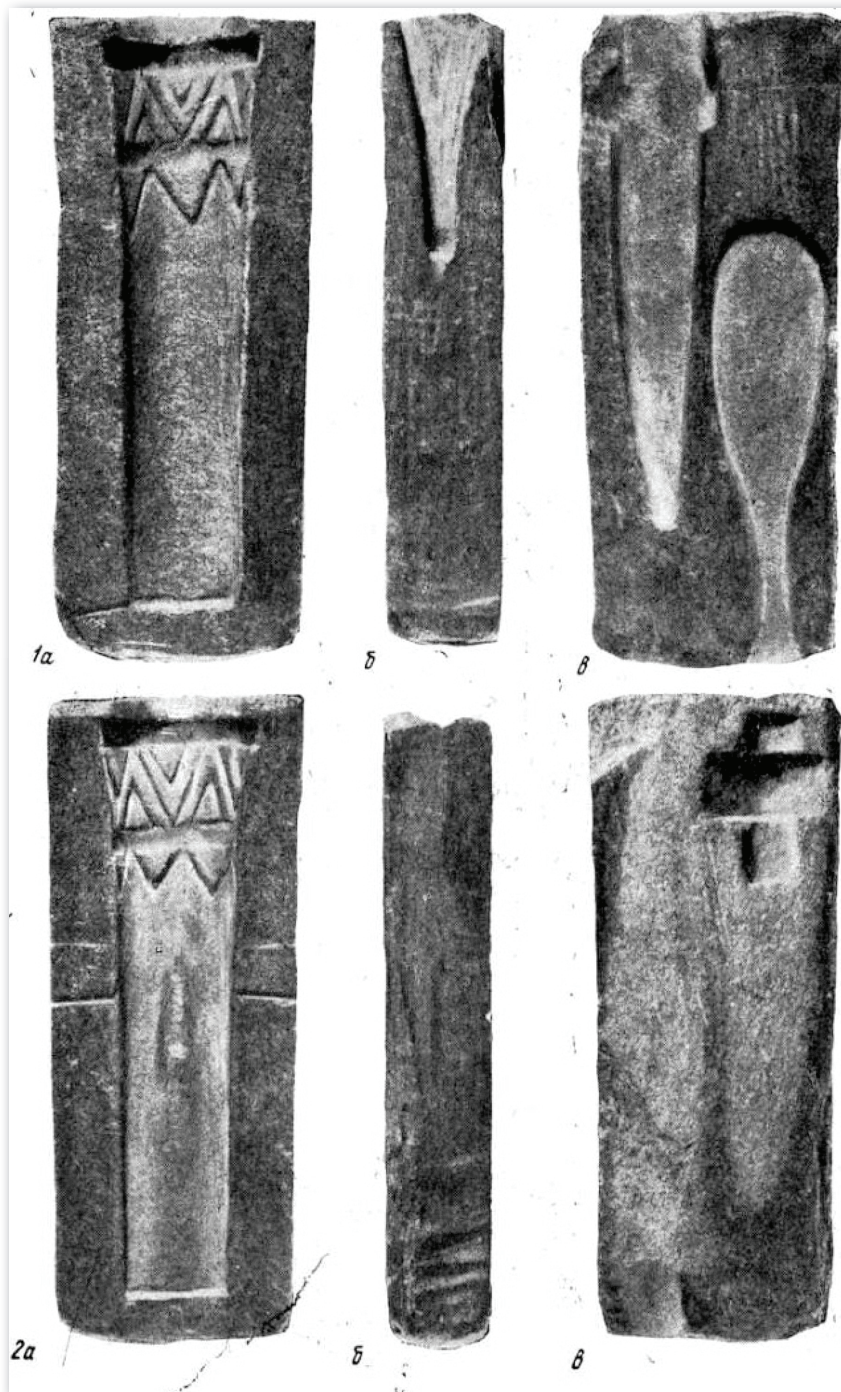

Рис. 271. Литейная форма с площадки поселения Липовая Курья на озере Большое Миассово. Раскопки Л. П. Хлобыстина (по: Хлобыстин Л. П. Поселение Липовая Курья в Южном Зауралье. Л., 1976)

В погребениях встречаются также кости преимущественно домашних животных (мелкого рогатого скота, лошадей).

Исследователи до сих пор не могут прийти к единству в решении ряда вопросов, связанных с черкаскульской культурой. Прежде всего это проблема происхождения черкаскульцев, точнее, степень участия в этом процессе уже известных нам степных федоровских скотоводческих племен. Одни археологи считают, что это федоровцы, смешавшись с местными лесными народами, создали черкаскульскую культуру. Среди разделяющих эту точку зрения специалистов устойчиво мнение о двуязычии черкаскульцев (протоугорский

и иранский диалекты). Другие убеждены в происхождении черкаскульцев на базе местного энеолитического населения. Почему образовалась такая неопределенность? Дело в том, что вопросы, связанные с происхождением, устройством общества и духовным миром древних народов, которые изучаются по археологическим материалам, самые сложные для какого-то однозначного решения.

На позднем этапе своей истории черкаскульцы распространились из лесов Южного Урала на юг — в лесостепи и даже степи Южного Урала.

9.11. Межовская культура бронзового века

Потомками черкаскульцев, замыкающими историю лесного юга Зауралья в бронзовом веке, считается население, оставившее по берегам зауральских озер поселения межовской культуры (названа по поселению на севере Челябинской области). По данным археолога М. Ф. Обыденнова, в Зауралье было учтено около ста межовских поселений и местонахождений. На 15 из них велись раскопки. Среди них Березки V, Замараевское, Межовское, Лужки и ряд иных. Позднее межовцы расселились и в Южном Приуралье (поселения Тюбьяк, Юкаликулево — всего более ста пунктов с межовскими материалами).

О планиграфии межовских поселений судить не представляется возможным, поскольку ни одно из них не было исследовано полностью. Что касается архитектуры, то в абсолютном большинстве руины построек исследованы на поселениях в Приуралье. М. Ф. Обыденновым всего их было учтено около 30. Он описывает межовские постройки как прямоугольные в плане строения преимущественно полуземляночного типа, со столбовой организацией стен и кровли. Выход — коридорного типа в сторону реки. Внутреннее пространство с открытыми очагами разделено на отсеки.

Несмотря на то что первые памятники межовской культуры были открыты в Зауралье, ее погребальная обрядность известна в абсолютном большинстве опять-таки по приуральской части памятников (более ста погребений). Из них особо отметим Такталачукский могильник с более чем 60 погребениями.

Под земляными насыпями курганов обычно располагалось от одного до трех погребений. Другие варианты редки. Умерших родственников укладывали в неглубоких грунтовых ямах в вытянутом (на спине) или скорченном (на боку) положении головой на восток или запад. Инвентарь, как правило, составляла лишь керамика и очень редко — иные предметы.

Межовцы вели оседлый образ жизни, занимаясь преимущественно скотоводством. Помимо бронзы они уже научились использовать и железо. Известны следы его плавки на межовских поселениях.

Межовская керамика представлена плоскодонными горшками. В глиняное тесто гончары добавляли измельченный тальк либо истолченные створки раковин речных моллюсков. Форму сосудов характеризуют отогнутая наружу

шейка, плавная профилировка. Простейшими геометрическими элементами (елочка, косые линии, зигзаги, ромбы) орнаментировалась верхняя часть сосуда.

Межовская культура в горно-лесном Зауралье послужила генетической основой для формирования иткульской культуры раннего железного века.

9.12. Древнее металлопроизводство и магия

«Трудно не впасть в изумление при знакомстве со столь богатой и неохватной ритуальной сферой, связанной с металлом и его производством. Удивительно тесно переплетались здесь бесспорно рациональные подходы к природе недр и металлов, с одной стороны, а с другой — с необъяснимой и обескураживающей своей иррациональностью магией, что следовала неотступной тенью буквально за каждым шагом горняков, металлургов и кузнецов...». Эти слова написал выдающийся исследователь древнего металлопроизводства, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук *Евгений Николаевич Черных*.

Действительно, не только профессиональная деятельность горняков, металлургов, кузнецов степей и лесостепей бронзового века Южного Зауралья текла «между знаков и символов». Тени этих сложных в исполнении технологических процессов, неизбежно сопряженных с повседневным использованием системой абсолютных величин, разнообразно отражались на всей ткани бытия.

Именно в металлопроизводстве надо искать причины изумляющей ученых геометрии и стандартизации планировки синташтинских и раннеалакульских (петровских) поселений, их архитектуры. Но это удивительное по уровню для того времени и места опытное знание причудливо сочеталось с невиданными доселе ритуальными практиками.

Надо признаться, что в наши дни ученые смогли лишь слегка прикоснуться к наглухо закрытому и для современников и, тем более, для потомков иррациональному миру идей и образов, сопровождавших жизнь и работу горняков, металлургов, кузнецов-литейщиков Южного Урала в бронзовом веке. Повторюсь, металлопроизводство в ту пору являясь по факту ремеслом, имело облик специальной магии и было организовано по семейно-клановому принципу. Но кое-что непознанное из потаенной жизни горняков, металлургов-литейщиков-кузнецов бронзового века степей и лесостепей Южного Урала уже открылось ученым! Вот несколько примеров.

В раскопках южноуральских поселений и могильников позднего бронзового века изредка встречаются как миниатюрные, так и полноразмерные топоры так называемого кабардино-пятигорского типа, вырезанные из мягких

Рис. 272. Миниатюрное воспроизведение топора (носимый амулет). Серпентинит. Поздний бронзовый век. Из подъемного сбора Р. К. Хайратдинова на стоянке Кочкарь I (Пластовский район Челябинской области). 1995 г.

Фонды Пластовского историко-краеведческого музея

пород камня, таких как серпентинит. Предполагается, что эти изделия, как мобильные (носимые на шею; рис. 272), так и снабженные отверстиями для стационарного подвешивания, служили символами-фетишами и отражали распространение, прежде всего в среде кузнецов-металлургов-литейщиков, культа полубога, героя-кузнеца, творца всего сущего Тваштара. Тваштар — единственный персонаж пантеона, кого тексты Ригведы связывают с металлопроизводством. Его фигура таинственна, в текстах гимнов не конкретизирована, а деятельность чрезвычайно разнообразна. Колесницы, металлургию и ряд ремесел — все это дал людям Тваштар. Порождением Тваштара был сам бог огня Агни — покровитель кузнецов и металлопроизводства. И главное, именно Тваштар создал для порожденного им же бога Индры его молот. Возможно, именно как воспроизведение молота Индры с грибовидным навершием в экзотическом для степного населения Южного Урала исполнении и воспринимались изготовленные местными мастерами реплики каменных топоров кабардино-пятигорского типа, основным регионом бытования которых был Северный Кавказ.

В магическую практику бронзового века под современным названием «металлопроизводство» были вплетены и литейные аксессуары. Большой удачей должна считаться находка, сделанная в 1985 г. на южном берегу оз. Первого, у современного пос. Тополевка в черте Челябинска. Школьник-археолог *Роман Котляров* с поверхности распаханного поля поднял восемь обломков литейных форм, изготовленных из достаточно мягкого хлористого сланца (рис. 273). Четыре формы предназначались для отливки топоров и массивных косарей, три — для отливки ножей-кинжалов. Формы были повреждены еще в древности и не могли более использоваться. Типы предметов, которые отливались в найденных формах, бытовали на заключительном этапе бронзового века — в XIV–IX вв. до н. э. Археолог Е. Н. Черных считает подобные находки ритуальными захоронениями литейных принадлежностей. По его мнению, инструменты и принадлежности, связанные с металлопроизводством, в древности были сакральными и требовали к себе особого отношения. Проявлением этого, в частности, являлось преднамеренное их захоронение. Инструменты и принадлежности металлургии и металлообработки одушевлялись мастерами. По мере выхода принадлежностей из обращения (после «смерти») они захоранивались и посвящались духам-покровителям.

В историко-краеведческом музее г. Пласта экспонируется створка каменной литейной формы заключительного этапа бронзового века. На одной из ее сторон помимо негативов отливаемых изделий видим четырежды повторенный символ — схематически изображенные рога барана (рис. 274). Фер-

Рис. 273. Юго-восточный берег Первого озера в черте современного Челябинска. Топлевский клад. Обломки литейных форм. Талькохлорит. Заключительный этап бронзового века. Случайная находка Р. Котлярова. Фото Н. Виноградова

Рис. 274. Селище заключительного этапа бронзового века Старо-Кумлякское (Пластовский район Челябинской области). Створка литейной формы с четырехкратно повторенными схематическими изображениями рогов барана (символ фарна). Подъемный сбор Р. К. Хайратдинова. Фото Н. Виноградова

тообразный символ — изображение рогов барана, — по мнению некоторых ученых, указывает на бытование у населения степей Южного Урала, и в частности в среде кузнецов-литейщиков заключительного этапа бронзового века в Южном Зауралье, представлений о *фарне* — материальном воплощении божественного огня, благодати. Эти представления отражали, вероятнее всего, обрядовую практику, призванную обеспечить конкретному мастеру покровительство фарна, успех его работы. Неоднократное исполнение этого символа на одной и той же рабочей поверхности может означать либо смену владельца формы, либо необходимость по неким причинам повторения обрядовой процедуры одним и тем же кузнецом-литейщиком в поисках «своего фарна».

По данным специалистов, представления о фарне бытовали в среде ираноязычных народов Евразии с бронзового века до этнографической современности.

Приведенные выше факты убеждают в справедливости крылатого выражения академика Б. А. Рыбакова: «Путь в прошлое так же бесконечен, как и путь в будущее!»

Таким образом, в бронзовом веке Южный Урал населяли потомки энеолитического населения, говорившие на диалектах протоугорских языков, продолжавшие совершенствовать охотничье-рыболовецкую жизнь. В то

же время степи Южного Предуралья в начале III тыс. до н. э. заселили мигрировавшие сюда из Поволжья древнейшие индоевропейцы — подвижно-скотоводческие племена древнеямной культуры. Позднее, в II — начале I тыс. до н. э., степи Южного Урала были населены жившими пастушеским скотоводством ираноязычными общинами алакульских культур Южного Зауралья, Северного Казахстана и срубной культуры Южного Урала.

Особенность истории Южного Урала в это время также придают специализация отдельных групп населения на металлургии и металлообработке меди и бронзы, проникновение скотоводства и металлургии все дальше в лесную зону, образование в южной части уральских лесов в результате давления степных скотоводческих племен групп смешанного населения и усложнение языковой ситуации в этом регионе.

Возможно, именно к этому времени и относится появление у угроязычных народов Урала целого ряда заимствований из иранских языков, связанных с металлургией и скотоводством.

Со времени появления в бронзовом веке на Южном Урале развитого горного дела, металлопроизводства, горняков, кузнецов, металлургов нужно начинать и историю неблагоприятных изменений окружающей среды людьми. Мало того что древние шахты и карьеры, как об этом пишет член-корреспондент РАН Е. Н. Черных, иногда покрывали большие участки земли. Огненное ремесло требовало огромных затрат леса. Вплоть до времени, отделенного от нас полутора веками, металл плавил, используя древесный уголь. Е. Н. Черных пишет, что для выплавки одной тонны меди требовалось превратить в уголь в специальных печах полтора-два гектара качественного леса!

В степных районах Южного Урала около укрепленных поселений металлургов-кузнецов бронзового века, возможно, с тех пор стали безлесными склоны долин рек, где плодородный слой земли в результате вырубki березовых лесов оказался смытым.

Сказанное выше позволяет утверждать следующее:

- *Бронзовый век на Южном Урале в целом охватывает период с начала III по первые века I тыс. до н. э.*
- *Хронологические рамки бронзового века для различных районов Южного Урала и Зауралья по разным причинам различаются.*
- *Изменения в природе и климате на протяжении бронзового века неоднократно были одной из главных причин массовых миграций и изменения состава населения.*
- *Лесные народы Южного Урала в бронзовом веке, скорее всего, были протоугроязычными и продолжали вести преимущественно охотничье-рыболовецкое хозяйство.*
- *В III тыс. до н. э. в степи Оренбуржья перемещаются древнейшие индоевропейцы — племена древнеямной культуры.*

- *Древнеямные племена — древнейшие скотоводы, металлурги и строители монументальных дерново-земляных надмогильных сооружений (курганов) в степях Южного Урала.*
- *В период с XXI по XVIII в. до н. э. в степях Южного Зауралья протекает история индоиранского синташтинского населения, которое создало новый образ жизни, заимствованный от них местными народами.*
- *Особенность синташтинскому населению придает, помимо пастушеского скотоводства, большая роль горного дела, металлопроизводства в хозяйственной жизни.*
- *Синташтинцы входили в число народов, использовавших древнейшие на планете колесницы, запряженные парой лошадей.*
- *На Южном Урале в позднем бронзовом веке проходила зона контактов алакульской и срубной культурно-исторических общностей, объединяемых зачастую в «срубно-андроновский мир».*
- *В бронзовом веке скотоводческие степные народы юга Урала все более активно воздействовали на обитателей южной части лесов Урала. При сильном влиянии степных соседей в лесостепях Южного Урала и на южной кромке лесов возникли последовательно черкаскульская и межовская культуры.*

Литература

Виноградов Н. Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 2003. 370 с.

Виноградов Н. Б. Символы топора в социально-культурной практике у населения позднего бронзового века Южного Зауралья // *Stratum plus. Археология и культурная антропология*. 2018. № 2. С. 273–284.

Виноградов Н. Б. Степи Южного Урала и Казахстана в первые века II тыс. до н. э. (памятники синташтинского и петровского типа) : монография. Челябинск : Абрис, 2011. 175 с. : ил.

Виноградов Н. Б., Дегтярева А. Д., Кузьминых С. В., Медведева П. С. Образы эпохи. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск : Абрис, 2017. 402 с.

Виноградов Н. Б., Кузьминых С. В., Хайрятдинов Р. К. Символы фарна кузнецов-литейщиков бронзового века в Южном Зауралье // *Краткие сообщения Института археологии*. Вып. 260. М. : Ин-т археологии РАН, 2020. С. 43–58.

Виноградов Н. Б., Хайрятдинов Р. К. Новые данные о культурной практике населения Южного Зауралья позднего бронзового века // *Поволжская археология*. 2018. № 1 (23). С. 91–106.

Горбунов В. С. Бронзовый в. Волго-Уральской лесостепи. Уфа : Башкир. гос. пед. ин-т, 1992.

Древнее Устье. Укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье : монография / науч. ред. А. В. Епимахов. Челябинск : Абрис, 2013. 484 с. : ил.

Дубровский Д. К., Грачев В. Ю. Уральские писаницы в мировом наскальном искусстве. Екатеринбург : Грачев и партнеры, 2010. 216 с. : ил.

Епимахов А. В. Динамика коммуникаций бронзового века Урала // Таинство этнической истории древнейших номадов степной Евразии / сост. В. А. Новоженев ; под ред. А. В. Епимахова. Алматы : Остров Крым, 2014. С. 125–145.

Епимахов А. В. и др. Южный Урал в начале эпохи металлов. Бронзовый век // История Южного Урала : в 8 т. Т. 2. Челябинск : Издат. центр ЮУрГУ, 2019. 432 с.

Епимахов А. В. Ранние комплексные общества Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар 5). Кн. 1. Челябинск : Челябинский дом печати, 2005. 192 с.

Зайков В. В., Юминов А. М., Зайкова Е. В., Таиров А. Д. Основы геоархеологии : учеб. пособие / под ред. проф. В. В. Масленникова. Челябинск : Издат. центр ЮУрГУ, 2011. 263 с.

Зайков В. В., Юминов А. М., Ткачев В. В. Медные рудники, хромитсодержащие медные руды и шлаки Ишкининского археологического микрорайона (Южный Урал) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. № 2 (50). С. 37–46.

Зданович Г. Б. Бронзовый урало-казахстанских степей. Свердловск : УрГУ, 1988. 184 с.

Зданович Г. Б., Батанина И. М. Аркаим — Страна городов: Пространство и образы (Аркаим: горизонты исследований). Челябинск : Крокос ; Юж.-Урал. кн. изд-во, 2007. 260 с.

Кузьмина Е. Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М. : Вост. лит., 1994.

Матвеев А. В. Первые андроновцы в лесах Зауралья. Новосибирск : Наука, 1998.

ГЛАВА 10. РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

Во второй половине VIII в. до н. э. народы Южного Урала вступают в новый период своей истории — в железный век. Он связан с началом массового производства изделий из железа. Его начальный этап — ранний железный век — на Южном Урале пришелся на период со второй половины VIII в. до н. э. по II–IV вв. н. э., причем время с II по V в. н. э. включительно — переходное к Средневековью.

Основным современным и весьма результативным исследователем раннего железного века в Южном Зауралье и прилегающих регионах, является доктор исторических наук А. Д. Таиров. Содержание этого раздела основано на результатах его многолетних усилий по изучению этого удивительного периода, непохожего на предшествующий и последующий отрезки древней истории края.

10.1. Несколько важных слов о климате

И в раннем железном веке наблюдалось циклическое его развитие. Засушливый климат начала I тыс. до н. э. к середине I тыс. до н. э. стал более влажным и прохладным. Глубинные районы степей Южного Урала с весны до осени покрывались обильными травами, а граница лесов и лесостепей несколько сдвинулась к югу. К последним векам I тыс. до н. э. в регионе вновь установился засушливый климат. Изменения климата сильно влияли на жизнь скотоводов. Особенно это утверждение справедливо, когда речь идет о кочевых народах. Монокультурность хозяйственно-экономической жизни делала их заложниками природы. Циклическое развитие климатической изменчивости периодически оборачивалось в открытых степях многолетними засухами. Спасти со своими стадами от неминуемой гибели кочевники могли, только покинув охваченную засухой родину. **Наряду с событиями политической истории, природные катаклизмы были важнейшей причиной дальних миграций кочевых народов как в раннем железном веке, так и в Средневековье. Подтверждение этого тезиса — в двух последующих разделах.**

10.2. Ранние кочевники степей Южного Урала

В течение первых веков I тыс. до н. э. у степных народов Евразии, в том числе в степях Южного Урала, совершился исторический переход к более совершенной в тех условиях системе организации жизни — кочевому скотоводству — особому образу жизни, при котором группы родственников со стадами и имуществом перемещались по сезонным пастбищам в течение всего года.

В это время обитатели степей Южного Урала открыли и начали широко использовать новую систему жизнеобеспечения, получившую у археологов название «пастбищно-кочевая». По данным А. Д. Таирова, зимнее время зауральские кочевые роды и семьи проводили в районе Приаралья, в низовьях р. Сырдарья, а ранние кочевники Южного Приуралья — в степях и полупустынях между Каспийским и Аральским морями. На лето они перемещались со стадами за многие сотни километров к северу, к южным предгорьям Урала с их хрустально-чистыми реками, озерами в каменных берегах и в лесостепи Зауралья. Каждая родовая группа двигалась в перекочевках по строго определенному маршруту. Эта система продолжала существовать и быть относительно эффективной, пока в степях Казахстана и Южного Урала жили кочевые народы, независимо от их этнической принадлежности, то есть до этнографической современности.

Военные угрозы, жизненная необходимость охраны пастбищ, защиты своих кочевий от врагов во время природно-климатических катастроф и ряд других причин на протяжении тысячелетий подталкивали отдельные кочевые роды и племена к объединению в большие военно-территориальные союзы. Часто эти союзы создавали талантливые военные руководители (вожди) и их дружины, составленные из профессиональных воинов, для которых война была единственным занятием. Обо всем этом археологи узнали, изучая погребения ранних кочевников. В зависимости от положения умерших в обществе высота курганов над их могилами и устройство самих могил, набор предметов, положенных вместе с умершим в его гробницу, были различными.

Этнический состав и конфигурация территории, занятой кочевым союзом, зависели от суммы обстоятельств и не были величиной постоянной.

По итогам многолетних исследований памятников кочевников раннего железного века на Южном Урале А. Д. Таиров создал периодизацию истории края в этот период. В соответствии с ней в переходное от бронзового к раннему железному веку время в степи Казахстана из Внутренней Азии переселились кочевые ираноязычные племена *саков*. Они покорили местные скотоводческие народы Казахстана и Южного Зауралья — потомков оседлых пастушеских культур бронзового века, и смешались с ними. В степях Казахстана и Южного Зауралья утвердился кочевой образ жизни.

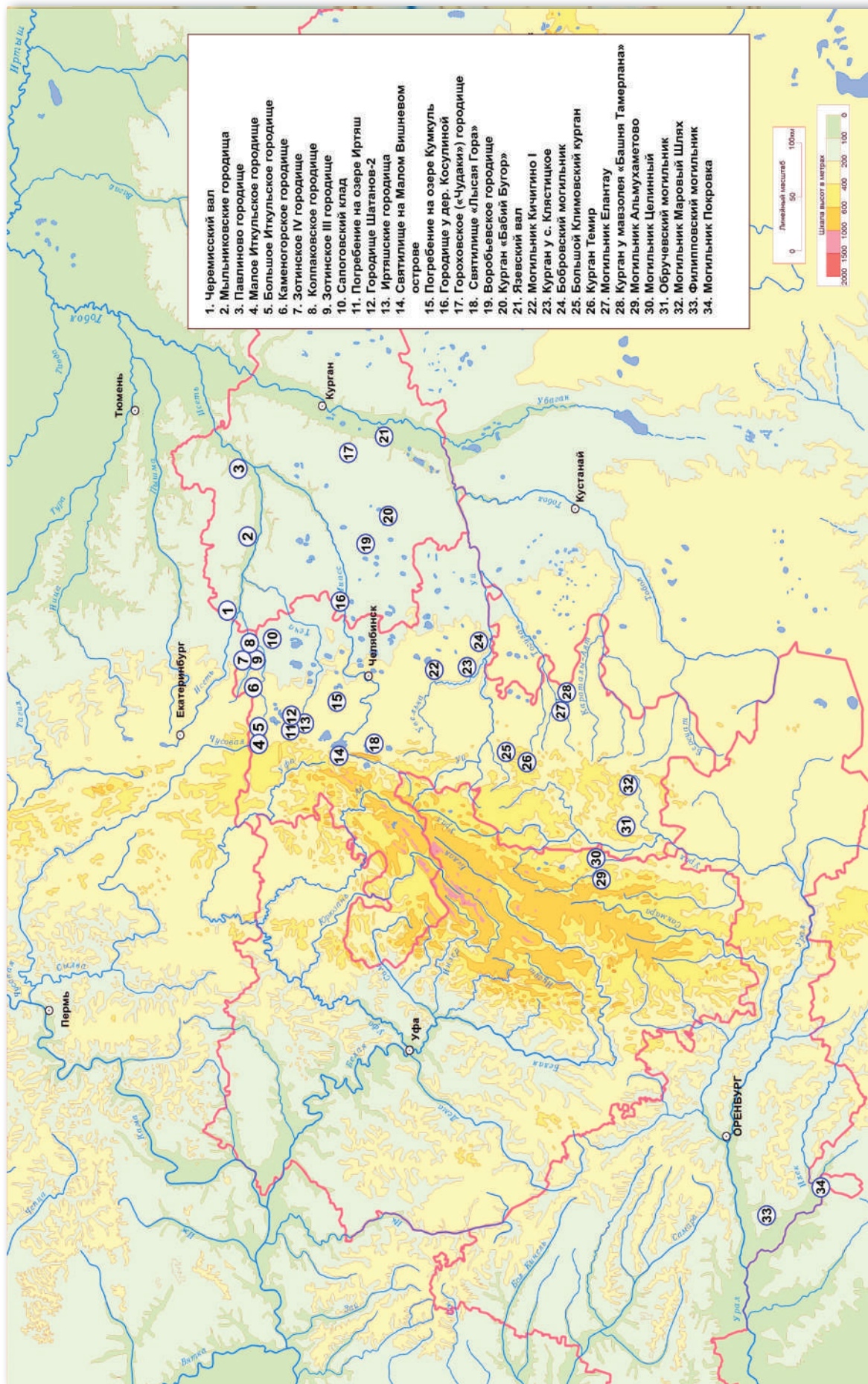

Рис. 275. Локализация некоторых памятников археологии раннего железного века на Южном Урале

10.2.1. Сакский период истории ранних кочевников степей Южного Зауралья

Со второй половины VIII в. до н. э. по середину VI в. до н. э. южноуральские степи были частью территории *тасмолинских* кочевых племен степей Казахстана. Их культура, в свою очередь, была частью «сакского мира» степей Казахстана. Племена, жившие в степях Казахстана в этот период, в древних текстах и надписях именуется «саки». Их подкурганские погребения в наших местах исследованы на оз. Кумкуль, Иртяш, у с. Кичигино под Южноуральском, на р. Уй (Бобровский могильник) и в других местах (рис. 275). Считается, что кочевники в этот период прочно освоили пространства Южного Зауралья до широты р. Миасс.

Мы до обидного мало знаем о людях этих далеких времен. Большинство читателей удивится, если автор определит воинов-кочевников как коллекционеров скальпов и почитателей татуировки. А между тем в погребении раннесакского времени на оз. Кумкуль был обнаружен набор для татуировки: костяная игла и костяной же пенал с краской. Для того чтобы в общих чертах представить, как выглядела татуировка в тот период, необходимо понять, что она в те времена была частью идеологии и ритуальной практики. Посмотреть на образы татуировки раннего железного века можно... в Эрмитаже, где экспонируются мумии людей из ледяных гробниц пазырыкской культуры Горного Алтая. Их тела татуированы от щек до лодыжек. Образы на татуировке, безусловно, взяты из мифологии кочевников. Примерно так бы выглядели и тела южноуральских кочевников. Мифологические сюжеты отражены и в произведениях декоративно-прикладного искусства ранних кочевников, получившего название «скифо-сибирский звериный стиль». С принадлежностями для нанесения татуировки автору приходилось сталкиваться и в ходе изучения сакских погребений в Северном Казахстане (рис. 276).

Ярким памятником сакского периода раннего железного века в Южном Зауралье является Бобровский могильник в окрестностях современного с. Бобровка, что в Троицком районе. Археолог *Галина Ивановна Матвеева* изучила здесь два кургана VII–VI вв. до н. э. Предметы из Бобровского могильника можно увидеть в экспозиции краеведческого музея г. Троицка. Это бронзовое зеркало, бронзовое кнутовище нагайки со скульптурным изображением головы кабана на окончании, металлические наконечники стрел, бронзовые украшения пояса воина.

Замечательные находки этого времени были сделаны археологом С. Г. Боталовым в Варненских курганах на окраине современного с. Варна. Среди находок — изящный костяной гребень с изображениями в скифо-сибирском зверином стиле, каменный жертвенник, женские украшения — накосники. Археолог А. Г. Гаврилюк исследовал богатое воинское сакское захоронение в окрестностях современного Озерска (рис. 277).

Рис. 276. Могильник Графские Развалины (Сергеевский район Северо-Казахстанской области). Курган 7. Погребение VII–VI вв. до н. э. Принадлежности для татуировки: синяя краска и изящная костяная игла в костяном пенале. Фото Н. Виноградова

Рис. 277. Курган Иртяш 14. Погребение VII в. до н. э. Предметы погребального инвентаря: нож-кинжал, «зеркало», вток (окончание) рукояти чекана. Бронза. Раскопки А. Г. Гаврилюка. Фото из открытых источников в Интернете

10.2.2. Савроматский период истории ранних кочевников степей Южного Зауралья

Период со второй половины VI в. до н. э. до третьей четверти V в. до н. э. в истории ранних кочевников Южного Зауралья А. Д. Таиров назвал савроматским. Именно в это время случился кризис в истории культур раннесакского круга Казахстана. В степях Южного Зауралья за полтора века в условиях притока с востока новых кочевых объединений к концу V в. до н. э. постепенно оформляется культура ранних сарматов. Название «сарматы» не придумано археологами. Оно — из сочинений древнегреческих авторов. К этому времени отнесены могильники Целинный, Покровка в Южном Приуралье, Маровый Шлях, Елантау в Южном Зауралье, Альмухаметово в Зауральской Башкирии.

Анализируя погребальный обряд этого времени, ученые пришли к выводу, что часть его черт явно не местная, и можно говорить о появлении в этот период в Южном Зауралье *пришлого кочевого сакского населения из района Приаралья и Внутренней Азии* и включении его в местные кочевые объединения. С. Г. Боталов считает, что в этот период в степях Южного Урала появляются подразделения военно-территориального кочевого союза ираноязычных юэчи. Причины миграции видятся в политических событиях в Центральной Азии. Свою роль сыграло и формирование государственности в Хорезме, а также сако-персидские войны. Кочевой мир, пронизанный разнообразными связями, тесно взаимодействовал и с оседлыми цивилизациями. Так, знаменитые каменные алтари на четырех ножках, известные в погребальных памятниках кочевников Южного Урала и Южного Приаралья, по мнению некоторых археологов, были заимствованы из ритуальной практики населения Ближнего Востока.

В это же время активизируются торговые коммуникации, связывавшие области, населенные скифами в Северном Причерноморье, и Южным Приуральем и Зауральем. Один из подобных караванных путей, описанный Геродотом, получил у археологов и историков название «дорога Геродота». Кроме как для перевозки товаров (медь из южноуральских горнодобывающих центров, возможно, золото, пушнина и соль) эти коммуникации служили и путями иногда массовых миграций. В Южное Приуралье с караванами поступали товары из греческих городов-колоний в Северном Причерноморье. Наиболее известны из них бронзовые зеркала с ручкой так называемого ольвийского типа. Проникновение групп скифского кочевого населения в Южное Приуралье и Зауралье подтверждено здесь археологическими находками, в частности каменными изваяниями скифского типа. Одно из них обнаружено С. Г. Боталовым в кургане на территории с. Варна.

А. Д. Таиров полагает, что в итоге взаимодействия различных по происхождению групп кочевников в этот период раннего железного века оформились два объединения кочевых племен — в Южном Приуралье и в Южном Зауралье — со своими особенностями в погребальной обрядности и материальной культуре. Этим завершилось создание карты этнокультурного расселения на Южном Урале и в Зауралье, просуществовавшей в относительно неизменном виде до II в. до н. э.

В. С. Стоколос исследовал, а С. Г. Боталов доисследовал курган этого времени у средневекового мавзолея Кесене, что в окрестностях с. Варна. Одна из уникальных находок — роговое навершие со скульптурными изображениями животных в скифо-сибирском зверином стиле (рис. 278). Оно украшает ныне экспозицию Государственного исторического музея Южного Урала. Именно савроматским периодом истории Южного Зауралья датированы погребальные памятники местной кочевой знати с явными следами уже скифского влияния. Речь идет о полых деревянных шатровых надмогильных конструкциях под Большим Климовским курганом (Чесменский район), некоторыми курганами Обручевского могильника (Кизильский район) и под Альмухаметовскими курганами (Башкирия).

Рис. 278. Курган у Башни Тамерлана в окрестностях села Варна Челябинской области. Роговое навершие. VI–V вв. до н. э. Раскопки В. С. Стоколоса. 1960 г. Фото С. Арканова

Один из них, Большой Климовский курган близ пос. Климовка, был огромен: диаметр основания 50 м, высота до 4 м. Его изучение растянулось на несколько лет! Археологи установили, что под земляной насыпью таилось сгоревшее первоначально полое деревянное сооружение, воздвигнутое из бревен, скрепленных друг с другом особым образом. Оно служило семье знатных кочевников в качестве склепа. В склеп можно было попасть с поверхности по специальному коридору — *дромосу*, за что этот и подобные ему курганы получили название *дромосных гробниц*.

Несмотря на то что склеп был еще в древности ограблен и сожжен, помимо погребальной архитектуры археологи нашли при раскопках удивительные вещи: бронзовые и железные пластины, крепившиеся на лоб коня, обломок бронзового котла, ковш, бронзовые наконечники стрел, керамический сосуд. Александр Дмитриевич Таиров считает, что курган был сооружен для конкретной семьи из местной кочевой знати, у которой имелись тесные связи со скифами Северного Причерноморья.

В лесостепном Зауралье примером подобного «царского» кургана может служить известный Бабий Бугор в Куртамышском районе современной Курганской области (рис. 279). Его высота и сейчас достигает 10 м, а диаметр основания — 100 м. Насыпь окружает кольцевой ров с проходом в нем. Подобные курганы сооружались из дерновых блоков, земли, камней и растительных материалов. Над их возведением трудилось, безусловно, огромное количество людей. Ученые доказали, что первоначально эти надмогильные сооружения выглядели как ступенчатые пирамиды или усеченные конусы.

Рис. 279. Курган Бабий Бугор (Куртамышский район Курганской области) по-над озером Бабьим. Ранний железный век. Фото Д. Бровко

На вершине кургана Бабий Бугор — огромный (20×30 м) провал глубиной до 4 м. По одной из местных легенд, однажды июньским утром в 1940 г. жители стали свидетелями образования этого провала. Маловероятно, что именно тогда и обрушилось полое пространство древнего склепа.

В савроматское время кочевники Южного Зауралья продолжают использовать в своих ритуалах каменные столики на ножках, называемые археологами жертвенниками (рис. 280–281).

Рис. 280. Обручевский могильник (Кизильский район Челябинской области). Курган 2. Каменный жертвенник на трех ножках Ранний железный век. Раскопки А. Д. Таирова.
Фото В. Жирохова

Фонды Музея археологии и этнографии ЧелГУ

Рис. 281. Курган 36 у деревни Черняки в окрестностях Челябинска. Каменный жертвенник.
V в. до н. э. Раскопки Н. К. Минко, 1908 г. *Фото Н. Минко*

10.2.3. Раннесарматский период истории ранних кочевников степей Южного Зауралья

Во второй половине V в. до н. э. в степи Южного Зауралья вновь, по мнению А. Д. Таирова, массово мигрируют немногочисленные кочевые группы из Северного и Северо-Западного Китая (юэчжи, или усунь). Исследователи называют их условно «ранние сарматы». Они принесли новую погребальную традицию — сооружение могильных ям с подбоем вдоль длинной стенки и южную ориентировку погребенных. Мигранты принесли на Южный Урал и новые формы клинкового оружия. Из них наиболее известны мечи и кинжалы с прямым перекрестьем и серповидным навершием рукояти (рис. 282). Продолжали существовать и видоизмененные дромосные гробницы для захоронения представителей знатных семей. А. Д. Таиров предполагает, что подбойные могилы, традиция сооружения которых была принесена на Южный Урал мигрантами, здесь стали маркером высокого социального положения (жрецы, воины).

В течение IV в. до н. э. на Южный Урал продолжали прибывать из Восточного Туркестана новые переселенцы. Эти миграции могли спровоцировать как неблагоприятная экологическая обстановка, так и некие политические события. С переселенцами в регион пришли и традиции сооружения катакомб, в которых погребальные камеры являлись продолжением входной ямы.

Именно со второй половины V в. до н. э. в результате упомянутых миграций на Южном Урале сложилась мир-система, в которой раннесарматские кочевые объединения соседствовали как с иткульскими группами населения в горно-лесной части Южного Урала, так и с гороховскими в лесостепях Зауралья. Эта карта этнокультурного расселения в регионе продолжала быть актуальной до II в. до н. э.

Наиболее известный пример погребального памятника этого периода — курган Темир. Он был доисследован археологом

Рис. 282. Случайная находка в окрестностях поселка Дубровка (Красноармейский район Челябинской области). Короткий меч. III–II вв. до н. э. Фото Н. Виноградова

Фонды археологической лаборатории ЮУрГГПУ

Марал Калымжановной Хабдулиной в одном из степных районов Челябинской области — Чесменском, у пос. Новотемирского. Профессионально исполненная археологами реконструкция кургана Темир доступна для ознакомления в заповеднике «Аркаим» (рис. 283). В этом кургане в склепе были похоронены, как думают археологи, члены одной знатной семьи (рис. 284). Среди здешних находок — керамические сосуды, в том числе импортная выючная фляга — из далекого Хорезма (рис. 285), железный наконечник копья, несколько колчанов стрел с бронзовыми, железными и костяными наконечниками, бронзовые котлы, бронзовое зеркало и украшения. Один из колчанов явно принадлежал погребенной в склепе женщине. Это удивительно. В то время, когда почти все мужское население отправлялось в военные походы, охрана имущества, детей, стариков ложилась на плечи женщин. Еще древние авторы записали легенду о женщинах-воительницах у кочевников — «амазонках».

Мужчину-кочевника, погребенного под курганом у с. Клястицкого (V в. до н. э.) в Троицком районе Челябинской области, раскопанным археологом Н. П. Кипарисовой, сопровождали колчан, полный стрел с бронзовыми наконечниками, короткий железный кинжал и прочие принадлежности воинского быта, столь нужные ему для жизни в загробном мире, в существовании которого древние кочевники не сомневались.

Подобно фараонам Древнего Египта, вожди южноуральских кочевников раннего железного века стремились обезопасить свои гробницы от грабителей или скрыть положенные вместе с умершим предметы. В Оренбуржье у дер. Филипповки, раскапывая курган кочевой сарматской знати IV в. до н. э., археолог А. Х. Пшеничнюк наткнулся на тайники, которые не сумели найти древние грабители. В тайниках было множество настоящих золотых

Рис. 283. Курган Темир. IV в. до н. э. Реконструкция в заповеднике «Аркаим». Общий вид в ландшафте. Автор А. Д. Таиров. Фото А. Таирова

Рис. 284. Курган Темир. IV в. до н. э. Реконструкция в заповеднике «Аркаим». Внутреннее пространство полого склепа. Фото А. Таурова

Рис. 285. Курган Темир. IV в. до н. э. Реконструкция в заповеднике «Аркаим». Реконструкция способа обращения с телами погребенных. Фото А. Таурова

произведений искусства, созданных местными мастерами и привезенных из Средней Азии, Индии и Ирана (рис. 286–291).

А. Д. Таиров в течение ряда лет исследовал курганный могильник раннего железного века близ с. Кичигино у г. Южноуральска. В результате исследований было выяснено, что могильник формировался в течение нескольких столетий. Самые ранние курганы содержали погребения VII–VI вв. до н. э. Уникальными находками порадовали археологов погребения сарматской знати IV в. до н. э. Одно из погребений принадлежало женщине 60 лет. В области шеи было расчищено украшение — бронзовая гривна, обложенная золотой фольгой. Ее окончания украшали скульптурные изображения в скифо-сибирском зверином стиле (рис. 292). В состав инвентаря в этом погребении входили также иные украшения, исполненные в той же технике, изготовленные в Иране бусы из индийского сердолика, бронзовый сосуд.

Простых воинов-кочевников и членов их семей хоронили куда скромнее. Так, в Челябинске на территории одного из профтехучилищ на оз. Смолино археологами было доисследовано погребение воина-кочевника IV в. до н. э. Короткий железный меч и скромное снаряжение верхового коня — вот и все, что потребовалось воину для путешествия в мир мертвых.

Рис. 286. Филипповский курганный могильник (Илекский район Оренбургской области). Большой Филипповский курган. Литые изображения архаров, выполненные в скифо-сибирском зверином стиле. Золото. IV в. до н. э. Сарматская культура. Раскопки А. Х. Пшеничнюка.
Фото Н. Виноградова

Рис. 287. Филипповский курганный могильник (Илекский район Оренбургской области). Большой Филипповский курган. Литые изображения архаров, выполненные в скифо-сибирском зверином стиле (деталь). Золото. IV в. до н. э. Сарматская культура.

Раскопки А. Х. Пшеничнюка. Фото Н. Виноградова

Фонды ИЭИ УФИЦ РАН

Рис. 288. Филипповский курганный могильник (Илекский район Оренбургской области). Большой Филипповский курган. Ваза. Золото. Происхождение — Иран. IV в. до н. э. Сарматская культура. Раскопки А. Х. Пшеничнюка. Фото Н. Виноградова

Фонды ИЭИ УФИЦ РАН

Рис. 289. Филипповский курганный могильник (Илекский район Оренбургской области). Большой Филипповский курган. Деревянный сосуд, декорированный головой и лапами медведя. Золото. IV в. до н. э. Сарматская культура. Раскопки А. Х. Пшеничнюка.
Фото Н. Виноградова

Фонды ИЭИ УФИЦ РАН

Рис. 290. Филипповский курганный могильник (Илекский район Оренбургской области). Большой Филипповский курган. Деревянный сосуд, декорированный головой и лапами медведя (фрагмент). Золото. IV в. до н. э. Сарматская культура. Раскопки А. Х. Пшеничнюка.
Фото Н. Виноградова

Фонды ИЭИ УФИЦ РАН

Рис. 291. Филипповский курганный могильник (Илекский район Оренбургской области). Большой Филипповский курган. Скульптура оленя. Дерево, золото. IV в. до н. э. Сарматская культура. Раскопки А. Х. Пшеничнюка. Фото Н. Виноградова

Фонды ИЭИ УФИЦ РАН

Рис. 292. Кичигинский могильник у села Кичигино (Увельский район Челябинской области) на берегу Южноуральского водохранилища. Курган 3. Инвентарь погребения знатной пожилой женщины: бронзовый сосуд, бронзовая гривна, обложенная золотой фольгой, бусы (Индия — Иран), браслеты, перстни (золото). IV в. до н. э. Сарматская культура. Раскопки А. Д. Таирова. 2006 г. Фото С. Арканова

Фонды ГИМЮУ ОФ-6623/637, 638, 643, 646,647.

На рубеже V–IV вв. до н. э. в Южном Зауралье началось постепенное усущение климата. Оно продолжалось вплоть до V в. н. э. Оказавшись в неблагоприятных для кочевого скотоводческого образа жизни условиях, кочевники Южного Зауралья вынужденно стали откочевывать со стадами в Южное Приуралье и далее в Нижнее Поволжье. Иссушение климата стало, таким образом, одной из причин резкого сокращения кочевого населения в южноуральских степях.

В то же время в период со второй половины V по II в. до н. э. археологи фиксируют *волнообразную по масштабам миграцию на Южный Урал кочевых племен из Северного, Северо-Западного Китая и Монголии*. Исследователи говорят об экологических и политических причинах этих миграций. В степях Южного Урала происходило активное их смешение с местным сарматским населением.

В то же время с IV по II в. до н. э. включительно археологи фиксируют материальные свидетельства проникновения южноуральских (сарматских) кочевых объединений в Центральную Азию. Вот что интересно: предполагается, что с IV в. до н. э. в войсках кочевников, как реакция противодействия македонской фаланге, появились отряды тяжелой кавалерии, закованные в броню *катафрактари*. Защитные доспехи для всадника и коня, длинный кавалерийский меч, тяжелое штурмовое копье — таким было снаряжение всадников тяжелой кавалерии. Около 250 г. до н. э. в районе современной Южной Туркмении, на территории бывшей сатрапии Ахеменидского Ирана, а впоследствии и Селевкидской империи — Парфии, образовалось раннее Парфянское царство. Его отделение от Селевкидов связывают с кочевниками парнами, входившими в кочевую конфедерацию дахов (даев). Из среды парнов выделилась правящая династия Аршакидов. Имя ей дал первый парфянский царь Аршак. Изюминка сюжета заключается в том, что размещение дахов связывают... с Южным Приуральем и Восточным Прикаспием.

В целом причины оттока кочевого населения с Южного Урала в этот период нужно искать в подробностях греко-македонских завоеваний в Центральной Азии, а также в усилении давления саргатского военно-территориального союза на гороховское население Зауралья.

Есть данные, позволяющие утверждать, что военные формирования кочевников Южного Урала принимали участие в разгроме Греко-Бактрийского царства (между 141 и 128 гг. до н. э.). Со времени правления в Парфии царя Митридата II (123–88/87 гг. до н. э.) кочевники заняли парфянскую провинцию, которая получила их (кочевников) имя — Сакастена — страна саков (современная провинция Сеистан Исламской Республики Иран). Именно тяжелая конница парфян сокрушила легионы Марка Лициния Красса в битве при Каррах в 53 г. до н. э.

В конце III — II в. до н. э. из Западной Монголии и Восточного Туркестана на запад вновь устремились разноязыкие кочевые племена, в большинстве, по мнению С. Г. Боталова, ираноязычные юэчжи. Середина — вторая половина II в. до н. э. — финал истории раннесарматской (прохоровской) культуры в Южном Зауралье. Удивительным археологи считают факт почти полного отсутствия в степях Южного Зауралья погребений кочевников I в. до н. э. — I в. н. э. Степи нашего края в эти столетия обезлюдели.

Следующий этап истории ранних кочевников Южного Зауралья связан с новой волной переселенцев из Центральной Азии. В древней истории Южного Урала начинается занявший несколько веков переход от раннего железного века к средневековому периоду, получивший название *гунно-сарматского переходного периода (II–V вв. н. э.)*.

Многочисленные предметы из погребений ранних кочевников Южного Урала говорят об их своеобразной и яркой культуре. Искусные мастера изготавливали совершенные изделия из бронзы и железа, кожи, кости, рога и дерева — в первую очередь предметы вооружения: копья, мечи и кинжалы, луки и стрелы, защитные доспехи, щиты и т. д. Снаряжение верхового коня представляли элементы узды, сбруи. Отдельная область материальной культуры — женские украшения и аксессуары. Знатные особы надевали на себя диадемы и гривны, изготовленные порой из драгоценных металлов. Женские украшения представлены также разнообразными бусами из камней и непрозрачной стеклянной пасты. Бронзовые диски с заполированной поверхностью служили неплохими зеркалами. Их носили в кожаных, меховых или тканых сумочках-футлярах. Сумочки эти крепились к поясам с помощью кожаных плетеных ремешков. Из бронзы отливали в литейных формах смертоносные наконечники стрел, детали конской упряжи, двуручные котлы различной величины, на воронкообразной ножке, служившие, по одной из гипотез, символами власти вождей и старейшин.

В течение раннего железного века, от этапа к этапу, менялась как сама номенклатура предметов погребального инвентаря, так и отдельные их типы, например типы предметов вооружения воинов-кочевников.

Ученые в ходе изучения погребальных памятников ранних кочевников разработали подробные классификации и систему датирования основных категорий предметов кочевой материальной культуры: клинкового оружия, бронзовых и железных наконечников стрел, предметов снаряжения верхового коня, украшений. Каждому из выделенных периодов истории Южного Урала в эпоху ранних кочевников соответствует свой ансамбль типов предметов материальной культуры: клинкового оружия, наконечников стрел, копий.

Например, самому древнему периоду истории ранних кочевников в наших местах (вторая половина VIII в. до н. э. — середина VI в. до н. э.) соответствуют бронзовые изделия: цельнолитые ножи-кинжалы с бабочковидным перекрестьем и зооморфным оформлением навершия рукояти; чеканы с длинной деревянной рукоятью с бронзовым навершием; удила со стремевидными окончаниями; зеркала с петлей для ремешка на оборотной стороне или с длинной ножевидной рукоятью; трехлопастные черешковые и втульчатые наконечники стрел; каменные мобильные жертвенники на четырех коротких ножках.

10.3. Декоративно-прикладное искусство кочевников Южного Урала раннего железного века

Оригинальное направление декоративно-прикладного искусства кочевников Южного Урала в раннем железном веке — звериный стиль (изображения животных на украшениях одежды, предметах вооружения и элементах снаряжения боевых коней), который восхищает и интригует наших современников своей необычностью и загадочностью.

Звериный стиль декоративно-прикладного искусства присутствует в памятниках ранних кочевников Южного Урала VIII–IV вв. до н. э. В произведениях скифо-сибирского звериного стиля VII–VI вв. до н. э. ранние кочевники Южного

Уральского водохранилища (Увельский район Челябинской области). Курган 5. Золотые накладки в виде львов — украшение лицевой части горита погребенного воина — в процессе расчистки. VII в. до н. э., сакское время. Раскопки А. Д. Таирова. 2006 г. Фото А. Таирова

Рис. 293. Кичигинский могильник у села Кичигино, на берегу Южно-уральского водохранилища (Увельский район Челябинской области). Курган 5. Золотые накладки в виде львов — украшение лицевой части горита погребенного воина — в процессе расчистки. VII в. до н. э., сакское время. Раскопки А. Д. Таирова. 2006 г. Фото А. Таирова

Фонды музея «Народы и технологии Урала» Южно-Уральского государственного университета

Урала чаще использовали образ барса или льва, волка или медведя, орла или фантастического грифона. Пять литых односторонних золотых наклеек (львов) украшали лицевую сторону футляра для лука и стрел — горита, принадлежавшего воину из погребения 1 кургана 5 могильника Кичигино I второй половины VII в. до н. э. (рис. 293). Нужно упомянуть также сцены терзания хищником травоядного животного. Региональные особенности звериного стиля в большей степени проявились в произведениях искусства южноуральских кочевников в период со второй половины VI в. до н. э. до третьей четверти V в. до н. э. Ученые до сих пор спорят о содержании этих образов. О зверином стиле в декоративно-прикладном искусстве ранних кочевников скифо-сибирского мира лучше почитать отдельно.

10.4. Сапоговская загадка

С духовным миром людей, живших в Южном Зауралье в раннем железном веке, связан также известный Сапоговский клад. Он известен уже более века. Крестьянин из небольшой деревушки на севере современной Челябинской области при распашке нового участка случайно поднял плугом на поверхность земли двенадцать медных литых фигурок. Десять из них (рис. 294) удалось спасти от продажи в частные руки. В конечном счете они были по-

Рис. 294. Медные литые фигурки из Сапоговского клада. Иллюстрации из «Древностей Восточного Урала» В. Я. Толмачева

делены между Эрмитажем и музеем Уральского общества любителей естествознания в Екатеринбурге (позднее Музей истории и археологии Урала).

Фигурки отлиты в двусторонних формах и изображают как мужчин, так и женщин. Все мужчины изображены воинами. Археолог В. Ю. Зуев полагает, что среди сапоговских фигурок надо видеть высшую знать с гривной на шее и длинным кавалерийским мечом. Кроме того, в коллекции имеются изображения воинов, вооруженных кинжалами с оригинальной системой крепления. Наконец, имеется несколько изображений женщин. А в целом вся серия иллюстрирует структуру кочевого общества степей Южного Урала.

Через многие десятилетия в 25–30 км от места находки Сапоговского клада случайно была поднята аналогичная сапоговским антропоморфная медная отливка. Уже в наше время на р. Синаре было найдено еще несколько подобных фигурок. Археологам стало ясно, что именно в этой части лесостепного Южного Зауралья какое-то время в раннем железном веке существовали верования не вполне понятного содержания, для обслуживания которых и требовалось упомянутое выше медное литье. С объяснением самих антропоморфных отливок возникли затруднения, как и с отнесением собрания фигурок, рассредоточенного по трем отечественным музеям (Эрмитаж, Свердловский и Челябинский областные музеи) к определенной археологической культуре раннего железного века.

Носители трех археологических культур раннего железного века в разное время назначались исследователями на роль творцов сапоговских антропоморфных медных отливок. Это иткульская культура с ее традицией помещения в святилища на вершинах гор отлитых в односторонних формах медных человекоптиц — воплощений душ иткульских мастеров металлопроизводства. Это и обитатели гороховских городищ и селищ, территориально близкие к местам нахождения предметов из клада и их аналогов. Наконец, это кочевники-сарматы, в культуре которых известны каменные изваяния с набором изображенных на них предметов, близких к сапоговским.

Соответственно разногласиям по поводу определения создателей сапоговских фигурок разнится и их датировка с разбросом от V–III вв. до н. э. до I–V вв. н. э.

10.5. Гамаюнская культура

В начале I тыс. до н. э. в горно-лесной и лесостепной части Южного Урала появился новый народ, для которого на несколько столетий (IX–IV вв. до н. э.) эти места стали родиной. Археологи дали ему, как и другим забытым в веках народам, условное название — «гамаюнская культура», по месту в Свердловской области, где впервые были найдены остатки этой культуры. Археолог *Виктор Александрович Борзунов* из Екатеринбурга считает, что люди гамаюнской культуры вынуждены были покинуть свои родные места

на севере Урала из-за многолетних дождливых сезонов, в течение которых были затоплены их охотничьи угодья. Пришельцы умели строить из дерева и земли городища, дома-крепости, но хуже местных племен знали металлы и способы их получения. Их орудия в абсолютном большинстве были каменными, костяными, роговыми и деревянными. Гамаюнская керамическая посуда круглодонная и украшена орнаментом — рядами глубоких ямок в шахматном порядке и целыми «полями» косых крестов, похожих на знак умножения (рис. 295–296).

Гамаюнцы, появившись на Южном Урале, активно и разнообразно контактировали с местным иткульским населением (от военных столкновений до семейно-брачных отношений) и впоследствии окончательно растворились в иткульской среде.

Лесные люди, они по традиции жили охотой на косуль, лосей, северных оленей. Перенятое от соседей разведение животных больше похоже было на первые опыты. Укрепленные поселения гамаюнцев — деревянно-земляные городища — археологи изучили по р. Уфа, Багаряк (Зотинское IV, Колпаковское), Синара (Каменогорское), на озерах, в частности на оз. Иртяш (городище Шатанов-2). Самые южные из них занимали береговые мысы р. Миасс (например, у с. Миасского). На р. Уфе гамаюнское городище занимало мыс, перегороженный двумя линиями обороны со стороны берега. Каждая линия обороны состояла из рва и деревянной стены на валу за ним. В развалинах городища ученые наткнулись на остатки мастерских, где плавил медь и изготавливали разнообразные каменные орудия. Этот мыс на р. Уфе был

Рис. 295. Гамаюнская керамика. Современные реплики. Фото А. Наумова

Рис. 296. Городище Иртяшское 1. Фрагменты гамаюнских сосудов.
Раскопки А. М. Наумова. Фото А. Наумова

настолько удобен, что и в последующий период, в Средние века, здесь также было устроено городище.

10.6. Иткульская культура

В лесных предгорьях Южного Зауралья по берегам рек и озер, там, где сейчас север Челябинской и юг Свердловской областей, в период с VII по III в. до н. э. жило население, оставившие памятники иткульской археологической культуры. Свое «имя» она получила по названию оз. Иткуль на севере нашей области. Именно здесь археолог К. В. Сальников впервые обнаружил и впоследствии изучил следы этой культуры (рис. 297–298). Археологам известны десятки иткульских городищ (Зотинское III на р. Багаряк, Иртяшские городища на одноименном озере). Южную границу иткульского ареала найдем на оз. Большой Теренкуль, где исследовано иткульское святилище на вершинах одинокой скалы — Лысой горы (рис. 299–300). Городища располагались на возвышенностях у озер, а также на высоких мысах у рек. При этом рвы и стены либо пересекали мыс поперек, либо «подковой» отсекали часть высокого берега. Особенность городищ этого древнего уральского народа состоит в том, что часто они располагались... парами: большое и рядом совсем маленькое, с почти незаметным ныне рвом и валом. Часть малых городищ в этих парах явно были святилищами.

Археолог из Екатеринбурга *Галина Викторовна Бельтикова* (1945–2015) пишет, что некоторые из этих городищ имели до четырех (!) линий обороны. Земляные валы дополнялись деревянной стеной. Со стороны реки или озера площадка городища надежно защищалась обрывом. Известны и неукрепленные поселения. Ученые считают иткульцев потомками носителей местных

Рис. 297. Вид на площадку Большого Иткульского городища со стороны озера Иткуль.
Фото Н. Виноградова

Рис. 298. Городище Большое Иткульское на северном берегу озера Иткуль. Земляное основание
деревянных конструкций обводной стены и ров перед ним.
Фото Н. Виноградова

Рис. 299. Скала Лысяя гора на берегу озера Большой Теренкуль (Чебаркульский район Челябинской области) с иткульским святилищем на верхних площадках.

Фото Н. Виноградова

Рис. 300. Находки из раскопок иткульского святилища на верхних площадках скалы Лысая гора на берегу озера Большой Теренкуль (Чебаркульский район Челябинской области). Фото Н. Виноградова

Фонды археологической лаборатории ЮУрГГПУ

лесных культур конца бронзового века, говоривших на праугорских языках, близких к языкам современных манси и хантов. Это в первую очередь население межовской культуры заключительного этапа бронзового века.

Иткульское гончарство представлено своеобразными круглодонными сосудами различного объема и назначения (рис. 301–302). В глину иткульских сосудов добавлялся мелко истолченный тальк. Орнаментировалась посуда простейшими геометрическими узорами, выполненными гребенчатыми штампами, иногда в сочетании с ямочными вдавлениями.

Раскопки иткульских городищ дали не только своеобразную глиняную посуду, но и... огромное количество остатков, так или иначе связанных с плавкой и обработкой меди. Дело в том, что в распоряжении иткульцев оказались богатые рудные месторождения у современного г. Полевского на юге Свердловской области и много мелких месторождений на севере нынешней Челябинской области. Вероятно, на штольни иткульских горняков у Полевского натыкались в XVIII в. русские разработчики медных месторождений.

Представьте удивление археологов, когда они раскопали большую часть городища Иткульское I на оз. Иткуль и обнаружили... 27 (!) металлургиче-

Рис. 301. Городище Иртяшское 1. Иткульские сосуды. Раскопки А. М. Наумова.
Фото А. Наумова

Рис. 302. Иткульское святилище на верхних площадках скалы Лысяя гор» на берегу озера
Большой Теренкуль (Чебаркульский район Челябинской области). Иткульский сосуд.
Фото Н. Виноградова

ских горнов, расположенных в три ряда вдоль внутренней стороны оборонительной стены — целый «металлургический цех» (рис. 303)! Г. В. Бельтикова считает, что горны были каменными или глиняно-деревянными, одноразовыми или предназначенными для непрерывного использования. Сами плавильные камеры горнов чуть углублялись в грунт и обустроивались так, чтобы как можно меньше было потерь тепла. В качестве теплоизолятора использовалась... береста, которую пластами укладывали под дно горна. Как и в эпоху бронзы, выплавка металла производилась с поддувом в печь воздухом с помощью мехов. Использовался древесный уголь.

В некоторых местах (остров Малый Вишневы на Аргазинском водохранилище, вершины нескольких гор у г. Полевского и др.) у иткульцев были площадки для выплавки меди и святилищ одновременно. Некоторые археологи считают, что на вершинах отдельных гор иткульцы устраивали святилища, где хранили литые медные изображения человекоптиц — принесенные в дар духам и воплощавшие души умерших горняков-кузнецов-металлургов-литейщиков (рис. 304). Яркие находки подобного рода были сделаны в начале XX в. у древнего святилища на оз. Большие Аллаки (Челябинская область), в 1940 г. — на горе Азов в окрестностях Полевского, и еще в ряде похожих мест.

Рис. 303. Городище Большое Иткульское на северном берегу озера Иткуль. Жизнь в раннем железном веке. Картина Ю. Шмелева

Рис. 304. Металлопластика иткульской культуры. Фото А. Наумова

Явные признаки знакомства с добычей железной руды, металлургией железа и способами работы с ним проявляются у мастеров иткульской культуры лишь начиная с V в. до н. э. Почему так поздно? Потребности в металле ранее вполне удовлетворяли медь и бронза. И велик был спрос на них у кочевых соседей — сарматов, и у соседей в Приуралье — представителей ананьинской культуры.

Еще несколько сторон жизни иткульцев удивили ученых. Во-первых, иткульские бронзовые предметы, элементы вооружения, найденные при раскопках, были удивительно похожи на те, что бытовали в то время у степных кочевников — сарматов. Во-вторых, в стадах иткульцев, лесных (!) жителей, преобладали... лошади. Если бы это был степной народ, такое обстоятельство не удивило бы ученых. Но иткульцы обитали по лесным озерам и рекам. И вот что поняли ученые. Иткульцы, как некогда степные народы Южного Зауралья бронзового века, то есть почти за тысячу лет до них, были народом, в жизни которого металлопроизводство играло большую роль. Археологи считают, что общины иткульских мастеров, кузнецов-металлургов, производили гораздо больше медных предметов, чем им было необходимо самим. Значит, излишки они обменивали. Кочевники пригоняли к стенам иткульских городищ табуны коней, а увозили в степь аккуратно завернутые бронзовые предметы, отлитые и откованные лесными мастерами. Бронзовые предметы кочевники Южного Зауралья могли получать и в обмен на... защиту иткульцев от врагов. Иткульский металл через кочевые степи проникал далеко на запад от Урала (рис. 305).

Рис. 305. Случайная находка в окрестностях города Юрюзани. Парадная секира. Медь. Произведена иткульскими мастерами. VII–VI вв. до н. э.
Фото Н. Виноградова

Фонды Златоустовского городского краеведческого музея

Кстати, археологи, изучавшие иткульские поселения, пришли к выводу, что и в «иткульское время» металлургия и обработка меди считались... колдовством. Под основаниями плавильных печей ученые находили иногда глиняные или каменные диски с отверстием в центре — части приборов для добывания огня. Скорее всего, эти предметы использовались в магических ритуалах, связанных с духами — покровителями огненного ремесла. В развалинах иткульского святилища на Лысой горе, что на оз. Большой Теренкуль в Чебаркульском районе, археологи обнаружили до 50 подобных каменных и керамических дисков (рис. 300)!

Одно из предположений о назначении маленьких городищ рядом с большими таково — они были святилищами. Рвы иткульских городищ вряд ли являлись оборонительными рубежами, так как были слишком мелкими и узкими. Скорее всего, это были уже известные нам «волшебные границы», отделявшие мир, где колдуны-металлурги общались с духами, от мира обычных людей. Известны и иные иткульские святилища, в частности на оз. Травакуль в окрестностях Озерска.

В лесостепном Среднем Притоболье начало раннего железного века связано с историей населения, поселения и могильники которых археологи назвали памятниками *носиловского, воробьевского и баитовского типов*. В сосновом бору на участке террасы левого берега р. Исети у современной дер. Большая Воробьевка находятся развалины Воробьевского городища и селища, давших имя всей группе памятников (рис. 306). Обследовавший городище К. В. Сальников предположил, что для создания фортификационного эффекта крутой берег Исети был еще в древности специально подрезан. Городище помимо центральной части имеет примыкающие к ней с севера и юга два периферийных участка. Важно отметить, что помимо городища на этой площадке находилось и лишенное укреплений селище.

Рис. 306. Воробьевское городище у города Шадринска. Ров и вал. Ранний железный век и Средневековье. Фото Н. Виноградова

Городище ограничивают оплывшие развалины оборонительных сооружений. В ходе археологических работ на городище выяснилось, что оборонительные сооружения включали, помимо стен, также и *башни*, которые вдавались в ров. С нескольких сторон в городище можно было войти и въехать через проходы-проезды. Городище в раннем железном веке обживалось неоднократно. Самые поздние материалы этого периода здесь связаны с гороховской культурой лесостепного Зауралья.

10.7. Гороховская культура

Лесостепные племена гороховской культуры в Зауралье (современная Курганская область) в V–III вв. до н. э., как и иткульцы, строили городища на обрывистых берегах рек, но, в отличие от иткульцев, жили в одно-двухкомнатных полуподземных постройках, тесно заполнявших ограниченное оборонительными стенами пространство. Названа культура по развалинам известного Гороховского городища (местные жители называют его Чудаки, указывая таким образом, что жил здесь древний неведомый народ «чудь») у с. Горохова на р. Юргамыш в Юргамышском районе Курганской области.

Исследование городища связано с именами археологов К. В. Сальникова, В. Е. Стоянова и Г. В. Бельтиковой. На жизнь древних обитателей городища большое влияние оказывали могущественные кочевые степные соседи. На высоких обрывистых берегах рек Южного Зауралья и лесостепного Притоболья — на р. Миасс в окрестностях пос. Солнечного Сосновского района Челябинской области (рис. 307), а также у дер. Косулино Щучанского района Курганской области — известны гороховские деревянно-земляные городища, где оплывшие остатки оборонительных стен отгораживают участок обрывистого берега, упираясь в два глубоких лога. В ряде случаев городища сопровождаются лишенными укреплений селища. Гороховские городища известны по берегам р. Исети также у дер. Ячменево, у с. Мыльниково.

Рис. 307. Большое Баландинское городище на мысе правого берега реки Миасс в окрестностях аэропорта «Курчатов». Руины оборонительных укреплений. Гороховская культура (V–III вв. до н. э.). Фото Н. Виноградова

В гороховском обществе археологи выделяют несколько слоев: знать, воины, рядовые общинники. Возможно, под влиянием или даже при участии кочевых степных соседей в гороховском обществе выделилась знать. Ее погребения резко выделяются своими размерами и богатством. Некоторые специалисты полагают, что элита угрозязычного в массе своей населения гороховской культуры в лесостепях Зауралья была ираноязычной и происходила из *степной кочевой среды*. Доказательство этому предположению — несколько десятков одиноких крупных земляных курганов, возвышающихся среди полей по высоким местам у рек и озер в Кетовском и Куртамышском районах современной Курганской области и скрывающих остатки погребений знатных людей того времени. Практически все они давным-давно ограблены. Археологи считают, что кочевники степей Северного Казахстана и гороховцы Зауралья были очень тесно связаны, возможно, как иткульцы и кочевники Южного Зауралья. У них, как уже говорилось, бытовали одни и те же типы предметов вооружения. Некоторые археологи предполагают у гороховцев двуязычие. На позднем этапе своей истории гороховцы были оттеснены на запад, ближе к Уральским горам, усилившимся военно-территориальным союзом племен близкой по облику и образу жизни саргатской культуры Западной Сибири.

Саргатское население было многочисленным, объединенным в мощный военно-территориальный союз. Его историю отражают руины известного Рафайловского городища на р. Исети в Тюменской области. На территории современной Курганской области подобным примером может служить Павлиново городище IV–II вв. до н. э. на мысе левого коренного берега р. Исети (рис. 308–310). Двойная линия укреплений (рвы и валы) подковообразно ограничивает площадку в 2000 кв. м. Городище сопровождается многочисленными курганами сопутствующего могильника. Исследовавшие этот комплекс археологи указывают, что он был оставлен носителями саргатской культуры.

Умерших рядовых соплеменников гороховцы хоронили под небольшими земляными курганами, укладывая их в вытянутой позе на спине головой на север вместе со скромным погребальным инвентарем — как правило, с обычными для этой культуры круглодонными горшками, украшенными пояском простейшего геометрического орнамента по плечикам.

Гороховцы занимались пастушеским либо полукочевым скотоводством и земледелием. Однако проблема земледелия здесь археологами специально пока не исследовалась, и его наличие должно рассматриваться как предположение.

Верования гороховцев отражают и, как правило, такие случайные находки, как жертвенники — каменные плиты, на одной из боковых поверхностей которых искусно вырезано реалистично выполненное скульптурное изображение головы барана (рис. 311–312). На территории Челябинской

Рис. 308. Городище Павлиново (Шатровский район Курганской области). Ранний железный век (саргатская культура). Раскопки Л. Н. Коряковой. Постройка 5. Зачистка по материку (по: Koryakova, Epimakhov 2007, Fig. 0.1). Фото А. Ковригина

Рис. 309. Городище Павлиново (Шатровский район Курганской области). Глиняные сосуды. Ранний железный век (саргатская культура). Раскопки Л. Н. Коряковой (по: Корякова Л. Н., Дэйр М.-И., Ковригин А. А., 2009). Фото А. Ковригина

Рис. 310. Городище Павлиново (Шатровский район Курганской области). Глиняные сосуды. Ранний железный век (саргатская культура). Раскопки Л. Н. Коряковой (по: Корякова Л. Н., Дэйр М.-И., Ковригин А. А., 2009). Фото А. Ковригина

Рис. 311. Случайная находка в окрестностях деревни Сосновки (Куртамышский район Курганской области). Каменный жертвенник со скульптурным изображением головы барана на одной из боковых поверхностей. Гороховская культура (V–III вв. до н. э.).

Фото В. Жирохова

Фонды Археологической лаборатории КГУ

Рис. 312. Случайная находка в окрестностях города Троицка Челябинской области (угодя совхоза им. Ленина). Каменный жертвенник со скульптурным изображением головы барана на одной из боковых поверхностей. Гороховская культура (V–III вв. до н. э.).

Фото В. Жирохова

Фонды ГИМЮУ ОФ-1595/1

области известны три подобных находки. Они ожидаемо происходят из пограничных с Курганской областью районов, территориально указывая на свою принадлежность к гороховской культуре. Упомянутые жертвенники имеют в различной степени выраженные следы использования. В качестве примера приведем жертвенник, найденный в окрестностях с. Каракульского Октябрьского района. На верхней плоскости каменной плиты здесь видим чашевидное углубление, образовавшееся от круговых движений каменного песта, вытиравшего на этой рабочей поверхности некие (растительные?) ингредиенты.

С бронзового века рога барана для степных скотоводов были знаком-символом божественного огня, благодати-благопожелания — *фарна*. Обряды, связанные с фарном, были широко распространены в мире степных скотоводов-индоиранцев еще в бронзовом веке. Почитался фарн и в мире ираноязычных кочевников раннего железного века.

У различных степных кочевых объединений в то же время были широко распространены каменные жертвенники на трех-четырех ножках, иногда с изображениями в зверином стиле или в виде каменных плит с небольшой полостью. Не исключено, что и само использование гороховцами каменных жертвенников, и появление скульптурных изображений головы барана на них — также результат влияния степных кочевников. Ученые пока не пришли к единому мнению относительно истоков этой традиции у гороховцев.

В руки современников случайно попадают и иные редкие предметы той эпохи, например бронзовые или железные кинжалы с рукоятями, навершия которых оформлены в скифо-сибирском зверином стиле.

Сказанное выше позволяет утверждать следующее:

- *Население Южного Урала и Зауралья в раннем железном веке несколько раз обновлялось за счет массовых миграций кочевых племен преимущественно из Северного и Северо-Западного Китая (Восточного Туркестана).*

- *Ранний железный век — время формирования пастбищно-кочевой системы, основы принципиально нового образа жизни — кочевничества.*

- *На юге Урала в этот период складываются мощные военно-политические союзы степных кочевых племен с выделением военных вождей и военно-родовой знати.*

- *Ранние кочевники Южного Урала причастны к крушению Греко-Бактрийского царства в Центральной Азии и к образованию раннего Парфянского царства.*

- *Ираноязычные кочевники Южного Урала были не только тесно связаны с древнейшими государствами Центральной Азии. Они контролировали караванные пути из Центральной Азии к лесам Урала и Западной Сибири, из Приуралья к греческим городам Приазовья и Северного Причерноморья,*

установили контроль над своими северными финноугроязычными соседями, жившими в южной части лесной зоны Урала.

- Монументальная погребальная архитектура ранних кочевников Южного Урала — свидетельство социальной дифференциации общества.

- Типология и классификация предметов вооружения, снаряжения верхового коня, женских украшений и аксессуаров ранних кочевников менялась от этапа к этапу в раннем железном веке.

- В горно-лесном Зауралье у населения иткульской культуры сформировался особый тип хозяйства, где важное место занимали цветная металлургия и металлообработка (медь и бронза).

- В лесостепях Зауралья и в южной части лесов в области распространения гороховской культуры наряду с охотой и рыболовством широко распространилось скотоводство и, возможно, земледелие.

- Постоянная опасность вторжений степняков и внутренние неурядицы привели к появлению у носителей гороховской культуры городищ с порой сложной системой обороны. Эти же причины, дополненные неравным перераспределением произведенных продуктов труда, привели к оформлению у лесостепных и южнолесных уральских народов союзов племен с выделением знати.

- Степные кочевые народы Южного Урала в раннем железном веке оказали влияние на своих лесостепных и лесных соседей даже в такой трудно поддающейся влияниям области, как верования. Распространение у лесостепных и лесных племен Южного Урала и прилегающих районов Западной Сибири предметов вооружения, украшений одежды и снаряжения коней, выполненных в зверином стиле, подтверждает это.

- Богатый и сложный духовный мир носителей культур раннего железного века Южного Урала и Среднего Притоболья иллюстрируют произведения декоративно-прикладного искусства в скифо-сибирском зверином стиле, медное антропоморфное литье и, наконец, каменные жертвенники со скульптурными изображениями головы барана.

Литература

Основная

Таиров А. Д. Ранний железный век // Древняя история Южного Зауралья : в 2 т. Челябинск, 2000. Т. 2. С. 3–206.

Таиров А. Д. Южный Урал в эпоху ранних кочевников // История Южного Урала : в 8 т. Т. 3. Челябинск : Издат. центр ЮУрГУ, 2019. 400 с.

Дополнительная

Таиров А. Д. Кочевники урало-казахстанских степей в VII–VI вв. до н. э. : монография. Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2007. 274 с. : ил.

Комплексы кочевой аристократии Южного Урала : альбом / С. Г. Боталов, А. Д. Таиров, С. М. Арканов ; под ред. С. Г. Боталова, Н. О. Ивановой. Челябинск : Издат. центр ЮУрГУ, 2013. 328 с.

Матвеева Н. П. Актуальные вопросы изучения древней караванной торговли (Западная Сибирь — Средняя Азия) // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях : сб. памяти Е. Е. Кузьминой. Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2014. С. 100–109.

Дубровский Д. К., Грачев В. Ю. Уральские писаницы в мировом наскальном искусстве. Екатеринбург : Грачев и партнеры, 2010. 216 с. : ил.

Зайков В. В., Таиров А. Д., Зайкова Е. В., Котляров В. А., Яблонский Л. Т. Благородные металлы в рудах и древних золотых изделиях Южного Урала. Екатеринбург : РИО УрО РАН, 2012. 232 с.

Викторова В. Д., Непомнящих В. В., Непомнящих О. З. Находки на горе Азов // 120 лет археологии восточного склона Урала. Первые чтения памяти Владимира Федоровича Генинга : материалы науч. конф. Ч. 1: Из истории Уральской археологии: Духовная культура Урала. Екатеринбург, 1999. С. 96–103.

ГЛАВА 11. СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ПЕРИОД В ИСТОРИИ ЮЖНОГО УРАЛА

11.1. Гунно-сарматский период (II–V вв. н. э.)

В II в. н. э. в истории народов Южного Урала и Зауралья началась новая эпоха — Средневековье (рис. 313). Археологи связывают ее начало с эпохой Великого переселения народов с востока. Открыло ее появление в урало-казахстанских степях гуннов — европеоидных по антропологическому типу кочевников из степей Восточного Туркестана (Синьцзян-Уйгурский автономный район Китайской Народной Республики). На Южном Урале это случилось в II в. н. э.

Традиционная точка зрения на лингвистическую принадлежность гуннов указывает на их тюркоязычность. По мнению С. Г. Боталова, формирование гуннского военно-территориального союза в ареале древних ираноязычных народов Внутренней Азии могло вылиться и в ираноязычность и иранокультурность ранних гуннов. Во время их миграции на запад периодически происходило включение в их состав новых народов, и лингвистическая мозаика гуннов закономерно усложнялась. Соседство и тесные контакты с древнекитайской цивилизацией, как будет видно из дальнейшего описания, также наложили отпечаток на различные стороны образа жизни и материального мира гуннов.

Надо иметь в виду, что определение населения степей Южного Урала II–V вв. н. э. как гунно-сарматского — не единственная точка зрения в исследовательской среде. Альтернативное мнение (В. А. Иванов) рассматривает его же как позднейшее сарматское население на восточной периферии сарматского мира.

Основная территория, занятая гуннами, располагалась южнее Зауралья — между Уральскими горами и Аральским морем. С гуннами здесь появились новые виды погребальных, ритуальных, жертвенно-поминальных комплексов (длинные и гантелевидные курганы, наземные склепы из обожженных элементов или сырцовых блоков). Ритуальные комплексы окружала обваловка. На внутренних площадках памятников археологи обнаруживают следы

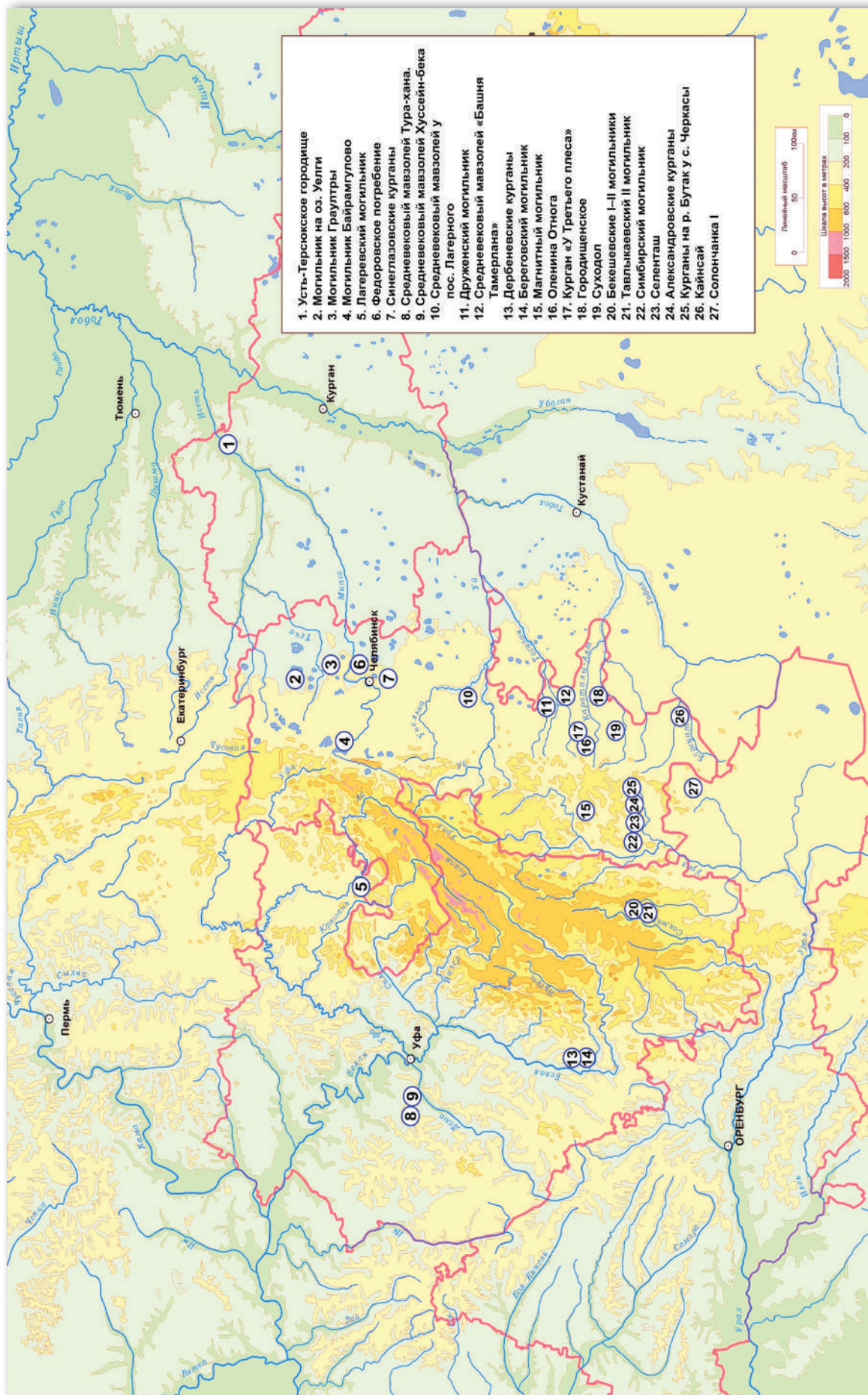

Рис. 313. Локализация некоторых памятников археологии средневекового периода истории Южного Урала

открытого огня, кости животных, преимущественно овец, либо кальцинированные, либо без следов огня. Погребения этого периода совершались в узких, обложенных деревом ямах либо в деревянных саркофагах-колодах. Покойные укладывались на спину головой в северном направлении. Над некоторыми погребениями возводились сырцовые своды. Разнообразие погребальных и жертвенно-поминальных ритуалов указывает археологам на этническую неоднородность оставившего эти погребальные памятники населения.

В Курганской области до сих пор сохранились остатки невиданных по масштабам трудозатрат пограничных оборонительных линий, в частности Черемисский вал (Катайский район) и Язевский вал (Куртамышский район). Оба они сложены гумусным грунтом. В качестве строительного материала, скорее всего, использовались дерновые блоки. Обширные выемки дерна и гумуса для сооружения вала были обнаружены при обследовании Язевского вала.

Черемисский вал с северо-запада на юго-восток, от крутого правого берега старичной протоки до водораздела, перегораживает покатый склон долины р. Исети. Первоначальная общая протяженность земляной части вала — 1650 м (рис. 314). Не исключено, что при необходимости по водоразделу вал мог быть продолжен засеками. Высота вала — до 3,0 м; ширина по основанию — до 20 м. В свое время геологи исключили его естественное происхождение. А известный археолог К. В. Сальников отнес его к раннему железному веку.

Рис. 314. Черемисский вал. Окрестности села Черемисского (Катайский район Курганской области). Фото Д. Бровка

К сожалению, автору не известны факты исследования вала с привлечением современных методов естественных наук, в частности почвоведения. По моему мнению, *в качестве рабочей гипотезы* о конструкции Черемисского и подобных ему валов можно предположить наличие двух параллельных опорных стен из дерновых блоков с гумусной забутовкой пространства между ними. Скорее всего, на верхней площадке вала располагалась деревянная часть укрепления. Расчеты производительности ручного труда показали, что возведением этого монументального сооружения должно было заниматься большое количество строго организованных работников. Снятый в свое время К. В. Сальниковым план вала показывает, что он не создает строго прямой линии, а состоит из нескольких находящихся под небольшим углом друг к другу отрезков. Вполне возможно, что это — следствие реализация принципов эффективной фортификации. Либо строительство отдельных отрезков вала было поручено различным группам строителей, трудившихся спешно и без тесного взаимодействия.

И последнее. Черемисский вал и подобные ему не связаны с конкретным археологическим памятником, а производят впечатление пограничных, прикрывавших некие обширные области от беспрепятственного проникновения конных войск по долинам основных рек. Конечно, валы нуждаются в особом исследовании. *Авторская рабочая гипотеза такова:* они были сооружены саргатским населением Зауралья в попытке остановить экспансию гуннов. По мнению автора, на подобные мегапроекты даже такое мощное военно-территориальное объединение, как саргатский союз, могло решиться только в минуты крайней опасности. Как показали исследования, эти грандиозные усилия не увенчались успехом.

Гунны принесли с собой новый тип конского снаряжения (трнзельное оголовье с односоставными кольчатыми удилами и недоуздом). Как считает С. Г. Боталов, наборы конской ременной гарнитуры являются маркером гунно-сарматского периода в истории наших мест. Набор предметов вооружения для ближнего боя в это время включал узкие двулезвийные мечи и кинжалы без перекрестья либо с коротким брусковидным перекрестьем, с каменным навершием рукояти. В могильнике Солнце II А. В. Епимахов в кочевническом погребении обнаружил навершие рукояти, украшенное халцедоновым диском. С. Г. Боталов предполагает заимствование этих типов вооружения гуннами из Китая. Гунны принесли новый тип лука, мощность которого значительно возросла благодаря концевым и срединным костяным накладкам. Гунны снабжали свои стрелы железными ромбовидными или трехлопастными черешковыми наконечниками. Наконечники стрел могли быть и костяными. Нужно также упомянуть о гуннских бронзовых двуручных котлах — символах единения рода (племени, союза племен). Котлы использовались в общеродовых ритуалах. Традиция эта универсальная,

общекочевая, перешла в раннее Средневековье от кочевников раннего железного века. В свое время автор, будучи в Эрмитаже, был изумлен бронзовым котлом из скифского царского кургана Солоха, сравнимым по объему с небольшим бассейном. Гуннская керамика представлена лепными горшками и круговыми кувшинами. Керамическими были и редко находимые квадратные в плане курильницы для ритуалов. Важным маркером культуры гуннов являются бронзовые зеркала, частично изготовленные в Китае, частично, как подражание им, ремесленниками Восточного Туркестана и Средней Азии. Если лицевая заполированная сторона зеркала эффективно выполняла свою прямую функцию, то обратная, с отлитой заодно петлей для подвешивания, была, как правило, покрыта разнообразными космогоническими символами и тамгообразными знаками (рис. 315). Необходимо упомянуть предметы декоративно-прикладного искусства, выполненные или украшенные в так называемом полихромном стиле: элементы вооружения, детали убранства верхового коня, поясные наборы, женские украшения. Изготовленные зачастую из низкопробного золота, предметы инкрустировались цветными драгоценными или поделочными камнями, цветной стеклянной пастой. Археологи предполагают, что сочетание цветов имело определенное значение для кочевников и было связано с их верованиями. На Южном Урале изделия в полихромном стиле получены археологами при раскопках Дербеневских курганов в Башкирии, Друженского могильника в Варненском районе, могильника Байрамгулово в Аргаяшском районе, Граултры на оз. Тишки, Магнитного могильника в Агаповском районе и некоторых иных памятников.

Рис. 315. Могильник Малково (Чебаркульский район Челябинской области). Зеркало. Бронза. IV–V в. Фото А. Шапиро

Встречаются в погребениях гунно-сарматского периода и римские импортные предметы. Застежки плащей (фибулы) северо-италийского производства, изредка с надписями, найдены в ряде могильников в Башкирии. Уникальная коллекция римской посуды II–III вв. найдена в погребении под курганом 21 могильника Магнитный в Агаповском районе (рис. 316).

Рис. 316. Римские предметы I–II вв. из раскопок кургана 21 могильника у поселка Магнитного (Агаповский район Челябинской области). Раскопки С. Г. Боталова.
Фото С. Арканова

Как считает С. Г. Боталов, собственно с гуннами V–VI вв. в Южном Зауралье связано лишь несколько погребений. Два из них (курганы 5 и 6 могильника Каменный Амбар V) исследовал археолог В. П. Костюков. Курган 5 содержал погребение 30-летней женщины, сопровождающей макетной выкладкой быка. Под курганом 6 расчищено захоронение мужчины 60 лет, которого родственники также сопроводили макетной выкладкой (голова, ноги, шкура) молодого верблюда и кувшином круговой выделки (рис. 317).

Рис. 317. Могильник Каменный Амбар 5 (Карталинский район Челябинской области). Курган 6. Круговой сосуд. V–VI вв. Раскопки В. П. Костюкова. Фото В. Костюкова

11.2. Турбаслинская культура в Приуралье

В результате смешения носителей местных приуральских финно-угорско-язычных (бахмутинской и мазунинской культур) и гунно-сарматских племен, к V в. н. э. в Южном Приуралье, в среднем течении р. Белой, оформляется *турбаслинская* раннесредневековая культура. Ее памятники (городища, селища, могильники и одиночные погребения) датированы периодом с V по VIII в. На турбаслинских поселениях архитектура представлена небольшими по площади (до 30 кв. м) полуземляночными строениями.

Круглодонные или плоскодонные глиняные сосуды, как правило, не орнаментированы. Наличие плоскодонных кувшинов с ручками указывает на контакты с обществами с круговой посудой.

Материалы турбаслинских памятников свидетельствуют о комплексном производящем хозяйстве, включавшем полукочевое скотоводство и, возможно, пашенное земледелие. Находки металлических серпов и зерновых ям на поселениях убедили исследователей в наличии земледелия в хозяйстве турбаслинцев.

Погребальная обрядность турбаслинского населения представлена небольшими земляными курганами с одним-двумя погребениями под ними. Могильные ямы разнообразны: простые грунтовые, либо с подбоем в торцевой стороне, либо склепы-катакомбы с наклонным дромосом и погребальной камерой, отделенной от входа каменными плитами. Погребения, как правило, индивидуальные. Покойный укладывался на спину головой в северном направлении. Погребальный инвентарь турбаслинских захоронений разнообразен. Помимо одного-двух глиняных сосудов, он может включать самые разнообразные костяные, пастовые, металлические предметы, относящиеся к вооружению (наконечники стрел), снаряжению верхового коня, портупейным ремням (пряжки, наконечники, накладки); женские аксессуары (фибулы, бронзовые зеркала, пастовые и янтарные бусы).

Некоторые исследователи пришли к выводу, что турбаслинская культура, особенно ее погребальные памятники, сформировалась при сильном влиянии позднейших сарматов Южного Урала и мигрировавшего к западу саргатского населения.

11.3. Памятники селенташского типа в Южном Зауралье (VI–IX вв.)

Настоящими сокровищами культуры древних кочевников являются их ритуально-поминальные святилища, известные как курганы «с усами». Оленина Отнога, Каинсай, Солончанка I, Городищенское, Суходол, Александровские курганы, Селенташ и др. — полосой тянутся они по степям от Центрального Казахстана до Южной Башкирии. Расположены они, как правило, на возвышенностях по-над реками. Иногда рядом с ними находятся курганные могильники.

Археологи знают на Южном Урале две разновидности таких сооружений. Они различаются по количеству курганов, от которых начинаются каменные «дороги». Модель комплекса кургана «с усами» выглядит следующим образом. От центрального кургана в восточном направлении проложены по дуге как бы две «дороги» из камней, уложенных на землю в большинстве случаев в один-два слоя. Сами «дороги» тоже могут быть по-разному устроены, по-разному начинаться и оканчиваться. «Усы» сориентированы по дуге, имеют разрыв с восточной стороны. На Южном Урале известно около 70 комплексов курганов «с усами». Между ними всегда есть своеобразный вход — «ворота», отмеченный иногда вертикальной стелой или камнем.

Археолог *Иван Валерьевич Грудочко*, специально изучавший эту группу памятников археологии раннего Средневековья, указывает, что на Южном Урале наиболее распространены две разновидности курганов «с усами» — протяженностью около 100 и 150 м.

И. В. Грудочко считает подобные сооружения одноразовыми, частью ритуальной практики, коллективного праздника нескольких кочевых родов, связанного с обрядом поминовения. По его мнению, на центральной площадке сооружения возжигался огонь, готовилось и вкушалось мясо жертвенной лошади, ставился глиняный сосуд (с молочным напитком?). Затем эта площадка засыпалась камнем.

Челябинские археологи (С. Г. Боталов, А. Д. Таиров, И. Э. Любчанский, И. В. Грудочко) уверены в том, что курганы «с усами» сооружали тюркоязычные кочевые народы в раннем Средневековье — в I тыс. н. э., и связывают их появление с притоком в степи Южного Зауралья нового кочевого тюркского населения из Внутренней Азии. С. Г. Боталов считает подобные памятники «культово-погребальными».

В VI в. в лесостепях Южного Зауралья появляется из Западной Сибири угрозычное население *кушнарeнковской культуры*. За ними, также из лесостепей Зауралья в Южное Приуралье, в середине VIII в. переселяются племена *караякуповской культуры*, которые прожили здесь до второй половины IX в. В. А. Иванов предполагает угорскую языковую принадлежность кушнарeнковцев и миграцию кушнарeнковского населения по экологическим или демографическим мотивам из района лесостепного Притоболья в Приуралье. Исследователь связывает происхождение кушнарeнковцев с памятниками бакальской средневековой культуры Зауралья. В *кушнарeнковцах* и *караякуповцах* С. Г. Боталов видит древних венгров, которые впоследствии переселились далее на запад, пока наконец не обрели родину там, где находится сейчас государство Венгрия.

11.4. Кушнарeнковская культура на Южном Урале

История кушнарeнковской археологической культуры начинается с начала VII в. н. э. Ее памятники (по В. А. Иванову) распространены как в Южном Зауралье (Усть-Терсюкское городище на р. Исети в Шатровском районе Курганской области; могильник Граултры в Челябинской области), так и в Южном Приуралье (в среднем и нижнем течении р. Белой и на ее притоках: Лагеревский, Береговский могильники).

Погребальный обряд предполагал захоронение покойных в грунтовых ямах под небольшими земляными насыпями. Под курганом, как правило, размещалось от одной до трех могильных ям. Тела укладывались в узких

неглубоких ямах на спину головой в северном или западном направлении. Помимо предметов погребального инвентаря сообразно полу и возрастному классу умершего у головы покойного оставались сосуд с пищей и кусок мяса барана либо коня.

Кушнаренковская керамика формовалась вручную. Сосуды — круглодонные, либо плоскодонные горшки и кувшины. Простейший геометрический орнамент, там, где он есть, расположен на внешней поверхности сосуда в верхней части.

11.5. Караякуповская культура на Южном Урале

Со второй половины VIII по конец IX в. полосой с запада на восток предгорья Южного Урала в среднем течении р. Белой, долины собственно горной страны и западный макросклон Южного Урала занимали памятники *караякуповской культуры*. Нам известны как караякуповские городища-убежища без долговременно обитаемых построек (например Караякуповское), так и могильники (Лагеревский, Бекешевские I–II).

Под небольшими земляными насыпями караякуповских курганов — от одной до трех грунтовых могильных ям. Положение тел погребенных — на спине головой в западном направлении. У головы — глиняные сосуды.

Как и кушнаренковские, караякуповские сосуды формовались вручную, украшались «жемчужинами» по шейке, имели округлое дно. В составе погребального инвентаря — металлические элементы поясов (пряжки, наконечники, накладки), предметы вооружения (сабли, боевые топоры, наконечники стрел). В погребениях женщин — украшения соответственно возрасту.

В. А. Иванов связывают их происхождение с уграми Зауралья и Западной Сибири.

С историей древних венгров (мадьяр) в Южном Зауралье связывает С. Г. Боталов богатый на находки могильник на оз. Уелги в Кунашакском районе Челябинской области.

Удивительный средневековый могильник конца I тыс. до н. э. был случайно открыт и исследован археологом Владимиром Савельевичем Стоколосом на берегу оз. Синеглазово. Помимо разнообразных серебряных предметов — поясных накладок, украшений снаряжения верхового коня (рис. 318–322) — из погребения извлекли остатки иранской шелковой ткани с вытканными на ней изображениями тяжеловооруженного всадника (рис. 323). Ряд деталей указывает, что на ткани изображен правитель страны.

Археологи С. Г. Боталов и А. Д. Таиров датировали уникальный комплекс металлических украшений и деталей сбруи верхового коня (более ста предметов), обнаруженный на возвышенности на берегу оз. Актюба в Красноармейском районе Челябинской области, X в. н. э. Исследователи связывают находку с реверсивным движением древневенгерского населения с запада на восток.

Рис. 318. Синеглазовские курганы в черте современного Челябинска, на берегу озера Синеглазово. Накладка сбруи верхового коня. Серебро с позолотой. X–XI вв. Раскопки В. С. Стоколоса. 1959 г. Фото Н. Виноградова

Фонды ГИМЮУ ОФ-6724/14

Рис. 319. Синеглазовские курганы в черте современного Челябинска, на берегу озера Синеглазово. Украшение сбруи верхового коня. Ременная накладка. Серебро с позолотой. X–XI вв. Раскопки В. С. Стоколоса. 1959 г. Фото Н. Виноградова

Фонды ГИМЮУ ОФ-6724/42

Рис. 320. Синеглазовские курганы в черте современного Челябинска, на берегу озера Синеглазово. Наконечник ремня сбруи верхового коня. Серебро с позолотой. X–XI вв. Раскопки В. С. Стоколоса. 1959 г. Фото Н. Виноградова

Фонды ГИМЮУ ОФ-6724/16

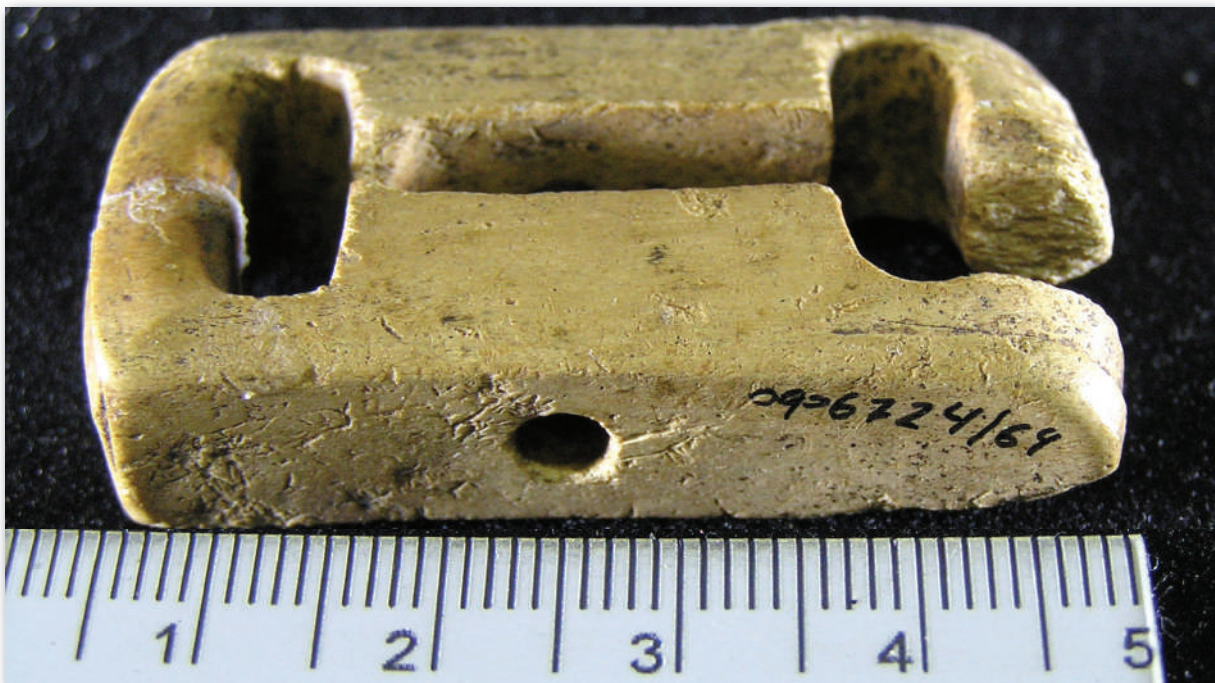

Рис. 321. Синеглазовские курганы в черте современного Челябинска, на берегу озера Синеглазово. Костяная пряжка. X–XI вв. Раскопки В. С. Стоколоса. 1959 г. Фото Н. Виноградова

Фонды ГИМЮУ ОФ-6724/64

Рис. 322. Синеглазовские курганы в черте современного Челябинска, на берегу озера Синеглазово. Псалий. Рог. X–XI вв. Раскопки В. С. Стоколоса. 1959 г. Фото Н. Виноградова
Фонды ГИМЮУ ОФ-6724/63

Во второй половине IX в. караякуповская культура на Южном Урале прекратила свое существование. Не исключено, что это было связано с переселением угорских (древнемадьярских) племен из Урало-Поволжского региона на запад, в Карпато-Дунайский бассейн, отраженным в венгерских письменных хрониках XII в.

В силу продолжавшегося и в конце I тыс. н. э. в открытых ландшафтах Азии движения на запад как тюркских, так и угорских объединений древние угры (им принадлежат памятники мярсимовского типа) продолжали прибывать в Приуралье и в X в. наряду с тюркоязычными племенами огузо-печенежской конфедерации, частью которой являлись и древнейшие башкирские племена. В лесостепях Башкирии известны памятники мярсимовского типа, возникшие до начала XIII в., то есть до времени монгольского завоевания.

Памятники чияликского типа XIII–XIV вв., как считают археологи, были оставлены в лесостепях Башкирии угрозязычным населением — потомками мярсимовцев. Единичные чияликские погребения известны и в Зауралье,

Рис. 323. Иранская ткань из могильника на озере Синеглазово в черте современного Челябинска. Конец I тыс. н. э. Раскопки В. С. Стоколоса. 1959 г. Фото С. Арканова
Фонды ГИМЮУ ОФ-5578/89

в районе Челябинска (рис. 324–327). Находки свидетельствуют, что основным видом хозяйства чияликцев было коневодство. Археологи считают, что на жизнь чияликцев сильное влияние оказывала Волжская Булгария. Кроме того, это было время распространения на Южном Урале ислама.

Рис. 324. Синеглазовские курганы в черте современного Челябинска. Курган 12. Сосуд 1. Чияликский тип. X–XIII вв. Раскопки Н. К. Минко, 1907 г. Фото Н. Виноградова

Фонды ГИМЮУ ОФ-36

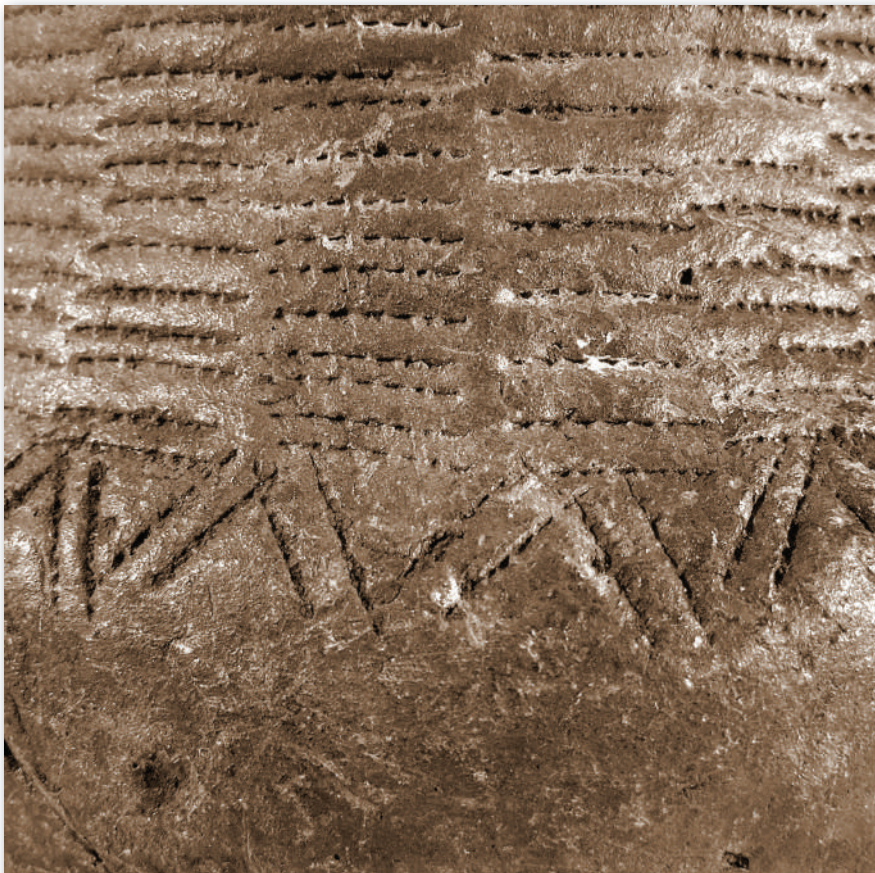

Рис. 325. Синеглазовские курганы в черте современного Челябинска. Курган 12. Сосуд 1. Особенности орнамента. Чияликский тип. X–XIII вв. Раскопки Н. К. Минко, 1907 г. Фото Н. Виноградова

Фонды ГИМЮУ ОФ-36

Рис. 326. Синеглазовские курганы в черте современного Челябинска. Курган 12. Сосуд 1. Орнаментация внутренней стороны венчика. Чияликский тип. X–XIII вв. Раскопки Н. К. Минко. 1907 г.
Фото Н. Виноградова
Фонды ГИМЮУ ОФ-36

Рис. 327. Синеглазовские курганы в черте современного Челябинска. Курган 12. Сосуд 1. Орнамент по венчику. Чияликский тип. X–XIII вв. Раскопки Н. К. Минко. 1907 г.
Фото Н. Виноградова

11.6. Кимако-кипчакский период в истории Южного Урала (XI–XIII вв.)

У арабоязычного автора XI в. Гардизи читаем: «Никаких строений у них нет... все живут в лесах, ущельях, степях... все владеют стадами коров и баранов. Верблюдов у них нет. Летом они питаются кобыльим молоком, которое называется кумысом... толщина снега в степи достигает высоты копыя...» Это описание кочевого народа, который известен как «кимаки». Средневековые письменные источники говорят о стране кимаков — Кимакском каганате со столицей где-то в Прииртышье, о делении страны на области. И лишь не так давно ученые смогли доказать, что археологическим содержанием загадочных исторических кимаков являются памятники средневековой сротскинской культуры, соединившей культуры тюркоязычных кочевников Алтая и угро-самодийского населения Юго-Западной Сибири. С IX в. начинается движение кимакских племен на запад. Достигают они и лесостепей и степей Южного Урала.

В состав Кимакского каганата первоначально входили тюркоязычные племена кипчаков. Однако с распадом каганата кипчакские племена по неясным причинам двинулись на запад. Одержав победу над могущественной огузо-печенежской кочевой конфедерацией, владевшей степями между Аралом и Каспием, кипчакский военно-территориальный союз кочевых племен обрел контроль и над обширными степями Южного Урала.

Начальный этап освоения степей и лесостепей Южного Зауралья кимако-кипчакским населением отражают 12 погребений, исследованных Н. К. Минко и С. А. Гатцуком на оз. Синеглазово у современного Челябинска. В результате раскопок получена большая серия предметов вооружения (костяные, трехлопастные, двулопастные и четырехгранные железные наконечники стрел; костяные накладки сложносоставных луков и элементов снаряжения верхового коня: железные удила, железные и костяные псалии, костяные подпружные бляшки, железное стремя) и убранства коня (серебряные и железные бляшки, пластинки; рис. 328).

С. Г. Боталов полагает, что именно кипчакским периодом к XIII в. окончательно завершается процесс тюркизации населения степей Южного Урала. Трудно переоценить важность кипчакского периода в истории населения открытых ландшафтов Южного Урала для оформления башкирского этноса. Среди лингвистов есть мнение считать башкирский язык принадлежащим к кипчакской группе тюркской ветви алтайской языковой семьи.

В степях Южного Урала изученных археологами кипчакских погребений относительно немного, поскольку степи Южного Зауралья были периферией кипчакской территории. Памятники датированы С. Г. Боталовым XI–XIII вв. Среди них можно назвать погребение в могильнике Каинсай у пос. Андре-

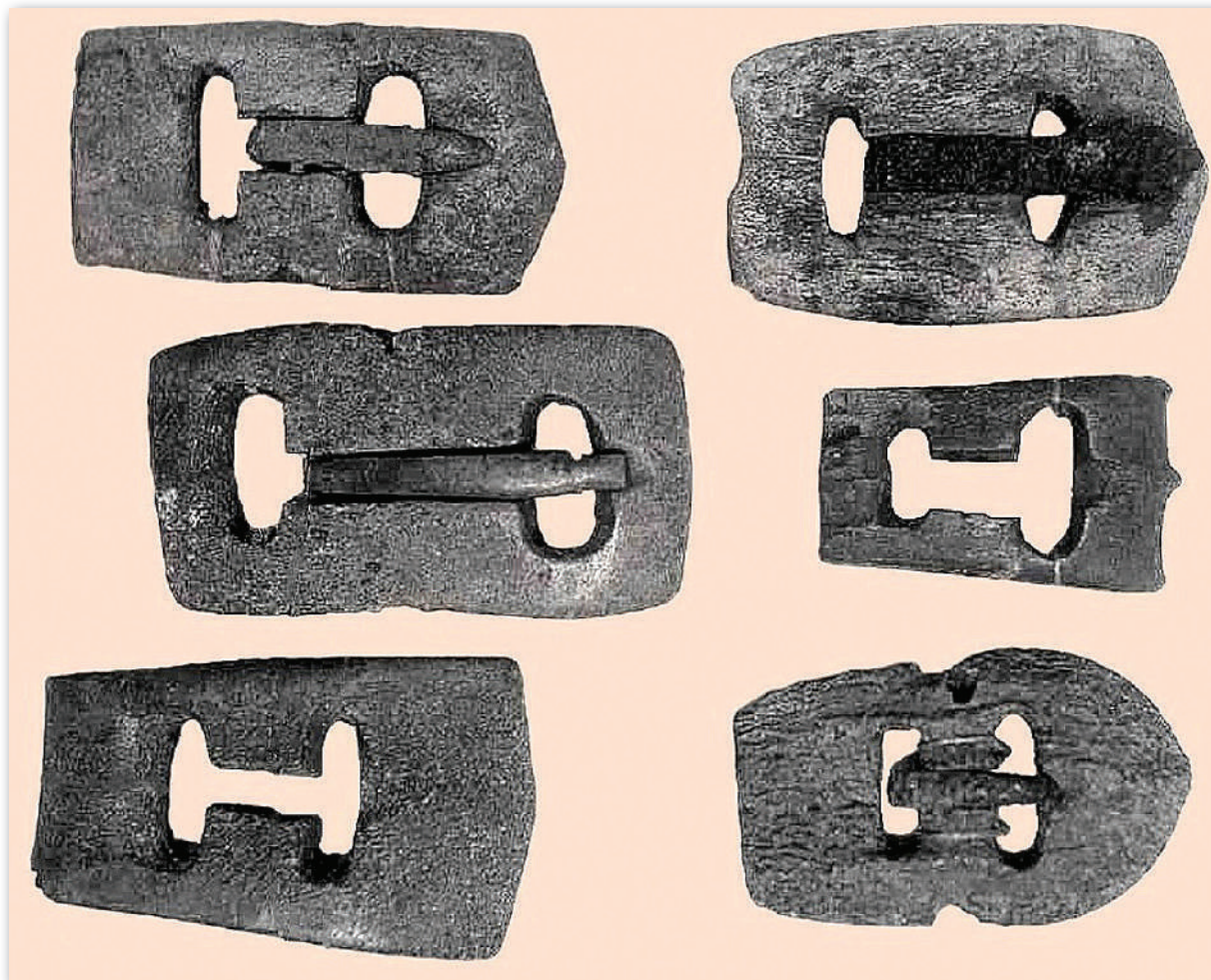

Рис. 328. Синеглазовские курганы в черте современного Челябинска. Курганы 12–21. Костяные пряжки. Раскопки Н. К. Минко и С. Гатцука. 1908 г. Фото Н. Минко

евского на р. Синташте в Брединском районе (из него извлечены железные удила, стремя, серебряные и азуриновые украшения); курган «У третьего плеса» на р. Нижний Тогузак в окрестностях пос. Солнце Варненского района (железные удила, стремя, костяные накладки лука, колчан с восемью стрелами с железными наконечниками, серебряные пластинки, нашитые на одежду); погребение в Кичигинском могильнике у г. Южноуральска; несколько погребений в могильнике Тавлыкаевский II в Зауральской Башкирии.

Основные особенности кипчакского погребального обряда: погребения под земляными или каменно-земляными курганами; могильные ямы со ступенькой, на которую укладывались голова и ноги или шкура коня; в некоторых случаях подбой в продольной стороне ямы, где и помещалось тело (головой в западном направлении).

О миграции этого времени на Южном Урале свидетельствуют не только курганы с кипчакскими погребениями. Есть небольшое количество мест, где обнаружены погребения культуры енисейских кыргызов. Самые ранние из 344

подобных погребений могут быть датированы VIII в. В целом погребения с материалами аскизской культуры на Южном Урале специалисты датируют X–XIV вв. В качестве примеров приведем погребение под курганом 1 Симбирского могильника на юге Челябинской области, курганы на р. Бутак у пос. Черкасы Кизильского района Челябинской области. В последнем случае, как считают археологи, небольшой курган скрывал каменную прямоугольную оградку, внутри которой в момент погребальной церемонии пылал огонь. По окончании «огненного» ритуала участники похоронного обряда уложили на остывшие угли железную саблю в ножнах с портупейным ремнем. Затем внутреннюю часть оградки забутовали камнями и возвели земляное надмогильное сооружение.

Древнебашкирские племена появились в открытых ландшафтах Южного Урала в составе огузо-печенежской конфедерации и расселились в Южном Приуралье, где и были упомянуты впервые в истории арабским путешественником и дипломатом Ахмедом ибн Фадланом в 921–923 гг.

11.7. Улус Шибана

После завоевания монголами в 1236 г. Волжской Булгарии башкирские племена, бывшие ее данниками, стали данниками монгольских каганов. В XIII в. в лесостепи современной Башкирии, как частный результат уже монгольской экспансии, появляются большие массы новых кипчакских племен. Причем в их составе оказались и иноэтничные кочевые подразделения (печенежские, монгольские), что доказывается материалами башкирских родовых хроник — шежере.

В степях Южного Урала размещалась в это время одна из областей Золотой Орды — улус Шибана. Большинство населения в нем составляли различные племенные подразделения кипчаков. Степные районы Приуралья и Зауралья были окраиной территории расселения кипчаков. Основной тип памятников кипчаков — могильники. На поверхности они предстают перед исследователями в виде небольших земляных курганов или каменных площадок-выкладок. Под надмогильными сооружениями, как правило, одна узкая могильная яма, перекрытая досками или плахами. Умершие укладывались в могилу в вытянутой позе на спине головой на север, северо-запад или запад, иногда в долбленной колоде.

Погребальный инвентарь, как правило, скуден: предметы вооружения (железные ножи, берестяные колчаны со стрелами с железными наконечниками, известными как срезни), элементы снаряжения верхового коня (железные удила, железные стремена). В женских погребениях встречаются металлическая посуда, украшения (характерные для XII–XVI вв. серьги в форме знака

вопроса с бусинкой (подобная серьга найдена в женском погребении внутри Башни Тамерлана)), бронзовые зеркала.

Погребение XIII–XIV вв. археологи раскопали на территории современного пос. Федоровка на р. Миасс в окрестностях Челябинска. Под небольшим земляным курганом размещалась могильная яма, забутованная окатанными речными камнями. Уложенный на спину с руками вдоль тела погребенный мужчина был одет в халат, покрытый красным (?) шелком с золотым шитьем. В головах его положили кусок мяса барана. На ноги поставили седло. В могилу также положили снаряжение боевого коня, нож с костяной рукоятью, обтянутой тисненой кожей. На тканом поясе были прикреплены две кожаные сумочки — с деревянным гребнем и прибором для добывания огня (железное кресало и кремешок — «спички» той эпохи; рис. 329).

На Южном Урале в это время помимо кипчаков жили угроязычные и разноплеменные тюркоязычные кочевые племена, перемещенные монголами из различных районов Алтая и Сибири. Их культуру исследовал В. П. Костюков. Новые хозяева степей Южного Урала принесли сюда традиции родины. Помимо погребений тюркоязычных кочевников здесь известны и святилища, возведенные ими в честь предков, — поминальные комплексы. Они выглядели как зимние дома кочевников. Нижняя часть — из врытых вертикально в почву четырех больших каменных плит, образующих оградку; верхняя часть достраивалась из дерева. Иногда внутрь оградки помещалось верти-

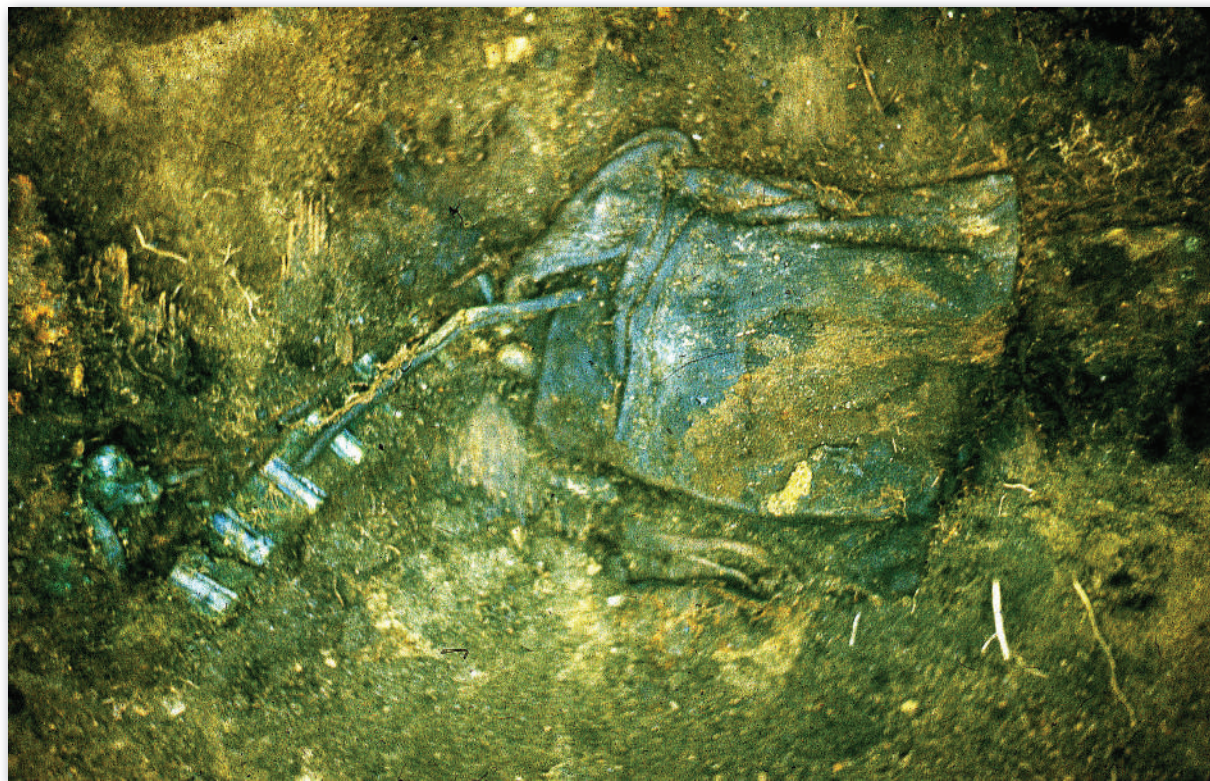

Рис. 329. Средневековое погребение в поселка Федоровка на реке Миасс в окрестностях аэропорта «Курчатов». Фрагмент пояса погребенного с кожаным кошельком. XIII–XIV вв.

Раскопки Н. Б. Виноградова. Фото Н. Виноградова

кально поставленное дерево, но не в качестве подпорки, а в соответствии с представлениями этих людей об устройстве Мира. В его центре, как они считали, растет мировое дерево — Дерево Жизни, соединяющее наш мир с расположенным выше верхним миром. Перед оградкой вкапывалось высеченное из камня изображение предка (рис. 330). Археологи полагают, что родственники-мужчины приезжали на праздничный пир на конях. «Каменный предок» тоже принимал участие в пиршестве: ему мазали каменный рот бараньим салом. По окончании поминального пира родственники уезжали, часто навсегда — никогда больше не возвращались. Святилище иногда сжигалось.

Рис. 330. Поминальный комплекс XIII–XIV вв. Каменный Амбар II (Карталинский район Челябинской области) в процессе исследования. Раскопки В. П. Костюкова.
Фото В. Костюкова

Вокруг некоторых оградок археологи нашли остатки вертикальных деревянных столбов. Может быть, это остатки подпорок для крыши святилища. Но вполне может быть, что на этих столбах были развешаны посвященные предку чучела коней.

Этот обряд хорошо известен у многих кочевых народов. С восточной стороны южноуральских святилищ были вкопаны каменные плиты-стелы. На их восточных сторонах и были высечены лица суровых воинов-предков. Впрочем, есть и иные варианты понимания этого типа памятников.

11.8. Распространение ислама

Археологи фиксируют начало процесса активной исламизации населения региона Южного Урала с середины XIV в. Он проявлялся в строительстве на некрополях кирпичных мавзолеев-мазаров. Постепенно из обрядов погребения исчезла традиция помещать в могилу вещи. Погребенных сородичей начали хоронить в соответствии с канонами ислама. Безусловно, в распространении ислама большую роль сыграли миссионеры. Их деятельность осталась в народной памяти в виде легенд о «багдадских проповедниках», захороненных, например, на горе по-над оз. Аушкуль в Башкирии, преданий о Хуссейн-беке как проповеднике ислама и в серии мавзолеев по обе стороны гор Урала.

Исследователи древней истории еще в XVIII в. описали известный ныне средневековый мавзолей Башня Тамерлана. Знаменитый ученый путешественник Петр Симон Паллас сильно рисковал, специально заехав сюда, на возвышенность по-над оз. Кесенэ-куль, фактически за границу России того времени, с вооруженным эскортом из казаков.

Мавзолей возведен из более тонкого, в сравнении с современным, квадратного обожженного кирпича — плинфы, на площадке, ограниченной рвом и валом (рис. 331). Вокруг — более 800 погребений, отмеченных на поверхности небольшими курганчиками, поросшими кустарником — чилижником.

Рис. 331. Комплекс «Мавзолей Кесене» («Башня Тамерлана») в окрестностях села Варна Челябинской области. XIV–XVI вв. Фото В. Садырина

Рис. 332. Мавзолей «Кесене» («Башня Тамерлана») в окрестностях села Варна Челябинской области. Особенности архитектурного стиля. XIV–XVI вв. Фото Н. Виноградова

Мавзолей представляет собой сочетание различных объемов. Сверху — двенадцатигранная пирамида. Ниже — двенадцатигранная призма, покоящаяся на невысоком цилиндре. Основное здание — кубической формы. Вход расположен с южной стороны и оформлен величественным порталом (рис. 332). К началу 1980-х гг. здание было полуразрушено. Кладоискатели пытались найти здесь несуществующие клады и разбирали с этой целью стены. Мавзолей восстановили реставраторы (рис. 333). Помогли рисунки Башни Тамерлана, выполненные сотрудниками экспедиции П.-С. Палласа (рис. 334).

В конце 1880-х гг. археолог Э. Ю. Петри произвел внутри мавзолея раскопки и обнаружил погребения не менее трех человек. В начале 1960-х гг. археолог В. С. Стоколос вновь исследовал Башню Тамерлана. Ему удалось установить, что мавзолей был украшен, по крайней мере частично, цветными изразцами нескольких видов. В 1980-е гг. археолог С. Г. Боталов исследовал погребения у мавзолея и пришел к выводу, что они были сооружены в средневековую эпоху, в ту пору, когда среди местных кочевых племен начал распространяться ислам.

Рис. 333. Мавзолей «Кесене» («Башня Тамерлана») в окрестностях села Варна Челябинской области. XIV–XVI. Реставрационные работы начала 1980-х гг.
Фото Н. Виноградова

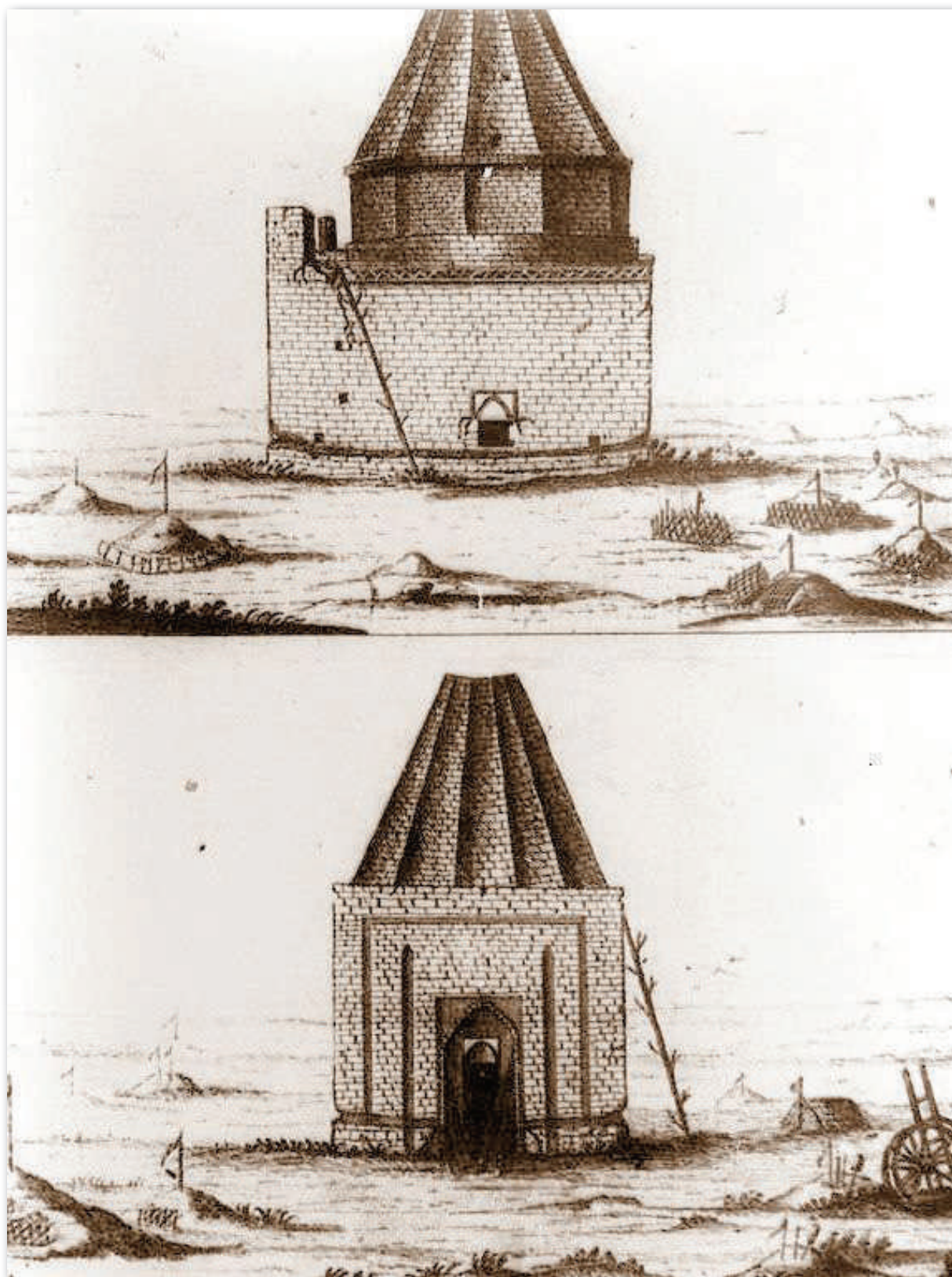

Рис. 334. Мавзолей «Кесене» («Башня Тамерлана») в окрестностях современного села Варна Челябинской области. XIV–XVI вв. Рисунок художника экспедиции П.-С. Палласа (XVIII в.)

С Башней Тамерлана связано множество легенд. Люди XIX–XX вв. пытались объяснить ее появление в здешних местах и связывали это событие с дочерью одного из средневековых завоевателей — Тимура (Тамерлана). Наиболее вероятно, что мавзолей, ставший вскоре святым местом, был сооружен в XIV–XVI вв. в одном из пунктов оживленного караванного пути, который связывал в Средние века наши степи со Средней Азией. Мавзолей — архитектурный близнец Башни Тамерлана известен в Каракалпакии (Республика Узбекистан). Скорее всего, оба они сооружались одними и теми же мастерами.

Остатки нижней части подобного кирпичного мавзолея археологи исследовали у пос. Лагерного в Троицком районе Челябинской области.

Кажется, неслучайно один из ручьев, впадающих справа в р. Нижний Тогузак в районе с. Великопетровка Карталинского района Челябинской области, называется Кисинет. Возможно, и здесь надо бы поискать руины еще одного средневекового мавзолея.

Иную архитектурную традицию олицетворяют каменные мавзолеи XIV в. в Южном Приуралье — в окрестностях пос. Чишма в Башкирии (в частности мавзолеи Хуссейн-бека (рис. 335) и Тура-хана (рис. 336)). По архитектурному стилю они схожи с мавзолеями Болгара Великого.

Рис. 335. Мавзолей Хуссейн-бека у поселка Чишмы (Чишминский район Республики Башкортостан). XIV в. Современное состояние после реставрации. Фото Н. Виноградова

Рис. 336. Мавзолей Тура-хана у поселка Чишмы (Чишминский район Республики Башкортостан). XIV в. Современное состояние после реставрации. Фото Н. Виноградова

Таким образом, в культовой архитектуре этого периода можно видеть отражение двух архитектурных традиций: для Южного Зауралья — хорезмийско-среднеазиатскую, для Южного Приуралья — связанную с архитектурными традициями Волжской Булгарии.

11.9. Юдинская культура

В горно-лесном Зауралье в первых веках II тыс. жили предки народа манси, известные археологам как юдинская культура. Они, как и их далекие предки, были охотниками-рыболовами. Большое значение для средневековых таежных народов Зауралья и Западной Сибири имела многозвенная обменная торговля с Волжской Булгарией через население родановской культуры Прикамья. Именно благодаря этой торговле в святилищах зауральских и западносибирских средневековых народов накапливались серебряные изделия из Ирана, Византии и других стран, включая западноевропейские.

Традиция рисовать определенные образы на скалах родовых святилищ сохранилась и в Средние века, когда в горно-лесном Зауралье жили далекие

потомки населения иткульской культуры — древнемансийские родовые группы. Именно этим временем датируют археологи рисунки на р. Уфе близ станции Арсланово в Нязепетровском районе Челябинской области.

Таким образом, вторжение гуннов лишь открыло эпоху Великого переселения народов в раннем Средневековье. Новые и разноязычные (тюркоязычные и угроязычные) народы двигались друг за другом с востока на запад через Зауралье в I — начале II тыс. н. э. Благодаря этим массовым миграциям на протяжении I тыс. н. э. в степях Южного Урала несколько раз обновлялось население. Грандиозные по своим масштабам волны переселения сорвали с мест и угроязычные народы Западной Сибири. Археологи реконструируют экспансию тюркоязычных народов по степной части Южного Урала. В это же время по лесостепям Зауралья на запад, в Приуралье, двигались угроязычные народы.

Завоеватели по пути собирали под свои знамена побежденные, иногда иноязычные народы, которые шли вместе с победителями. Перемешивание в ходе переселений различных народов создает огромные трудности для современных археологов, когда они пытаются установить принадлежность тех или иных культур к конкретной языковой группе и определить, откуда пришли эти люди. Как правило, по каждой средневековой культуре Южного Урала среди ученых имеются разногласия, а порой и диаметрально противоположные точки зрения. Включение ираноязычных и угроязычных обитателей Урала в состав пришлых тюркоязычных кочевых объединений, вытеснение остатков ираноязычных народов на степные окраины и в лесную зону Урала привели к смешению их с местными народами и сложению смешанных культур.

С образованием Сибирского ханства история населения Восточного Зауралья стала связана с этой страной вплоть до времени русской колонизации этих территорий.

Сказанное выше позволяет утверждать следующее:

- *Начало средневекового периода в истории Южного Зауралья ученые относят к II в. н. э., когда до степей Южного Урала докатилось так называемое «Великое переселение народов».*

- *Разноязычные (ираноязычные, тюркоязычные и угроязычные) народы двигались несколькими волнами друг за другом через Южное Зауралье в I тыс. н. э. с востока на запад.*

- *Причины миграционной активности ученые видят, как в природно-климатических потрясениях с неблагоприятными последствиями для кочевого образа жизни, так и в бурных политических и военно-политических взаимоотношениях между различными военно-территориальными союзами кочевых народов.*

- Период с VI по XIII в. — время так называемой «тюркизации» Великой Евразийской степи и степей Южного Урала, в частности.
- Начиная с X в. н. э. на жизнь народов Южного Урала стало оказывать все возрастающее влияние, образовавшееся в Волго-Камье государство — форпост исламской цивилизации — Волжская Булгария.
- С середины XIV в. среди южноуральских кочевников, бывших язычниками, начинает распространяться ислам.
- В период с XIV по XVI в. на Южном Урале возводятся мавзолеи — свидетельства распространения ислама в местной среде, связанные с архитектурными традициями как Волжской Булгарии, так и Средней Азии.
- В горно-лесном Зауралье в первых в.в. II тысячелетия жили предки народа манси, известные археологам как юдинская культура. Они, как и их предки, были охотниками-рыболовами.

Литература

- Боталов С. Г. Поздняя древность и Средневековье // Древняя история Южного Зауралья. Челябинск : Юж.-Урал. гос. ун-т, 2000. Т. 2. С. 207–430.
- Боталов С. Г. Гунны и тюрки (историко-археологическая реконструкция). Челябинск : Рифей, 2008. 672 с. : ил., табл.
- Боталов С. Г. Эпоха Великого переселения народов и раннее Средневековье Южного Урала (II–VIII века) // Истрия Южного Урала : в 8 т. Т. 4. Челябинск : Издат. центр ЮУрГУ, 2019. 384 с.
- Боталов С. Г. У истоков южноуральских народов. Южный Урал в эпоху Золотой Орды (IX — начало XV века) // История Южного Урала : в 8 т. Т. 5. Челябинск : Издат. центр ЮУрГУ, 2019. 424 с.
- Боталов С. Г., Таиров А. Д., Любчанский И. Э. Курганы «с усами» урало-казахстанских степей. Челябинск : Юж.-Урал. фил. ИИА УрО РАН, 2006. 232 с.
- Боталов С. Г., Таиров А. Д., Арканов С. М. Комплексы кочевой аристократии Южного Урала : альбом / под ред. С. Г. Боталова, Н. О. Ивановой. Челябинск : Издат. центр ЮУрГУ, 2013. 328 с.
- Дубровский Д. К., Грачев В. Ю. Уральские писаницы в мировом наскальном искусстве. Екатеринбург : Грачев и партнеры, 2010. 216 с. : ил.
- История Курганской области (с древнейших времен до 1861г.). Курган, 1995. Т. 1. С. 98–100.
- Иванов В. А. Откуда ты, мой предок? Взгляд археолога на древнюю историю Южного Урала. СПб., 1994. С. 71–102.
- Иванов В. А., Злыгостев И. В., Антонов И. В. Южный Урал в эпоху Средневековья (V–XVI века н. э.) / под ред. В. А. Иванова. Уфа : Башк. гос. пед. ун-т им. М. Акмуллы, 2013. 280 с.
- Костюков В. П. Улус Шибана Золотой Орды в XIII–XIV вв. / под ред. И. М. Миргалеева. Казань : ФЭН, 2010. 200 с. : ил.

ГЛАВА 12. ЮЖНЫЙ УРАЛ И ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ

На открытке начала прошлого века — готовый к дальней дороге караван верблюдов на улице деревянного одноэтажного Троицка в тогдашней Оренбургской губернии (рис. 337). Рядом с верблюдами — погонщики в экзотических для наших мест одеждах. Караван готов к отправке в далекую Среднюю Азию. Нам неведомо, что в тюках на спинах этих горбатых покорителей дорог... А зрителям невдомек, что фотограф бесстрастно запечатлел гибель системы караванных путей длиной в 3500 лет. Именно в начале XX в. была поставлена точка в истории караванной торговли Южного Зауралья с далекими землями — истории, которая началась еще в бронзовом веке, примерно 3500 лет назад. В гибели караванной торговли в начале XX в. лишь отчасти надо «винить» построенные тогда железные дороги, по которым хлынули разнообразные товары. Время распорядилось так. Но у каждого конца есть и начало. Обратимся к нему.

Связи с далекими землями стали возможны тогда, когда там, на далеком от нас юге, в долинах крупных рек, где природа благоволила, появились и расцвели общества земледельцев-скотоводов. Со все нарастающей скоростью

Рис. 337. Караван верблюдов на улице города Троицка (современной Челябинской области) в начале XX века перед отправкой в Среднюю Азию. *Открытка начала XX в.*

они двигались к созданию разнообразно организованных государств с их знатью, жречеством и религией, основанной на дуализме — борьбе добра и зла, развитыми ремеслами, системами письма и учета всего и вся и *потребностью в контактах*. Это произошло примерно пять тысяч лет назад. Примерно в это же время Великая степь Евразии познала чудо скотоводства, и здесь стали возникать воинственные союзы скотоводческих племен. Как по мановению волшебной палочки явились разнообразные транспортные средства и тягловые животные. Помню свое изумление, когда археозоолог Павел Андреевич Косинцев поведал мне о том, что уже четыре тысячи лет назад, в бронзовом веке, наши местные скотоводы проводили операцию кастрации для получения тягловых животных — волов. Так или иначе, примерно пять тысяч лет назад скотоводческие народы получили возможность путешествовать на дальние расстояния: они имели разнообразные повозки, тягловых животных. Они же изобрели хитроумные системы упряжи и управления.

И только жизнь обитателей глухих таежных урманов и голубых тундр в эту пору мало чем отличалась от той, которая была и девять тысяч лет назад.

И эти три модели жизни были просто обречены контактировать друг с другом.

12.1. У начала истории караванных дорог

Мозаика причин привела к формированию системы караванных путей. Посмотрите на этот рисунок. Он взят из небольшой, но немало заинтриговавшей меня книги моего коллеги Александра Дмитриевича Таирова, посвященной системе коммуникаций, которая сформировалась, по его мнению, в I тыс. до н. э. Спасибо Стефании Докучаевой, разработавшей дизайн для этой схемы. Посмотрите на эту карту, на густую сеть караванных дорог, которые ее покрывают (рис. 338). Конечно, система караванных путей не могла возникнуть «с воскресения на понедельник». Формирование ее происходило постепенно. По логике, сначала должен был оформиться сегмент коммуникаций, соединивших скотоводческие племена с необъятных просторов Казахстана и протогородские центры юга Средней Азии. По караванным путям из скотоводческих областей степей Казахстана к стенам протогородов юга Средней Азии двинулись разнообразные продукты животноводства, а на степных поселениях самих скотоводов в Центральном Казахстане в обиходе появилась посуда, изготовленная на гончарных кругах в мастерских земледельческих протогородов. К концу II тыс. до н. э., как полагают некоторые мои коллеги, на Алтае и в степях Казахстана гончары — выходцы из Средней Азии изготавливали круговую керамику уже непосредственно в поселениях местных скотоводов. Не вполне понятна пока роль в формировании системы дальних коммуникаций «Север — Юг» тазабагъябской культуры позднего

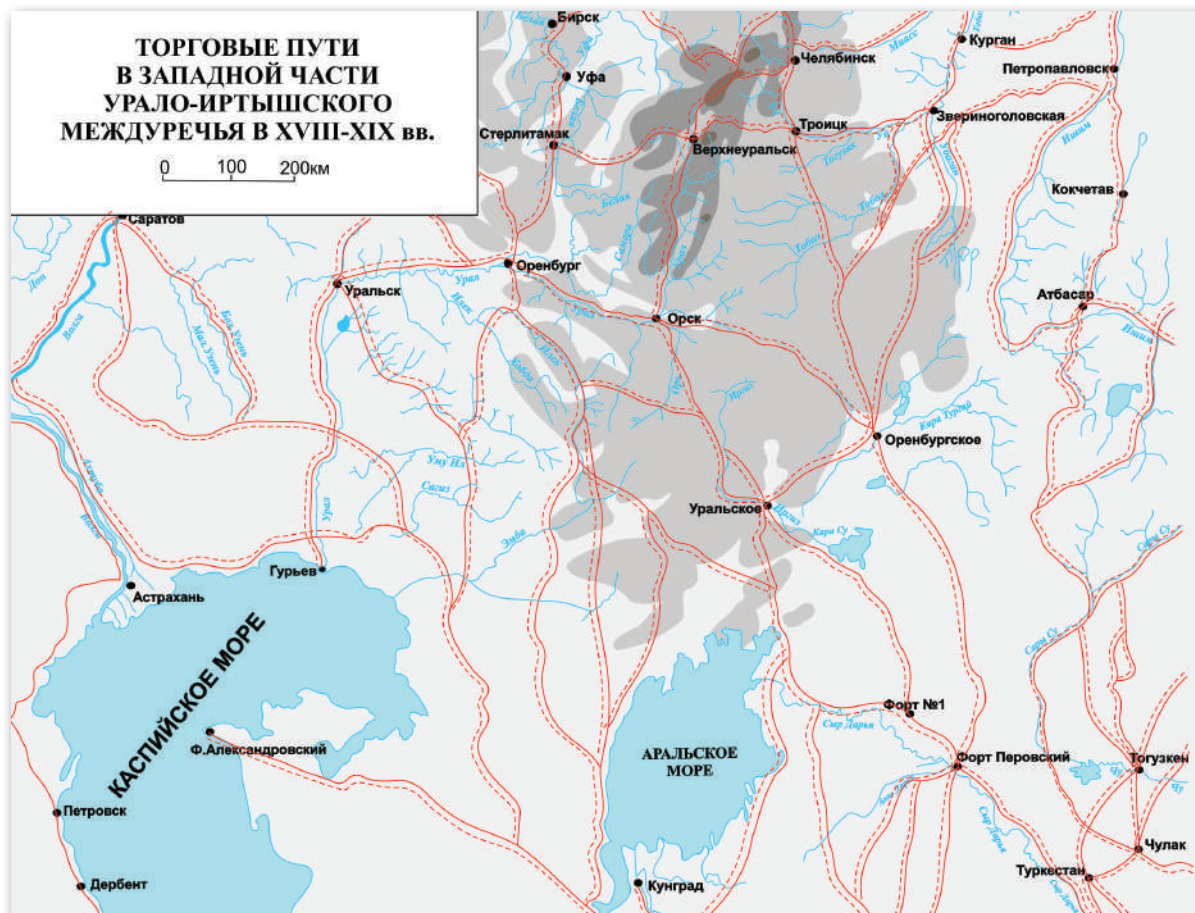

Рис. 338. Традиционные караванные пути в западной части Урало-Иртышского междуречья (по: Таиров А. Д., 1995. Дизайн С. В. Докучаевой)

бронзового века Юго-Восточного Приаралья с ее вполне степной архитектурой поселений, погребальной обрядностью и самым северным орошаемым земледелием. Скорее всего, она играла ту же роль в коммуникациях степных скотоводов и земледельцев юга Средней Азии, что и позднее античный Хорезм и джетыясарская культура бассейна р. Сырдарья (рис. 339).

Но в середине II тыс. до н. э. в практику далеких путешествий народов, живших в степях Казахстана, властно вмешалась природа. Многолетняя засуха превратилась в экологическую катастрофу, и множеству скотоводческих народов, стремительно терявших скот и людей, не оставалось иного выхода, кроме как бежать из района, охваченного засухой, как из чумного барака. Благо система караванных путей от колодца к колодцу, от водопоя к водопою уже была. И скоро непрощенные гости появились в земледельческих областях Средней Азии, где им не были рады. Часть спасавшихся от гибели скотоводов бежала не на юг, а на восток, на просторы Сибири. Третьи устремились на север, к прохладным горам Южного Урала с их кристально чистыми реками и обильными травами. В степях рядом с Уралом тогда жили родственные по культуре и языку скотоводческие племена (мы знаем их как алакульскую культуру Южного Зауралья), не отказавшиеся принять в свои

Рис. 339. Одно из городищ джетыясарской археологической культуры Восточного Приаралья (начало I тыс. до н. э. — IX в. н. э.) (территория современной Кзылординской области Республики Казахстан). Фото Н. Виноградова

общины дошедших до них уцелевшими путешественников. Началась пора смешения культур.

Археологи видят этот процесс, наблюдая за погребальными обрядами. До экологической катастрофы у себя, в степях Казахстана, местные скотоводы предавали земле преимущественно тела умерших соплеменников и лишь некоторых сжигали, а потом захоранивали их прах. На Южном Урале мигранты были обречены влиться в общины местных скотоводов, раствориться в них. Нам доподлинно неизвестно, по каким причинам, но в этой ситуации они полностью перешли на Южном Урале к практике кремации тел соплеменников. По старинному степному обычаю казахстанской безлесной родины, сородичи сооружали для умерших каменные гробницы, хотя кладбище могло располагаться на опушке соснового бора. Традиции — великое дело!

Так годы великих бедствий поспособствовали продолжению на север системы караванных путей. К середине II тыс. до н. э. относятся и погребения могильника Кулевчи в Варненском районе, материалы которых впервые свидетельствовали о связях с далекими землями. Речь идет о двух погребениях. В них содержались остатки захоронений по способу кремации. Ямы были ограблены еще в древности. Помимо кремированных останков людей в каждой из ям находилось по паре керамических сосудов (рис. 340). Меня они заинтриговали. Каждая пара включала горшечно-баночный сосуд большого объема и глубокую миску. И если подобные горшки были достаточно распро-

Рис. 340. Могильник Кулевчи VI. Курган 4. Ямы 29 и 30. Сосуды. Фото Н. Виноградова

странены в погребальных памятниках Южного Зауралья позднего бронзового века, то этого нельзя сказать о вторых сосудах — глубоких мисках. Они сформованы вручную. По составу теста, температурному режиму обжига и форме миски совершенно чужеродны для местного гончарства позднего бронзового века. Они были поняты как лепные копии сосудов земледельческих обществ позднего бронзового века юга Средней Азии, где их обычно изготавливали на гончарном круге. То есть по неким соображениям престижности кулевчинские миски формовали вручную, безусловно ориентируясь на *круговые прототипы*. Отсутствие орнамента на этих сосудах вполне согласуется с характеристиками круговой керамики раннеземледельческой зоны Средней Азии бронзового века.

Так что начало истории системы дальних коммуникаций, связавших наши места с далекими землями, надо относить еще к середине II тыс. до н. э.

В развалинах существовавшего на рубеже II–I тыс. до н. э. поселения Кинжитай в Варненском районе я вновь столкнулся с импортной керамической посудой из Южного Приаралья, обломки которой лежали вместе с типичными для заключительного этапа бронзового века наших мест лепными горшками алексеевско-саргаринской культуры. И вновь был сделан вывод, что караванные пути продолжали существовать и тогда.

12.2. Система караванных путей в античный период истории

В античную эпоху (раннем железном веке) сеть караванных коммуникаций в этой части Евразии окончательно сформировалась. Ее основу составил, конечно, Великий шелковый путь с несколькими его маршрутами, менявшимися в зависимости от политической обстановки, войн и нестабильности, сопровождавших историю человечества и тогда. Маршруты Великого шелкового пути имели разветвленную периферию в виде второстепенных караванных путей. Часть их шла и в сторону Южного Урала через Великую степь. В самой степи на рубеже II–I тыс. до н. э. совершался эпохальный великий поворот к кочевничеству как образу жизни. Само кочевничество было бы невозможно без появившейся тогда же так называемой пастбищно-кочевой системы, то есть модели ведения скотоводческого хозяйства, предполагавшей сезонные перекочевки всего населения со стадами по определенным маршрутам. В урало-казахстанских степях А. Д. Таиров реконструирует меридионально ориентированную пастбищно-кочевую систему с перекочевками в северные области летом — к Уральским горам, и в Центральный Казахстан, Приаралье — ближе к зиме. Как связаны кочевание и караванные пути? И то и другое возможно лишь при наличии водных источников на маршрутах и достаточного объема кормовых ресурсов для животных. Очень важно! По мнению исследователя, маршруты перекочевок и караванных путей зачастую совпадали. Пастбищно-кочевая система практически в неизменном виде пережила несколько кардинальных смен населения, когда ираноязычных кочевников I тыс. до н. э. — саков и сарматов — сменили тюркоязычные народы. Независимо от языка кочевники продолжали двигаться по старинным маршрутам, доставшимся им от прежних обитателей степи. Я подвожу вас к мысли о том, что прав А. Д. Таиров в том, что реконструировать систему караванных путей можно, опираясь на этнографические знания маршрутов перекочевок родовых групп позднейших казахов.

Кстати, просматривая книгу средневекового путешественника Марко Поло, я наткнулся на карту, где обозначен так называемый степной маршрут Великого шелкового пути, который шел практически по широте севернее оз. Балхаш через степи Казахстана на запад, к низовьям Волги.

Действительно, в законченном виде система дальних коммуникаций сформировалась в раннем железном веке — в течение I тыс. до н. э. и в первые века нашей эры. К этому времени геополитическая ситуация в этой части Евразии кардинально поменялась. В Средней Азии началась история целого ряда древнейших государств: Парфии, Маргианы, Греко-Бактрии, Согда и Хорезма. Для нашего повествования важнейшее значение имеет история именно Хорезма. Он находился в нескольких месяцах караванного пути от Южного Урала. Эта страна, с VI в. до н. э. располагавшаяся в низовьях Аму-

дарьи, выполняла важнейшую функцию. Она связывала два совершенно разных мира — мир раннеземледельческих государств Средней Азии и кочевую Великую степь, представленную в этот период в степях Казахстана несколькими военно-территориальными союзами кочевых племен саков, массагетов и дахов. Это в наши дни Древний Хорезм — мертвая страна, цивилизация, отрытая миру лишь в XX в. А в античный период Хорезм был и сатрапией ахеменидского Ирана, и могучей независимой державой, шах которой по имени Фарасман предлагал Александру Македонскому военный союз и совместный поход на север, к устью реки, которую мы сейчас называем Волгой.

В Хорезм уводят нас керамические, выпуклые с одной стороны и плоские с другой выючные фляги. Изредка подобные фляги обнаруживаются в погребениях живших в наших местах кочевников. Одна из них найдена археологом М. К. Хабдулиной при раскопках склепа семьи знатных кочевников IV в. до н. э. под курганом у пос. Новотемирского в Чесменском районе (рис. 341).

В исследованном относительно недавно А. Д. Таировым могильнике IV в. до н. э. у с. Кичигино под Южноуральском также были найдены агатовые и сердоликовые бусы из Индии. Они прошли через талантливые руки иранских мастеров и попали в наши края по караванным дорогам через Среднюю Азию.

Рис. 341. Курган Темир (Чесменский район Челябинской области). Глиняная плоская с одной стороны «выючная» фляга из Хорезма. Ранний железный век (V–IV вв. до н. э.).

Раскопки М. К. Хабдулиной. Фото В. Жирохова

Фонды Музея археологии и этнографии ЧелГУ ОФ-429

К IV в. до н. э. относятся и замечательные иноземные вещи из могильника Филипповка в Северном Оренбуржье. Вы можете видеть среди предметов погребального инвентаря замечательный серебряный ритон (сосуд для вина) иранской работы (рис. 342).

Как все эти вещи попали к местной кочевой знати? Это могла быть и транзитная пошлина, и некие дары. Говорят ли эти вещи о далеких походах южноуральских кочевников? Сложно сказать. Неслучайно резкое увеличение

Рис. 342. Филипповский могильник (Илекский район Оренбургской области). Большой Филипповский курган. Серебряный ритон иранской работы из тайника. Сарматская культура. IV в. до н. э. Раскопки А. Х. Пшеничнюка. Фото Н. Виноградова

в местных кочевнических погребениях количества импортных предметов относится именно к IV в. до н. э. Именно тогда эту часть Азии сотрясло нашествие греко-македонских войск, погибла держава Ахеменидов и, безусловно, изменилась геополитическая ситуация, в том числе в степях Казахстана.

Помню, как меня заинтересовала заметка известного уральского археолога К. В. Сальникова, посвященная найденному в 1939 г. близ устья р. Миасс, при впадении ее в Исеть, небольшому (12,5 см высотой) серебряному хорезмийскому кувшинчику (рис. 343). Его хорезмийское происхождение доказывало... клеймо — знак, который был хорошо известен нумизматам, знакомым с монетным делом античной Средней Азии. Полная аналогия этой тамге имеется на медных хорезмийских монетах, обнаруженных при раскоп-

Рис. 343. Серебряный кувшинчик с тамгой Хорезмшахов, найденный в 1939 г. близ устья реки Миасс (Каргапольский район Курганской области) (источник: К. В. Сальников, 1952. С. 85)

ках знаменитого дворца Топрак-кала в Южном Приаралье. Датируются эти монеты II–III вв. н. э., а сама тамга принадлежит династии Сиявушидов — шахов античного Хорезма. На первый взгляд можно было бы предположить, что кувшинчик попал в Зауралье как товар. Но собственность царствующего дома шахов Хорезма вряд ли могла стать товаром. Скорее, как считает К. В. Сальников, сосуд отражает некие политические отношения Южного Урала с далеким античным государством и был направлен как дар одному из властных лиц той эпохи в Зауралье. Помнится, меня удивили и основания башен-бастионов обводной стены деревянно-земляного Мурзинского городища раннего железного века в Каргопольском районе Курганской области. Вполне допускаю, что эта новация фортификационной архитектуры пришла в лесной край Зауралья по караванным путям из Средней Азии, где башни как элемент оборонительных систем известны с V тыс. до н. э. Исследователь Древнего Хорезма Сергей Павлович Толстов указывает также на хорезмийские монеты и серебряную хорезмийскую посуду, найденные в Прикамье.

12.3. Широко ориентированные караванные пути в раннем железном веке

До сих пор мы говорили о системе меридионально ориентированных караванных путей. Но, примерно с середины I тыс. до н. э. Южный Урал был включен и в систему широко ориентированных караванных дорог. В частности, с V в. до н. э. известна так называемая «дорога Геродота» (от древнегреческого г. Ольвия на берегу Днепровско-Бугского лимана до Оренбуржья). Именно Геродот упоминает об этой караванной дороге, оговариваясь, что нужны семь переводчиков, для того чтобы обслужить караван от начала движения до завершения пути. Кстати, в позднеантичное время был период, когда северо-италийские предметы напрямую попадали на Урал, минуя города античного Боспорского царства в районе современного Керченского пролива.

В погребениях кочевников раннего железного века, исследованных в Башкирии, археолог А. Х. Пшеничнюк обнаружил стеклянные бусы, произведенные в мастерских на территории Сирии, Финикии и Египта. Десятки бронзовых зеркал, изготовленных в ремесленных мастерских древнегреческой Ольвии, обнаружены в погребениях кочевников раннего железного века — сарматов — в Оренбуржье, Башкирии и Пермском крае. В последние века I тыс. до н. э. увеличилось количество разнообразных античных монет, также находимых в погребениях в Поволжье, в том числе на левобережье и даже в Башкирии. Масса боспорской посуды, сопровождаемой стеклянными бусами и разнообразными металлическими изделиями также боспорского происхождения, встречена в погребениях ранних кочевников вплоть до г. Уральска. Римские застёжки плащей — фибулы — северо-италийского производства, изредка с надписями, найдены в ряде могильников в Башкирии.

Уникальная коллекция посуды I–III вв., произведенной в европейских провинциях Римской империи, найдена археологом С. Г. Боталовым в погребении у пос. Магнитного Агаповского района.

12.4. Караванные пути в средневековый период истории Южного Урала

В памятниках средневековой поры на Урале также встречено довольно много иноземных вещей. Это византийская серебряная посуда и византийские монеты.

К середине 1970-х гг. на Урале было учтено более 70 средневековых кладов и зафиксированы единичные находки серебряных изделий. Большая их часть — чаши, предметы роскоши византийского или иранского производства, поступавшие в распоряжение местной знати или шаманов, культовая практика которых запрещала вкушение жертвенного мяса с деревянной посуды, требовалась именно металлическая. Кроме того, она была необходима и для подвешивания на ветви священных деревьев при камлании.

Необходимо упомянуть и об обнаружении шелковых иранских тканей в средневековых погребениях в окрестностях Челябинска. Самая известная находка была сделана в 1959 г. в кургане на оз. Синеглазово. Исследователи древнего текстиля установили, что ткань была изготовлена в Иране в VIII–IX вв.

Эпоха Великого переселения народов принесла на Южный Урал большое количество китайских зеркал и, вероятно, тканей.

Теперь о том, как иноземные предметы попадали на Южный Урал и на Урал вообще. Поводы могли быть разными: торговля, дипломатия, война. Но в любом случае эти предметы передвигались по хорошо известным на протяжении столетий караванным путям.

В Средние века на караванных дорогах Южного Урала встали манифесты ислама — мавзолеи, выстроенные по традиционным для ислама канонам из квадратного тонкого кирпича — плинфы. Это и знаменитая Башня Тамерлана, и безвестный мавзолей у пос. Лагерного, еще в XVIII в. разобранный ради кирпича троицкими купцами.

Когда приходится доказывать среднеазиатское происхождение наших мавзолеев XIV–XVI вв., я всегда вспоминаю архитектурного «близнеца» нашей Башни Тамерлана — мавзолей в Каракалпакии, возведенный, видимо, той же самой бригадой мастеров, что и наш. С караванами из Средней Азии пришли на Южный Урал и исламские миссионеры, чьи могилы, как святые места, почитаются и сейчас правоверными на горе Аушкуль в Башкирии.

В позднейшее время, как считают ученые, заботу о снабжении купцов верблюдами и обслугой, сопровождающей караван, брали на себя отдельные казахские роды. Это были роды, направления весенних и осенних переко-

человек которых совпадали с направлением торговых путей. Сопровождение караванов, обеспечение их продуктами питания, верблюдами приносило казахам-кочевникам значительные выгоды. Родоплеменная верхушка взимала с караванов пошлину за проход через контролируемую родом территорию (за пользование водопоями, пастбищами и т. п.), за обеспечение их безопасности. Вероятно, эта практика сложилась издревле, одновременно с системой дальних коммуникаций.

По упомянутым караванным путям ходили не только торговые караваны, но и дипломатические представительства. Так, я сильно удивился в свое время, прочитав, что целый ряд встреч казахских ханов с представителями российского правительства, в частности с известным основателем Челябинска полковником А. И. Тевкелевым, происходили при впадении р. Уй в Тобол, там, где сейчас стоит с. Усть-Уйское. Составляя «Археологическую карту Курганской области», я обратил внимание на невиданную концентрацию погребальных памятников в районе Усть Уйского. Теперь мне понятен факт ее появления. Подобно Гнездовским курганам на пути «из варяг в греки» эти курганы маркируют один из важнейших перевалочных пунктов — своеобразный хаб, или логистический центр на древнем караванном маршруте.

Разглядывая открытку начала прошлого века, на которой изображен готовый к дальней дороге караван верблюдов на улице деревянного одноэтажного Троицка, хотел бы заметить, что проблемы, связанные с системой дальних коммуникаций, с ее происхождением, этапами истории и логическим завершением, еще ждут своего пытливого исследователя.

ГЛАВА 13. ЮЖНЫЙ УРАЛ В ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ ЕВРАЗИИ

Вклад населения Южного Урала в развитие Евразийского суперконтинента в древности и Средние века — очень непростая для трансляции проблема. Начнем с того, что и масштабы, и детали этого вклада и определить, и изучить не просто. Уральский регион в целом не отметился в древней истории созданием системы письма и развитых государств, где этими письменами были бы записаны достижения людей, полезные для заимствования как соседями, так и отдаленными народами. Значит, вновь надежда только на археологию, а в наши дни — и на современные методы естественных наук, адаптированные к изучению археологических материалов.

13.1. Пещерные святилища позднего палеолита

Мы уже говорили о далеких временах позднего палеолита, когда Южному Уралу суждено было стать единственным в Восточной Европе районом, где появилась (и ныне известна) настенная живопись в пещерах-святилищах. В пещере Шульган-Таш (Каповой) рисунки людей ледникового времени изучаются с конца 1950-х гг.

В 1979–1980 гг. рисунки, выполненные охрой и сажой и датированные поздним палеолитом, были обнаружены в пещере Ямазы-Таш (Игнatieвской) в борту каньона р. Сим в Катав-Ивановском районе Челябинской области и в пещере Серпиевская 2. С удовлетворением я прочел недавно известие о начале реставрационных работ в Игнatieвской пещере и ее закрытии для неконтролируемого посещения туристами.

С открытием на Южном Урале, впервые в Восточной Европе, пещер-святилищ с настенными рисунками позднепалеолитического возраста для археологов, историков искусства стало очевидно, что и в Западной Европе (Франция, Испания), и далеко на востоке (на Южном Урале) палеолитические охотники сходным образом понимали пещеру в контексте мифологической картины мира: как средоточие мрака, как запредельный мир, как вход в лоно матери-земли, как место совершения шаманами обрядов, связанных с магией плодородия, охотничье-промысловой магией.

13.2. Урал и древняя история финно-угорских народов

При определении вклада региона в сокровищницу древней и средневековой истории Евразии следует помнить, что Урал в самом общем понимании традиционно включается учеными в состав территорий первоначального сложения уральской языковой общности. Лингвистами установлено, что общность этих языков уже существовала, когда в обиход вошли слова, обозначающие *лук, тетиву, наконечники стрел, долота, сверла, горшки, лыжи, нарты*. Возникновение этих слов в большинстве своем относится еще к эпохе мезолита — неолита, и позднее в финно-угорских языках сохранились их общие названия. Важным доказательством общности духовного мира неолитического населения Урала и лесных территорий западнее его (до Скандинавии) в каменном веке являются выраженные следы культа водоплавающих птиц (утки) в материальной культуре (рис. 344). В древней и средневековой истории Урала и сопредельных территорий имеются серийные примеры кремневой скульптуры, изображений на керамике, деревянных емкостей с ручками в виде скульптурных головок птиц, отлитых из меди изображений птиц. В древних верованиях народов финно-угорского мира водоплавающим птицам принадлежит важное место. И в позднейшие времена, в эпосе «Калевала» мы находим миф о рождении Мира из яйца утки:

Рис. 344. Шигирская кладовая Свердловского областного краеведческого музея. Деревянная ложка с ручкой, увенчанной скульптурным изображением головы утки.

Неолит — ранняя бронза. Фото А. Климовой

Из яйца, из нижней части
Вышла мать — земля сырая;
Из яйца, из верхней части
Встал высокий свод небесный;
Из желтка, из верхней части
Солнце светлое явилось;
Из белка, из верхней части
Ясный месяц появился;
Из яйца, из пестрой части
Звезды сделались на небе;
Из яйца, из темной части
Тучи в воздухе явились.

Несомненно, логично видеть связь между предметами древних культур из археологических памятников и эпической традицией, бытовавшей издревле у лесных обитателей севера Восточной Европы и Урала. Археолог Н. Н. Гурин в свое время нанесла на карту места в Восточной Европе, где найдены древние и средневековые так или иначе исполненные образы водоплавающих птиц. В абсолютном большинстве находки были сделаны в лесной зоне Восточной Европы — в колыбели финно-угорских народов.

Безусловно, в материальном и духовном мире древних и средневековых народов Урала есть и другие особенности, отличающие его от иных культур. Например, пермский звериный стиль декоративно-прикладного искусства.

13.3. У начала истории горного дела и металлопроизводства. Бронзовый век

Еще один повод гордиться местной древней историей — горное дело и металлопроизводство. Именно металлопроизводство не только придало древней истории региона черты яркого своеобразия местной истории, но и определило на долгие столетия направленность развития и образ жизни большого количества народов бронзового века, обитавших в открытых ландшафтах не только на Южном Урале, но и в Казахстане.

На рубеже IV–III тыс. до н. э. на юг Урала впервые в его истории проникают навыки горного дела, добычи медных руд, получения меди и изготовления из нее разнообразных предметов. Тогда же, в III тыс. до н. э., началась и их разработка. Так что горному делу и цветной металлургии на Южном Урале никак не менее 5000 лет.

Долины степных рек Оренбуржья и предгорья Уральских гор с многочисленными речушками и ручьями, густыми травами стали в то время родиной продвинувшихся сюда из Поволжья племен древнейших скотоводов, которые, в отличие от местных южноуральских охотничье-рыболовецких пле-

мен, жили уже в бронзовом веке, вели подвижный (кочевой?) образ жизни, передвигаясь со стадами с пастбища на пастбище по строго определенному для каждой родовой общины маршруту в течение всего года. Лишь холодный период они пережидали на сезонных зимних поселениях. Археологи называют их за способ погребения умерших соплеменников в грунтовых ямах древнеямными племенами. Люди древнеямной (или ямной) культуры Волго-Уральского района по антропологическому облику были похожи на современных европейцев и, в отличие от местных уральских (протоугроязычных) народов, как считают некоторые ученые, являлись древнейшими индоевропейцами. Надо заметить, что до миграции в район Южного Приуралья древнеямных племен все пространство между Уральской горной страной и Каспийским морем занимали далекие предки протоугроязычных народов Урала.

Древнейшие скотоводы древнеямной культуры Оренбуржья раннего бронзового века стали также первыми в районе Урала строителями геометризованных дерново-земляных надмогильных сооружений. Мы называем их развалины курганами.

Древнейшие повозки и тягловые животные в районе Урала появились вместе с ними.

Археологи изучили в Оренбуржье довольно много древнеямных могильников. Наблюдая и сравнивая размеры курганов, облик и степень «богатства» вещей, сопровождавших погребенных, они сделали вывод о том, что общество древнейших скотоводов уже знало неравенство. Это и неудивительно. Борьба за пастбища в условиях неустойчивого климата с его периодическими засухами и другими проблемами неизбежно приводила к образованию больших военно-политических союзов, которые могли силой оружия отстаивать права и защитить от врагов отдельные скотоводческие семьи и роды. Появились вожди, знать.

Подвижный облик их жизни предполагал частые контакты с соседями и, как следствие, обмен различными достижениями культуры и техническими открытиями.

В 50 км севернее Оренбурга вдоль р. Каргалы с XVIII в. известны гигантские по площади (500 кв. км) древние разработки медных руд (шахты и карьеры), которые с перерывами разрабатывались с бронзового века и до XIX столетия. Ученые связывают начало истории Каргалинского рудного поля с горняками древнеямной культуры.

Древнеямные металлурги и кузнецы были настолько искусны, что могли изготавливать так называемые биметаллические предметы, в которых одна часть была из меди, а другая — из метеорного железа. Интересно, что в то же самое время восточнее территории, занятой древнеямными скотоводами, в Северном Казахстане, жили фактически еще в каменном веке потомки

местного населения — носители аборигенных археологических культур. Казалось бы, у них с такими соседями, как ямные племена, также должна быть хорошо развита металлургия меди. Однако на их поселениях медные предметы и следы плавки меди практически (или почти) не известны. Археологи думают, что эти народы, жившие здесь и прежде, говорившие на праугорских языках, и пришельцы — древнеямные племена, стали непримиримыми врагами и практически не общались.

13.4. Синташтинский феномен (XXI–XIX вв. до н. э.)

Следующий этап древней истории металлопроизводства на Южном Урале отражает удивительное созвездие укрепленных поселений и относящихся к ним могильников. История их в Южном Зауралье длилась с XXI по XIX в. до н. э.

Мы никогда не узнаем, как себя называли обитатели укрепленных поселений этого времени. Ученые дали им условное название «синташтинские памятники» — по первому открытому в степях в современном Брединском районе на берегу р. Синтасты Синташтинскому укрепленному поселению и могильнику рядом с ним. Название реки, кстати, с казахского переводится как «могильная».

Археологам очень помогли... специалисты по расшифровке снимков, сделанных с самолета. А подобные снимки имеются у геологов на все районы Южного Урала. Именно через окуляры стереоскопов дешифровщики геологических аэрофотоснимков И. М. Батанина и Н. В. Левит впервые в XX в. увидели в степях Южного Зауралья руины, казалось, навсегда потерянных в веках укрепленных поселений бронзового века. Поначалу их нашлось 14, к настоящему времени — уже 23. Полосой с севера на юг расположились они на Зауральском пенеппене вдоль восточных предгорий Южного Урала: от р. Уй до севера Оренбургской области.

Синташтинцы создали в Южном Зауралье новый, принципиально отличный от бытовавшего здесь ранее у местного населения образ жизни. Развитое пастушеское скотоводство сочеталось у них с высоким уровнем владения металлургическими знаниями и металлопроизводством в целом, со строительством сложных деревянно-земляных укрепленных поселений, новым, невиданным ранее обустройством семейных кладбищ (могильников).

Уже первые раскопки выяснили, что большинство из синташтинских укрепленных поселений обживалось и перестраивалось по меньшей мере дважды. Часто после запустения на их развалинах строились подобные же городища. Предметы, оставленные на их площадках, убедили ученых в том, что они были построены уже другим, более поздним народом, известным археологам как алакульская культура.

В устройстве всех укрепленных поселений много общих черт. Каждое строилось по заранее разработанному плану. Использовались разнообразные строительные материалы: дерево, камень, глина, земля. Во рвах этих поселений имелись проходы к воротам. Сами же обводные стены устраивались по-разному. В качестве их каркаса применялись деревянные или глинобитные конструкции. Затем эти каркасы засыпались землей. Вдоль стен изнутри пристраивались дома. Их справедливее назвать помещениями, потому что они не стояли отдельно друг от друга. Их разделяли насыпные стены, а соединяли проходы в этих стенах. Помещения были перекрыты общей кровлей. Если укрепления поселения оконтуривали округлую в плане площадку, то помещения строились трапециевидные. Они располагались также по кругу вдоль стены с незастроенной площадкой в центре. Если укрепления ограничивали прямоугольную площадку, то два ряда прямоугольных помещений пристраивались с внутренней стороны вдоль длинных стен. Между ними располагалась центральная улица. Если ряды помещений ориентировались вдоль коротких стен, то улиц было несколько. Для сооружения каждого из подобных помещений рылся неглубокий котлован. Вдоль его краев вкапывались вертикально столбы, которые удерживали горизонтальные бревна стен. Из помещений можно было выйти на внутреннюю улицу. Выходы не имели ступенек и выглядели как некрутые подъемы. Полы выполнялись из дерева, стены в жилой части, возможно, штукатурились. Кровля над этими помещениями, скорее всего, была плоская, с наклоном внутрь поселения. Вряд ли можно представить помещение без световых окон в кровле, легких перегородок, деливших внутренний объем на отсеки. Предполагается, что в каждом помещении жила большая семья из нескольких поколений близких родственников. По предварительным подсчетам, в подобных поселениях жило по несколько сотен человек.

Почему археологи считают, что эти поселения сооружались по предварительному плану? Вот некоторые соображения по этому поводу. Размеры помещений в пределах одного поселения практически одинаковы. Колодцы, имевшиеся в каждом помещении, находились каждый на строго размеченном месте. Если встать перед одним из них, все колодцы окажутся на одной линии. Это возможно только при условии, если линия колодцев была размечена до строительства стен.

Синташтинские укрепленные поселения существовали примерно в одно и то же время, но не обязательно одновременно. По разным причинам и в разное время они были оставлены людьми. Аркаим, например, несколько раз обживался и забрасывался. На других поселениях, существовавших дольше, остались следы вполне обычной жизни. Люди, жившие здесь тогда, занимались скотоводством. В их стадах имелись крупный и мелкий рогатый скот, лошади. Тысячи костей домашних животных подтверждают это.

Обломки керамики, костяные и каменные изделия повествуют о жизни, обычной для степных народов того времени. Но до сих пор над развалинами этих поселений витает дух колдовства. Раскапывая укрепленное поселение Устье, ученые встретили странные скопления костей домашних животных. Представьте себе уложенные под полом помещения в глубокой яме по кругу 12 черепов коров, лошадей и овец. Внутреннее пространство круга было заполнено плотно уложенными костями ног тех же животных. Конечно, перед нами жертвенник, остатки ритуальной трапезы, а кости принадлежали жертвенным животным. По древним верованиям, в этой трапезе незримо должны участвовать и боги. Подобные жертвенники многочисленны и могут иметь различный вид. Это может быть захороненная перед входом в помещение собака — персонаж мифологии многих, в том числе и древних народов. Внутри помещений, рядом с входами под полами были найдены погребения детей. Они также поняты как остатки обрядов. При их совершении определенные дети при определенных условиях их жизни и смерти захоранивались именно так.

Одно обстоятельство удивило археологов во время изучения загадочных укрепленных поселений — огромное количество предметов, связанных с металлургией и обработкой бронзы: куски малахита и азурита, металлургические шлаки, слитки металла, заготовки и разнообразные готовые орудия (обломки рудотерок, каменные песты и молотки разных размеров, керамические льячки и др.). Во всех помещениях рядом с колодцами они постоянно находили округлые выкладки из прокаленных камней или развалы глинобитных печей. Иногда от них к колодцам шла канавка. Оказалось, что это остатки печей, где не только готовили пищу, но и плавил металл. В этом случае печь загружалась древесным углем. Там же размещались готовые к расплаву медные слитки или лом изделий. Купольные печи укрепленных поселений по ряду причин не предназначались для плавки медных руд. Поэтому и шлаков так несоразмерно мало. Таким образом, считать объемы выплавленного металла, исходя из количества шлака, вряд ли корректно.

Для достижения необходимой температуры в печь вдували воздух при помощи специального меха, соединенного с печью глиняной или деревянной трубкой — соплом. В редких случаях, когда ученые исследовали золу из этих очагов, в ней обнаруживались следы меди. Воздух мог поступать в печь и из колодца. Археологи и историки металлургии выяснили, что при определенных условиях это было возможно благодаря разнице температур у поверхности воды в колодце и наверху.

Итак, в каждом помещении — по печи, которая использовалась не только для бытовых нужд, но и для металлопроизводства. Древние мастера умели ковать бронзовые предметы, отливать их в каменных или керамических формах, сваривать. В раскопанных около этих поселений могильниках най-

дены отдельные погребения мастеров-металлургов, а в каждом пятом синташтинском погребении зафиксированы предметы, так или иначе связанные с металлопроизводством. В окрестностях некоторых из этих поселений уже найдены и древние рудники.

Синташтинцы до сих пор продолжают удивлять археологов. Помните, мы уже говорили, что любой древний народ имел свое «лицо» (определенным образом обустроивал жилье и могилы, использовал одни и те же по форме и орнаменту глиняные сосуды и так далее)? Синташтинцы, обитатели укрепленных поселений, будто решили посмеяться над археологами! В орнаментах их глиняной посуды переплелись черты нескольких культур бронзового века. Некоторые ученые объясняют это тем, что описанные поселения были оставлены переселявшимися в то время с запада на восток народами с различной керамикой. Но есть и другое предположение. Дело в том, что металлургией и металлообработкой занимались отдельные семьи (кланы родственников). И это не случайно: древние металлурги и кузнецы передавали тайны своего ремесла по наследству, из поколения в поколение. Ученые, изучавшие, как живут и работают кузнецы у народов, чей образ жизни еще недавно был близок к древнему, установили, что даже жен кузнецов предпочитали брать из семей кузнецов, пусть и из соседних народов, но чтобы тайны ремесла не стали известны непосвященным. Перейдя жить в клан мужа, жена продолжала изготавливать глиняную посуду, как это было принято у женщин ее народа.

Может быть, этим и объясняется разнообразие орнаментов на посуде из загадочных поселений? А сезонное население их и составляли как раз члены нескольких кланов металлургов-кузнецов-литейщиков?

Знания древних металлургов-литейщиков приобретались в ходе многочисленных опытов, превращаясь в обряд. Огненное ремесло и тогда было невозможно без мер и весов, без знания пропорций. Это отразилось не только во внешнем виде предметов той поры, но и в правильности очертаний поселений в целом, строгости внутренней застройки.

Южноуральские мастера бронзового века не только изготавливали бронзовые предметы, но и участвовали в экспедициях по поиску металла к соседним и весьма далеким народам. Откуда мы узнаем об этом? Дело в том, что они оставили могилы своих сородичей далеко от родных мест, на чужих кладбищах на территориях от Западной Сибири до Подонья. Почему эти могилы должны считаться принадлежащими южноуральцам? Каждый народ хоронил своих умерших сородичей по-своему, и археологи, увидев почти полное их сходство с южноуральскими, решили, что эти люди туда пришли с Южного Урала.

Откуда взялись укрепленные поселения мастеров-металлургов? Среди ученых в ходу несколько гипотез. Одни специалисты утверждают, что из

степей нынешнего Оренбуржья в Южное Зауралье около 4000 лет назад переселился народ, обладавший секретами огненного ремесла. Пришельцы нашли здесь «кладовые» медных руд и вместе с местными народами стали их разрабатывать.

По мысли других, появление в наших местах 4100 лет назад невиданных ранее монументальных укрепленных поселений — результат дальней миграции из района Малой Азии небольшой хорошо вооруженной группы, владевшей передовыми для того времени технологиями, в том числе и таинством металлопроизводства.

По мнению автора, синташтинские кланы-общины объединяли горняков, металлургов, кузнецов и литейщиков иногда нескольких соседних южноуральских археологических культур, в частности абашевской культуры Южного Урала, некоей «протосрубной» культуры Южного Урала и местных позднейших энеолитических культур Южного Урала и Северного Казахстана.

В этом случае нет смысла представлять население синташтинских укрепленных поселений как результат дальних миграций из Малой Азии или другого отдаленного от Южного Урала региона, где в предшествующее время имели место круглоплановые укрепленные поселения и высокоразвитое металлопроизводство.

Полная заселенность синташтинских укрепленных поселений, скорее всего, была сезонной и зависела от возможности ведения работ по добыче руды и переработке ее в металл. Люди, оставившие укрепленные поселения синташтинского типа, создали модель жизни, резко отличную от скотоводческих степных культур позднего бронзового века на этой же территории.

Чем же они отличаются?

1. Синташтинская территория разделяется на две части — внутреннюю и внешнюю. Внутренняя вытянута полосой с севера на юг вдоль насыщенного зонами медной минерализации восточного макросклона гор Южного Урала. Здесь известны как синташтинские укрепленные поселения, так и могильники. Во внешней части (до Среднего Притоболья на восток и фактически до Поволжья на запад) — лишь одиночные курганы или даже единичные погребения.

2. Синташтинскую историю отличает традиция использования практически исключительно укрепленных поселений.

3. Синташтинские укрепленные поселения приурочены к лесным массивам — источникам древесного угля и месторождениям медьсодержащих минералов.

4. Синташтинские укрепленные поселения расположены нелогично в рельефе, с точки зрения практики фортификации.

5. Синташтинские укрепленные поселения отличает геометризованная модель пространства для жизни, включая архитектурный стиль. *Я понимаю это как логическое следствие владения системой абсолютных величин — мер длины, веса и объема, и приемов обращения с ними, необходимых прежде всего для процессов, связанных с металлопроизводством.*

6. Особенности организации металлопроизводства, его этапы и их практическая реализация для синташтинского населения пока не определены.

7. Памятники синташтинского типа отличает оригинальная гончарная технологическая традиция, предполагавшая использование в качестве форм-основ старых сосудов необходимого объема и текстильных прокладок.

8. Только для памятников синташтинского типа прослежена в ряде случаев и пока не нашла объяснения традиция разделения поселенческих и погребальных памятников водной преградой.

9. Именно в синташтинской среде зародилась и оформилась оригинальная концепция функционирования погребальных памятников (погребальных площадок). Она была усвоена жившими позднее алакульскими общинами как в Южном Зауралье, так и в Казахстане.

10. Синташтинские памятники характеризуют разнообразная, удивительно сложная и тотально «богатая» погребальная обрядность, многочисленные жертвенные комплексы, в первую очередь из определенных частей туш животных, как на поселениях, так и, особенно, в могильниках. Эта особенность — показатель сложности духовного мира и материального богатства неясного происхождения.

Примечательно, что этот достаточно сложно организованный мир, насыщенный «высокими технологиями» того времени, сконцентрированный за стенами укрепленных поселений, на рубеже III–II тыс. до н. э. соседствовал с традиционным хозяйством и бытом фактически конца каменного века местных позднейших энеолитических культур.

Около 3800 лет назад строительство укрепленных поселений металлургов-кузнецов прекратилось и в бронзовом веке более не возобновлялось. По каким-то причинам необходимость в них отпала. Нет, огненное ремесло не исчезло. Просто оно стало другим. Вряд ли ученые придут к одному мнению, обсуждая причины прекращения строительства этих поселений. Но поразмышлять над этим стоит.

Археологи считают, что общество синташтинцев было обществом равных, что не исключало власти вождей, хотя и по этому вопросу среди ученых нет единства мнений. Синташтинцы не только создали уникальное общество колдунов — металлургов и кузнецов. Они одними из первых в степях Евразии стали применять легкую деревянную двухколесную колесницу, запряженную двумя конями. Впервые в истории именно для этих повозок было документально зафиксировано использование легких колес со спицами.

Обитатели синташтинских укрепленных поселений очень серьезно повлияли на процесс формирования и направленность развития нескольких крупных археологических культур бронзового века степей и лесостепей Южного Зауралья и Казахстана, в частности сразу нескольких алакульских культур, объединенных исследователями в алакульскую культурно-историческую общность.

Носители алакульских культур открытых ландшафтов Южного Зауралья и Казахстана, потомки местных энеолитических культур, энергично усвоили престижную для них модель жизни синташтинцев, включая не только занятия пастушеским скотоводством и, на раннем (петровском) этапе, строительство укрепленных поселений, горное дело и металлопроизводство, но и способы формообразования глиняных сосудов с использованием старых сосудов в качестве основ и влажной текстильной прокладки. Даже принципы организации большесемейных погребальных площадок в алакульских могильниках берут свои истоки в синташтинской традиции.

В древней и средневековой истории Урала мы не найдем другого эпизода столь масштабного воздействия относительно немногочисленной группы населения на кардинальную трансформацию образа жизни народов, живших в открытых ландшафтах Южного Урала и окружающих территорий, прежде всего необъятных степей Казахстана.

ГЛАВА 14. АВТОРСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О КРАЕВЕДЕНИИ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ОПЫТЫ

Уважаемые читатели! Этот раздел может быть полезен тем, кто работает с детьми. Раздел содержит авторские представления о том, какими должны быть варианты краеведческой работы с детьми. *Содержание этого раздела создано не сегодня. Это уже история.*

Любознательные читатели по желанию могут познакомиться с некоторыми результатами многолетнего авторского опыта включения материалов по древней и средневековой истории края в уроки и различные формы внеурочной работы с детьми.

14.1. Краеведческий учебно-методический комплекс для начального этапа исторического образования учащихся основной школы Южного Зауралья

Начало 1990-х гг. — отправная точка в истории обсуждаемой проблемы. С одной стороны, к тому времени трудами нескольких поколений исследователей Южного Урала была уже сформирована солидная краеведческая источниковая база по различным отраслям знания. Это относится не только к древней, но и к новой, новейшей истории Южного Урала, этнографии, топонимике, к наукам о природе края. Не утомлю вас перечислением имен и книг. Вы их прекрасно знаете.

С другой стороны, в Челябинской области к началу 1990-х гг. был накоплен значительный и в определенной части уникальный методический опыт трансляции научных знаний в школьную среду. В этом аспекте нельзя не упомянуть о замечательном содружестве школьников, студентов, ученых края, объединивших в 1970–1980-х гг. свои усилия по изучению древней истории Южного Урала на базе Челябинского государственного педагогического института, Дворца пионеров и школьников им. Н. К. Крупской г. Челябинска.

Учащиеся и их учителя к началу 1990-х гг. имели по историческому краеведению в своем распоряжении лишь скромное пособие заслуженного учителя Анатолия Ивановича Александрова, посвященное истории Челябинской области и созданное автором в начале 1960-х гг.

Выдающуюся роль А. И. Александрова в формировании облика школьного краеведения в регионе еще предстоит по достоинству оценить исследователям. Много лет назад, в 1972 г., будучи студентом пятого курса, в составе небольшой группы практикантов я был отправлен руководством историко-педагогического факультета ЧГПИ для прохождения учебной педагогической практики в школу № 10, где учительствовал тогда Анатолий Иванович. Отправляли и готовили нашу небольшую группу как в опасный и трудный поход. Дело в том, что Анатолий Иванович славился своей бескомпромиссностью по отношению ко всяческим бездельникам и т. п. Незадолго до описываемого эпизода моей жизни им, известным тогда в Челябинске учителем-методистом, были изгнаны присланные из пединститута студенты-практиканты. Никто не хотел повторения событий, и практикантов особо тщательно отбирали.

Память сохранила главное. Мы, как практиканты, посещали уроки прославленного учителя. Я был потрясен той моделью отношения с детьми, которой придерживался Анатолий Иванович. Это были отношения сотрудничества. А монолог в его исполнении превращался в моноспектакль — яркий, образный. Он как бы легко и необыкновенно «ткал» ковер событий, избегая скучного назидания, и постепенно в сознании школьников и в их эмоциях навсегда «поселялись» люди прошлого с их сложными взаимоотношениями и характерами, а выводы по теме становились такими убедительными. Его уроки изобиловали фактами, отсутствовавшими в учебниках. Надо сказать, что ученики тех лет не были избалованы дополнительной литературой и краеведческими учебниками (а краеведение было коньком Анатолия Ивановича). Неслучайно первый школьный учебник по местной истории был написан именно А. И. Александровым. Из-под его пера вышла и замечательная историческая повесть, посвященная талантливому ученому Василию Зуеву, члену экспедиции П.-С. Палласа. Его эрудиция просто удивляла. Казалось, и неспроста, достичь чего-то похожего просто невозможно. Много лет спустя, уже после кончины Анатолия Ивановича, я понял «кухню» этой эрудированности, когда в мои руки из архива А. И. Александрова попала обширная, на десятки тысяч наименований, коллекция газетных и журнальных вырезок, которые собирались, обрабатывались и использовались Анатолием Ивановичем на протяжении многих лет. Причем вырезки эти были классифицированы и рассортированы по многочисленным конкретным разделам. В условиях «эры до Интернета» это был единственный вариант организации процесса познания. Так что Анатолий Иванович был не только талантлив от природы, но и трудолюбив, как тот «раб на галерах истории»!

Я многому у Анатолия Ивановича научился в свое время. Прежде всего способу передачи исторического знания детям — неповторимой живой манере общения с ними на уроках. Но уровень и глубина краеведческих знаний

на начало 1990-х гг. сделали это новаторское на момент создания учебное пособие устаревшим.

В свою очередь к этому времени постепенно в умах заинтересованных людей оформилось представление о единстве краеведческого знания, об искусственности разделения краеведческого знания на профильные потоки. Вот уж чего в головах самих школьников не водилось никогда!

Кстати, сказать, что за созданием краеведческих учебных пособий и тем более учебно-методических комплексов тогда выстраивалась очередь из ученых — означает солгать. Более того, в ученом мире имело место устойчивое представление о «чистой» науке и прикладном, более низком по рангу, «краеведческом» ее фланге. Дело это было и остается неблагодарным и неприбыльным.

В таких условиях и началось формирование краеведческого учебно-методического комплекса, о котором пойдет речь.

Уже в начале работы он задумывался как пропедевтический, как один из вариантов начального этапа приобщения детей к исторической науке в целом через историю края, через размышления над ее тайнами.

Закономерно, что первым звеном комплекса стала учебная программа

«Страницы древней истории Южного Урала», созданная мной в начале 1990-х гг. с благословения главного методиста области из тогдашнего института усовершенствования учителей Любови Дмитриевны Ибрагимовой.

Затем в середине 1990-х гг. был создан удивительный «Атлас древней истории Южного Зауралья. Исчезнувший мир» в соавторстве с моим учеником, а ныне доктором исторических наук М. Г. Абрамзон (рис. 345). До сих пор считаю, что идея подобного издания не потеряла своей актуальности до настоящего времени. Прежде всего благодаря выверенной структуре содержания.

Рис. 345. Виноградов Н. Б., Абрамзон М. Г. Исчезнувший мир: атлас древней истории Южного Зауралья. Челябинск, 1995

Каждый раздел о древней и средневековой истории края состоял из четырех элементов.

Первый — схематическая карта Южного Зауралья с основными памятниками археологии конкретного периода. В левом верхнем углу — «марочка» — рисунок ребенка с характерным для этого древнего периода предметом или образом-маркером эпохи.

Второй элемент — картина мира того времени. На нее, по мысли авторов, должны были быть стянуты все свойственные для этого периода объекты.

Третий элемент должен был показать то, что осталось археологам от того «блиставшего некогда» мира «в ощущениях» в культурном слое памятников.

И, наконец, четвертый элемент представлял собой сжатый, но не телеграфный текст, характеризующий этот период. В «Атласе...» также были представлены портреты археологов, трудами которых и были обеспечены наши знания древней и средневековой истории региона, основные виды памятников археологии, фотографии из детских археологических экспедиций.

Остается лишь сожалеть об уровне полиграфии тех лет и загруженности сегодняшней, не позволяющей вернуться к этому, явно не исчерпавшему себя проекту.

В 1997 г. из печати вышел мой учебник для 4–5-х классов «Страницы древней истории Южного Урала», напечатанный невиданным по тем временам тиражом — 40 тыс. экземпляров (рис. 346). Хотя на обложке указана лишь моя фамилия, к его созданию приложили руку, голову и сердце и другие люди. Не могу не сказать слов признательности В. А. Черноземцеву — редактору книги (его стараниями книга об-

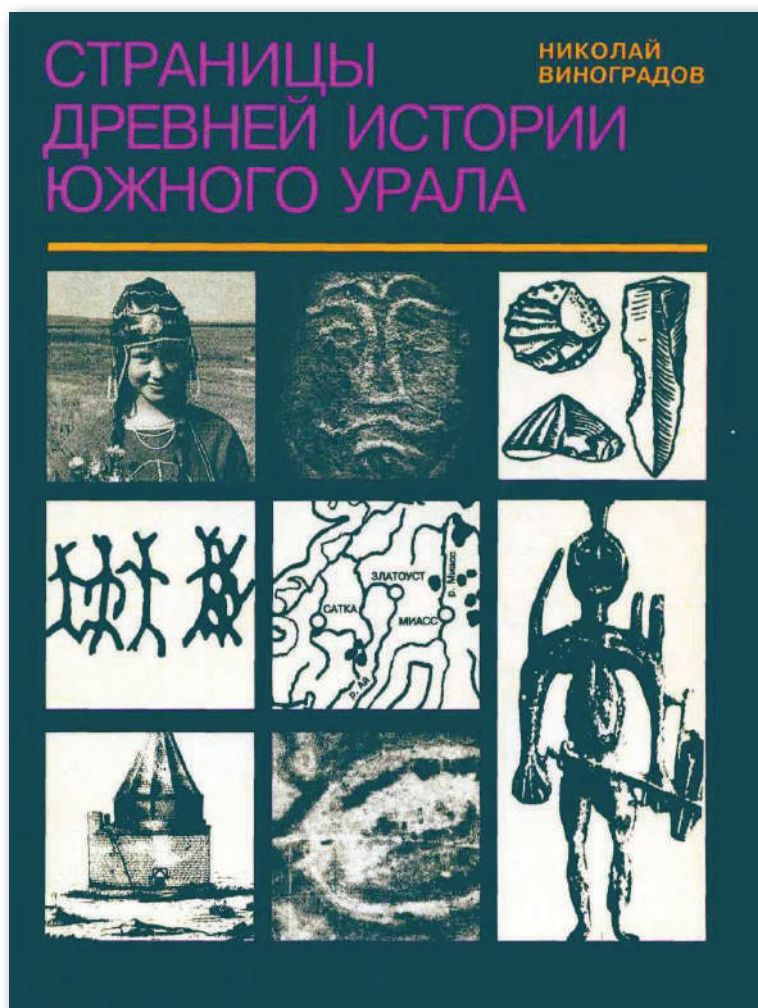

Рис. 346. Виноградов Н. Б. Страницы древней истории Южного Урала: учебное пособие. Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1997

рела тот вид, в котором ее получили дети), а также моей дочери Ане — строгому критику.

До сих пор считаю этот учебник лучшей книгой из всех подготовленных мной. История его создания заслуживает нескольких слов. Было решено отказаться от традиционной для отечественных авторов историко-хронологической структуры в пользу проблемного изложения. Избранные для обсуждения на страницах учебника проблемы не случайны. Именно они отражают своеобразие течения истории региона. Хотя автор археолог, учебник отражает именно комплексное краеведение.

Отдельный вопрос — язык учебника. Поскольку изначально предполагалась диалоговая модель, содержание изложено живым образным языком с периодическими обращениями к самому читателю.

В вопросном блоке чрезвычайно важными считаю вопросы с нравственно-этическим содержанием, поскольку рассматриваю саму историю, скорее как некий нравственно-этический стержень, а не информационную систему. Конкретные примеры нетрудно найти, пролистав вопросные блоки к главам.

Излагая материал конкретных разделов учебника, я старался убедить читателя в том, что вовсе не обязательно в каждом поселке или небольшом городке иметь Парфенон, Колизей и Пирамиды, чтобы гордиться ими. Нужно просто внимательнее посмотреть кругом — и откроется бездна смыслов, которая сделает именно родной край удивительным и полным тайн. То есть я призываю маленького читателя к реализации принципа: «Искать необычное — в обычном!»

Учебник начинают две важнейшие главы. Они посвящены Пространству и Времени. Это стержневые разделы — своеобразные оси координат. При их написании учитывалось, что в 4–5-х классах ребенок еще не имеет систематических знаний по географии, картографии, хронологии.

Каждому разделу учебника («странице») предпослано введение в проблему, набранное курсивом. Это введение должно психологически настроить юного читателя на обсуждение избранной темы. Раздел непременно завершают тезисно сформулированные выводы и разнообразные вопросы для самопроверки усвоенных знаний и самостоятельного изучения. Единственный минус этого проекта — графическое оформление. Дело в том, что авангардистский стиль художника мне претил уже тогда и претит до сих пор. Но... «дареному коню не считают зубы».

На рубеже 1990–2000-х гг. коллективом, в котором кроме меня трудились упомянутая выше Л. Д. Ибрагимова, учитель истории из школы № 78 г. Челябинска Венера Хажеевна Газизова (Маштак), учитель истории из школы № 82 Ольга Николаевна Фадеева, было создано методическое пособие для учителей к моему учебнику (рис. 347). При чем О. Н. Фадеевой удалось адаптировать учебник для старших классов начальной школы.

Рис. 347. Виноградов Н. Б., Ибрагимова Л. Д., Фадеева О. Н., Газизова В. Х. Страницы древней истории Южного Урала: методическое пособие. Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 2000

Завершилось создание комплекса в 2006 г., когда из печати вышла «Рабочая тетрадь» к «Страницам древней истории Южного Урала» (рис. 348). В ее создании, помимо меня, участвовали учителя школ Челябинска В. Х. Маштак и Татьяна Алексеевна Шевченко.

В рамках поддержки этого же образовательного проекта мной и одним из моих учеников, Ильей Николаевичем Банниковым, был создан оригинальный учебный школьный археологический музей и бла-

годаря сотрудничеству с безвременно ушедшим от нас талантливым оператором Сергеем Васильевичем Мазовым снят блок видеопутешествий по памятникам древней истории края.

Таким образом, не прошло и 16 лет, как создание краеведческого учебно-методического комплекса для начального звена исторического образования школьников Южного Урала было завершено.

Хочу быть правильно понятым. Комплекс, о котором идет речь, во-первых, был предназначен именно для начального этапа приобщения детей к истории, с точки зрения профессионального археолога. Подобное издание могло появиться и из-под пера географа, филолога и было бы обращено к соответствующей области знания. Во-вторых, несмотря на обширную информационную базу комплекса, основной его целью, на мой взгляд, являлась активизация интереса школьника к изучению окружающего мира в целом и к истории в частности.

Сегодня этот учебно-методический комплекс — уже позавчерашний день. Концепцией, принятой на вооружение в Челябинской области несколько

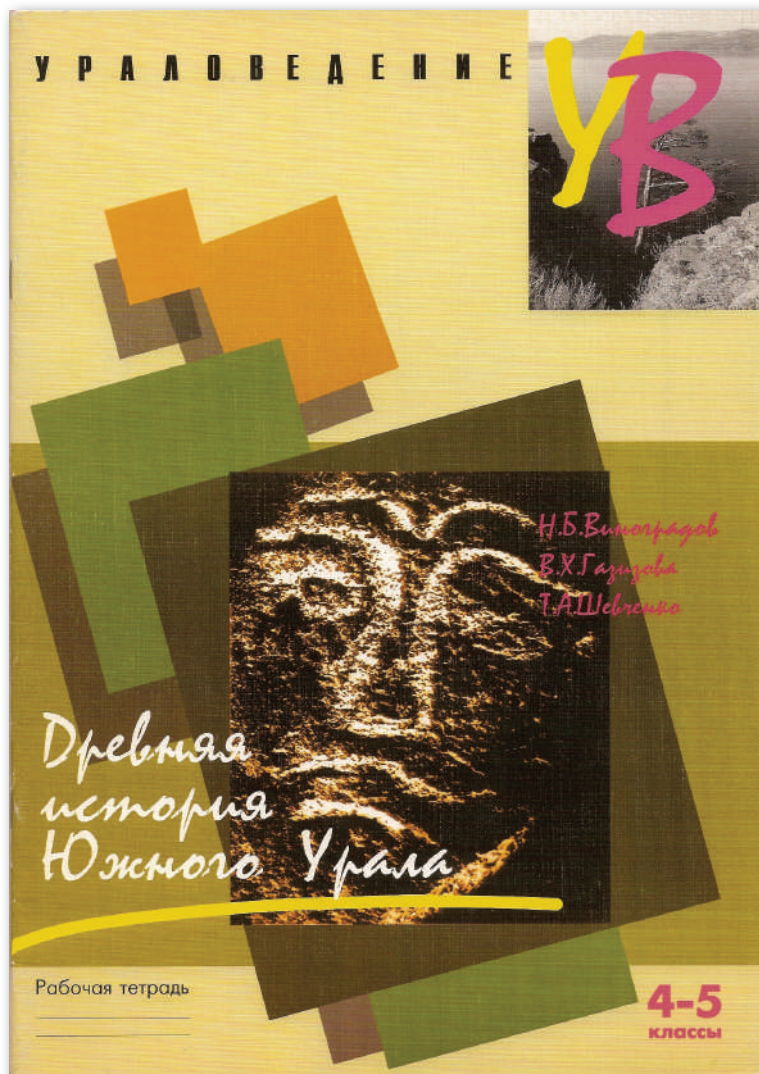

Рис. 348. Виноградов Н. Б., Газизова В. Х., Шевченко Т. А. Древняя история Южного Урала. 4–5 классы: рабочая тетрадь. Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 2005

лет назад, была предложена иная логика введения детей в мир краеведения. А затем по не вполне понятным причинам учебный предмет «Краеведение» был вовсе изъят из школьных программ. Однако «Страницы древней истории Южного Урала» до сих пор являются единственной известной мне в России попыткой создания регионального пропедевтического краеведческого комплекса.

14.2. Авторский опыт создания учебного школьного музея древней и средневековой истории Южного Урала

В рамках поддержки этого же образовательного проекта мной и одним из моих учеников, И. Н. Банниковым, был создан оригинальный учебный школьный археологический музей. Проблема музея в школе «грызла» меня давно. За свою долгую педагогическую карьеру я видел много опытов на этой стезе. Какими они были разными, эти школьные музеи! В конце концов в начале уже 1990-х гг. и мы с моими учениками решили внести свою лепту в это разнообразие.

Прежде всего в результате долгих борений с собой в 1991 г. я пришел к выводу, что планируемый к созданию на базе нашей лаборатории музей должен быть не просто археологическим, а учебным школьным археологическим музеем.

Кое-какой опыт создания музейных экспозиций у меня был. Мне еще в начале 1970-х гг. довелось участвовать в организации новой версии архе-

ологической части экспозиции Челябинского областного краеведческого музея, когда он еще размещался в здании храма на территории «Зеленого рынка» в заречье. Но опыт этот в моем случае решительно не подходил, поскольку я «замахнулся» на создание принципиально нового, и не только для глубоко провинциального Челябинска, музея. Сейчас бы его назвали *интерактивным*.

Приступая к планированию будущего музея, я отдавал себе отчет в том, что он не сможет сравниться с государственными хранилищами ни по уникальности экспонатов, ни по возможностям их экспонирования в достаточно стесненных условиях Челябинского государственного педагогического института начала 1990-х гг. О сколь-нибудь достойном финансировании проекта я даже и не мечтал. Оставалась только извечная пристань — «опора на собственные силы». К ней я решительно и повернул.

Музей было решено строить «от противного». То есть не от наличия экспонатов, а от психологии восприятия детей — учеников 5–7-х классов, лишь начинающих свой путь в Историю. Модель будущего музея выглядела так. В центральной части размещались восемь витрин, в которых были представлены в виде скульптурных групп на фоне живописных задников все основные периоды древнейшей истории региона — от палеолита до Средневековья. Для каждого периода были выбраны сюжеты, отражающие его основное содержание: для палеолита — загонная охота на диких лошадей и рисунки в пещерном святилище; для мезолита — ловля рыбы и принадлежности для нее; для бронзового века — этапы процесса металлопроизводства от отбора руды до изготовления металлических изделий (рис. 349) и т. д. Что важно отметить: в витринах не планировалось размещение текстов, поясняющих скульптурные композиции. Как-то сразу было решено, что содержание витрин дети будут осваивать в ходе беседы вместе с учителем.

Однако полностью отказаться от объемных экспонатов не получилось. По периметру стен в свободном доступе были размещены планшеты с укрепленными на них каменными или металлическими современными репликами древних предметов. И опять-таки не с поясняющими подписями, а с вопросами, касающимися назначения экспонируемых предметов, как бы приготовленными для будущей беседы с учителем. О репликах древних предметов: к счастью, в настоящее время заказать их изготовление за вполне разумные деньги в состоянии любая школа.

Важной частью обсуждаемой модели учебного школьного музея являются технологические площадки. Их задача — обеспечивать интерактивность посетителей музея, заложенную изначально в концепции.

Первая посвящена древнему гончарству. Дети под руководством учителя знакомятся с реконструированной учеными древней технологией гончарства. Нет необходимости объяснять учителям важность непосредственного про-

Рис. 349. Учебный школьный археологический музей при археологической лаборатории ЧГПИ. Скульптурная группа «Бронзовый век Южного Зауралья». Автор И. Н. Банников

никновения детей в глубины первобытного сознания, когда древние гончары наблюдали превращение пластичной глины после обжига в камнеподобный материал. На этой площадке дети постигают лишь процесс формовки сосудов.

Вторая площадка связана с ткачеством бронзового века. Здесь установлено несколько реконструированных археологами ткацких устройств. Дети под руководством учителя получают ни с чем не сравнимые ощущения приобщения к древнему ткачеству.

Последняя технологическая площадка — изготовление каменных орудий по технологии каменного века. Здесь решаются очень важные вопросы. Чем камень, побывавший в руках древнего мастера, отличается от камня, расколовшегося при падении с высоты? Какие следы работы древнего мастера остаются на каменных изделиях? Как их распознать?

Для обеспечения методической стороны работы музея было решено создать комплект фотографий с изображениями избранных скульптурных музейных композиций и вопросов к ним для последующего обсуждения в классе по итогам занятия в музее.

Предлагаемая модель школьного учебного археологического музея зарекомендовала себя как надежный инструмент для формирования у учащихся адекватных представлений о богатстве и сложности древней истории края.

За 16 лет функционирования описываемого музея была выяснена несомненная эффективность интерактивной модели учебного школьного археологического музея. По сути, этот вариант — с чертами своеобразия для отдельных районов Южного Зауралья — может быть успешно реализован в любой школе Челябинской области. Он экономичен в исполнении, поскольку не требует дорогостоящих материалов, приглашения дорогостоящих разработчиков экспозиции, дизайнеров, художников, скульпторов. Все эти помощники найдутся в окружении учителей истории, прежде всего среди детей. Если говорить об описываемом случае, то среди моих студентов был Илья Банников — яркая личность, сочетавшая разнообразные таланты. Ему я обязан воплощением моих идей в материале. Уверен, талантливые дети есть в каждой школе.

14.3. Авторский опыт проведения экскурсий и поездок учащихся к археологическим памятникам Южного Зауралья

Проведение экскурсий школьников 5–7-х классов к памятникам истории древних культур представляет известную сложность. С одной стороны, трудности эти вызваны отсутствием у учащихся системы представлений о древней и средневековой истории края с опорой на материалы археологии. С другой стороны, современное состояние абсолютного большинства местных археологических памятников не способствует их активному вовлечению в экскурсионную деятельность. Плачевность эта вызвана преимущественно антропогенным воздействием. Это и варварские варианты посещения туристами пещер с живописными изображениями эпохи позднего палеолита, и тотальная распашка склонов долин рек с уничтожением культурного слоя сотен памятников археологии, и современные надписи на приозерных скалах с древними рисунками, и многое другое.

Более тридцати лет мне и моим единомышленникам по краеведческой работе с детьми посчастливилось быть причастными к работе по включению памятников археологии в образовательный и воспитательный процесс. За это время коллективными усилиями были определены и апробированы основные принципы, следование которым позволяет, на мой взгляд, эффективно использовать памятники археологии в экскурсионной работе (рис. 350). Тешу себя надеждой, что наш скромный коллективный опыт будет полезен как отдельным школьным преподавателям, так и туристическим компаниям, специализирующимся на экскурсионной работе с детьми.

Так сложилось, что представленный для обсуждения опыт проведения экскурсий касается лишь школьников 10–12-летнего возраста. Дети этого

Рис. 350. Экскурсия школьников и студентов в святилище позднего палеолита с настенной живописью — пещеру Ямазы-Таш (Игнatieвскую). 2011 г. Фото Н. Виноградова

возрастного диапазона, с одной стороны, еще не утратили способности включаться в игру и получать таким образом новую информацию о мире. С другой стороны, они уже активно пытаются найти свое место, явить свои личностные характеристики, самоутвердиться в глазах значимых для них персон. Модель организации экскурсий к археологическим памятникам, предлагаемая ниже, учитывает именно эти возрастные особенности поведения.

Методические варианты проведения экскурсий к археологическим памятникам для школьников отличается несколько особенностей.

Первая состоит в том, что специальной подготовки к этим экскурсиям со школьниками не требуется. Коллеги могут усомниться в справедливости такого подхода. Применяя его, мы исходили из того, что отсутствие знания исторического контекста, частью которого является конкретный археологический памятник, будет, напротив, способствовать яркости впечатлений и ощущений от встречи с ним. У руководителя экскурсии появляется реальный шанс создания цельной картины эпохи, которую отражает памятник.

Вторая особенность — совместное рождение знания о памятнике. Дети вместе с учителем анализируют возможные варианты его местонахождения, характеристики и, что особенно важно, самостоятельно приходят к тем выводам, которые обычно формулирует преподаватель. Безусловно, эта модель экскурсии более трудоемкая для учителя, более затратная по времени и тре-

бует от руководителя большой эрудиции и терпения. Однако опыт убеждает в целесообразности такого подхода, поскольку в итоге у школьников создается не только система образов, но и ощущение сопричастности к процессу, что способствует их самоутверждению и самоидентификации.

Третья особенность вытекает из возрастных характеристик детей. Создание образов эпохи достигается как через диалог с учителем, так и посредством создания образов (средствами рисования), а также через тактильные ощущения. Подобное разнообразие укрепляет и расцветивает образы эпохи в сознании ребенка.

Последняя особенность заключается в стремлении продолжать обсуждение итогов экскурсии впоследствии, по возвращении детей в школу или учреждение дополнительного образования.

Для того чтобы не быть голословным, кратко изложу один из вариантов проведения экскурсии со школьниками к известным Баландинским городищам, которые находятся в живописной местности на правом берегу р. Миасс в окрестностях пос. Солнечного Сосновского района Челябинской области. Городищ два — Большое и Малое. Они расположены на мысовидных площадках обрывистого правого берега реки, поднятого на высоту до 45–50 м от современного уреза воды. Большое Баландинское городище отграничено с напольной стороны двойной линией обороны. Каждая из них состоит из рва и расположенного за ним вала. С одной стороны оборонительная система примыкает к глубокому логу с обрывистыми бортами, с другой — к обрыву реки. В средней части системы обороны городища хорошо фиксируется проход на внутреннюю площадку. Его маркирует разрыв оборонительного рва. Малое Баландинское городище расположено примерно в ста метрах от Большого. Его характеризует крайне небольшая внутренняя площадка, слабая задернованность скального основания и крайне невыраженные детали оборонительных укреплений (рва и вала), скорее похожих на ограничительные черты, чем на реальную фортификацию. Городища стационарно не исследовались. По материалам из разведочных шурфов они первоначально были отнесены первооткрывателями к иткульской культуре раннего железного века, однако в более поздних описаниях связываются с гороховской культурой раннего железного века.

Экскурсия обычно начинается... в полутора километрах от городищ. Сначала мы с детьми определяемся, что же мы ищем. С этой целью сначала устанавливаем признаки городища. Я прошу детей нарисовать в захваченных с собой альбомах, как они представляют себе древнее городище. Рисунки в основном представляют каменные или кирпичные средневековые крепости с башнями из детских сказок. Далее идет объяснение того, что в лесной стране сооружения, в том числе оборонительные, были деревянными или деревянно-земляными, и сохраниться от них должны земляные развалы стен

и оплывшие рвы. Затем выясняется вероятная топографическая ситуация: в котловине или на возвышенности, вероятное расположение площадки городища по отношению к реке. Одним из вариантов выступает мысовой, когда оборонительные сооружения отгораживают площадку с напольной стороны. Далее начинается поиск. Здесь уместно сказать о целесообразности участия в экскурсии нескольких родителей. В условиях, когда река течет в скалистом каньоне, а дети поглощены увлекательной игрой, взрослые страхуют их, находясь у скалистого берега и не допуская приближения к опасным местам.

С детьми по мере приближения к городищу мы обсуждаем несколько возможных мест расположения цели поиска, в частности развалины поселка первой половины XX в. Здесь удобно обсудить, чем отличается современная яма от древней (степень задернованности бортов, характер растительности). Очень важным элементом поиска является лог, за которым и расположено древнее городище. В хорошую погоду и при наличии у детей соответствующей обуви (подшвы не должны скользить) мы не обходим лог, а пересекаем его в безопасном месте поперек, карабкаясь по его склонам. Так дети должны утвердиться в мысли, что попытка бесшумно ночью с этой стороны подобраться к городищу для его захвата — дело почти безнадежное. Мы пересекаем лог в отдалении от городища и идем с детьми... мимо него. А к городищу я посылаю нескольких самых любопытных детей — так, на всякий случай, проверить «бугры». Конечно, вскоре оттуда раздается радостный крик разведчиков: «Нашли!» Бегом все бросаемся туда, и здесь я становлюсь закоренелым скептиком, не веря в находку и требуя доказательств. Вместе мы обретаем истину, обходя по периметру руины оборонительных сооружений. После того как все утвердились в том, что это то, что мы ищем, встает другой вопрос: «А зачем древним людям потребовалось забираться для строительства городища так высоко?» Дети обсуждают этот вопрос, сидя по краям прохода в городище. Предлагается вариант жилого назначения городища, но быстро отвергается, поскольку воды здесь нет. Ходить за ней к реке по почти отвесному обрыву высотой в несколько десятков метров — дело неблагодарное. Колодец внутри городища невозможен из-за скального грунта. Постепенно приходим к двум вариантам возможного использования: как убежища или как производственной (металлургической) площадки (в том случае, если раскопками будет доказана иткульская принадлежность городища). После этого дети достают альбомы и по моей просьбе рисуют варианты внешнего вида оборонительных сооружений и конструкции ворот. Для наглядности я прошу детей встать в неглубокий ровик. Сам поднимаюсь на гребень вала, встаю в полный рост и поднимаю руку, для того чтобы показать возможную высоту деревянной оборонительной стены. Конструкцию оборонительной стены я объясняю детям, исходя из известных по работам В. А. Борзунова и Г. В. Бельтиковой вариантов. Здесь уместно дать детям поддержать репли-

ку любого из бронзовых предметов того времени. Но о том, что это копия, детям я не говорю. Тактильные ощущения при прикосновении к древности и возникающие при этом эмоции стоят этой маленькой недоговоренности.

Вторая фаза экскурсии связана с Малым Баландинским городищем. Модель обсуждения его топографии, особенностей планировки и возможного функционального назначения примерно такие же, как и для Большого Баландинского городища. Отбрасывая фантастическое, мы вместе постепенно приходим к выводу, что площадка слишком мала для строительства жилищ, оборонительные сооружения производят впечатление игрушечных, а скальное основание покрыто очень скудным дерновым слоем. Вывод: скорее всего, Малое Баландинское городище могло функционировать в качестве связанного с Большим Баландинским святилища.

Большое значение имеет экологический аспект экскурсии. Речь идет о горестном обсуждении практической гибели р. Миасс, текущей ниже мегаполиса с его большой и вредной для экологии промышленностью. Речную воду нельзя пить, рыбу из нее нельзя есть. В древности все было иначе. Хрустальные ручьи весело сбегали с березовых водоразделов в прозрачную и чистую реку. В окрестностях городищ лишь одно костровое место, где мы разводим костер, готовим для детей обед, а затем тщательно прибираем за собой и тушим костер. Поход к близлежащему роднику сопряжен с необходимой беседой о заботе людей о родниках и поддержании их чистоты. Важно обсудить также вопрос о непосредственном участии детей в деле охраны природы и памятников древних культур. В идеале подобная экскурсия должна проводиться двумя учителями — истории и биологии. Цель — описать один и тот же небольшой участок ландшафта с позиций различных наук.

Завершается экскурсия домашним заданием для обсуждения на одном из следующих уроков. Задание таково: написать сочинение на тему «Как погибло древнее городище?». Как правило, вскоре после возвращения с экскурсии дети задают вопрос учителю о следующем маршруте — поиске следов исчезнувших древних культур. Закономерен вопрос: как быть, если памятники археологии в окрестностях школы распаханы? Ответ прост: методика та же — коллективный поиск и создание знания. Но должны быть учтены особенности современного состояния памятника. При этом не надо забывать известную среди врачей сентенцию: «Не навреди!»

*14.4. Авторский опыт проведения комплексных экскурсий
и поездок школьников по Южному Зауралью:
из опыта работы лаборатории археологических исследований
ЧГПИ / ЧГПУ / ЮУрГГПУ*

В 1990-е гг. мы много экспериментировали с формами внешкольной краеведческой работы. Летом 1996 г. в дорогу меня и группу шестиклассников из школы № 78, где работала тогда моя ученица Венера Хажеевна Газизова (ныне Маштак) позвал... Петр Иванович Рычков. Да, да, Петр Иванович Рычков из 1762 г., составивший тогда знаменитую ныне в узких кругах «Топографию Оренбургскую...» — по сути, первое разностороннее яркое описание нашего края. И решили мы проехать... по описанной П. И. Рычковым границе Российской империи 1743 г., по так называемой Уйской линии, проходившей по живописной долине р. Уй, мимо крепости Степной, редута Подгорного и прочих пограничных опорных пунктов, населенных казаками, солдатами... до контрольно-пропускного пункта Бугристое в окрестностях Троицка. Через сотни лет «все вернулось на круг», как писал В. С. Высоцкий. И в наши дни по р. Уй ниже Троицка вновь проходит граница России.

Места, полные волшебства и древних преданий! Граница древнего Санарского бора, гранитные останцы, смутно различимые в утренних туманах, укрепленные поселения бронзового века у Степного и Черноречья, удивительные особенности истории и сегодняшней жизни казачьих поселков — все ожило в глазах шестиклассников, большинство из которых до этого не отрывались еще от мам. Это путешествие — одно из целой серии задуманных мной «путешествий с книжкой в руках» по родному краю. Жаль, в нынешних условиях мелочной регламентации и перестраховок с организацией детских экскурсий и поездок подобные путешествия могут совершаться лишь в моих фантазиях. За несколько десятилетий у автора сложились устойчивые представления как о тематике краеведческих экскурсий и поездок для школьников, так и о методике их проведения. С небольшой частью этих представлений и хотелось бы познакомить читателей.

Речь пойдет о так называемых поездках и экскурсиях «с книжкой в руках». Прием этот не нов. Однако в Южном Зауралье он не использовался в достаточном объеме. Суть его заключается в поездке или экскурсии по маршруту, описанному порой сотни лет назад.

Судьбу жанра путевых заметок можно сравнить разве что с массовым вымиранием мамонтов на рубеже плейстоцена и голоцена. Прошедший XX в., к сожалению, не оставил для южноуральцев почти ничего подобного. Исключением является, пожалуй, ставшая библиографической редкостью книга В. С. Старцева, представляющая собой сборник материалов о его путешествиях по краю еще в конце 1930-х гг. Этого нельзя сказать о XVIII и XIX вв. Первый отложился исключительно талантливым по изложению

и удивительно емким по содержанию сочинением П. И. Рычкова, поражающими воображение путевыми дневниками П.-С. Палласа, И. И. Лепехина и И.-П. Фалька. Век XIX оставил содержательные путевые заметки Д. Н. Мамина-Сибиряка «По Зауралью», опубликованные в советское время лишь единожды.

Яркие образы Южного Зауралья прошедших столетий — богатый сравнительный материал, дающий большие возможности для развития познавательных интересов юных современников. Особенно это утверждение актуально в силу крайне небольшой мобильности школьников. Их представления о родном крае, как правило, ограничены пределами района проживания.

Остатки древних и не очень древних эпох рядом с нами и напоминают о себе разнообразно: реликтовыми ленточными сосновыми борами, вклинившимися в степи далеко на юг; особенностями речных долин с их террасами; планировкой казачьих станиц и поселков; обветшалой пышностью бывших торговых пограничных городов — прежних «перекрестков» цивилизаций. Отживают свое средневековые мавзолеи на оживленных когда-то караванных дорогах. В глухой южноуральской тайге скрываются руины демидовских заводов. В неприятный, местами заброшенный проселок превратился в наши дни знаменитый некогда Сибирский тракт. Вместе с ним угасли и расцветшие когда-то вдоль него села с яркими образцами деревянного зодчества, монументальными православными храмами. Тысячи курганов и развалины поселений скрывают тайны разновременных южноуральских народов.

К глубокому огорчению, все эти богатства до обидного мало используются в практике местного школьного краеведения. Причин этому несколько. Главная — большая часть из перечисленных сокровищ еще не введена учеными системно в научный оборот. Соответственно нет и методического обеспечения подобных экскурсий, столь нужного для учителей школ и преподавателей системы дополнительного образования.

Некоторое время назад автором была разработана и реализована идея автобусной поездки со школьниками на тему «По старинной границе России» (рис. 351). Речь идет о части широко известной Уйской линии крепостей 1740-х гг., которая до 1830-х гг. выполняла функцию охраны границы Российской империи и кочевой степи.

Впервые достаточно подробно Уйская линия была описана П. И. Рычковым в его знаменитой «Топографии Оренбургской губернии...». Мной был избран для проведения экскурсии отрезок от крепости Степной (ныне с. Степное Пластовского района) до г. Троицка.

Несколько слов о подходе к проведению подобной экскурсии. Я остановился на комплексном варианте. В орбиту внимания при таком подходе

Рис. 351. Краеведческая поездка с учащимися шестого класса школы № 78 г. Челябинска «По старинной границе России». 1996 г. Фото Н. Виноградова

попадают как памятники природы, находящиеся на маршруте, так и археологические достопримечательности, памятники истории и культуры. Этот подход предполагает участие в поездке как минимум двух преподавателей — историка и географа / биолога.

Поскольку эта поездка рассчитана на два дня, не лишним будет участие в ней и сотрудника, обеспечивающего охрану и безопасность детей. Вовсе не обязательно для этого обращаться в правоохранительные органы. Полагаю, родители сумеют вам помочь.

Возможны два варианта обеспечения питания участников поездки: автономный, при котором приготовление пищи выполняется старшими (на костре или на газовой плите) и происходит на заранее предусмотренных местах стоянок «в поле», и второй, когда дети питаются в кафе или школьных столовых по маршруту.

Целесообразно для отработки деталей организации поездки ее руководителю заранее проехать по всему маршруту, познакомиться с администрацией и коллегами из школ на трассе поездки, обговорить их возможное посильное участие в организации питания, ночлега детей. Ночлег (одна ночь) возможен как в палатках, так и в помещении одной из местных школ. Что касается моего опыта, то неопределимую помощь в организации поездки мне неизменно

оказывали директор средней школы с. Степного учитель истории Татьяна Геннадьевна Лавринова и (на тот период) учитель истории Чернореченской средней школы Троицкого района Алексей Григорьевич Василенко. Пользуясь случаем, автор выражает им самую искреннюю признательность. Подготовка руководителей к поездке включает и создание банка раздаточных иллюстративных материалов. Особенно это касается памятников археологии, уже изученных археологами.

Заканчивая сюжет, связанный с организацией описываемой поездки, хочу заметить, что при внешней сложности организации она вполне доступна заинтересованным учителям.

В ходе каждой поездки я неизменно реализовывал принцип «субъективного открытия» и тезис «неизвестное в известном». Кроме того, учитывались особенности эмоционального восприятия детьми объектов обсуждения по маршруту.

Кстати, о маршруте. Мы едем до Степного через Южноуральск и Пласт. От Степного движемся на восток. Маршрут связан с долиной р. Уй, с остановками в пос. Черноречье, Нижней Санарке и, наконец, на пограничном посту Бугристое близ Троицка, откуда автобус берет курс на Челябинск.

Первым экскурсионным объектом, безусловно, должен стать Санарский бор. Некоторое время назад из-за халатности людей большая часть этого уникального реликтового бора выгорела. Именно это зрелище и предъясняется детям как самый лучший способ воспитания бережного отношения к природе. Огромное пожарище заросло сорным лиственным лесом. Пройдет по меньшей мере сотня лет, прежде чем природа восстановится и мы, выйдя из автомобиля, сможем вдохнуть неповторимый смолистый сосновый воздух. Кроме того, советую обсудить с детьми колоссальные минеральные богатства этого района, доступно описанные в книгах известного краеведа Р. К. Хайрятдинова.

Советую остановиться на одной из автомобильных стоянок на южной окраине Санарского бора, откуда открывается вид на степные просторы Южного Зауралья. Здесь уместен разговор с детьми о границе степи и лесостепи в наших местах. По мнению специалистов, она проходит именно по р. Уй.

Долина этой реки, по моему мнению, недооценена живописцами и поэтами. Редкое место в нашем крае может сравниться с ней по красоте. Особенно впечатляет она по утрам, когда ложе долины заполняют плотные туманы. Из них выступают лишь скалистые, поросшие редкими соснами возвышенности, вызывающие живые ассоциации с дальневосточными пейзажами. Здесь же мы впервые открываем с детьми «Топографию Оренбургской губернии» П. И. Рычкова и вместе зачитываем описание крепости Степной. П. И. Рычков доступно объясняет название крепости, поскольку она — единственная из российских пограничных крепостей в этом районе, расположенная «на

степном» берегу. Река в этом случае не могла быть дополнительным препятствием для неприятелей.

Казалось бы, прошло два с половиной века с тех времен и никакие их следы не сохранились. Так ведь нет! Т. Г. Лавринова, проводя экскурсию по родному селу, объясняет, что до сих пор правобережная часть его зовется «крепость», а левобережная — «форштадт». В «крепости» жили казаки, а на левобережье — так называемые мужики, то есть все, кто не принадлежал к казачьему сословию. Сохранилась и замечательное генеалогическое предание о происхождении двух основных казачьих фамилий, чьи потомки до сих пор живут здесь, в Степном, — Горбуновы и Алабужины. Начинается предание так: «Сейчас уже и не упомнишь, кто у кого девку украл. Казахи у нас, или мы у казахов. Но пошла от этого времени казачья фамилия Алабжины...» Улицы села полны тайн. Здесь и необходимость объяснения широкого использования в XIX в. в строительстве камня-плитняка, и удивление от выполненных из перевитых прутьев тальника изгородей — явной принадлежности к традиционной культуре населения южных районов России и Украины. В селе сохранились здание казачьей школы начала прошлого века и небольшая часовенка, поставленная в честь казаков, не вернувшихся с далекой Русско-японской войны. Хочу быть понятым. «Ткань» исчезнувшей около века назад системы организации жизни казаков будет интересна детям. Если учитель сообщит им около здания казачьей школы некоторые сведения о системе образования в Оренбургском казачьем войске и времени ее формирования. Большое эмоциональное воздействие на детей оказывает и картина врытых на расположенном рядом сельском кладбище... крестов разрушенной в советское время станичной церкви. Старые казачки не дали их увезти!

По данным Т. Г. Лавриновой, в районе с. Степного на р. Уй прежде работало не менее пяти водяных мельниц. Остатки плотины одной из них, принадлежавших казаку Путилову, до сих пор образуют живописный водопад в паре километров восточнее села. Это любимое место купания и по сей день.

Окрестности Степного — настоящий археологический клондайк. Здесь проводили разведки и вели исследования многие советские археологи. Начало было положено В. С. Стоколосом, раскопавшим в конце 1950-х гг. несколько курганных могильников бронзового века. А относительно недавно в километре западнее села были открыты укрепленное поселение бронзового века, современное знаменитому Аркаиму, и сопутствующий ему могильник. Археологи из ЧелГУ (Д. Г. Зданович, Е. В. Куприянова) совместно с зарубежными коллегами уже не первый год изучают его яркие погребения. Восточнее Степного, около современного с. Стрелецк, в меднокаменном веке люди добывали из поверхностных выходов сырье для изготовления каменных орудий, а в урочище Путиловская Заимка (между Стрелецком и Степным) жили и в новом каменном, и в меднокаменном веках. Тысячи разнообраз-

ных каменных орудий, сотни обломков керамических сосудов, остатки продуктов медеплавильного производства сейчас тщательно изучает археолог В. С. Мосин.

Далее наш путь лежит в Черноречье — казачий поселок. Местные жители показывают на склоне долины, чуть восточнее села, развалины, которые народное предание определяет как пикет — наблюдательный пункт, небольшой по площади, обнесенный земляным валом. Здесь уместно рассказать о системе организации границы в XVIII в. с ее контрольно-следовой полосой. Там были установлены согнутые прутья кустарника, которые лошади участников вторжения задевали ногами. Путья разгибались, сигнализируя охранявшим границу казакам о ее нарушении. И на площадке наблюдательной вышки зажигался сигнальный костер. Соседние пикеты передавали сигнал опасности дальше. Любопытна традиционная деревянная жилая архитектура Черноречья, в которой явны следы заимствования из Средней Азии, подсмотренные, скорее всего, казаками, участвовавшими в русском завоевании ее земель.

На противоположном берегу, напротив Черноречья, при впадении р. Черной в Уй находятся прекрасно сохранившееся укрепленное поселение бронзового века Черноречье III, а также большой курганный могильник Кривое Озеро, оставленный его обитателями.

Площадка поселения, ограниченная оборонительными стенами и рвами, прямоугольная в плане. Вдоль внутреннего края оборонительных стен в древности располагались массивы помещений, разделенных засыпными стенами. Древние строители для усиления системы обороны подрезали край площадки поселения, обращенный к р. Черной, сделав его более крутым. Рядом было достаточно места для обустройства кладбища, но обитатели Черноречья предпочли основать его... на противоположном берегу р. Черной, что, согласитесь, более неудобно и трудоемко, если говорить об организации погребений, поминальных обрядов и т. д. Ученые видят в этом факте отражение верований, согласно которым этот и потусторонний миры должна разделять водная преграда, как позднее у древних греков или римлян.

Археологи из Челябинского государственного педагогического института еще в 1980-е гг. изучили в этом могильнике, названном по близко расположенной старице р. Черной — Кривое Озеро, четыре кургана, а под ними более 50 синташтинских погребений и могил чуть более поздней и связанной с синташтинцами алакульской культуры. Раскопки могильника дали потрясающие археологов результаты. Остатки нескольких колесниц, помещенных в деревянные, порой двухэтажные гробницы, 11 роговых псалиев (нащечников) — деталей узды колесничных коней, бронзовые кинжалы, наконечник копья, разнообразные украшения, около 200 керамических сосудов. Все эти остатки исчезнувшей давно жизни стали активно изучать ученые различных специальностей: археологи, археозоологи, антропологи, историки металлур-

гии и многие другие. О чернореченских колесницах бронзового века знают теперь далеко за пределами России.

Здесь уместно объяснить методику работы с детьми на этом археологическом памятнике. Его площадка используется сейчас как пастбище. Травяной покров угнетен и позволяет увидеть даже небольшие руинированные остатки древней деревянно-земляной оборонительной насыпи. Прежде чем рассказывать о ней, надо оговориться, что основной принцип здесь, как в медицине: «Не навреди!» Не нарушайте культурный слой памятника. Это запрещено без специального разрешения. Остановив участников поездки поодаль я... достаю увеличенную копию аэрофотоснимка, на котором отчетливо видны очертания оборонительных укреплений поселения, и предлагаю им найти их на местности. Элемент поиска мобилизует детей, и через некоторое время «первооткрыватели» уже торжествуют победу. На противоположном берегу р. Черной — курганы могильника Кривое Озеро (см. выше). Здесь уместен разговор о древнейших на планете колесницах, запряженных парой коней. И, конечно, ребят ждет чай, приготовленный в котелке на костре. Детям, уверен, будут интересны рассказы о жизни и работе археологов, восстанавливающих из праха Историю.

С книгой П. И. Рычкова мы путешествуем далее. Современное с. Подгорное у П. И. Рычкова — «редут». На листе из альбома дети должны изобразить свои представления об этом типе оборонительного сооружения. В облике современного села нет и признаков редута XVIII в. Здесь хорошо будет восприниматься разговор о важности изучения географических названий для историков. Но более известны итоги раскопок могильника бронзового века у с. Подгорного, условно названного Приплодный Лог. Археолог Т. С. Малутина раскопала здесь 14 курганов со сложными порой внутримогильными конструкциями, возведенными из камня. Существование могильника связывается с несколькими археологическими культурами (алакульской, федоровской и федоровско-черкаскульской) второй половины II тыс. до н. э.

По пути следования у пос. Каменка участники поездки могут обозреть один из самых обширных древних некрополей в этих местах. Сотни курганов покрывают склон долины и ее возвышенности. Здесь уместен сюжет об охране археологического наследия.

Село Нижняя Санарка (крепость во времена П. И. Рычкова) знаменито не только своим историческим прошлым. Учитель истории из местной школы А. Г. Василенко сумел создать в окрестностях села единственный в области муниципальный природно-исторический заповедник. Ознакомление детей с его экспонатами явно не будет лишним.

Недалеко от Нижней Санарки находится один из самых древних памятников истории человека на территории Южного Зауралья — стоянка Троицкая I, отнесенная археологами к концу древнего каменного века (чуть более

16 тыс. лет от наших дней). Она расположена на территории бывшего совхоза «Плодопитомник», на высоком левом берегу р. Уй. Стоянка исследована археологом В. Н. Широковым и археозоологом П. А. Косинцевым в конце 1980-х — начале 1990-х гг. Находки (около 200 каменных изделий и кости животных ледникового периода) позволили специалистам сделать вывод о том, что Троицкая I была кратковременным охотничьим лагерем. Группа людей на какое-то время задержалась около туш погибших во время паводка животных, в частности четырех мамонтов. Изучение каменных орудий (резцы, ножи, скребки) показало, что большая их часть использовалась для разделки туш, обработки шкур и кости. Поразительно, но древнейшие в наших местах мастера в качестве сырья для изготовления орудий использовали кристаллы... горного хрусталя, а ведь он очень плохо поддается обработке. Такие они были искусники! Кость ноги дикой уральской лошади с аккуратно просверленным в ней сквозным отверстием по праву может считаться одним из древнейших на Урале костяных орудий, созданных здесь человеком.

Заканчивается маршрут поездки на КПП Бугристое в окрестностях Троицка, на современной границе Российской Федерации и Республики Казахстан.

Прошло несколько веков, и наш край снова стал пограничным регионом. Убежден, что в абсолютном большинстве участникам экскурсии не пришлось бывать столь близко к рубежу Родины. Уже одно ощущение границы оказывает на детей глубокое эмоциональное воздействие. Кроме того, по вашей просьбе таможенники проведут с детьми небольшую экскурсию, объясняя в ходе ее, как они защищают границу нашей страны от различных нарушений.

От Бугристого наш путь лежит на север, в Челябинск. Перед отъездом вновь открываем книгу П. И. Рычкова и обсуждаем превратности исторической судьбы.

Практика показывает, что поездка может быть слишком перегружена впечатлениями и информацией. В зависимости от возраста и состава группы детей вполне можно ограничить количество объектов обсуждения.

Описанная экскурсионная поездка-путешествие — хороший подарок детям, особенно после окончания учебного года. В современных реалиях организации экскурсионной деятельности это возможно лишь в рамках одной или нескольких семей, имеющих собственные автомобили. В этом случае все написанное выше реально осуществимо. Постарайтесь убедить в этом родителей и сделать их своими союзниками. Это всего лишь одна из возможных тем. За кадром остались удивительные возможности, связанные с привлечением в качестве «стержней проекта» сочинений других путешественников и ученых прошлых веков.

14.5. Авторский опыт проведения летней полевой эколого-гуманитарной школы для подростков

Опыт проведения необычных полевых школ для старших школьников археологической лаборатории ЧГПИ / ЧГПУ истоками своими уходит в начало 1990-х гг. Именно тогда для автора этих строк стала очевидной ограниченность воздействия форм профильной краеведческой работы, особенно для старших школьников. Осознание этой ограниченности пришло после наблюдения за работой профильных летних детских экспедиций на протяжении 1980-х гг. Именно тогда мы много экспериментировали в детских археологических экспедициях.

Все более очевидной становилась мысль о том, что историческое, археологическое, филологическое, географическое и иные виды школьного краеведения существуют скорее в сознании взрослых. Так удобнее для профильных специалистов. Подобное членение единого мира у детей отсутствует. В их представлении мир многомерен, но не может быть разделен.

Решение проблемы было найдено путем реализации проекта летней полевой эколого-гуманитарной школы для подростков. Небольшое количество учащихся (до 20 человек) мы вывозили в заранее подобранный район Челябинской области. Как правило, это был Варненский или Карталинский районы, не только известные своими памятниками истории и культуры, но и колоритные в природном отношении. Особенно любимы были урочище Каменный Амбар на р. Карагайлы-Аят и Устье на р. Нижний Тогузак, где эти возможности практически безграничны (рис. 352).

Школа позиционировалась как детская экспедиция. Она базировалась в полевом палаточном лагере. В качестве основы для работы не без основания были избраны археологические исследования, занимавшие, как правило, половину дня. Вторая половина отдавалась под профильные занятия. Одних и тех же детей различные профильные специалисты знакомили с одним и тем же ландшафтом. Когда мы впервые обратились к реализации этого проекта, за его стержневую основу было решено взять жизнь древних людей в конкретном ландшафте. Каждый из профильных специалистов один и тот же маршрут по окрестностям полевого лагеря объяснял детям с позиций своей отрасли знания. Подбор специалистов в каждом конкретном случае был различным. Мы привлекали к работе в полевой школе историков, биологов-географов, геологов и даже ихтиологов.

Не рискуя комментировать действия коллег, автор попытается описать археологическую образовательную программу. Она включала, помимо собственно археологических работ, экскурсии по окрестностям палаточного лагеря.

Учащиеся под руководством археолога осваивали азы методики выявления древних поселений и могильников. Я пытался убедить их в том, что

Рис. 352. Лагерь летней полевой эколого-гуманитарной школы для старшеклассников на берегу реки Карагайлы-Аят, в урочище Каменный Амбар (Карталинский район Челябинской области). 1995 г. Фото С. Мазова

древние исчезнувшие миры на самом деле никуда не исчезли. Они лишь притаились и ждут пытливого и образованного исследователя. На какое-то время школьники превращались в пионеров-первооткрывателей. Они уже смотрели на мир глазами археолога, пытались понять закономерности древнего расселения. От их внимательного взгляда не ускользал ни фрагмент керамики в дорожной пыли, ни слой золы в обрыве реки, ни обломок каменного орудия в промоине, ни возвышения или понижения рельефа, имевшие явно антропогенное происхождение.

Район базирования полевой школы был выбран не случайно. Здесь на относительно небольшой территории сосредоточены различные типы памятников археологии: стоянки каменного века, укрепленное поселение бронзового века, поселения бронзового века без укреплений — селища, разновременные отдельные курганы и могильники, курганы «с усами» раннего железного века, средневековые каменные оградки с установленными около них каменными стелами, разнообразные местонахождения древних предметов. Так что поразмышлять с детьми было над чем.

Другой информационный блок, который я как археолог предлагал детям, — заранее подобранные комплекты полевой документации на вновь открытые памятники. Для этого я брал на экскурсию научные отчеты о разведочных обследованиях археологических памятников в районе расположения

эколого-гуманитарной школы. Дети знакомились с правилами составления плана памятника и его описания, фотофиксацией и зарисовыванием обнаруженных на площадке памятника древних предметов. Школьники на практике убеждались, насколько сложна и ответственна работа археолога в поле.

Следующий информационный блок, к которому я обращался во время археологических экскурсий с детьми, — попытка датировки археологических объектов по внешним деталям (рис. 353). Мы осматривали археологические памятники различных периодов древней и средневековой истории Южного Зауралья и устанавливали особенности их внешнего вида. В первую очередь это касалось погребальных сооружений различных типов. Мысль, которую я пытался таким образом транслировать школьникам, заключалась в том, что часть информации о памятнике древней культуры можно получить и без его раскопок.

Последний аспект, который я старался держать в поле внимания, говоря о древней и средневековой истории этих мест, — экологический. Давление человека на природу началось, образно говоря, не вчера, а в глубокой древности.

Мне довелось присутствовать на великолепно организованных занятиях с этими же школьниками моей коллеги — энтомолога Зои Ивановны Тюма-

Рис. 353. Археологическая экскурсия для слушателей летней полевой эколого-гуманитарной школы для старшеклассников на берегу реки Карагайлы-Аят, в урочище Каменный Амбар (Карталинский район Челябинской области). 1995 г. Фото С. Мазова

севой и ее аспирантов (рис. 354). В ходе их бесед с детьми окружающие степи как бы оживали. Выстраивались вековые взаимоотношения людей с природой и навсегда становились частью представлений благодарных слушателей. Проблема питания древних людей, их санитария и гигиена, заболевания и их лечение растительными препаратами — вот лишь небольшая часть того, о чем говорилось на этих незабываемых прогулках. Завершалось действие совместным поеданием жареной саранчи — любимого лакомства некоторых народов и сегодня.

Рис. 354. На экологической прогулке. Элемент работы летней полевой эколого-гуманитарной школы для старшеклассников. Место базирования: гора Большая Березовая (Нагайбакский район Челябинской области). 2006 г. Фото Н. Виноградова

Геолог, проходя с детьми по тому же маршруту, что и другие специалисты до него, повествовал о природе за многие миллионы лет до появления в этих местах людей. Он указывал на свидетельства из различных периодов геологической истории Земли.

Из недостатков упомяну лишь самый существенный. Этот образовательный проект достаточно дорог, поскольку ориентирован на относительно небольшое количество учащихся, проводится в полевых условиях, связан с привлечением профильных специалистов, обслуживающего персонала и с транспортными расходами.

Тем не менее, как мне представляется, подобные полевые эколого-гуманитарные школы для старшеклассников — эффективная и перспективная форма организации «умного» лета юных южноуральцев.

Я был бы не прав, если бы в финале не сказал, что эстафета перевода теоретической информации по древней и средневековой истории края в практическое русло успешно передана. Уже многие годы этим процессом руководит удивительный по творческим возможностям человек заслуженный учитель школы РСФСР Сергей Владимирович Марков (Дворец пионеров и школьников им. Н. К. Крупской г. Челябинска), выпускник нашего историко-педагогического факультета ЧГПИ. Он уже опубликовал часть своего методического опыта. С ним можно ознакомиться в Интернете через поисковые системы и обратившись лично к автору.

С уважением, д. и. н. Н. Б. Виноградов

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Древняя и средневековая история Южного Зауралья ярка и порой уникальна. Прежде всего тем, что история людей здесь протекала в разнообразных ландшафтах, будучи вмонтированной в природный контекст. Открытые ландшафты (степи, лесостепи), где относительно часто менялось население, и в наши дни соседствуют здесь с горной страной, где миграции были более редким явлением. Во все периоды древней и средневековой истории природа и климат порой определяли модель жизни людей. С каменного века обитатели Южного Зауралья стали активно пользоваться богатствами гор (в частности каменным сырьем для изготовления орудий труда и предметов вооружения, рудами различных металлов). Минеральные богатства также придавали своеобразие течению исторических процессов в нашем крае. В бронзовом и раннем железном веке здесь не раз возникали уникальные общества, в жизни которых значительную роль играло металлопроизводство.

Языковую принадлежность народов Южного Урала специалисты впервые начинают всерьез рассуждать применительно к V–IV тыс. до н. э. (энеолитический период). В это время, по их мнению, юг Урала, степи Казахстана до Прикаспия населяли общества, говорившие на диалектах праугорских языков. В том же III тыс. до н. э. впервые в истории региона с миграцией в степи Оренбуржья из Поволжья скотоводческого населения древнеямной культуры на Южном Урале появляется индоевропейское население. К рубежу III–II тыс. до н. э. оно сменяется в южноуральских степях скотоводами-металлургами, говорившими на диалектах индоиранских языков. Кочевые народы степей Южного Урала раннего железного века (саки, сарматы) уже пользовались диалектами североиранских языков.

В раннем Средневековье, в первой половине I тыс. до н. э., тюркоязычные кочевые объединения из Внутренней Азии и лишенные ими же родины угроязычные народы Западной Сибири продвигаются на Южный Урал в ходе Великого переселения народов, замещают и поглощают здесь своих ираноязычных предшественников.

Все перечисленные выше обитатели открытых ландшафтов Южного Урала на протяжении тысячелетий соседствовали с праугорскими народами — далекими предками хантов и манси. На пограничных территориях с бронзового века по раннее Средневековье возникали общества, для которых

специалисты указывают на двуязычие. Тысячелетний исторический опыт межэтнических взаимодействий изучается и должен быть востребован нами.

Древние и средневековые народы Южного Зауралья оставили после себя замечательные памятники материальной и духовной культуры: позднепалеолитические пещерные святилища с настенной живописью, культовые места с рисунками на прибрежных скалах у рек и озер, укрепленные поселения и рудники бронзового века, развалины дерново-земляных «пирамид» ранних кочевников, руины городищ народов раннего железного века и Средневековья, святилища раннесредневековых кочевников — курганы «с усами», мавзолеи на караванных перекрестках, поминальные комплексы в честь предков с каменными стелами и многое-многое другое.

Любая из перечисленных древних и средневековых достопримечательностей могла бы стать визитной карточкой Южного Зауралья. Самая злободневная проблема, связанная с памятниками древних культур, — их сохранение для потомков и разработка принципов их использования. В наши дни часто говорят о необходимости определения «брендов» Южного Урала.

Меня же как учителя более всего беспокоит то, что нас лишили возможности и ставить вовремя «прививку» от беспамятства юным землякам, и транслировать им исторический опыт. Узаконенный на несколько лет в школах учебный предмет «Краеведение» ликвидирован. Чиновники, конечно, убеждают нас, что есть масса иных способов и без «отдельного предмета “Краеведение” донести до учеников великие свершения древних предшественников и возвысить родную землю в их глазах». Увы. Мы говорим на разных языках. «Вахтами памяти» желанную «любовь к родным осинам» у юных можно воспитать лишь в отчетах. Не скажу за политиков. Не мое.

Что касается школы, то, по-моему, до тех пор, пока у начала пути ребенка в историю будут стоять, как эталоны, пирамиды Древнего Египта, Парфенон и Колизей, Южному Уралу, в соответствии с «эффектом запоминания», надеяться не на что. По этой логике, поскольку ничего подобного Парфенону в нашем крае никогда не было, соответственно, здесь можно и «резвиться», как вздумается. Мы и сегодня не осознаем всей значимости и величия нашей древней истории. Мешают традиционные стереотипы. Сколько должно пройти столетий, прежде чем мы будем достойны нашего прошлого?

БЛАГОДАРНОСТИ

В силу многосторонности проекта и протяженности его во времени к подготовке книги к изданию, формированию образного ряда, информационного сопровождения оказались причастны многие организации и мои коллеги. Автор благодарен администрации и сотрудникам Государственного исторического музея Южного Урала (Челябинск), Пластовского историко-краеведческого музея, Златоустовского городского краеведческого музея, Свердловского областного краеведческого музея им. О. Е. Клера, Института этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, музейно-выставочного комплекса «Народы и технологии Урала» Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета), Музея археологии и этнографии Челябинского государственного университета, научно-исследовательской лаборатории археологических исследований и школьного археологического краеведения ЮУрГГПУ, археологической лаборатории исторического факультета Курганского государственного университета. Автор считает своим долгом выразить искреннюю признательность коллегам, помогавшим улучшить содержание очерка: прежде всего, редактору д. и. н. Александру Дмитриевичу Таирову, а также д. и. н. Сергею Геннадьевичу Боталову, д. и. н. Андрею Владимировичу Епимахову, известному южноуральскому геологу Сергею Васильевичу Колисниченко, д. и. н. Нине Леонидовне Моргуновой, д. и. н. Ольге Николаевне Корочковой, д. и. н. Вадиму Сергеевичу Мосину, к. и. н. Виталию Васильевичу Ткачеву, к. и. н. Сергею Вячеславовичу Богданову, к. и. н. Вячеславу Георгиевичу Котову, к. и. н. Анне Давыдовне Дегтяревой, к. и. н. Игорю Владиславовичу Горашуку, к. и. н. Светлане Николаевне Савченко, археологам Антону Михайловичу Наумову, Андрею Николаевичу Теличко, Игорю Константиновичу Новикову, Стефании Вячеславовне Докучаевой, издательству «Абрис» (картографическое обеспечение) и лично его директору Юрию Владичевичу Маше; заведующей учебным музеем «Народы и технологии Урала» ЮУрГУ Юлии Валерьевне Васиной, Зое Андреевне Валиахметовой (археологический фонд Государственного исторического музея Южного Урала).

Отдельная благодарность моей жене Наталье Николаевне Пашковой за долготерпение, постоянную поддержку и разностороннюю помощь в реализации этого проекта.

АРХЕОЛОГИ — ИССЛЕДОВАТЕЛИ ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ ЮЖНОГО УРАЛА

Алаева Ирина Павловна (р. 1977), выпускница исторического факультета Челябинского государственного педагогического института (1999), археолог, кандидат исторических наук (2015). Тема диссертационного исследования — «Культурная специфика памятников позднего бронзового века степной зоны Южного Зауралья». Научную подготовку получила в стенах археологической лаборатории ЧГПУ под руководством Н. Б. Виноградова. Область научных интересов: бронзовый век степной части Южного Урала. Тематика исследований связана с широким охватом областей изучения обществ бронзового века: системы расселения, культурной специфики разных локальных вариантов алакульской культуры, домостроительства, погребального обряда, керамического производства, металлургии, ткачества.

Полевые исследования ведет с 2001 г. На протяжении многих лет возглавляет полевые исследования лаборатории вуза. За это время в результате полевых работ удалось значительно расширить источниковый ряд андроновских памятников Южного Зауралья. Широкими площадями исследованы поселения бронзового века Малая Березовая 4, Большая Березовая 2, Александро-Невское II, Новониколаевка I, Чебаркуль III, Звягино-4; погребальные памятники — могильники Гумбейский, Александро-Невский II, Уелги, Звягино-1. И. П. Алаева — автор более 50 научных публикаций и разделов в коллективных монографиях.

Сочинения

1. Алаева И. П. Литейные формы алакульской культуры Зауралья (вопросы отражения уровня развития металлопроизводства) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань : Отечество, 2014. Т. 1. С. 520–525.
2. Алаева И. П. Поселение бронзового века Малая Березовая 4 // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана : сб. науч. ст., посвящ. 90-летию со дня рождения выдающегося археолога К. А. Акишева. Астана : Сарыарка, 2014. С. 161–172.
3. Алаева И. П. Особенности функционирования срубно-алакульской контактной зоны в Южном Зауралье // Историко-культурные процессы на Южном Урале в эпоху поздней бронзы: современные проблемы изучения и сохранения культурного наследия : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию со дня рождения Н. Г. Рутто. Уфа : Диалог, 2016. С. 40–63.
4. Алаева И. П. Раннеалакульские памятники Урало-Казахстанского региона // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 3 (34). С. 78–85.

5. Алаева И. П. Вариативность погребального обряда федоровской культуры Южного Зауралья // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г. И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И. Б. Васильева. Самара, 2018. С. 88–92.
6. Алаева И. П., Рассомахин М. А. Следы плавки меди в колодце поселения Чебаркуль III // Геоархеология и археологическая минералогия. 2018. № 5. С. 112–117.
7. Алаева И. П., Молчанов И. В., Фомичев А. В., Анкушев М. Н., Анкушева П. С. Операционная цепь горного дела в бронзовом веке: орудия Новотемирского рудника (Южное Зауралье) // Теория и практика археологических исследований. 2021. Т. 33, № 3. С. 89–115.

Бадер Отто Николаевич (1903–1980), известный археолог, доктор исторических наук, основатель научной археологической школы Урала. Его учениками были известные впоследствии ученые-археологи: В. Ф. Генинг, В. А. Оборин, В. П. Денисов, Н. А. Мажитов. Б. А. Рыбаков сказал однажды о нем: «Он за свою жизнь сделал столько открытий, что их с лихвой хватило бы на дюжину археологов». На Южном Урале О. Н. Бадер исследовал, в частности, такой всемирно известный памятник археологии, как Шулган-Таш (Капова пещера) с настенной живописью позднего палеолита. Вместе с Г. Н. Матюшиным он изучил одну из древнейших стоянок человека в нашем крае — стоянку Мысовая (Урта-Тюбе) на оз. Карабалыкты. Уникально и погребение южноуральца каменного века, исследованное О. Н. Бадером в гроте у Каменного Кольца близ с. Серпиевка на р. Сим. Отто Николаевич Бадер — автор серии монографий и большого количества научных и научно-популярных статей.

Сочинения

1. Бадер О. Н., Оборин В. А. На заре истории Прикамья. Пермь : Перм. кн. изд-во, 1958. 244 с.
2. Бадер О. Н. Древнейшие металлурги Приуралья. М., 1964. 175 с.
3. Бадер О. Н. Капова пещера. Палеолитическая живопись. М. : Искусство, 1965. 48 с. : ил.
4. Бадер О. Н. Палеолит Башкирии // Археология и этнография Башкирии. Т. 4. Уфа, 1971. С. 64–68.
5. Бадер О. Н. Неолитическое погребение в гроте у Каменного Кольца на Урале и его аналоги // Проблемы археологии Урала и Сибири. М. : Наука, 1973. С. 104–109.
6. Бадер О. Н. Тайны седого Урала // Сквозь века. М. : Знание, 1986. С. 165–196.

Батанина Ия Михайловна (1933–2011). С именем И. М. Батаниной связано открытие и изучение целой серии уникальных памятников археологии бронзового века в Южном Зауралье. Геологу, специалисту по дешифрированию аэрофотоснимков И. М. Батаниной совместно с коллегой Н. В. Левит зимой 1986/1987 гг. удалось локализовать в степях Южного Зауралья около 20 ранее неизвестных науке укрепленных поселений бронзового века, а затем в составе коллектива археологов из Челябинского государственного университета принять активное участие в их исследовании и введении в научный оборот.

Открытие И. М. Батаниной и Н. В. Левит стимулировало комплексное изучение этого феномена и в конечном счете кардинально изменило представления специалистов и образованной общественности об уровне культуры

степного населения Южного Урала на рубеже III–II тыс. до н. э. Это открытие стало одним из выдающихся достижений отечественной археологии второй половины XX в.

Сочинения

1. Батанина И. М. Страна городов с птичьего полета // Хроника. 1995. 25 мая.
2. Батанина И. М., Иванова Н. О. Археологическая карта заповедника Аркаим // Аркаим. Исследования. Поиски. Открытия. Челябинск : Камен. пояс, 1995. С. 159–195.
3. Зданович Г. Б., Батанина И. М. «Страна городов» — укрепленные поселения эпохи бронзы XVIII–XVII вв. до н. э. на Южном Урале // Аркаим. Исследования. Поиски. Открытия. Челябинск : Камен. пояс, 1995. С. 54–62.
4. Батанина И. М. Журумбай // Челябинская область : энциклопедия / гл. ред. К. Н. Бочкарев. Челябинск : Камен. пояс, 2004. С. 339–340.
5. Батанина И. М., Епимахов А. В. Каменный Амбар // Челябинская область : энциклопедия / гл. ред. К. Н. Бочкарев. Челябинск : Камен. пояс, 2004. Т. 3. С. 54.
6. Батанина И. М., Зданович Д. Г. Исиней // Челябинская область : энциклопедия / гл. ред. К. Н. Бочкарев. Челябинск : Камен. пояс, 2004. Т. 2. С. 615.
7. Зданович Г. Б., Батанина И. М. Аркаим — Страна городов: Пространство и образы (Аркаим: горизонты исследований). Челябинск : Крокус : Юж.-Урал. кн. изд-во, 2007. 260 с. : ил.

Бельтикова Галина Викторовна (1945–2015), кандидат исторических наук. Прошла археологическую школу, еще будучи студенткой, в стенах Уральского государственного университета у В. Ф. Генинга и В. Е. Стоянова. Вся научная карьера Г. В. Бельтиковой связана с археологической лабораторией Уральского государственного университета. С ее именем связано открытие десятков новых памятников археологии на Урале, а также исследование (совместно с В. Е. Стояновым) эпонимного памятника раннего железного века Зауралья — Гороховского городища. Широкую известность приобрели результаты ее полевых исследований мест металлургического производства на городище Думная Гора на юге Свердловской области и городище Иткульское I на севере Челябинской области. Г. В. Бельтикова выделила и детально охарактеризовала в своей кандидатской диссертации и серии научных публикаций иткульский очаг цветной металлургии раннего железного века в горно-лесном Зауралье.

Сочинения

1. Иткульские поселения // Вопросы археологии Урала. Вып. 14. Свердловск, 1977. С. 119–133.
2. Бельтикова Г. В., Борзунов В. А., Корякова Л. Н. Некоторые проблемы археологии раннего железного века Зауралья и Западной Сибири // Вопросы археологии Урала. Вып. 20. Екатеринбург : УрГУ, 1991. С. 102–114.
3. Бельтикова Г. В. Развитие иткульского очага металлургии // Вопросы археологии Урала. Вып. 21. Екатеринбург, 1993. С. 93–106.

Берсенева Наталья Александровна (р. 1969), археолог (Институт истории и археологии УрО РАН, Южно-Уральский университет), доктор исторических наук (2019). Тема докторского диссертационного исследования — «Возрастная и гендерная дифференциация в обществах Южного Урала II тыс. до н. э.

(по материалам погребальных памятников»). Специалист по эпохе бронзы и раннего железа Урала и Западной Сибири. Область научных интересов: социальная археология, археология детства, гендерная археология, археология возрастных групп. Принимала участие в раскопках курганов и поселений в Зауралье и Западной Сибири, таких как могильник Исаковка в Среднем Прииртышье, Павлиновский археологический комплекс, могильник и поселение в урочище Каменный Амбар в Зауралье. Автор более 130 публикаций на русском, английском и немецком языках. Член Европейской ассоциации археологов (ЕАА) и рабочей группы «Археология гендера в Европе» (AGE), член Всемирного археологического конгресса (WAC).

Сочинения

1. Берсенева Н. А. Мир детства бронзового века // Южный Урал в начале эпохи металлов. Бронзовый век / под ред. Епимахова. Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2019. Т. 2. С. 328–359.
2. Кулевчи VI — могильник позднего бронзового века в Южном Зауралье : монография / Н. Б. Виноградов, Н. А. Берсенева, И. П. Алаева [и др.] ; под общ. ред. Н. Б. Виноградова. Челябинск : Изд-во Юж.-Урал. гос. гуманитар.-пед. ун-та, 2020. 556 с.
3. Berseneva N. Bronze Age Child Burials in the Southern Trans-Urals (21st — 15th Centuries cal. BC) // Children, Death and Burial. Archaeological Discourses / eds. E. Murphy and M. Le Roy. Oxford : Oxbow Books, 2017. P. 125–146.
4. Berseneva N. Male gender identity during the Ural Bronze Age. On the way down? // J. K. Koch and W. Kirleis (eds). Gender Transformations in Prehistoric and Archaic Societies. Scales of Transformation in Prehistoric and Archaic Societies (STPAS) Vol. 6. Leiden : Sidestone Press, 2019. P. 237–255.
5. Berseneva N. Female Burials with Weapons: Realities of Life or a Reflections of Social Identity? (Based on Materials of the Sargat Culture) // Anthropology & Archeology of Eurasia. 2020. No. 59 (2). P. 149–165.
6. Epimakhov A. V., Berseneva N. A., Fedorova N. V., Noskevich V. V., Panteleyeva S. E. Fortification lines of the Kamennyi Ambar settlement // The Bronze Age in the Karagaily-Ayat Region (Trans-Urals, Russia) // Culture, Environment and Economy / L. N. Korjakova & R. Krause (eds.). (Frankfurter Archäologische Schriften 43 | Frankfurt Archaeological Studies 43). Bonn : Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2021.

Богданов Сергей Вячеславович (р. 1963), археолог, кандидат исторических наук (1999). Тема диссертационного исследования — «Древнейшие курганные культуры степного Приуралья. Проблемы культурогенеза». Специалист по бронзовому веку степного Приуралья. Опубликовал свыше 120 научных работ. Научные интересы связаны с изучением археологических памятников начала эры металла, включая курганные некрополи в долинах Урала, Илека, Бузулука, поселения древних горняков-металлургов, исторические медные рудники. В последние годы уделяет значительное внимание изучению технологических алгоритмов горно-металлургического производства эпохи бронзы на Южном Урале. В степных районах Приуралья и Зауралья С. В. Богдановым выявлено и обследовано свыше 300 исторических медных рудников, проведена большая серия археометаллургических экспериментов по восстановлению меди из рудных материалов Приуралья, литью и кузнечно-слесарной обработке орудий из экспериментальной меди и медно-мышьяковых сплавов.

Сочинения

1. Богданов С. В. Эпоха меди степного Приуралья. Екатеринбург : УрО РАН, 2004. 285 с.
2. Богданов С. В. Систематика комплексов древнеямной культуры востока понто-каспийских степей в контексте проблемы трансферта горно-металлургических традиций в Северную Евразию // *Stratum plus. Археология и культурная антропология*. 2017. № 2. С. 133–157.
3. Богданов С. В. Технологии горно-металлургического производства эпохи раннего металла Северной Евразии с позиций экспериментальной археологии // *Феномены культур раннего бронзового века степной и лесостепной полосы Евразии: пути культурного взаимодействия в V–III тыс. до н. э.* Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2019. С. 161–174.
4. Богданов С. В. Пилотные археометаллургические эксперименты по восстановлению меди из рудных концентратов Каргалов // *Аналитические исследования лаборатории естественно-научных методов*. Вып. 5. М. : Ин-т археологии РАН, 2021. С. 78–103.
5. Bogdanov S. V. Ore sources of raw materials of the ancient metallurgy in the steppe cis-urals region // *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*. 9. Сер. «9th International Symposium “Steppes of Northern Eurasia”». 2021. С. 012017.

Боталов Сергей Геннадьевич (р. 1958), археолог, доктор исторических наук, специалист по археологии средневековых кочевых народов евразийских степей, научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН. Выпускник историко-педагогического факультета Челябинского государственного педагогического института, археологическую подготовку получил в институтской лаборатории археологических исследований, а затем в археологической лаборатории Челябинского государственного университета. За годы научной карьеры исследовал целую серию уникальных погребальных памятников средневековых кочевников в степях Южного Урала и Казахстана (могильник у Башни Тамерлана, Агаповские курганы, могильники Граултры, Уелги и др.). В своих монографиях и статьях сформулировал концепцию этнокультурного развития степных кочевых народов Южного Урала и Казахстана в период раннего Средневековья. В начале 1990-х гг. основал и до настоящего времени возглавляет предприятие, специализирующееся на археологических исследованиях в зонах промышленного строительства и жилой застройки на территории как собственно г. Челябинска, так и Челябинской области в целом.

Сочинения

1. Боталов С. Г. Поздняя древность и Средневековье // *Древняя история Южного Зауралья*. Челябинск : ЮУрГУ, 2000. Т. 2. С. 207–430.
2. Боталов С. Г., Таиров А. Д., Любчанский И. Э. Курганы «с усами» урало-казахстанских степей. Челябинск : Юж.-Урал. фил. ИИА УрО РАН, 2006. 232 с.
3. Боталов С. Г. Гунны и тюрки (историко-археологическая реконструкция). Челябинск : Рифей, 2008. 672 с. : ил., табл.
4. Боталов С. Г. У истоков южноуральских народов. Южный Урал в эпоху Золотой Орды (IX — начало XV века) // *История Южного Урала : в 8 т. Т. 5*. Челябинск : Издат. центр ЮУрГУ, 2019. 424 с.
5. Боталов С. Г. Эпоха Великого переселения народов и раннее Средневековье Южного Урала (II–VIII века) // *История Южного Урала : в 8 т. Т. 4*. Челябинск : Издат. центр ЮУрГУ, 2019. 384 с.

Вохменцев Михаил Павлович (1955–2021), археолог, кандидат исторических наук, директор Научно-производственного центра по охране и использованию объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) Курганской области. Специалист по энеолитическому периоду истории Зауралья. Кандидатская диссертация была посвящена анализу характеристик и проблем энеолита Зауралья. Именно М. П. Вохменцев впервые создал общую картину истории края в энеолите. Среди изученных им памятников поселение Верхняя Алабуга 3, археоастрономические святилища Савин I (совместно с Т. М. Потемкиной) и Слободчики I. В лесостепях Зауралья М. П. Вохменцев выделяет две группы энеолитических памятников: с локализацией на юге лесостепи (по р. Тобол, Убаган, Уй) и на ее севере (по р. Исеть, Миасс, Суерь и их небольшим притокам). Для последней исследователь выделил три типа памятников: поселения, могильники и святилища.

Сочинения

1. Вохменцев М. П. Энеолитическое поселение Верхняя Алабуга 3 // Земля Курганская: прошлое и настоящее : краевед. сб. Вып. 11 (2). Курган, 1991. С. 3–7.
2. Вохменцев М. П. Историко-культурные параллели зауральским памятникам с круговой планировкой // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 1997. № 1. С. 6–14.
3. Вохменцев М. П. Памятники ранней бронзы лесостепного Зауралья // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь: к 70-летию Т. М. Потемкиной : сб. ст. Курган : КГУ, 2007. С. 60–65.
4. Вохменцев М. П. Памятники неолита, энеолита и ранней бронзы в лесостепном Приоболжье / науч. ред. В. С. Мосин. Челябинск : Рифей, 2016. 137 с.

Генинг Владимир Федорович (1924–1993), археолог, доктор исторических наук. «Археологические университеты» прошел на историческом факультете Пермского государственного университета у знаменитого отечественного археолога О. Н. Бадера. По окончании вуза в течение ряда лет исследовал памятники археологии Приуралья.

Период жизни В. Ф. Генинга с начала 1960-х до 1974 г. связан с Уральским государственным университетом (Свердловск), где он преподавал на историческом факультете. В 1966 г. организовал Уральскую археологическую экспедицию, которая специализировалась на проведении археологических работ в зонах строительства газо- и нефтепроводов, гидротехнических сооружений, дорог и т. д.

В стенах археологической лаборатории УрГУ сформировался целый коллектив молодых археологов, которые в последующие десятилетия распространили опыт своего учителя на другие районы Урала и за его пределы. Среди них Р. Д. Голдина, В. В. Евдокимов, Г. Б. Зданович и многие другие.

Широкую известность приобрело основанное В. Ф. Генингом в УрГУ издание «Вопросы археологии Урала». Он автор ряда монографических исследований и научных статей.

На Южном Урале под его общим руководством исследован Миасский могильник бронзового века в окрестностях с. Миасского Красноармейско-

го района, а также ныне всемирно известный Синташтинский культурный комплекс на р. Синташте в Брединском районе Челябинской области. В. Ф. Генинг — удивительно разносторонний ученый. Его научное творчество включает как результаты осмысления полевых наблюдений (Писанный Камень на р. Вишере, Синташтинское поселение и могильник), так и труды, посвященные авторским методикам обработки археологических материалов (керамика, погребальные памятники) и вопросам теории археологической науки.

Сочинения

1. Генинг В. Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // Советская археология. 1973. № 1. С. 114–136.
2. Генинг В. Ф. Хронологические комплексы XVI в. до н. э. (по материалам Синташтинского могильника) // Новейшие открытия советских археологов : тез. докл. конф. Киев : ИА АН УССР, 1975. Ч. 1. С. 94–95.
3. Генинг В. Ф., Борзунов В. А. Методика статистической характеристики и сравнительного анализа погребального обряда // Вопросы археологии Урала. Вып. 13. Свердловск : Изд-во УрГУ, 1975. С. 42–72.
4. Генинг В. Ф. Синташта и проблема ранних индоиранских племен // Советская археология. 1977. № 4. С. 53–73.
5. Генинг В. Ф., Зданович Г. Б., Генинг В. В. Синташта. Археологические памятники арийских племен урало-казахстанских степей. Ч. 1. Челябинск : Юж-Урал. кн. изд-во, 1992. 408 с.
6. Генинг В. Ф., Стефанова Н. К. Черноозерье I — могильник эпохи бронзы среднего Приуралья. Екатеринбург : УрГУ, 1994. 67 с.

Горбунов Владимир Степанович (р. 1946), археолог, доктор исторических наук. После окончания БашГУ работает на различных должностях в Башкирском государственном педагогическом институте. Научные интересы на протяжении десятилетий его научной карьеры связаны с проблемами истории волго-уральской лесостепи в бронзовом веке. Особенных успехов В. С. Горбунов достиг в изучении памятников абашевской культуры Южного Урала (Береговские поселения, поселение Тюбьяк, Старо-Ябалаклинский могильник). В. С. Горбунов полагает, что в хозяйственно-экономической жизни абашевского населения Южного Урала важное место занимало металлопроизводство (мед, бронза), а южноуральское абашевское население сыграло важную роль в культурогенетических трансформациях на Южном Урале на рубеже III–II тыс. до н. э. В. С. Горбунов автор нескольких монографий и около ста других научных публикаций.

Сочинения

1. Горбунов В. С. Абашевская культура Южного Приуралья. Уфа : Изд-во БГПИ, 1986. 96 с.
2. Горбунов В. С. Некоторые проблемы культурогенетических процессов эпохи бронзы Волго-Уралья : [препр.]. Свердловск : ИИиА УрО РАН, 1990. 30 с.
3. Горбунов В. С. Бронзовый век волго-уральской лесостепи. Уфа : Изд-во БГПИ, 1992. 223 с.
4. Горбунов В. С. Проблемы реконструкции основ хозяйства населения Волго-Уралья в эпоху бронзы. Уфа : Изд-во БГПИ, 1992. 40 с.

5. Горбунов В. С., Яминова С. А. У истоков новых гипотез по проблемам эпохи бронзы Уральского региона (70–80-е годы) : [препр.]. Уфа : Изд-во БГПИ, 1999. 44 с.

6. Горбунов В. С. Срубная общность Восточной Европы. Уфа : Изд-во БГПУ, 2006. 192 с.

Григорьев Станислав Аркадьевич (р. 1960), археолог, кандидат исторических наук. Научную подготовку прошел в отрядах Урало-Казахстанской археологической экспедиции. С конца 1980-х гг. работает в Южно-Уральском филиале Института истории и археологии УрО РАН, старший научный сотрудник. Его научные интересы на протяжении почти всей научной карьеры нацелены на круг проблем, связанных с историей металлопроизводства в бронзовом веке Южного Урала и Казахстана. В ходе изучения научным сообществом памятников синташтинского типа рубежа III–II тыс. до н. э. в Южном Зауралье С. А. Григорьев выступил с оригинальной миграционной концепцией происхождения оставившего их населения. Он также является автором концепции культуриногенеза алакульского населения бронзового века Южного Зауралья. С именем С. А. Григорьева связано и археологическое изучение объектов на острове Веры на оз. Тургойак, а также геоглифа в окрестностях оз. Зюраткуль.

Сочинения

1. Григорьев С. А. Древняя металлургия Южного Урала : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1994. 20 с.

2. Григорьев С. А. Древние индоевропейцы. Опыт исторической реконструкции. Челябинск : АНТ, 1999. 444 с.

3. Григорьев С. А. Бронзовый век // Древняя история Южного Зауралья. Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2000. С. 241–531.

4. Васина Ю. В., Григорьев С. А. Рекогносцировочные исследования мегалитических сооружений на озере Тургойак в Южном Зауралье // Известия Челябинского научного центра. Вып. 2. Челябинск, 2005. С. 105–109.

5. Grigoriev S. A., Vasina J. V. Megaliths of the Vera Island in the Southern Urals // British archaeological report. International ser. 2123. Monumental questions: prehistoric megaliths, mounds and enclosures. Oxford, 2010. P. 179–185.

6. Grigoriev S., Vasina Yu. Megaliths of the Vera Island in the Southern Urals // Arcaeopress Publishing LTD. Oxford, 2019. 283 p.

Дурылин Сергей Николаевич (1886–1954), искусствовед, доктор филологических наук. В 1923–1924 гг. отбывал ссылку в Челябинске. В 1923–1925 гг., будучи сотрудником Челябинского музея местного края, исследовал более 20 курганов бронзового века в черте современного г. Челябинска (на берегах оз. Смолино, на территории пригородных пос. Исаково и Сухомесово).

Сочинения

1. Дурылин С. Н. Минко Н. К. и его работы по археологии Челябинского округа : (материалы к биографии) // Сборник материалов по изучению Челябинского округа. Челябинск, 1927. Кн. 1. С. 53–55.

2. Дурылин С. Н. Челябинские курганы // Сборник материалов по изучению Челябинского округа. Челябинск, 1927. Кн. 1. С. 56–71.

3. Дурылин С. Н. Раскопки под Челябинском // Записки Уральского общества любителей естествознания. 1927. Т. 40, вып. 2. С. 105–122.

Епимахов Андрей Владимирович (р. 1964), археолог, доктор исторических наук, доцент. Выпускник исторического факультета Челябинского государственного университета. Получил фундаментальную археологическую подготовку в отрядах Урало-Казахстанской археологической экспедиции. Активный участник масштабных разведочных археологических работ в Южном Зауралье, исследования Синташтинского и Аркаимского комплексов памятников археологии во второй половине 1980-х гг. Четверть века ведет самостоятельные полевые археологические исследования. Среди изученных А. В. Епимаховым памятников бронзового века — могильники Солнце II, Каменный Амбар 5 (совместно с В. П. Костюковым и Д. В. Нелиным), Троицк-7 (совместно с В. П. Костюковым), укрепленное поселение Ольгино (Каменный Амбар; совместно с Л. Н. Коряковой). Автор более 300 публикаций, в том числе четырех монографий и более десятка глав в коллективных монографиях, посвященных проблемам хронологии, палеодемографии, социально-экономической жизни и культурогенеза степных обществ бронзового века. Заместитель директора по научной работе Института медиа и социально-гуманитарных наук Южно-Уральского государственного университета. С 2002 г. член Европейской ассоциации археологов (ЕАА), с 2013 г. — Всемирного археологического конгресса (WAC). Дважды лауреат премии «Профессор года». Награжден Почетной грамотой Министерства науки и высшего образования РФ.

Сочинения

1. Епимахов А. В. Южное Зауралье в эпоху средней бронзы. Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2002. 170 с.
2. Епимахов А. В. Ранние комплексные общества Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар 5). Кн. 1. Челябинск : Челяб. дом печати, 2005. 192 с.
3. Епимахов А. В. Динамика коммуникаций бронзового века Урала // Таинство этнической истории древнейших номадов степной Евразии / под ред. д-ра ист. наук проф. А. В. Епимахова ; сост. В. А. Новоженев. Алматы : Остров Крым, 2014. С. 125–205.
4. Епимахов А. В. Южный Урал в начале эпохи металлов. Бронзовый век / А. В. Епимахов и др. // История Южного Урала : в 8 т. Т. 2. Челябинск : Издат. центр ЮУрГУ, 2019. 432 с.
5. Епимахов А. В., Хэнкс Б., Ренфрю К. Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья // Российская археология. 2005. № 4. С. 92–102.
6. Koryakova L., Epimakhov A. V. The Urals and Western Siberia in the Bronze and Iron Age // Cambridge world archaeology. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2007. 374 p.
7. Ventresca M. A., Hanks B. K., Judd M., Epimakhov A., Razhev Weaning practices among pastoralists: New evidence of infant feeding patterns from Bronze Age Eurasia // American Journal of Physical Anthropology. 2017. Vol. 162. Iss. 3. P. 409–422.
8. Hanks B. K., Ventresca M. A., Judd M., Epimakhov A., Razhev P. K. Bronze Age Diet and Economy: New Stable Isotope Data from the Central Eurasian Steppes (2100–1700 BC) // Journal of Archaeological Science. 2018. Vol. 97. P. 14–25.

Зданович Геннадий Борисович (1938–2020), археолог, доктор исторических наук, специалист по бронзовому веку степей Евразии. Выпускник исторического факультета Уральского государственного университета, ученик известного

уральского археолога В. Ф. Генинга. По окончании университета организовал научные археологические центры в г. Петропавловске Северо-Казахстанской области Казахстана, затем в Карагандинском университете. Именно к казахстанскому периоду профессиональной карьеры Г. Б. Здановича относится открытие и осмысление им в Северном Казахстане сообщества поселенческих и погребальных памятников бронзового века, получивших наименование «петровские» и понятых первоначально исследователем как отражение раннего этапа истории населения алакульской культуры.

С 1976 г. научная карьера Г. Б. Здановича была связана с Челябинским государственным университетом, где им также была основана лаборатория археологических исследований, а при ней — Урало-Казахстанская археологическая экспедиция. С ее деятельностью связано, в частности, начало первого в истории археологического изучения Южного Зауралья сплошного археологического обследования степной части территории Челябинской области. Разведочными отрядами экспедиции были открыты сотни ранее не известных науке памятников археологии.

Впервые на Южном Урале Г. Б. Зданович применил методику исследования поселений бронзового века широкими площадями, что значительно повысило результативность их изучения. Методика эта была успешно применена в ходе раскопок (совместно с Н. Б. Виноградовым) поселения бронзового века Кулевчи III. При активном участии Г. Б. Здановича с 1983 г. исследовалось укрепленное поселение бронзового века Синташта I и расположенный рядом могильник.

Всероссийскую известность получила борьба коллектива археологов во главе с Г. Б. Здановичем и широкой общественности за сохранение от гибели укрепленного поселения бронзового века Аркаим. Исследование Аркаима и однотипных с ним укрепленных поселений в Южном Зауралье стало одним из самых значимых научных проектов археологов ЧелГУ.

Благодаря активной поддержке Правительства Челябинской области укрепленные поселения бронзового века были соединены в кластерный заповедник областного подчинения. Центр «Аркаим» стал одним из посещаемых туристических объектов.

В том, что в Челябинске в настоящее время функционирует несколько научных археологических центров, есть несомненная заслуга Г. Б. Здановича.

Сочинения

1. Зданович Г. Б. Основные характеристики петровских комплексов урало-казахстанских степей (к вопросу о выделении петровской культуры) // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск : Изд-во ЧелГУ, 1983. С. 48–68.

2. Зданович Г. Б. Бронзовый век урало-казахстанских степей (основы периодизации). Свердловск : Изд-во УрГУ, 1988. 177 с.

3. Зданович Г. Б. Феномен протоцивилизации бронзового века урало-казахстанских степей. Культурная и социально-экономическая обусловленность // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата : Наука, 1989. С. 179–189.

4. Зданович Г. Б., Батанина И. М. Укрепленные центры эпохи средней бронзы в Южном Зауралье // *Степная цивилизация Восточной Евразии*. Астана : Kultegin, 2003. Т. 1. С. 72–87.
5. Зданович Г. Б., Батанина И. М. Аркаим — Страна городов: Пространство и образы (Аркаим: горизонты исследований). Челябинск : Крокус : Юж.-Урал. кн. изд-во, 2007. 260 с. : ил.
6. Зданович Г. Б., Малютина Т. С., Зданович Д. Г. Аркаим. Археология укрепленных поселений : монография : в 2 кн. Кн. 1: Жилища и жилое пространство. Челябинск : Изд-во ЧелГУ, 2020. 450 с.

Зданович Дмитрий Геннадьевич (р. 1966), археолог, кандидат исторических наук (2005). Выпускник исторического факультета Челябинского государственного университета (1994). Тема диссертационного исследования — «Жертвоприношения животных в погребальном обряде населения степного Зауралья эпохи средней бронзы». Заместитель директора Учебно-научного центра изучения проблем природы и человека Челябинского государственного университета. Область научных интересов — бронзовый век степной части Южного Урала. Полевые исследования ведет с 1991 г. В разные годы руководил полевыми археологическими исследованиями памятников бронзового века: укрепленного поселения Аландское, могильников Большекараганского, Исиней, Чекатай, Степное VII и др. Автор более 50 научных публикаций, в том числе монографий.

Сочинения

1. Зданович Д. Г. Могильник Большекараганский (Аркаим) и мир древних индоевропейцев урало-казахстанских степей // *Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия* / науч. ред. Г. Б. Зданович ; сост. Н. О. Иванова. Челябинск : Камен. пояс, 1995. С. 43–53.
2. Зданович Д. Г. Синташтинское общество: социальные основы «квазигородской» культуры Южного Зауралья эпохи средней бронзы. Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 1997. 93 с.
3. Аркаим: 1987–1997 : библиогр. указ. / сост. Д. Г. Зданович, Е. И. Коган, Н. Н. Орлова. Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 1999. 120 с.
4. Зданович Д. Г., Кириллов А. К. Курганные памятники Южного Зауралья: археоастрономические аспекты исследований. Челябинск : Кокус, 2002. 76 с.
5. Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника) / сост.: Д. Г. Зданович и др. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 2002. 214 с.
6. Зданович Г. Б., Малютина Т. С., Зданович Д. Г. Аркаим. Археология укрепленных поселений : монография : в 2 кн. Кн. 1: Жилища и жилое пространство. Челябинск : Изд-во ЧелГУ, 2020. 450 с.

Иванов Владимир Александрович (р. 1950), археолог, доктор исторических наук. Выпускник Башкирского государственного университета. В настоящее время работает в Башкирском государственном педагогическом университете. В археологии более сорока лет. Область научных интересов — от раннего железного века Южного Урала до Средневековья. Один из ведущих специалистов по проблемам истории средневековых народов Евразии. Создатель авторской концепции истории Южного Урала в Средневековье. Автор нескольких монографий, более 200 научных статей и других публикаций. Является автором нескольких научно-популярных изданий о различных периодах древней и средневековой истории Южного Урала.

Сочинения

1. Иванов В. А. Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья. М. : Наука, 1984. 88 с.
2. Иванов В. А. Древние угры-мадьяры в Восточной Европе. Уфа : Гилем, 1999. 123 с.
3. Иванов В. А., Кригер В. А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). М. : Наука, 1988. 91 с.
4. Белавин А. М., Иванов В. А., Крыласова Н. Б. Угры Предуралья в древности и Средние века. Уфа : Изд-во БГПУ, 2009. 278 с.
5. Иванов В. А., Злыгостев В. А., Антонов И. В. Южный Урал в эпоху Средневековья (V–XVI века н. э.) / под ред. В. А. Иванова. Уфа, 2013. 280 с.
6. Иванов В. А., Злыгостев В. А. Это были башкиры... Уфа : Китап, 2017. 128 с.

Игнатъев Руф Гаврилович (1818–1886), краевед, журналист, историк музыки. Выпускник Лазаревского института. Автор около 500 разнообразных статей, в том числе по археологическому краеведению. В 1865–1886 гг. с небольшим перерывом жил и работал в Уфе. Известен среди археологов как автор первых на Южном Урале археологических исследований с научными целями (1865). Лишь на территории Челябинского уезда Оренбургской губернии им были учтены 543 кургана и два городища. В опубликованном докладе Р. Г. Игнатъева на 1-м археологическом съезде в г. Москве описывается и широко известный мавзолей Кесене (Башня Тамерлана). Однако главной заслугой Р. Г. Игнатъева перед археологической наукой, безусловно, являются составление карт памятников археологии Оренбургской, Уфимской и Тобольской губерний и создание основополагающего труда «Городища и курганы Оренбургской губернии». Важной вехой в истории археологии Южного Урала должно считаться появление многотомного собрания сочинений Р. Г. Игнатъева, изданного оренбургскими коллегами.

Сочинения

1. Игнатъев Р. Г. Курганы и городища Оренбургского края // Труды первого археологического съезда в Москве. 1869 г. М., 1871. С. 153–158.
2. Игнатъев Р. Г. Памятники древностей в Курганском округе Тобольской губернии // Тобольские губернские ведомости. 1873. № 18–22, 24, 25.
3. Игнатъев Р. Г. Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период) / сост. М. И. Роднов. Т. 1: 1859–1866 годы. Оренбург : Издат. центр ОГАУ, 2011. 230 с.
4. Игнатъев, Р. Г. Городища и курганы Оренбургской губернии : монография. СПб. : Лань, 2014. 27 с. URL: http://e.lanbook.com/books/element.php?pl1_id=52852

Кастанье Иосиф Антонович (Жозеф-Антуан) (1875–1958), краевед. Действительный член Оренбургской ученой архивной комиссии. Хранитель музея Оренбургской ученой архивной комиссии. С археологией Южного Урала был связан с 1902 г. до переезда в Ташкент в 1912 г. Скрупулезная работа И. А. Кастанье по учету и описанию памятников древней и средневековой истории Оренбургского края была завершена в 1910 г. изданием монументального свода «Древности киргизской степи и Оренбургского края». В нем он, помимо результатов своих личных изысканий, обобщил сделанное в этой области до него Р. Г. Игнатъевым, И. С. Шукшинцевым и другими краеведами.

Сочинения

1. Кастанье И. А. Древности киргизской степи и Оренбургского края // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. 22. Оренбург, 1910. 332 с.
2. Кастанье И. А. Древности киргизской степи и Оренбургского края. 2-е изд. Алматы : Дайк-пресс, 2007. 516 с.

Корочкова Ольга Николаевна (р. 1959), археолог, доктор исторических наук (2011). Выпускница исторического факультета УрГУ (1980). Тема докторского диссертационного исследования — «Взаимодействие культур в эпоху бронзы в Среднем Зауралье и подтаежном Тоболо-Иртышье: факторы, механизмы, динамика». Профессор кафедры археологии и этнологии УрФУ, директор экспозиционно-выставочного центра, ведущий научный сотрудник проблемной научно-исследовательской археологической лаборатории УрФУ. В полевых исследованиях принимает активное участие с 1973 г. В Южном Зауралье и Притоболье О. Н. Корочкова изучала поселения эпохи бронзы Дуванское XVII, Ново-Шадрино VII, Сухрино III, могильник бронзового века Урефты I.

Сочинения

1. Корочкова О. Н. О федоровской культуре // Проблемы культуругенеза и культурное наследие. СПб., 1993. С. 84–87.
2. Корочкова О. Н. Взаимодействие культур в эпоху поздней бронзы (андроноидные древности Тоболо-Иртышья). Екатеринбург : УралЮрИздат, 2010. 104 с.
3. Взаимодействие культур в эпоху бронзы в Среднем Зауралье и подтаежном Тоболо-Иртышье: факторы, механизмы, динамика : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2011. 37 с.
4. Корочкова О. Н., Стефанов В. И., Усачев Е. В., Ханов С. А. Гладуниинский клад эпохи бронзы // Уральский исторический вестник. 2013. № 2 (39). С. 129–136.
5. Стефанов В. И., Корочкова О. Н. Урефты I: зауральский памятник в андроновском контексте. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2006. 160 с.
6. Корочкова О. Н., Федорова Н. В. Клады Урала и Западной Сибири эпохи бронзы — раннего железного века: состав, контексты, интерпретации // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2019. № 3 (46). С. 17–28.
7. Корочкова О. Н., Усманова Э. Р. Знак пути в символике федоровской культуры // Уральский исторический вестник. 2020. № 4 (69). С. 74–83.

Корякова Людмила Николаевна (р. 1947), археолог, доктор исторических наук (1993). Выпускница исторического факультета Уральского государственного университета (1969.). Тема докторской диссертации — «Культурно-исторические общности Урала и Западной Сибири: Тоболо-Иртышская провинция на ранней и средней стадиях железного века». Старший лаборант кабинета археологии УрГУ (1969–1970). Заведующая кабинетом кафедры философии Свердловского архитектурного института (1970–1974). Младший научный сотрудник, старший научный сотрудник проблемной лаборатории археологических исследований УрГУ (1978–1989). Заведующая вузовско-академической лабораторией Института истории и археологии УрО РАН (1989–1993). Ведущий научный сотрудник (1999–2003). Главный научный

сотрудник (с 2003). Заведующая Центром археологии эпохи металла (2009). Член ученого совета Института истории и археологии УрО РАН (с 1993). Член редколлегии журналов «Уральский исторический вестник», «Археология евразийских степей», «Нижеволжский археологический вестник». Член экспертного совета Российского фонда фундаментальных исследований (с 2015) и Российского научного фонда (с 2016). Профессор кафедры археологии и этнологии Уральского федерального университета (2001). Член Европейской ассоциации археологов, номинационного комитета Шанхайского археологического форума. Член-корреспондент Германского археологического института. Почетный работник науки и техники РФ.

В 1979 г. возглавляла отряд Уральской археологической экспедиции. В это время были проведены археологические раскопки селища Дуванское II в Тюменском районе Тюменской области.

В 1989 г. перешла на работу в Институт истории и археологии УрО РАН, где заведовала лабораторией (до 1992) и осуществляла руководство проектом «Угры в Евразии». С этого времени исследования проводились на Павлиновом городище в Шатровском районе Курганской области.

С 1992 г. руководитель российско-французского научного проекта «Курганы и крепости северной периферии Шелкового пути» (Институт истории и археологии УО РАН) и соруководитель одноименной международной программы. В рамках проекта комплексно исследованы могильники Гаевский-1 и Гаевский-2 в Исетском районе Тюменской области, а также Сопинский могильник в Шатровском районе Курганской области.

С 2007 г. являлась руководителем российской части совместного российско-германского проекта (Германский археологический институт, Берлин; Университет им. Гёте, Франкфурт-на-Майне), направленного на изучение укрепленных поселений бронзового века Южного Урала. Является научным руководителем раскопок в урочище Каменный Амбар (2007–2013), в 2015–2017 гг. — могильника Неплюевский, а с 2018 г. — поселения Коноплянка в Карталинском районе Челябинской области.

Подготовила 10 кандидатов наук. Автор более 170 научных публикаций.

Сочинения

1. Корякова Л. Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири. Саргатская культура. Свердловск, 1988. 240 с.
2. Культура зауральских скотоводов на рубеже эр. Екатеринбург, 1997. 210 с. (В соавт.)
3. Среда, культура и общество лесостепного Зауралья во второй половине I тыс. до н. э.: по материалам Павлиновского археологического комплекса / отв. ред. Л. Н. Корякова. Екатеринбург ; Сургут : Магеллан, 2009. 298 с. (В соавт.)
4. Davis-Kimball J., Murphy E., Koryakova L. and L. Yablonsky (eds). Kurgans, Ritual Sites and Settlements Eurasian Bronze and Iron Age. Oxford : Archaeopress, 2000. 220 p. (В соавт.)
5. Habitats et necropoles de l'Age du Fer au carrefour de l'Eurasie. Paris, 2002. 280 p. (В соавт.)
6. The Urals and Western Siberia in the Bronze and Iron Ages. New York : Cambridge Univ. Press, 2007. 383 p. (В соавт.)

7. Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia) / R. Krause and L. N. Koryakova (eds.). Bonn : Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2013. 354 p. (В соавт.)
8. Krause R. and Koryakova L. (eds.). Zwischen Tradition und Innovation. Studien zur Bronzezeit im Trans-Ural (Russische Föderation) // Frankfurter Archäologische Schiften. Bonn : Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2014. 430 p. (В соавт.)
9. Korjakova L. N. & Krause R. (eds.). The Bronze Age in the Karagaily-Ayat Region (Trans-Urals, Russia) Culture, Environment and Economy // Frankfurt Archaeological Studies. Bonn : Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2021. 568 p. (В соавт.)

Костюков Владимир Петрович (1949–2009), археолог, востоковед, кандидат исторических наук. Исследователь кочевых культур средневекового периода истории Южного Урала. С 1992 г. руководитель временного творческого коллектива «Археология» при археологической лаборатории Челябинского государственного педагогического института (паспортизация, инвентаризация и охранные раскопки памятников археологии в степных районах Челябинской области). С середины 1980-х гг. изучал памятники средневековых южноуральских кочевых народов. Наиболее значительные среди них обнаружены им и изучены в микрорайонах Каменный Амбар и Система в Карталинском районе Челябинской области. Научные интересы В. П. Костюкова были связаны с историей Южного Зауралья в золотоордынскую эпоху. Он первым охарактеризовал так называемый улус Шибана Золотой Орды, в который входил в XIII–XIV вв. наш край. Он автор одной монографии и более 40 научных статей. Один из организаторов системы школьного археологического краеведения в Челябинской области.

Сочинения

1. Костюков В. П. Тюркские поминальные комплексы на Южном Урале // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тысячелетиях н. э. Кемерово, 1994.
2. Костюков В. П. Памятники кочевников XIII–XIV вв. Южного Зауралья (к вопросу об этнокультурном составе улуса Шибана). Уфа, 1997.
3. Костюков В. П. О хронологической позиции поминальных оградок Южного Зауралья // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (Вопросы хронологии). Самара, 1998.
4. Костюков В. П. Улус Шибана в XIII–XIV вв. (по письменным источникам) // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 6. М. ; Магнитогорск, 1998.
5. Костюков В. П. Кыпчаки и Золотая Орда // XIV Уральское археологическое совещание : тез. докл. Челябинск, 1999.
6. Костюков В. П. О центральноазиатских элементах в культуре населения Улуса Шибана в XIII–XIV вв. // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. Т. 1. Улан-Удэ, 2000.
7. Костюков В. П. Когда и кем на Южном Урале оставлены «древнетюркские поминальные оградки» // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск, 2002.
8. Костюков В. П. Комплекс позднетюркских оградок Каменный Амбар 20 // Человек в пространстве древних культур. Челябинск, 2003.
9. Костюков В. П. Улус Шибана Золотой Орды в XIII–XIV вв. / под ред. И. М. Миргалеева. Казань : Фэн, 2010. 200 с. : ил.

Котов Вячеслав Георгиевич (р. 1961) выпускник кафедры археологии ЛГУ (1988). Археолог, кандидат исторических наук (1999). Область научного исследования — материальная и духовная культура населения Южного Урала в эпоху палеолита. Старший научный сотрудник отдела археологических исследований Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН. В полевых исследованиях принимает активное участие с 1976 г. На Южном Урале изучал палеолитические святилища в пещерах Заповедная, Шульган-Таш (Каповая), Жемчужная, Мурадымовская 2, а также палеолитические стоянки в пещерах Иманай-1, Байсланташ, Мурадымовская 1, палеолитические стоянки открытого типа Новобелокатайская, Сергеевка 1, Карышкино 11, Кызыл-Яр 2, 4, Кусимово 6, 8, Яманкая 1 и др.

Сочинения

1. Котов В. Г. Мифология Южного Урала : монография. Уфа : Гилем, 1997. 63 с.
2. Котов В. Г. Башкирский эпос «Урал-батыр». Историко-мифологические основы. Уфа : Гилем, 2006. 408 с.
3. Котов В. Г. Палеолитическое святилище в пещере Заповедная на Южном Урале // Российская археология. 2012. № 2. С. 15–23.
4. Котов В. Г. Нижнепалеолитическая стоянка-мастерская Кызыл-Яр 2 в Южном Зауралье // Вестник Пермского университета. 2013. Вып. 1 (31). С. 7–21.
5. Котов В. Г. Исследования многослойной палеолитической стоянки в пещере Шульган-Таш (Каповой) // Проблемы археологии эпохи камня: к 70-летию Валентины Ивановны Беляевой : сб. науч. ст. СПб. : Изд-во Санкт-Петерб. гос. ун-та, 2014. С. 120–141.
6. Котов В. Г. Стоянка-мастерская Карышкино-11 — новый памятник нижнего палеолита Южного Урала // Вестник Пермского университета. 2015. № 1. С. 7–20.
7. Котов В. Г. О начальных этапах заселения территории Южного Урала в нижнем палеолите // Вестник академии наук Республики Башкортостан. 2018. Т. 27, № 2 (90). С. 41–51.

Крижевская Лия Яковлевна (1916–1995), археолог, доктор исторических наук. С конца 1950-х гг. по начало 1980-х ее научные интересы были связаны с изучением неолита и энеолита Южного Урала. В Южном Зауралье исследовала памятники археологии на оз. Большое Миассово (Латочка, Няшевка II, Кораблик, грот Чартоныш и др.). Широкую известность приобрели ее полевые исследования стоянки Чебаркуль II на одноименном озере. Л. Я. Крижевская провела археологические разведки берегов оз. Ильменское, Тургояк, Кундравинское. Полученные в ходе полевых работ материалы нашли отражение в научных статьях и двух монографиях. Л. Я. Крижевская впервые в истории археологии Южного Урала дала в своих монографиях и статьях общую картину истории региона в неолитический период, охарактеризовала южноуральскую неолитическую и кысыкульскую энеолитическую культуры.

Сочинения

1. Крижевская Л. Я. Неолит Южного Урала // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. № 141. Л. : Наука, 1968. 182 с.
2. Крижевская Л. Я. Раннебронзовое время в Южном Зауралье. Л. : ЛГУ, 1977. 126 с.
3. Крижевская Л. Я. 40 лет изучения каменного века на Урале: итоги и перспективы // Советская археология. 1990. № 2. С. 5–17.

Кузьмина Елена Ефимовна (1931–2013), археолог, доктор исторических наук, специалист по древней истории Евразии (периодизация и хронология истории степных культур андроновского круга бронзового века; проблема происхождения и территориальной локализации индоевропейцев и индоиранцев; особенности духовного мира индоиранского населения степей Евразии бронзового века и ираноязычного раннего железного века). С конца 1950-х гг. по 1970-е гг. вела полевые исследования памятников бронзового века на Южном Урале. В Оренбуржье это могильники Купухта, Ново-Кумакский, поселение Шандаша. Е. Е. Кузьмина и К. Ф. Смирнов — творцы «Новокумакского хронологического горизонта» в истории степей Южного Урала бронзового века. С именем Е. Е. Кузьминой связано исследование Кинзерского могильника в Троицком районе, могильника Туктубаево в Сосновском районе Челябинской области, а также Алакульского могильника в Щучанском районе Курганской области. Е. Е. Кузьмина автор 14 монографий и более 300 научных статей по археологии и музееведению.

Сочинения

1. Кузьмина Е. Е. и др. Андроновская культура. Вып. 1: Памятники западных областей. М. ; Л. : Наука, 1966.
2. Кузьмина Е. Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века Средней Азии / под ред. В. И. Мошинской. М. ; Л. : Наука, 1966.
3. Кузьмина Е. Е., Смирнов К. Ф. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М. : Наука, 1977. 83 с.
4. Кузьмина Е. Е. Откуда пришли индоарии?: материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М. : Наука : Вост. лит., 1994. 464 с. : ил., карт.
5. Кузьмина Е. Е. Мифология и искусство скифов и бактрийцев : (культурологические очерки) = Mythology and art of Scythians and Bactrians : (essays on cultural history). М., 2002.
6. Кузьмина Е. Е. Арии — путь на юг. М. : Летний сад, 2008. 558 с.
7. Кузьмина Е. Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности : монография. Актобе : ПринТА, 2008. 358 с. : ил.
8. Кузьмина Е. Е. Предыстория Великого шелкового пути. М. : РИК : URSS, 2009. 240 с.
9. Kuzmina E. The Origin of the Indo-Iranians. Leiden ; Boston : Brill, 2007.
10. Kuzmina E. The Prehistory of the Silk Road. Philadelphia, 2008.

Куприянова Елена Владиславовна (р. 1977), археолог, кандидат исторических наук. Выпускница исторического факультета Челябинского государственного университета. Археологическую деятельность начинала, будучи студенткой, под руководством Г. Б и Д. Г. Здановичей (раскопки укрепленных поселений Аркаим и Аланское, могильников бронзового века Исинея 1, Чекатай, Солончанка 1б). После окончания университета основная исследовательская деятельность в качестве руководителя археологической экспедиции более 20 лет связана с изучением памятников бронзового века в округе с. Степного Пластовского района Челябинской области (раскопки поселений Степное, Степное VIII, Стрелецкое 1, Черноречье 2, могильников Степное 1, Степное VII, Степное 25). С 2007 г. по настоящее время участвует в совместных с археологами из США проектах по изучению памятников

бронзового века Урала. Под ее руководством проходили также многочисленные археологические разведки, связанные с научным изучением памятников и хозяйственными исследованиями участков, предназначенных для хозяйственного освоения в различных районах Челябинской области. Сфера научных интересов: общество эпохи бронзы, погребальная обрядность, женский костюм, социальная структура и религиозные представления древних жителей Южного Урала, отражение археологии в массовом сознании. Более 20 лет занимается реставрацией древних артефактов из металла из фондов Челябинского государственного университета и других организаций.

В настоящее время директор Учебно-научного центра изучения проблем природы и человека в Челябинском государственном университете, преподает курс археологии и проводит археологическую практику у студентов историко-филологического факультета ЧелГУ. Автор шести монографий и более 100 научных статей.

Сочинения

1. Куприянова Е. В. Тень женщины: Женский костюм эпохи бронзы как «текст»: (по материалам некрополей Южного Зауралья и Казахстана). Челябинск, 2008. 244 с.
2. Куприянова Е. В. Мир мужчин и мир женщин — отражение в погребальных обрядах и ритуалах эпохи бронзы // Южный Урал в начале эпохи металлов. Бронзовый век // История Южного Урала : в 8 т. Челябинск : Издат. центр ЮУрГУ, 2019. Т. 2. С. 305–327.
3. Куприянова Е. В. Аркаим: Рождение легенды : монография. Челябинск : Край Ра, 2021. 224 с.
4. Куприянова Е. В., Стоколос В. С., Петров Н. Ф., Батанина Н. С. Могильник Степное 25: культурный синкретизм на границе степи : монография / под общ. ред. Е. В. Куприяновой. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2020. 155 с.
5. Епимахов А. В., Куприянова Е. В., Хоммель П., Хэнкс Б. К. Археология и комплексные методы исследования. От представлений о линейной эволюции к мозаике культурных традиций (бронзовый век Урала в свете больших серий радиоуглеродных дат) // Древние и традиционные культуры во взаимодействии со средой обитания: проблемы исторической реконструкции : материалы I Междунар. междисциплинар. конф. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2021. С. 7–29.
6. Петров Ф. Н., Куприянова Е. В. Поселения эпохи бронзы в Аркаимской долине. М. : Наследие, 2016. 148 с.
7. Hanks B., Doonan R., Pitman D., Kupriyanova E., Zdanovich D. Eventful Death — Eventful Lives? Bronze Age Mortuary Practices in the Late Prehistoric Eurasian Steppes of Central Russia (2100–1500 BC) // Death Rituals, Social Order and the Archaeology of Immortality in the Ancient World. New York : Cambridge Univ. Press, 2016. P. 328–351.
8. Kupriyanova E., Epimakhov A., Berseneva N., Bersenev A. Bronze Age Charioteers of the Eurasian Steppe: A Part-time Occupation for Select Men? // Praehistorische Zeitschrift. 2017. No. 92 (1). P. 40–65.

Любчанский Илья Эдуардович (р. 1964) — археолог, кандидат исторических наук (2000), доцент, ученый секретарь Центра историко-культурного наследия г. Челябинска. Выпускник исторического факультета Челябинского государственного университета (1990). Как археолог в студенческие годы сформировался в творческой среде археологов вуза. Принимал активное участие в изучении Аландского укрепленного поселения бронзового века, укрепленного поселения бронзового века Аркаим и его некрополя — Большекараганского могильника и др. Научная карьера И. Э. Любчанского в разное

время была связана с Озерским городским краеведческим музеем, Челябинским государственным историко-культурным заповедником «Аркаим», с лабораторией археологических исследований ЧелГУ. Тема кандидатского исследования «Керамика южноуральской лесостепи середины первого тысячелетия нашей эры как источник по этнокультурной реконструкции» созвучна научной проблематике ученого, связанной с этнополитической и культурной историей номадов Евразии эпохи Великого переселения народов. С 1990 г. ведет собственные полевые исследования разновременных могильников (Ильясский 1, Бутак 1, 2, 3), курганов «с усами» Солончанка 1, 9, Новокундуровский, курганов у пос. Комсомольского. Автор более 40 научных публикаций.

Сочинения

1. Любчанский И. Э. Этнокультурная ситуация в первой половине I тысячелетия нашей эры в Урало-Ишимском междуречье // Россия и Восток — проблемы взаимодействия : материалы междунар. конф. Кн. 2. Челябинск : ЧелГУ, 1995.

2. Любчанский И. Э. Керамический комплекс и формально-статистические методы его обработки // Вестник Челябинского государственного университета. 2005. История. № 1 (17). С. 125–135.

3. Любчанский И. Э. Могильник «поздней древности» близ поселка Заря // Южный Урал в межэтническом пространстве культур: традиции и современность : материалы науч.-практ. конф. Аркаим, 9–10 июля 2016 г. Челябинск : Абрис, 2016. С. 32–42.

4. Любчанский И. Э. Курганный могильник Солёный Дол (итоги исследований 2006–2010 годов). Челябинск : Абрис, 2017. 132 с.

5. Любчанский И. Э., Таиров А. Д. Археологическое исследование комплекса кургана «с усами» Солончанка I // Курган «с усами» Солончанка I. Челябинск : ЧелГУ, 1999. С. 5–62.

6. Любчанский И. Э., Юрин В. И. «Птицеголовые идолы» из фондов Музея археологии и этнографии Челябинского государственного университета и Центра историко-культурного наследия г. Челябинска // Нижневолжский археологический вестник. 2019. Т. 18, № 1. С. 138–148.

7. Таиров А. Д., Любчанский И. Э. Аркаимская долина в раннем железном веке // Аркаим: исследования, поиски, открытия. Челябинск, 1995. С. 86–87.

8. Таиров А. Д., Любчанский И. Э. Взаимодействие племен степи и лесостепи Южного Зауралья в I тысячелетии до н. э. — первой половине I тысячелетия н. э. // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. История. № 21 (99). Вып. 22. С. 108–120.

Мажитов Нияз Абдулхакович (1933—2015), археолог, доктор исторических наук, член Академии наук Республики Башкортостан. Археологическое образование получил в Пермском государственном университете. Одним из его учителей стал известный археолог О. Н. Бадер. Научные интересы Н. А. Мажитова были традиционно связаны с проблемами раннего железного века и средневекового периода истории Южного Урала. Он исследовал такие известные памятники археологии, как Бирский и Турбаслинский могильники. В последние годы Н. А. Мажитов руководил исследованиями городища Уфа II, которое, как он полагал, является руинизированными остатками средневекового города Башкорт. Н. А. Мажитов автор концепции автохтонного генезиса башкирского этноса. Его перу принадлежит 12 монографических исследований и более 400 научных статей и публикаций,

в том числе серия научно-популярных изданий по древней и средневековой истории Южного Урала.

Сочинения

1. Мажитов Н. А. Бахмутинская культура. М. : Наука, 1968. 164 с.
2. Мажитов Н. А. Тайны древнего Урала. Уфа : Башкир. кн. изд-во, 1973. 182 с.
3. Мажитов Н. А. Южный Урал в VII–XIV вв. М. : Наука, 1977. 240 с.
4. Мажитов Н. А. Курганы Южного Урала в VIII–XII вв. М. : Наука, 1981. 164 с.
5. Мажитов Н. А., Султанова А. Н. История Башкортостана. Древность. Средневековье. Уфа : Китап, 1994. 528 с.

Малютина Татьяна Сергеевна (р. 1953), археолог, кандидат исторических наук. Специалист по бронзовому веку степей Южного Урала и Казахстана. Ее научная биография связана с различными подразделениями Челябинского государственного университета, историко-культурного заповедника «Аркаим». Научную подготовку получила под руководством д. и. н. Г. Б. Здановича. В своей кандидатской диссертации Т. С. Малютина обобщила материалы по федоровской культуре Южного Зауралья, предложив свое видение этого яркого археологического феномена. Т. С. Малютина участник, руководитель (соруководитель) полевых исследований целого ряда выдающихся памятников бронзового века как в Северном Казахстане, так и на Южном Урале: Аркаим, Синташта, Берсуат, Аландское, Куйсак и многих других.

Сочинения

1. Малютина Т. С. Могильник Приплодный Лог I // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск : Башкир. ун-т, 1984. С. 58–79.
2. Малютина Т. С., Зданович Г. Б. Куйсак — укрепленное поселение протогородской цивилизации Южного Зауралья // Россия и Восток: проблемы взаимодействия : материалы конф. Ч. 5, кн. 1. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 1995. С. 100–106.
3. Зданович Г. Б., Малютина Т. М. Керамика укрепленного поселения Аркаим // Древняя керамика: проблемы перспективы комплексного подхода. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 2003. С. 99–131.
4. Малютина Т. С., Зданович Г. Б. Керамика Аркаима: опыт типологии // Российская археология. 2004. № 4. С. 67–82.
5. Зданович Г. Б., Малютина Т. С., Зданович Д. Г. Материалы к исследованию ранних этапов синташтинской культуры (укрепленное поселение Аландское) // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь (к 70-летию Т. М. Потемкиной) : сб. ст. Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2007. С. 103–108.
6. Малютина Т. С., Зданович Г. Б., Гаврилюк А. Г. Некрополи укрепленного поселения Аркаим: Александровский IV. Захоронения патриархов Аркаимской долины // Аркаим — Синташта: древнее наследие Южного Урала: к 70-летию Г. Б. Здановича : сб. науч. тр. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2010. Ч. 1. С. 179–206.
7. Зданович Г. Б., Малютина Т. С., Зданович Д. Г. Аркаим. Археология укрепленных поселений : монография : в 2 кн. Кн. 1: Жилища и жилое пространство. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2020. 450 с.

Матюшин Геральд Николаевич (1927–2000), археолог, доктор исторических наук. Специалист по каменному веку Урала, талантливый популяризатор археологической науки. С конца 1950-х по 1970-е гг. исследовал памятники

археологии Южного Урала. С именем Г. Н. Матюшина связано открытие одной из древнейших на Южном Урале стоянок человека — Мысовой (Урта-тюбе) на оз. Карабалыкты в Зауральской Башкирии. Он является первооткрывателем, исследователем мезолитических памятников Южного Урала и первым из археологов, кто попытался систематизировать представления об этом периоде древней истории региона. Этому предшествовали археологические разведки, в ходе которых исследователем были обнаружены и впервые документированы сотни памятников каменного века. Г. Н. Матюшин исследовал памятники каменного века в различных местах Южного Урала: Сабакты III, Суртанды VIII, Ташбулатово I на одноименных озерах в Зауральской Башкирии; на берегах высокогорного оз. Зюраткуль (стоянки долгий Ельник II, Каменный Мыс); на оз. Карагайское, Большой и Малый Бугодак в Верхнеуральском районе Челябинской области. Он выделил на Южном Урале две мезолитические культуры: романовско-ильмурзинскую (эпонимные памятники — стоянки Романовка II и Ильмурзино) для Башкирского Приуралья и янгельскую (по стоянке Янгелька на северном берегу оз. Сибаркуль) для Южного Зауралья. Автор трех монографий и более 300 научных и научно-популярных статей. Г. Н. Матюшин, пожалуй, единственный из уральских археологов, уделявший столь значительное внимание популяризации археологической науки. Из-под его пера вышла целая серия достаточно талантливо написанных научно-популярных книг для массовой аудитории.

Сочинения

1. Матюшин Г. Н. У колыбели истории. М. : Просвещение, 1972. 275 с.
2. Матюшин Г. Н. Мезолит Южного Урала. М. : Наука, 1976.
3. Матюшин Г. Н. Энеолит Южного Урала. М. : Наука, 1982. 328 с.
4. Матюшин Г. Н. Три миллиона лет до нашей эры : кн. для учащихся. М. : Просвещение, 1986. 155 с.
5. Матюшин Г. Н. У истоков цивилизации : кн. для учащихся старших классов. М. : Просвещение, 1992. 191 с.
6. Матюшин Г. Н. Экологические кризисы, производящее хозяйство и цивилизация // Древности. Вып. 3. М., 1992. С. 17–71.
7. Матюшин Г. Н. Неолит Южного Урала. Предуралье. М., 1996.

Меньшенин Николай Михайлович (1956–2012), археолог, специалист по охране памятников. Выпускник историко-педагогического факультета Челябинского государственного педагогического института (1979), «археологические институты» постигал в отрядах экспедиции ЧГПИ. Был активным участником исследования могильника Синташта II, укрепленного поселения Синташта I (1975–1976), поселения Кулевчи III, могильников Кулевчи VI и Кривое Озеро. Несколько лет выявлял памятники археологии в рамках проекта археологической лаборатории ЧГПИ по созданию археологической карты Курганской области. Обладавал несомненным талантом обнаружения новых памятников археологии. В 1987–1990 гг. работал в структурах Урало-Казахстанской археологической экспедиции Челябинского государственного университета (руково-

датель Г. Б. Зданович). С 1991 г. и до конца жизни Н. М. Меньшенин посвящал себя благородному делу охраны историко-культурного наследия региона, будучи главным специалистом Государственного научно-производственного центра по охране историко-культурного наследия Челябинской области. Именно Н. М. Меньшенин стал инициатором введения археологического надзора за застройкой исторического центра Челябинска. Имя Н. М. Меньшенина навсегда будет связано и с исследованием уникального памятника южноуральской индустриальной археологии XVIII в. — Азяш-Уфимского завода.

Сочинения

1. Меньшенин Н. М. Археологические ресурсы Челябинской области // Природное и культурное наследие Урала : материалы II регион. науч.-практ. конф. Челябинск : Челяб. обл. краевед. музей, 2004. С. 157–163.
2. Меньшенин Н. М., Бухонин А. А., Линченко Г. В. Разведки в стопной зоне Южного Урала // Археологические открытия 1978 года. М. : Наука, 1979. С. 189.
3. Григорьев С. А., Меньшенин Н. М. Мегалитические сооружения острова Вера на озере Тургояк в Южном Зауралье // Известия Челябинского научного центра, 2004. Вып. 1. С. 208–213. URL: http://www.csc.ac.ru/news/2004_1/2004_1_13_2.zip
4. Свистунов В. М., Меньшенин Н. М., Самигулов Г. Х. Первые демидовские заводы на Южном Урале. Челябинск : Рифей, 2007. 184 с.

Минко Николай Кириллович (1880–1920), краевед. В 1906–1911 гг. обнаружил в окрестностях Челябинска около 1000 древних курганов. Около 100 из них с разрешения Археологической комиссии Н. К. Минко изучил, а результаты опубликовал в «Записках Уральского общества любителей естествознания». Депортированные коллекции, полученные Н. К. Минко в ходе раскопок, ныне хранятся в фондах Государственного исторического музея Южного Урала.

Сочинения

1. Минко Н. К. Отчет о раскопках курганов в Челябинском уезде Оренбургской губернии в 1906 г. // Записки Уральского общества любителей естествознания. Т. 26. Екатеринбург, 1907.
2. Минко Н. К. Отчет о раскопках курганов в Челябинском уезде оренбургской губернии в 1909 году // Отчет Археологической комиссии за 1909–1910 годы. СПб., 1913.

Молчанов Иван Владимирович (р. 1986), археолог, кандидат исторических наук (2013). Занимался в клубе «Юный археолог» (2003) при Дворце пионеров и школьников им. Н. К. Крупской г. Челябинска. Выпускник исторического факультета Южно-Уральского государственного университета (2008). Тема кандидатского исследования — «Орудийный комплекс рубежа средней и поздней бронзы Южного Зауралья (по материалам укрепленных поселений Аландское, Каменный Амбар, Устье I)». С 2004 г. активный участник международных археологических экспедиций в урочище Каменный Амбар в Карталинском районе Челябинской области. С 2014 г. научный сотрудник Центра археологии эпохи металла Института истории и археологии УрО РАН. Автор более 20 научных публикаций.

Сочинения

1. Молчанов И. В. Хроностратиграфическое распределение артефактов на поселении Каменный Амбар (Ольгино) // Уральский исторический вестник. 2012. № 4 (37). С. 77–85.
2. Молчанов И. В. и др. Археологическое исследование укрепленного поселения Каменный Амбар (Ольгино) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 4 (48). С. 61–74.
3. Корякова Л. Н., Молчанов И. В. Деревообработка у населения Южного Зауралья в эпоху бронзы (по материалам укрепленного поселения Каменный Амбар) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып. 4 (51). Тюмень : Изд-во ИПОС СО РАН, 2020. С. 17–30.
4. Molchanov I. V., Koryakova L. N. et al. Archaeological records from the excavation unit 6 // Korjakova L. N. & Krause R. (eds.). The Bronze Age in the Karagaily-Ayat Region (Trans-Urals, Russia). Culture, Environment and Economy. Bonn : Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH. 2021. P. 27–49.
5. Molchanov I. V., Molchanova V. V. Catalogue of Inventory from the Kamennyi Ambar Settlement (excavation unit 6) // The Bronze Age in the Karagaily-Ayat Region (Trans-Urals, Russia). Culture, Environment and Economy / Korjakova L. N. & Krause R. (eds.). Bonn : Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH. 2021. P. 207–247.
6. Molchanov I. V., Fedorova N. V. et al. Geomagnetic survey of kurgan mounds at Varshavka (Chelyabinsk Region, South Urals, Russia) // The Bronze Age in the Karagaily-Ayat Region (Trans-Urals, Russia). Culture, Environment and Economy / Korjakova L. N. & Krause R. (eds.). Bonn : Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2021. P. 387–399.

Моргунова Нина Леонидовна (р. 1952), археолог, доктор исторических наук (1997). Выпускница исторического факультета Куйбышевского государственного университета (1975). Тема докторской диссертации — «Население юга лесостепи Волго-Уральского междуречья в эпохи неолита — энеолита — ранней бронзы». Свою профессиональную жизнь связала с Оренбургским государственным педагогическим университетом. Основатель оренбургской научной археологической школы. Ведущий специалист по неолиту, энеолиту и бронзовому веку Волго-Уралья, в своих трудах предложила общие характеристики и динамику развития региона в эти периоды древней истории. Автор четырех монографий, пяти коллективных монографий и более 250 научных публикаций. Среди исследованных ею памятников археологии наиболее известны Ивановское и Турганикское поселения, Болдыревские и Шумаевские курганы, Скворцовский курганный могильник. Н. Л. Моргунова и ряд других оренбургских археологов на основании наблюдений за вариантами погребальной обрядности ямной культуры Оренбуржья считают возможным говорить о трехэтапном делении общества ямной культуры Южного Приуралья бронзового века.

Сочинения

1. Моргунова Н. Л. Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья. Оренбург, 1995. 222 с.
2. Моргунова Н. Л. Энеолит Волго-Уральского междуречья. Оренбург, 2011. 220 с.
3. Моргунова Н. Л. Приуральская группа памятников в системе волжско-уральского варианта ямной культурно-исторической области. Оренбург : ОГПУ, 2014. 348 с.
4. Моргунова Н. Л. и др. Скворцовский курганный могильник. Оренбург : ОГПУ, 2010. 160 с.
5. Моргунова Н. Л., Кравцов А. Ю. Памятники древнеямной культуры на Илеке. Екатеринбург : Ин-т истории и археологии УрО РАН : Наука, 1994. 153 с.

6. Моргунова Н. Л. и др. Боголюбовский курганный могильник срубной культуры в Оренбургской области : монография. Оренбург : ОГПУ, 2014. 172 с.

7. Моргунова Н. Л. и др. Турганикское поселение в Оренбургской области : монография. Оренбург : Издат. центр ОГАУ, 2017. 300 с.

Морозов Юрий Алексеевич (р. 1941), археолог, кандидат исторических наук (1977). Выпускник исторического факультета Башкирского государственного университета (1969). Специалист по энеолиту и бронзовому веку Южного Урала. Научные интересы Ю. А. Морозова в основном связаны с изучением памятников срубной культуры бронзового века Южного Урала. Тема кандидатской диссертации — «История племен срубной культуры Бельско-Уральского междуречья». В 1970–2011 гг. старший научный сотрудник Института истории, языка и литературы Уфимского научного Центра РАН. С 2011 г. научный сотрудник Научно-исследовательского центра «Наследие». Самостоятельные полевые работы ведет с 1964 г. Среди изученных им памятников археологии Аитовское поселение, Старо-Ябалаклинский могильник и многие другие. Ю. А. Морозов автор 230 научных публикаций, в том числе трех монографий.

Сочинения

1. Морозов Ю. А. Новые сведения о заселении Приуралья срубными племенами // Советская археология. 1977. № 1. С. 162–169.

2. Морозов Ю. А. Клад каменных орудий на реке Уршак // Советская археология. 1982. № 4. С. 214–215.

3. Морозов Ю. А., Тихонов Б. Г. Неолитические памятники в низовье р. Белая // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 177. 1984. С. 75–80.

4. Морозов Ю. А., Нигматуллин Р. А. Этнокультурные связи срубных племен Приуралья в эпоху развитой бронзы: (по материалам Петряевского могильника) : [препр.]. Уфа : ИИЯЛ, 1998. 39 с. : ил.

5. Горбунов В. С., Морозов Ю. А. Некрополь эпохи бронзы Южного Приуралья. Уфа : Башкир. кн. изд-во, 1991. 161 с.

Мосин Вадим Сергеевич (р. 1954), археолог, доктор исторических наук (2005). Выпускник исторического факультета ЧелГУ (1981). Тема докторской диссертации — «Мезолит — энеолит Южного Зауралья». Директор Южно-Уральского филиала Института истории и археологии УрО РАН, специалист по каменному веку Урала. «Археологические университеты» прошел в отрядах археологической экспедиции Челябинского государственного университета. Исследовал целый ряд памятников каменного века и палеометаллического периода на Южном Урале и в Зауралье, в том числе древнейший памятник истории края — раннепалеолитическое местонахождение Краснокаменка. Является автором раскопок целой серии памятников археологии — от мезолита до энеолита, в том числе стоянок Шатанов III на оз. Иртяш и Кочегарово I на р. Миасс в Курганской области. Выделил чебаркульскую неолитическую культуру Южного Урала, а для энеолита — кысы-

кульско-суртандинскую. С именем В. С. Мосина следует связывать создание первой в истории археологического изучения региона общей концепции истории Южного Урала в каменном веке.

Сочинения

1. Мосин В. С. Каменный век // Древняя история Южного Зауралья. Челябинск : ЮУрГУ, 2000. Т. 1. С. 53–241.
2. Мосин В. С. Энеолитическая керамика Урало-Иртышского междуречья. Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2003. 220 с.
3. Мосин В. С. Энеолит Южного Зауралья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 2. С. 79–93.
4. Мосин В. С. Эпоха неолита и энеолита // История башкирского народа. М. : Наука, 2009. Т. 1. С. 64–86.
5. Мосин В. С. Стоянка Шатанов 3 на озере Иртяш (классификационный и археолого-исторический подходы). Челябинск : Рифей, 2011. 108 с.
6. Мосин В. С. Древние охотники Урала (археология и жизнь). Челябинск : Издат. центр ЮУрГУ, 2013. 511 с.
7. Мосин В. С. Южный Урал в каменном веке // История Южного Урала : в 8 т. Т. 1. Челябинск : Издат. центр ЮУрГУ, 2019. 408 с.

Обыденнов Михаил Федорович (1949–2019), археолог, доктор исторических наук (1992). Выпускник исторического факультета Башкирского государственного университета (1975). Тема докторского исследования — «Урал и Прикамье в позднем бронзовом веке». Научные интересы М. Ф. Обыденнова на протяжении всей его научной карьеры связаны с кругом проблем истории и культуры лесных археологических культур бронзового века, прежде всего черкаскульской и межовской. Много сил и времени отдано М. Ф. Обыденновым и на создание целой серии популярных изданий по археологии Южного Урала, учебных пособий для студентов по древнему искусству Урала, этногенезу уральских народов, истории археологического изучения Урала в XVIII–XX вв. М. Ф. Обыденнов автор более 300 научных публикаций, том числе целой серии монографий.

Сочинения

1. Обыденнов М. Ф. Поздний бронзовый век Южного Урала : учеб. пособие. Уфа : БГУ, 1986. 80 с.
2. Обыденнов М. Ф. Первооткрыватель уральских древностей // Рифей : урал. краевед. сб. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1989. С. 169–177.
3. Обыденнов М. Ф. История археологического изучения Урала XVIII — начала XX в. Уфа, 1994. 80 с.
4. Обыденнов М. Ф. У истоков уральских народов. Экономика, культура, искусство, этногенез. Уфа, 1997. С. 3–43.
5. Обыденнов М. Ф., Корепанов К. И. Искусство Урала и Прикамья. Ч. 1: Эпоха камня и бронзы. Уфа, 1997. С. 8–18.
6. Обыденнов М. Ф., Корепанов К. И. Искусство населения Центрального Башкортостана на рубеже эр. Кара-Абызское искусство. Уфа : Юрика, 2003. 206 с. : ил.
7. Обыденнов М. Ф., Тувалбаева А. Р. История изучения бронзового века на Урале (1920 — середина 1960-х гг.). Уфа, 1998. 78 с.
8. Обыденнов М. Ф., Шорин А. Ф. Археологические культуры позднего бронзового века древних уральцев (черкаскульская и межовская культуры). Екатеринбург : УрГУ, 1995. 196 с.

Обыденнова Гюльнара Талгатовна (р. 1955), археолог, доктор исторических наук (2002). Выпускница историко-филологического факультета Казанского государственного университета (1978). Тема докторского исследования — «История археологических исследований Урало-Поволжья». Заведующая кафедрой всеобщей истории и культурного наследия Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. Специалист по бронзовому веку Евразии, особенно по памятникам восточного крыла срубной культуры, истории археологического изучения Урала. В полевых исследованиях принимает участие с начала 1970-х гг. Среди изученных ею памятников археологии бронзового века поселения Мурадымовское и Тюбьяк, могильники Иштугановский и Акназаровский. Г. Т. Обыденнова автор более 100 научных публикаций, в том числе семи монографий. Для студентов исторического факультета педагогического университета важно то, что Г. Т. Обыденнова является автором одного из первых учебников по истории города Уфы.

Сочинения

1. Обыденнов М. Ф., Обыденнова Г. Т. Археологические памятники Уфы : путеводитель. Уфа, 1982. 45 с. : ил.
2. Обыденнов М. Ф., Обыденнова Г. Т. Северо-восточная периферия срубной культурно-исторической общности / под ред. А. Х. Халикова. Самара : Изд-во Самар. ун-та, 1992. 176 с. : ил.
3. Обыденнова Г. Т., Шутелева И. А., Щербаков Н. Б. Атлас археологии Республики Башкортостан : учеб. пособие. Уфа : Китап, 2006. 56 с. : ил.

Петрин Валерий Трофимович (1943–2002), археолог, доктор исторических наук. Специалист по каменному веку Евразии, древним наскальным рисункам Урала. Обучение и азы археологии постиг в археологической лаборатории Уральского государственного университета (Свердловск, ныне Екатеринбург). Основная часть научной карьеры В. Т. Петрина оказалась связанной с Институтом истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР (Новосибирск). В археологии Урала и Западной Сибири В. Т. Петрин останется как исследователь палеолитических памятников (стоянки Шикаевка II и Могочино, гроты Зотинский I и Безымянный). С именем В. Т. Петрина связано открытие и исследование настенной живописи позднего палеолита в пещерах Игнatieвская (Ямазы-Таш) и Серпиевская 2 (Колокольная) в Катав-Ивановском районе Челябинской области, а также введение в научный оборот нескольких десятков местонахождений древних наскальных рисунков по берегам рек и озер Среднего и Южного Урала. В частности, В. Т. Петрин переобследовал известные писаницы на берегах оз. Большие Аллаки в Каслинском районе Челябинской области. Автор 30 монографий и около 400 других научных публикаций.

Сочинения

1. Петрин В. Т. Наскальные изображения Южного Урала // Археология эпохи камня и металла Сибири. Новосибирск, 1983. С. 150–159.

2. Петрин В. Т. Новые наскальные изображения Южного Урала // Советская археология. 1984. № 4. С. 96–103.
3. Петрин В. Т. Новые наскальные изображения Урала // Проблемы археологии Северной и Восточной Азии. Новосибирск, 1986. С. 99–132.
4. Петрин В. Т. Палеолитические памятники Западно-Сибирской равнины. Новосибирск : Наука, 1986. С. 21–34, 100–118.
5. Петрин В. Т. Палеолитическое святилище в Игнatieвской пещере на Южном Урале. Новосибирск : Наука, 1992. 204 с.
6. Петрин В. Т., Смирнов Н. Г. Палеолитический памятник в Шикаевке на правом берегу Тобола // Вопросы археологии Урала. Вып. 13. Свердловск : УрГУ, 1975. С. 75–85.
7. Широков В. Н., Петрин В. Т. Искусство ледникового века. Игнatieвская и Серпиевская 2 пещеры на Южном Урале. Екатеринбург, 2013. 190 с.

Петров Федор Николаевич (р. 1975), археолог, кандидат философских наук (2001). Выпускник исторического факультета Челябинского государственного университета (1997). Тема диссертационного исследования — «Эсхатология: философско-религиоведческий анализ (исторический аспект)». Заместитель директора Учебно-научного центра изучения проблем природы и человека ЧелГУ, доцент историко-филологического факультета ЧелГУ. Область научных интересов — бронзовый век зауральской степи. Полевую археологическую практику проходил в отрядах Урало-Казахстанской археологической экспедиции, созданной Г. Б. Здановичем. В полевых археологических работах принимает участие с 1985 г. Самостоятельные полевые исследования ведет с 1997 г. В разные годы руководил полевыми археологическими исследованиями таких памятников бронзового века, как укрепленное поселение Левобережное (Синташта II), поселения Ахуново и Заря XI, аллеи менгиров Черкасинская и Чека I, комплекс менгиров Ахуново и др. Автор более 60 научных статей и 12 научно-популярных книг.

Сочинения

1. Петров Ф. Н. Традиционное мировосприятие народов степной Евразии / науч. ред. Ю. А. Мальцева. Челябинск : Крокос, 2006. 192 с.
2. Петров Ф. Н. Археологи: от Синташты до Дубны. 1987–2012. Тверь : Твер. обл. тип., 2013. 216 с.
3. Петров Ф. Н., Кириллов А. К. Исследования мегалитического комплекса Ахуново в 2003 г. // Уфимский археологический вестник. 2007. Вып. 6–7. С. 19–23.
4. Петров Ф. Н., Куприянова Е. В. Поселения эпохи бронзы в Аркаимской долине: по результатам разведочных исследований 1997–2015 гг. / науч. ред. И. П. Алаева. М. : Наследие, 2016. 148 с.
5. Епимахов А. В., Петров Ф. Н. Радиоуглеродная хронология культурных традиций бронзового века Зауралья: по материалам поселения Левобережное (Синташта II) // Российская археология. 2021. № 3. С. 67–79.
6. Носкевич В. В., Федорова Н. В., Петров Ф. Н., Батанина Н. С. Реконструкция плана поселения эпохи бронзы Левобережное (Южный Урал, Россия) // Поволжская археология. 2021. № 3. С. 142–154.

Потемкина Тамила Михайловна (р. 1937), археолог, кандидат исторических наук. Специалист по энеолиту и бронзовому веку Евразии. Археологическую подготовку прошла в Уральской археологической экспедиции

у известного уральского археолога В. Ф. Генинга. Полевая исследовательская работа Т. М. Потемкиной связана со Средним Притобольем. В 1960–1970-е гг., будучи преподавателем Курганского государственного педагогического института и руководителем созданной ею археологической лаборатории, сумела сформировать работоспособный коллектив единомышленников и провести широкие разведочные и стационарные исследования памятников археологии бронзового века. Среди исследованных Т. М. Потемкиной памятников можно упомянуть поселения Камышное I и Камышное II, Язево I–III, могильники Раскатиха, Верхняя Алабуга. В обобщающей монографии (1985) впервые в истории археологии Зауралья Т. М. Потемкина предложила авторскую концепцию истории Зауралья в бронзовом веке. Именно Т. М. Потемкина начала работу по учету и паспортизации памятников археологии Зауралья. Результаты исследований нашли отражение в ее обобщающей монографии по бронзовому веку Среднего Притоболья, большом количестве научных статей и других публикаций. Помимо проблематики бронзового века Т. М. Потемкина разрабатывает проблемы археоастрономии в связи с исследованием ею (совместно с М. П. Вохменцевым) серии археоастрономических объектов (святилища Савин I, Слободчики I).

Сочинения

1. Потемкина Т. М. Камышное II — многослойное поселение эпохи бронзы на р. Тобол // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 147. М. : Наука, 1976. С. 97–106.
2. Потемкина Т. М. О соотношении типов раннеалакульской керамики в Притоболье // Краткие сообщения института археологии АН СССР. Вып. 169. М. : Наука, 1982. С. 44–53.
3. Потемкина Т. М. Алакульская культура // Советская археология. 1983. № 2. С. 13–33.
4. Потемкина Т. М. О происхождении алакульской культуры в Притоболье // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск : ЧелГУ, 1983. С. 8–21.
5. Потемкина Т. М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М. : Наука, 1985. 375 с.
6. Потемкина Т. М. О некоторых спорных вопросах ранней и средней бронзы Волго-Уральского региона // Советская археология. 1990. № 1. С. 118–130.
7. Потемкина Т. М. Проблемы связей и смены культур населения Зауралья в эпоху бронзы (ранний и средний этапы) // Российская археология. 1995. № 1. С. 14–27.
8. Потемкина Т. М. Проблемы связей и смены культур населения Зауралья в эпоху бронзы (поздний и финальный этапы) // Российская археология. 1995. № 2. С. 11–19.

Пшеничнюк Анатолий Харитонович (1936–2016), археолог, кандидат исторических наук (1968). Выпускник историко-филологического факультета Башкирского государственного университета (1959). Тема диссертационного исследования — «Население центральной Башкирии на рубеже эры (кара-абызская культура)». Профессиональная карьера А. Х. Пшеничнюка связана с Институтом истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН, где он прошел путь от научного сотрудника сектора археологии и этнографии, до заведующего отделом археологических исследований (1978–2006). Область научных интересов А. Х. Пшеничнюка была связана с проблематикой культур раннего железного века на территории Южного

Урала. Он первым предложил ученому сообществу трактовку памятников оседлого населения бассейна р. Белой как отражение истории оригинальной кара-абызской культуры раннего железного века. Большая часть научного наследия исследователя связана преимущественно с археологией ранних кочевников Южного Урала. А. Х. Пшеничнюк исследователь десятков памятников археологии ранних кочевников Южного Урала. Самостоятельные полевые археологические исследования начал вести с 1963 г. Среди исследованных им памятников Альмухаметовские, Бекешевские, Филипповские курганы, Шиповский археологический комплекс и др. Результаты изучения погребальных памятников ранних кочевников ученый изложил в обобщающей монографии. Итоги раскопок Филипповского могильника сарматской знати IV в. до н. э. на севере Оренбургской области заслуженно вошли в золотой фонд отечественной археологии. В библиографическом списке Анатолия Харитоновича — более 100 работ, в том числе две монографии, 85 статей.

Сочинения

1. Пшеничнюк А. Х. Кара-абызская культура (население Центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // Археология и этнография Башкирии. Вып. 5. Уфа, 1973. С. 162–243.
2. Пшеничнюк А. Х. Шиповский комплекс памятников (IV в. до н. э. — III в. н. э.) // Древности Южного Урала. Уфа : БФАН СССР. 1976. С. 35–131.
3. Пшеничнюк А. Х. Культура ранних кочевников Южного Урала : монография. М. : Наука, 1983. 200 с.
4. Пшеничнюк А. Х. Звериный стиль Филипповских курганов. Южный Урал и Филипповка: некрополь кочевой знати IV века до н. э. на Южном Урале. Уфа, 2012. 280 с.

Рафикова Янина Валерьевна (р. 1972), археолог, кандидат исторических наук (2009). Выпускница исторического факультета Башкирского государственного университета (1995). Тема диссертации — «Совместные погребения эпохи поздней бронзы на Южном Урале». Старший научный сотрудник Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН (Уфа). С 1991 г. участвует в полевых археологических исследованиях. С 1996 г. ведет самостоятельные полевые разведочные и стационарные работы, преимущественно в Зауральской Башкирии, на территории Абзелиловского и Учалинского районов. Среди изученных Я. В. Рафиковой памятников могильники Селивановский-2, Михайловка-2, поселения Михайловка 4 (Абзелиловский район), Ново-Байрамгулово 1, святилище Бакшай (Учалинский район).

Сочинения

1. Рафикова Я. В. Совместные погребения эпохи поздней бронзы на Южном Урале : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2008. 24 с.
2. Рафикова Я. В. Срубно-алакульский курган Селивановского II могильника из Южного Зауралья и проблема парных погребений эпохи бронзы // Российская археология. 2008. № 4. С. 72–83.
3. Рафикова Я. В. Проблематика исследований эпохи бронзы Южного Урала в работах В. С. Горбунова, Ю. А. Морозова, Н. Г. Рутто (к юбилеям ученых) // Уфимский археологический вестник. 2021. Т. 21, № 2. С. 198–205.

4. Рафикова Я. В., Савельев Н. С. Нарушенные погребения могильника эпохи поздней бронзы Ташла-1 в Башкирском Зауралье // Уфимский археологический вестник. 2015. № 15. С. 13–20.

5. Рафикова Я. В., Федоров В. К. Бакшай: святилище эпохи палеометалла в Южном Зауралье? // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М. : ИА РАН, 2008. Т. 1. С. 331–335.

6. Рафикова Я. В., Федоров В. К. Исследование святилища эпохи энеолита Бакшай поселения эпохи бронзы Ново-Байрамгулово-1: итоги и перспективы // Этнические взаимодействия на Южном Урале : сб. науч. тр. Челябинск : Рифей, 2013. С. 10–27.

Рутто Наталья Георгиевна (1946–2007), археолог, кандидат исторических наук (2000), доцент (2004). Выпускница исторического факультета Башкирского государственного университета (1973). Тема диссертационного исследования — «Историко-культурные процессы эпохи поздней бронзы в Бельско-Уральском междуречье: срубно-алакульские взаимосвязи». Большая часть профессиональной карьеры Н. Г. Рутто связана с Музеем археологии Института этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН, где она заведовала археологическими фондами, а с 1979 по 2007 г. служила там же главным хранителем. Наталья Георгиевна была не только фондовым работником музея. Она являлась активным участником полевых археологических исследований. В частности, сезоны 1980/1981 гг., она провела в экспедициях Института истории, языка и литературы (руководители В. А. Иванов и Ю. А. Морозов). Наталья Георгиевна — автор целой серии научных публикаций.

Сочинения

1. Рутто Н. Г. Новые срубно-алакульские памятники Южного Приуралья // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа. Уфа, 1982. С. 20–30.

2. Рутто Н. Г. К вопросу о срубно-алакульских контактах // Вопросы древней и средневековой истории Южного Урала. Уфа, 1987. С. 43–52.

3. Каталог археологических коллекций / сост. Н. Г. Рутто. Вып. 1. Уфа : УНЦ РАН, 1994. 130 с.

4. Рутто Н. Г. Курганы эпохи бронзы на юго-востоке Башкирии // Наследие веков. Охрана и изучение памятников археологии в Башкортостане : сб. ст. Вып. 1. Уфа, 1995. С. 41–57.

5. Рутто Н. Г. Историко-культурные процессы эпохи поздней бронзы в Бельско-Уральском междуречье: срубно-алакульские взаимосвязи : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2000. 19 с.

6. Рутто Н. Г. Срубно-алакульские связи на Южном Урале. Уфа : Гилем, 2003. 212 с.

7. Памятники эпохи Средневековья : кат. археол. коллекций / сост. Н. Г. Рутто. Вып. 2. Уфа : Гилем, 1997. 80 с.

8. Башкирские нагрудные украшения из кораллов и монет / сост. Н. Г. Рутто. Уфа : Информ-реклама, 2006. 92 с.

Рычков Петр Иванович (1712–1777), выдающийся ученый XVIII в. Первый российский краевед Южного Урала, первый член-корреспондент Императорской академии наук. Его «Топография Оренбургской губернии по ее нынешнему состоянию» по праву считается не только первым краеведческим трудом в России, но и одной из первых научных, в подлинном смысле этого слова, работ, в которой содержится довольно много сведений по древней истории Южного Урала и дается характеристика целого ряда памятников

древних культур. Именно П. И. Рычков был первым исследователем знаменитой Каповой пещеры в Башкирии. Он первым из европейцев описал средневековые мавзолеи Южного Зауралья, в том числе широко известный сейчас мавзолей Башню Тамерлана в современном Варненском районе Челябинской области, а также древние курганы и городища у г. Шадринска, древние «чудские» рудники Южного Урала по р. Каргала и Сакмара.

Сочинение

Топография Оренбургская, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное Коллежским советником и Императорской Академии наук Корреспондентом Петром Рычковым. Часть вторая. СПб., 1762. 262 с.

Сальников Константин Владимирович (1900–1966), археолог, доктор исторических наук (1966). Выпускник МГУ (1930). В 1923–1928 гг. занимался на Высших этнолого-археологических курсах в Самаре (руководитель В. В. Гольмстен), затем — на историко-этнологическом факультете Московского университета по циклу «Археология» (у известного отечественного археолога В. А. Городцова). В 1933 г. поступил в аспирантуру при Государственной академии истории материальной культуры (Москва). С 1937 г. работал в Челябинском краеведческом музее. С 1940 г. преподавал в Уральском государственном университете, в Челябинском и Оренбургском пединститутах. В период с 1960 по 1966 гг. заведовал сектором археологии и этнографии Института истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР. С 1934 г. участвовал в полевых археологических исследованиях. К. В. Сальников впервые в истории археологии Южного Урала попытался охарактеризовать заключительные этапы каменного века в Зауралье. По итогам исследования поселения Бабарыкино II под Шадринском выделил и охарактеризовал бабарыкинскую культуру, отнесенную им к раннему бронзовому веку. Исследование Алакульского и Федоровского могильников, Замараевского поселения бронзового века позволили ему создать периодизацию и хронологию степной андроновской культуры Южного Урала бронзового века. Многолетнее изучение Гороховского городища (Чудаки) на р. Юргамыш и целого ряда погребальных памятников лесостепного Зауралья привело К. В. Сальниковым к выделению лесостепной гороховской культуры раннего железного века. Работы К. В. Сальникова на городище Даутовское I (Иткульское I) на оз. Иткуль на севере Челябинской области завершились открытием им иткульской культуры раннего железного века. Им же было положено начало осмыслению средневековых древностей Приисетья, где по результатам изучения Большого Бакальского городища у Шадринска К. В. Сальников выделил бакальскую средневековую культуру.

Его научное наследие содержится в многочисленных статьях и заметках. Он также был первым из южноуральских археологов, кто счел важным писать не только для коллег, но и для широкой аудитории, прежде всего для детей.

Сочинения

1. Сальников К. В. Андроновский курганный могильник у с. Федоровка Челябинской области // *Материалы и исследования по археологии СССР*. Вып. 1. М., 1940. С. 58–69.
2. Сальников К. В. Памятник абашевской культуры близ Магнитогорска // *Краткие сообщения института истории материальной культуры*. Вып. 35. М., 1950. С. 91–97.
3. Сальников К. В. Бронзовый век Южного Зауралья // *Материалы и исследования по археологии СССР*. Вып. 21. М. : Изд-во АН СССР, 1951. С. 94–151.
4. Сальников К. В. Курганы на озере Алакуль // *Материалы и исследования по археологии СССР*. Вып. 24. М., 1952. С. 51–72.
5. Сальников К. В. Абашевская культура на Южном Урале // *Советская археология*. Т. 21. М., 1954. С. 52–94.
6. Сальников К. В. Южный Урал в эпоху неолита и бронзы // *Ассоциация электронных библиотек*. Т. 1. Уфа, 1962. С. 16–58.
7. Сальников К. В. *Очерки древней истории Южного Урала*. М. : Наука, 1967. 406 с.
8. Сальников К. В. *История археологических исследований на Южном Урале // Проблемы археологического изучения Южного Урала : сб. науч. ст. / отв. ред. и сост. Н. Б. Виноградов*. Челябинск : Абрис, 2009. С. 158–214.

Самигулов Гаяз Хамитович (р. 1965), историк, археолог, кандидат исторических наук (2005). Выпускник исторического факультета Уральского государственного университета (1991). Тема диссертационного исследования — «Челябинск XVIII–XIX вв.: население, планировка, материальная культура»). С 2006 г. доцент кафедры «Древняя история и этнология Евразии» Южно-Уральского государственного университета. С 2015 г. старший научный сотрудник Научно-образовательного центра евразийских исследований ЮУрГУ. Научные интересы Г. Х. Самигулова связаны с историей тюркоязычных народов Южного Урала и Зауралья, а также с процессом русского освоения Зауралья в XVII–XIX вв. Успешность Г. Х. Самигулова в науке подтверждают звания лауреата нескольких престижных региональных премий и победителя конкурсов книг. Перу Г. Х. Самигулова принадлежат более 70 научных публикаций, в том числе около десяти личных и коллективных монографий.

Сочинения

1. Самигулов Г. Х. Проектное планирование и реальная застройка городов Южного Зауралья конца XVIII — XIX в. // *Город в зеркале Генплана : монография / науч. ред. И. А. Бондаренко*. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2008. С. 58–81.
2. Самигулов Г. Х. От Далматова монастыря до Чебаркульской крепости / науч. ред. д-р ист. наук А. Д. Таиров. Чебаркуль ; Челябинск : Книга, 2011. 280 с. : ил.
3. К истории татар Южного Зауралья // *Научный Татарстан. Гуманитарные науки*. 2013. № 4. С. 70–90.
4. Самигулов Г. Х. Из истории Челябинска : в 3 кн. Кн. 1: Крепость и провинциальный город (1736–1781 гг.) / науч. ред. д-р ист. наук А. Д. Таиров. Челябинск : Камен. пояс, 2015. 140 с. : ил.
5. Самигулов Г. Х. Из истории Челябинска : в 3 кн. Кн. 2: Уездный город (1781–1917 гг.) / науч. ред. д-р ист. наук А. Д. Таиров. Челябинск : Юж. Урал, 2020. 230 с. : ил.
6. Свистунов В. М., Меньшенин Н. М., Самигулов Г. Х. Первые демидовские заводы на Южном Урале. Челябинск : Обл. дом печати, 2007. 224 с.
7. Samigulov G. The Formation of Turkic Ethnic Groups in the Conditions of Estate Russian State (on the example of Ichkinskye Tatars) // *Altaic Studies in Interdisciplinary Research (Abstracts) : Permanent international altaistic conference / The 57-th annual meeting of the PIAC*. Vladivostok, 2014. P. 39–40.

Стефанов Владимир Иванович (1949–2022), археолог. Выпускник исторического факультета Уральского государственного университета (1971). Профессиональную подготовку получил в Уральской археологической экспедиции, организованной и на протяжении многих лет возглавляемой В. Ф. Генингом. С 1967 г. участник широкомасштабных исследований в различных регионах Урала и Западной Сибири. В разные годы руководил археологическими экспедициями в Омской, Тюменской, Свердловской, Челябинской, Оренбургской областях, Ханты-Мансийском автономном округе — Югре. Сфера научных интересов — эпохи камня и бронзы Урала и Западной Сибири. В 1970–1990-е гг. участвовал в разведочных обследованиях и стационарных раскопках древних памятников на территории Южного Зауралья: Синташтинского археологического комплекса (стоянка каменного века Синташта Х, поселение алакульской культуры Мирный II, курган Синташтинский III), могильника бронзового века Урефты I на одноименном озере (совместно с О. Н. Корочковой). В. И. Стефанов автор более 110 научных публикаций, член авторских коллективов нескольких монографий.

Сочинения

1. Стефанов В. И. Поселения алакульской культуры Южного Урала // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Челябинск : ЧелГУ, 1996. С. 43–67.
2. Стефанов В. И. О культурной принадлежности большого синташтинского кургана // Российская археология. 2009. № 1. С. 18–24.
3. Стефанов В. И., Епимахов А. В. Синташтинский III (малый) курган: некоторые подробности и новые сюжеты // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. Самара : Науч.-техн. центр, 2006. С. 263–272.
4. Стефанов В. И., Корочкова О. Н. Урефты I: зауральский памятник в андроновском контексте. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2006. 160 с.
5. Стефанов В. И., Кузьминых С. В., Чемякин Ю. П., Коряков И. О. Эволюция древней игры в кости: источники позднего бронзового века // Stratum plus. 2016. № 2. С. 235–253.
6. Борзунов В. А., Стефанов В. И., Бельтикова Г. В., Кузьминых С. В. Серный Ключ — памятник абашевской «экспедиции» в горно-лесную зону Среднего Урала // Российская археология. 2020. № 1. С. 117–131.
7. Корочкова О. Н., Стефанов В. И., Усачев Е. В., Ханов С. А. Гладунинский клад эпохи бронзы // Уральский исторический вестник. 2013. № 2 (39). С. 129–136.

Стоколос Владимир Савельевич (1930–2013), археолог, доктор исторических наук. Подготовку как археолога получил в Уральском государственном университете в конце 1940-х — начале 1950-х гг. (методика проведения археологических разведок, стационарных полевых работ) у известного на Урале специалиста К. В. Сальникова (раскопки Гороховского городища на р. Юргамыш) и Н. П. Кипарисовой (археологические работы на берегах оз. Иткуль). В середине 1950-х гг. провел самостоятельную археологическую разведку участка долины р. Исеть на северо-западе современной Курганской области. В 1958 г. исследовал погребальные памятники бронзового века в окрестностях пос. Степного Троицкого района. Наибольшую известность получили результаты изучения могильников Степное I и Степное II. Уникальные материалы,

в том числе остатки халата, шелковая ткань которого связывается специалистами с Ираном постсасанидского периода, были получены В. С. Стоколосом в 1959 г. в ходе доисследования курганов конца I тыс. н. э. на берегу оз. Синеглазово. В первой половине 1960-х гг. В. С. Стоколосом и студентами историко-филологического факультета Челябинского государственного педагогического института были произведены беспрецедентные по масштабам раскопки памятников позднего бронзового века у дер. Черняки под Челябинском (могильники Черняки I, II и поселения Черняки I–III) в зоне будущего Шершневского водохранилища. Именно материалы южноуральских памятников бронзового века легли в основу его кандидатской диссертации. Позднее, после переезда в Сыктывкар, В. С. Стоколос обращался к археологии Южного Урала эпизодически: в начале 1970-х и начале 1980-х гг. (работы, связанные с исследованием Кизильского укрепленного поселения бронзового века и расположенного в его окрестностях Кизильского могильника). Изучение Кизильского укрепленного поселения позволило В. С. Стоколосу утверждать о наличии фортификационных сооружений на поселениях бронзового века Южного Урала. Раскопки Кизильского могильника примечательны находкой уникального навершия булавы, выполненного из кристалла горного хрусталя, и не менее уникального комплекса украшений молодой женщины. В. С. Стоколос останется в истории археологии Южного Зауралья как инициатор пересмотра статуса этапов, периодизации и хронологии андроновской культуры Южного Зауралья К. В. Сальникова. С археологией Южного Урала в научном наследии В. С. Стоколоса связаны две монографии и серия научных статей.

Сочинения

1. Стоколос В. С. Археологические памятники Челябинской области. Челябинск, 1960. 46 с.
2. Стоколос В. С. Курганы эпохи бронзы у с. Степного // Краеведческие записки. Вып. 1. Челябинск : Челяб. обл. краевед. музей, 1962. С. 3–20.
3. Стоколос В. С. Культура населения бронзового века Южного Зауралья. М. : Наука, 1972. 168 с.
4. Стоколос В. С. Исследования Мезенско-Уральского отряда // Археологические открытия. 1981. М. : Наука, 1983. С. 174–175.
5. Стоколос В. С. Существовал ли новокумакский горизонт? // Советская археология. 1983. № 2. С. 257–264.
6. Стоколос В. С. Поселение Кизильское позднего бронзового века на р. Урал (по материалам раскопок 1971, 1980, 1981 гг.) // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Исторические науки. Вып. 2. Челябинск : Изд-во ЧГПУ, 2004. С. 207–236.

Сунгатов Фларит Абдулхаевич (р. 1958), археолог, кандидат исторических наук (1995). Выпускник Башкирского государственного университета (1986). Научные интересы связаны с миром раннесредневековых культур на территории современной Республики Башкортостан, особенно турбаслинской культуры. Ей была посвящена и его кандидатская диссертация — «Население среднего течения реки Белой в V–VIII вв. (турбаслинская культура)».

Носители этой культуры, по мнению Ф. А. Сунгатова, были гуннами. Среди памятников, в исследовании которых Ф. А. Сунгатов принял деятельное участие, — городище Уфа II. Среди изученных им памятников — поселения Олаир, Таналык, Каранаевский могильник, Дежневка и Чайка-1 на территории г. Уфа и ряд иных. Ф. А. Сунгатов автор более ста научных статей и нескольких монографий.

Сочинения

1. Сунгатов Ф. А. Турбаслинская культура (по материалам погребальных памятников V–VIII вв. н. э.). Уфа. : Гилем, 1998. 169 с.
2. Сунгатов Ф. А., Бахшиев И. И. Поселение эпохи поздней бронзы Олаир. Уфа : НПЦ МКНП РБ, 2008. 198 с. : ил.
3. Сунгатов Ф. А. и др. К проблеме городов Южного Урала эпохи Средневековья. Уфа : САМРАУ, 2018. 335 с.
4. Исмагил Р., Сунгатов Ф. А. Памятники яицкой культуры последней четверти V — IV в. до н. э. на Южном Урале. Уфа : Белая река, 2013.
5. Мажитов Н. А., Сунгатов Ф. А., Султанова А. Н. Сокровища древней Уфы : альбом. Уфа : ГУП ГРИ Башкортостан, 2008. 112 с. : ил.

Таиров Александр Дмитриевич (р. 1955), археолог, доктор исторических наук (2005). Выпускник исторического факультета Карагандинского государственного университета (1979). Тема докторского исследования — «Ранние кочевники урало-казахстанских степей в VII–II вв. до н. э.». А. Д. Таиров — специалист по истории ранних кочевых народов Евразии. Подготовку как археолог прошел в отрядах Северо-Казахстанской и Урало-Казахстанской (ЧелГУ) археологических экспедиций. Спектр научных интересов А. Д. Таирова не ограничивается проблематикой кочевого мира Евразии раннего железного века. Он живо интересуется как динамикой природно-климатических изменений в Центральной Евразии в II–I тыс. до н. э., так и маршрутами караванных путей из Средней Азии через просторы Казахстана к Южному Уралу и Западной Сибири. А. Д. Таиров участвовал в реконструкции облика надмогильного дерново-земляного сооружения раннего железного века у известной Башни Тамерлана, руководил воссозданием на территории музея-заповедника «Аркаим» подкурганного склепа знатной кочевой семьи V–IV вв. до н. э. по материалам раскопок кургана Темир в Чесменском районе Челябинской области. А. Д. Таировым на протяжении многих лет исследовались археологические памятники Южного Зауралья и Казахстана, принадлежавшие различным периодам древней и средневековой истории. С его именем связано, в частности, изучение могильника бронзового века Путиловская Заимка II на р. Уй в Троицком районе Челябинской области, Большого Климовского кургана в Чесменском районе, кургана «с усами» Солончанка I на севере Оренбургской области, могильника Магнитный в Агаповском районе, курганного могильника раннего железного века Кичигино у г. Южноуральска. В ходе раскопок Кичигинского могильника была

получена уникальная коллекция золотых или обтянутых золотом предметов — знаки власти и украшения лицевой стороны горита, выполненные в знаменитом скифо-сибирском стиле декоративно-прикладного искусства. А. Д. Таиров в 1980-е гг. возглавил работу по созданию «Свода археологических памятников Челябинской области». Он является автором более 200 научных статей и около десяти монографий. А. Д. Таиров в своих трудах предложил авторскую периодизацию истории кочевых обществ раннего железного века Южного Урала и сопредельных регионов. В составе авторского коллектива в начале 2000-х гг. участвовал в написании двухтомной «Древней истории Южного Зауралья», в которой его перу принадлежит раздел «Ранний железный век». Разработал и ввел в археологический научный оборот концепцию пастбищно-кочевой системы хозяйствования кочевых народов Казахстана и Южного Урала в периоды раннего железного века и Средневековья.

Сочинения

1. Таиров А. Д. Торговые коммуникации в западной части Урало-Иртышского междуречья. Челябинск : Челяб. гос. ун-т : Природ.-ландшафт. и ист.-археол. центр «Аркаим», 1995. 43 с.
2. Таиров А. Д. Ранний железный век // Древняя история Южного Зауралья. Челябинск, 2000. Т. 2. С. 3–206.
3. Таиров А. Д. Изменение климата степей и лесостепей Центральной Евразии в II–I тыс. до н. э. : материалы к ист. реконструкциям. Челябинск : Рифей, 2003. 68 с.
4. Таиров А. Д. Кочевники урало-казахстанских степей в VII–VI в. до н. э. : монография. Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2007. 274 с. : ил.
5. Таиров А. Д. Южный Урал в эпоху ранних кочевников // История Южного Урала : в 8 т. Т. 3. Челябинск : Издат. центр ЮУрГУ, 2019. 400 с.
6. Боталов С. Г., Таиров А. Д., Арканов С. М. Комплексы кочевой аристократии Южного Урала : альбом / под ред. С. Г. Боталова, Н. О. Ивановой. Челябинск : Издат. центр ЮУрГУ, 2013. 328 с.

Ткачев Виталий Васильевич (р. 1968), археолог, кандидат исторических наук (2003). Выпускник исторического факультета Актюбинского педагогического института им. Х. К. Жубанова (1992). Тема диссертационного исследования — «Степное Приуралье на рубеже эпохи средней и поздней бронзы (по материалам погребальных памятников)». Специалист по бронзовому веку Урало-Казахстанского региона, опубликовал свыше 140 научных работ. В. В. Ткачевым открыты и исследованы разнообразные поселения, могильники, рудники, культовые объекты, мемориальные комплексы в степном Приуралье, южных отрогах Урала и Мугоджарах, разработана оригинальная концепция культурогенеза позднего бронзового века в степных районах Южного Приуралья и Западного Казахстана. В результате исследований в области горной археологии и археометаллургии им выделен Уральско-Мугоджарский горно-металлургический центр эпохи поздней бронзы. На основе ландшафтно-археологических исследований в Уральско-Мугоджарском регионе с привлечением историко-этнографических данных В. В. Ткачевым детально изучены адаптационные стратегии степного скотоводческого насе-

ления и реконструированы формы реализации пастушеской модели металлопроизводства в позднем бронзовом веке. Исследователем установлено, что сложившаяся в регионе хозяйственно-культурная система характеризуется гармоничным сочетанием мобильного скотоводства, основанного на сезонной ротации пастбищ и водных источников, с отдельными технологическими стадиями горно-металлургического производства. Она была максимально приспособлена к особенностям локальных степных экосистем и позволяла сохранять их динамическое равновесие за счет рационального использования природно-ресурсного потенциала.

Сочинения

1. Ткачев В. В. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы : монография. Актобе : Актюб. обл. центр истории, этнографии и археологии, 2007. 384 с.

2. Ткачев В. В. Уральско-Мугоджарский горно-металлургический центр эпохи поздней бронзы // Российская археология. 2011. № 2. С. 43–55.

3. Ткачев В. В. Формирование культурного ландшафта Уральско-Мугоджарского региона в позднем бронзовом веке: освоение меднорудных ресурсов и стратегия адаптации к условиям горно-степной экосистемы // Stratum Plus. Археология и культурная антропология. 2017. № 2. С. 205–230.

4. Ткачев В. В., Хаванский А. И. Керамика синташтинской культуры : монография. Орск ; Самара : Изд-во ОГТИ, 2006. 180 с.

5. Tkačev V. Vom Ural bis zum Aralsee: Viehzüchter, Bergleute und Metallurgen des Paläometallikums (Äneolithikum — Bronzezeit) // Unbekanntes Kasachstan — Archäologie im Herzen Asiens. Katalog der Ausstellung des Deutschen Bergbau-Museums Bochum vom 26. Januar bis zum 30. Juni 2013. Band I. Bochum : Deutsches Bergbau-Museum, 2013. S. 157–166.

6. Tkachev V. Local versions realizing the pastoral model of metal production in conditions of the steppe ecosystems in the Urals-Mygodzhary region in the Late Bronze Age // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science, Volume 817, Ninth International Symposium «Steppes of Northern Eurasia», 7–11 June 2021, Orenburg, Russian Federation. Orenburg : IOP Publishing, 2021. P. 012107.

Толмачев Владимир Яковлевич (1876–1943), археолог, краевед. В 1897–1914 гг. обследовал берега рек и озер современной Челябинской (р. Синара, Багаряк, Караболка, Уй, Миасс; оз. Большие Аллаки), юга Свердловской (р. Исеть, оз. Шигирское и Исетское) и Курганской (р. Исеть и Тобол) областей. Разведочное обследование завершилось созданием в 1915 г. «Археологической карты Урала» (более 400 памятников археологии). Совместно с В. П. Бирюковым в 1914 г. исследовал разрушающийся Бакланский могильник на р. Миасс в современном Каргапольском районе Курганской области. В трех выпусках «Записок Уральского общества любителей естествознания» В. Я. Толмачев опубликовал свое фундаментальное исследование «Древности Восточного Урала», в котором попытался детально описать основные археологические коллекции музея Уральского общества любителей естествознания, прежде всего находки из известного Шигирского торфяника. Эта работа В. Я. Толмачева до сих пор востребована учеными.

Сочинения

1. Толмачев В. Я. Древности Восточного Урала // Записки Уральского общества любителей естествознания. 1913. Т. 32, вып. 2 ; 1914. Т. 34, вып. 8–12 ; Свердловск, 1927. Т. 40, вып. 2.
2. Толмачев В. Я. Деревянный идол из Шигирского торфяника // Известия Археологической комиссии. Петроград, 1916.

Федоров Виталий Кимович (р. 1962 г. р.), кандидат исторических наук (2002). Обучался в Башкирском государственном университете и Башкирском государственном педагогическом университете. Тема кандидатского исследования «Культ Сомы/Хаомы у ранних кочевников степей Евразии (на материалах костяных ложечек из южноуральских погребений VI века до нашей эры — IV века нашей эры)». По окончании вуза работал в республиканском Национальном музее, преподавал в Восточной экономико-юридической гуманитарной академии (ВЭГУ). Ныне научный сотрудник Института этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра РАН. В сферу научных интересов В. К. Федорова, помимо прочего, входит археологическая проблематика, связанная с историей кочевых обществ Южного Урала раннего железного века. С 1987 г. участвует в различном статусе в полевых археологических исследованиях разновременных памятников, таких как позднелитическое святилище в пещере Заповедная, поселения и курганы более поздних периодов древней и средневековой истории Южного Урала. С 1989 г. ведет самостоятельные полевые археологические исследования. Автор более ста научных публикаций, в том числе двух монографий.

Сочинения

1. Федоров В. К. Костяные ложечки в колчанах ранних кочевников // Российская археология. 2013. № 2. С. 44–61.
2. Федоров В. К. Материалы к каталогу неизданных предметов из драгоценных металлов, найденных в кургане 1 Филипповского могильника // Пшеничнюк А. Х. Филипповка: Некрополь кочевой знати IV века до н. э. на Южном Урале. Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. С. 235–257.
3. Федоров В. К. Сведения о Южном Урале в письменных источниках древних индоиранцев // Документы и материалы по истории башкирского народа (с древнейших времен до середины XVI в.) / редкол.: Ф. Г. Хисаметдинова, А. В. Псянчин, В. В. Овсянников. Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. С. 70–104.
4. Федоров В. К., Рафикова Я. В. Бакшай. Древнее святилище Башкирского края. Уфа : Вост. печать, 2017. 176 с. : ил.
5. Рафикова Я. В., Федоров В. К. Курганы Южного Зауралья. Кн. 1. Учалинский и Абзелиловский районы Республики Башкортостан : монография. Уфа : Китап, 2017. 244 с. : ил.

Черных Евгений Николаевич (р. 1935), археолог, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН. Заведующий лабораторией естественно-научных методов Института археологии РАН. Создатель и глава научной школы археометаллургии. Е. Н. Черных, его ученики и последователи доказали, что в эпоху раннего металла (энеолит и бронзовый век) металлы и металлопроизводство сыграли роль мощного катализатора прогресса

человечества, запустившего механизм устойчивых связей между различными, часто весьма удаленными друг от друга обществами Евразии. Была проведена огромная работа по изучению древнейшего горного дела, металлургии и металлообработки в различных частях Северной Евразии. Создана гигантская база данных, включающая сведения о металлических изделиях, литейных формах, результатах спектрального и рентгено-флуоресцентного анализов и др. В итоге сформулирована авторская концепция о формировании и функционировании в эпоху раннего металла в Старом Свете системы металлургических провинций, состоявших из родственных и взаимосвязанных очагов металлургии и металлообработки. В 1960-е гг. Е. Н. Черных обследовал большинство известных геологам и археологам медных рудников Южного Урала и изучил геохимию их руд. В 1990-е гг. в пределах известного Каргалинского рудного поля на севере Оренбуржья Е. Н. Черных в течение нескольких лет изучал уникальное поселение древних горняков и металлургов срубной культуры Горный I. Результаты комплексного изучения памятника были опубликованы в пятитомной коллективной монографии «Каргалы». Справедливо заключить, что исследования Е. Н. Черных и его школы привели к кардинальному пересмотру современных представлений об эпохе раннего металла в Евразии.

Сочинения

1. Черных Е. Н. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М. : Наука, 1966. 144 с.
2. Черных Е. Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М. : Наука, 1970. 180 с.
3. Черных Е. Н. Древняя металлообработка на юго-западе СССР. М. : Наука, 1976. 302 с.
4. Черных Е. Н. Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии. София : Изд-во Болгар. АН, 1978. 388 с.
5. Каргалы : монография / сост. и науч. ред. Е. Н. Черных. М. : Яз. славян. культуры. Т. 1–5. 2002–2007.
6. Черных Е. Н. Степной пояс Евразии: феномен кочевых культур. М. : Рукопис. памятники Древ. Руси, 2009. 624 с.
7. Черных Е. Н. Культуры номадов в мегаструктуре Евразийского мира : в 2 т. М. : Яз. славян. культуры. 2013.
8. Черных Е. Н., Авилова Л. И., Орловская Л. Б. Металлургические провинции и радиоуглеродная хронология. М. : Ин-т археологии РАН, 2000. 95 с.
9. Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М. : Наука, 1989. 320 с.
10. Черных Е. Н., Кузьминых С. В. 切尔内赫 С. В. 库兹明内赫 著 欧亚大陆北部古代冶金 (塞伊马图尔宾诺现象) // Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). A Series of Studies of Turfan. [Перевод на китайский язык одноименной книги: М. : Наука, 1989]. Beijing, 2010. 308 p.
11. Chernykh E. N. Ancient Mining and Metallurgy in the USSR. The Early Metal Age. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1992. 416 p.

Чечушков Игорь Владимирович (р. 1982), кандидат исторических наук (2013), Doctor of Philosophy (2018). Выпускник социально-гуманитарного факультета Южно-Уральского государственного университета (2005), аспирант Института истории и археологии УрО РАН и Департамента антропологии

Университета Питтсбурга (США). Темы диссертационных исследований: «Колесничный комплекс степей Евразии (от Днепра до Иртыша»); «Bronze Age Human Communities in the Southern Urals Steppe: Sintashta-Petrovka Social and Subsistence Organization». С 2019 г. старший научный сотрудник Лаборатории междисциплинарных гуманитарных исследований Института истории и археологии УрО РАН, ассистирующий профессор университета Point Park (США). Область научных интересов И. В. Чечушкова связана с решением антропологических и социальных проблем негосударственных обществ различного демографического уровня: от малых родственных (?) коллективов до территориальных вожеств.

Сочинения

1. Чечушков И. В. «Зима близко»: городища бронзового века во вмещающем ландшафте (опыт гис-анализа) // Геоархеология и археологическая минералогия, 2018. С. 171–178.
2. Кони, колесницы и колесничие степей Евразии. Екатеринбург ; Самара ; Донецк : Рифей, 2010. 370 с. (В соавт.)
3. Древнее Устье: укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье. Челябинск : Абрис, 2013. 484 с. (В соавт.)
4. Таинство этнической истории древнейших номадов степной Евразии. Алматы : Казах. науч.-исслед. ин-т культуры : Остров Крым, 2014. 454 с. (В соавт.)
5. Псалии с поселения Каменный Амбар // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 3 (59). С. 60–68. (В соавт.)
6. Архитектурно-планировочные решения синташтинско-петровских поселений: проблема интерпретации // Российская археология. 2018. № 3. С. 75–93. (В соавт.)
7. Происхождение и социальная функция элит в ранних комплексных обществах бронзового века степной Евразии: узурпация или адаптация? (по материалам поселения Каменный Амбар) // Stratum Plus. 2018. № 2. С. 149–166. (В соавт.)
8. Steppe Chariots and Social Complexity during the Bronze Age // Journal of World Prehistory. 2018. No. 31 (4). P. 435–483. (В соавт.)
9. Early horse bridle with cheekpieces as a marker of social change: An experimental and statistical study // Journal of Archaeological Science. 2018. No. 97. P. 125–136. (В соавт.)

Шилов Степан Николаевич (1972–2010), археолог, кандидат исторических наук (1997). Тема исследования — «История археологического изучения Южного Зауралья (вторая половина XVIII — 90-е гг. XX века)». Археологическую подготовку прошел в экспедициях Курганского государственного университета, историко-филологический факультет которого окончил в 1994 г. В 1995 г. возглавил археологическую лабораторию КГУ. С. Н. Шилов — исследователь серии археологических памятников Зауралья. Наиболее масштабные работы произведены им на эпонимном Алакульском могильнике бронзового века в Щучанском районе. Автор около 40 научных публикаций.

Сочинения

1. Шилов С. Н. Средневековый могильник Усть-Суерское IV // Земля Курганская: прошлое и настоящее. Вып. 2. Курган, 1991. С. 7–9, 190.
2. Шилов С. Н. Вклад В. П. Бирюкова в археологическое изучение Зауралья // В. П. Бирюков — ученый, писатель, краевед. Земля Курганская: прошлое и настоящее. Вып. 7. Курган, 1994. С. 24–27.
3. Шилов С. Н. К вопросу местонахождения Салтысаранской крепости эпохи позднего Средневековья II // Земля Курганская: прошлое и настоящее. Вып. 8. Курган, 1994. С. 80–82.

4. Шилов С. Н. Введение // История Курганской области (с древнейших времен до 1861 г.). Т. 1. Курган, 1995. С. 27–40.
5. Шилов С. Н. История археологического изучения Южного Зауралья (вторая половина XVIII — 90-е гг. XX в.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курган : КГУ, 1997.
6. Шилов С. Н., Исмагил Р. Б., Котов В. Г., Банников А. Л. Уникальный бронзовый кинжал из Казак-Кочердыка (Курганская область): типология и семантика // Уфимский археологический вестник. Вып. 4. Уфа, 2003. С. 163–198.
7. Тигеева Е. В., Новиков И. К., Шилов С. Н. Металлокомплекс эпохи бронзы Алакульского могильника (типология и технология изготовления) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 4 (35). С. 18–32.

Широков Владимир Николаевич (р. 1958), археолог. Выпускник исторического факультета Уральского государственного университета (1986), специалист по периоду палеолита и древним наскальным изображениям (Институт истории и археологии Уральского отделения РАН). Сотрудник лаборатории археологических исследований УрГУ (1980–1986), младший научный сотрудник (1986–1988), научный сотрудник, старший научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН. Практическую подготовку прошел в Уральской археологической экспедиции (Уральский государственный университет) у известного археолога В. Т. Петрина. Много лет посвятил поиску и изучению древних наскальных рисунков — от настенной живописи палеолитического периода в пещерах Игнatieвская (Ямазы-таш) и Серпиевская II (Колокольная) на р. Сим в Катав-Ивановском районе Челябинской области до рисунков святилищ средневековых обитателей горно-лесной части Южного Урала. Из палеолитических стоянок Южного Урала, исследованных В. Н. Широковым, следует назвать прежде всего стоянки Богдановка на р. Урал и Троицкая I на р. Уй. В. Н. Широков автор более 50 научных публикаций. Особо следует отметить его книгу, посвященную древнему искусству Урала и предназначенную для учителей.

Сочинения

1. Широков В. Н. Древнейшее искусство уральских пещер : пособие для учителя и учащихся. Екатеринбург : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1995. 80 с.
2. Широков В. Н. Уральские писаницы / науч. ред. В. Д. Викторова. Екатеринбург : АМБ, 2009. 128 с. : ил.
3. Широков В. Н., Волков Р. Б., Косинцев П. А., Лаптева Е. Г. Палеолитическая стоянка Богдановка (Южный Урал) // Российская археология. 2011. № 1. С. 125–139.
4. Широков В. Н., Р. Б. Волков Р. Б., Г. М. Нестерова Г. М. Палеолит и мезолит Урала : учеб. пособие. Екатеринбург, 2005. 159 с.
5. Широков В. Н., Косинцев П. А., Волков Р. Б. Палеолитическая стоянка на р. Уй // Новое в археологии Южного Урала : сб. науч. тр. Челябинск : Рифей, 1996. С. 3–17.
6. Широков В. Н., Петрин В. Т. Искусство ледникового века. Игнatieвская и Серпиевская 2 пещеры на Южном Урале. Екатеринбург, 2013. 190 с.
7. Широков В. Н., Чаиркин С. Е. Наскальные изображения Северного и Среднего Урала / науч. ред. В. Д. Викторова. Екатеринбург : Ажур, 2011. 182 с. : ил.

Научно-популярное издание

Виноградов Николай Борисович

Южный Урал в древности и Средневековье

Научно-популярный очерк

Редактор, корректор *И. Н. Козырева*

Верстка *И. Н. Козыревой*

Доктор исторических наук (2007) Николай Борисович Виноградов более полувека, если считать со студенческих лет, отдал служению археологии. Ему посчастливилось участвовать в раскопках разнообразных памятников древней истории: древнегреческого города Ольвия на берегу Днепровско-Бугского лимана в Северном Причерноморье, сасанидского замка Ак-депе у Артыка, усадьбы парфянских земледельцев Гарры-Кяриз у подножия гор Копетдага в Южной Туркмении, укрепленного поселения степных скотоводов бронзового века Петровка II, могильников бронзового века Улубай, Бектениз, Графские Развалины в Северном Казахстане. И, наконец, известных сегодня во всем мире укрепленного поселения бронзового века Синташта I и Синташтинского могильника на крайнем юге Челябинской области.

Сотни километров были пройдены им пешком и преодолены на автомобиле в ходе археологической разведки по подгорной полосе Копетдага в Туркмении в 1970 году.

Первый открытый лист (разрешение на производство самостоятельных археологических исследований от АН СССР) Николай Борисович получил в далеком 1975 году.

В 1970–1980-е годы берега рек степного юга Челябинской области и просторы лесостепей Курганской области открыли ему и студентам-археологам из основанной им в ЧГПИ в 1974 году археологической лаборатории свои древние тайны.

В Южном Зауралье Николай Борисович в течение ряда лет руководил исследованием целой серии замечательных памятников бронзового века (поселение Кулевчи III, укрепленное поселение Устье I, могильники Кривое Озеро и Кулевчи VI). По материалам раскопок трех последних памятников подготовлены монографии.

Николай Борисович Виноградов автор восьми монографий, более 140 научных статей. Принимал активное участие в создании и развитии детского археологического движения в Южном Зауралье. В качестве автора или члена авторского коллектива участвовал в подготовке разнообразных учебных программ и пособий для общеобразовательной школы («Страницы древней истории Южного Урала», «Давай встретимся с народами Южного Урала!», «Челябинск. История моего города», «История Урала», «Краеведение» и других).

В археологической разведке по Куртамышскому району Курганской области. Деревня Белое. 1987 г.
Фото С. Баязитова